

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск *А.И. Корсак*.
Редактор *И.Н. Чапкевич*.

Подписано к печати 17.09.2021. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 19,62. Тираж 100 экз. Заказ 598.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 (476) “1633-1648”

**ВЫШЭЙШЫЯ ДЗЯРЖАЎНЫЯ ЁРАДНІКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
Ў ЧАС ПРАЎЛЕННЯ УЛАДЗІСЛАВА ВАЗЫ (1633 – 1648 гг.)**

*канд. гіст. навук, дац. В.У. ГАЛУБОВІЧ
(Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт)*

У артыкуле прадстаўлены некаторыя вынікі вывучэння структуры цэнтральных, а таксама вышэйшых лакальных дзяржаўных ураднікаў Вялікага Княства Літоўскага ў 30 – 40-я гады XVII стагоддзя. Кіруючы апарат княства складаўся з ураднікаў, адна частка якіх, у вузкім сэнсе, служыла дзяржаве, а іншая абслугоўвала манарха. На практыцы гэты падзел прысутнічаў не заўсёды. Сыходзячы з кампетэцый цэнтральнай бюракратыі ВКЛ, гэтая дзяржава выконвала мінімальны набор функцый, што было ўласціва для традыцыйных грамадстваў. У час праўлення Уладзіслава Вазы былі адноўлены старыя і ўведзены новыя ўрады, што прывяло да павелічэння колькасці ўраднікаў, якія служылі ўласна дзяржаве. Арыстакратычная мадэль рэкрутацыі палітычных эліт вызначала парадак прызначэння на пасады. Цэнтральныя і лакальныя ўрады размяркоўваліся манархам паміж некалькімі дзясяткамі шляхецкіх родаў, найбольш заможныя і аўтарытэтычныя з якіх манапалізавалі доступ да вышэйшых пасадаў у ВКЛ. Разам з тым, падчас гаспадарання Уладзіслава Вазы кар’ера на дзяржаўнай службе была даступна для асоб, якія не належалі да спадчыннай мясцовай арыстакратыі, больш таго, былі іншаземцамі на пошуканні.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, дзяржава, бюракратыя, ураднікі, шляхта, Радзівілы, Сапегі.

Уводзіны. У апошнія дзесяцігоддзі ў айчынай гістарыяграфіі заўважнай стала тэндэнцыя да больш грунтоўнага пераасэнсавання мінулага дзяржаўных інстытутаў, якія ў розныя часы функцыянавалі на беларускіх землях. Належнае месца ў гэтым кантэксце паступова атрымлівае і характарыстыка эпохі Вялікага Княства Літоўскага ў час існавання Рэчы Паспалітай. Найбольш свежым прыкладам апошняга з’яўляецца першы том “Гісторыі беларускай дзяржаўнасці” [1, с. 364–395, 487–503]. Аднак, пры ўсёй сімпатыі да гэтай спробы выявіць спецыфіку і айчыны кампанент дзяржаўнасці ВКЛ, нельга не звярнуць увагу на тое, што шмат у чым яна механічна працягвае лінію, задэклараваную беларускай гістарыяграфіяй яшчэ ў 1920-х гадах, што выдатна відаць па грунтоўным даследаванні Васіля Дружчыца [2]. Справа ў тым, што і ранейшыя, і апошнія працы заставаны на экспазіцыю сведчанняў захавання знешніх прыкмет дзяржаўнасці і элементаў незалежнасці ВКЛ. Гэта пагоня за спецыфікай пакінула ў цені пытанні, якія ўласна датычацца дзяржавы (княства) як сацыяльнай канструкцыі, зрабіла незаўважнай эвалюцыю дзяржаўнай машыны на працягу ўсёй пасляўнішняй эпохі. Між тым, нішто так ярка не характарызуе дзяржаву, як яе галоўны атрыбут – апарат кіравання, а таксама парадак фарміравання ці рэкрутацыі ўраднікаў. Апошняя акалічнасць вымушае нас канстатаваць, што амаль незапатрабаванай застаецца нават даступная інфармацыя, якая адносіцца да характарыстыкі як уласна дзяржаўнай бюракратыі, так і ўладнай эліты ў шырокім сэнсе. Гэта тым больш дзіўна, што яшчэ ў XIX – XX стст. былі апублікаваны неабходныя даведаныя матэрыялы [3; 4].

Дадзены артыкул фактычна з’яўляецца спробай запоўніць відавочны прабел і засведчыць наяўнасць значнага патэнцыялу ў даследаванні дзяржавы як сацыяльна-палітычнага інстытута. Дзеля апошняга і большай ілюстратыўнасці абмяжуем наш аналіз эпохай праўлення Уладзіслава Вазы (1633 – 1648 гг.). Фонавая гістарыяграфія абранага перыяду даволі аб’ёмная, таму згадаем толькі некалькі прац, якія маюць найбольшую каштоўнасць і непасрэдна датычацца акрэсленай праблемы. У першую чаргу, трэба згадаць даследаванне палітычнай эліты ВКЛ сярэдзіны XVII ст., здзейсненае польскім гісторыкам Генрыхам Люлевічам [5]. Таксама, нельга не згадаць узорную, з метадалагічнага пункта гледжання, працу пра ўрадніцкую эліту Польскага Каралеўства ў першай палове XVII ст., падрыхтаваную Крыштафам Хлапоўскім [6].

Цэнтральная дзяржаўная бюракратыя. На момант пераходу ўлады да Уладзіслава Вазы цэнтральны “апарат” беларуска-літоўскага кампанента Рэчы Паспалітай з сучаснага пункта гледжання можна было б назваць мінімальным. Новы манарх у “Пактах канвента” спецыяльна забавязваўся не змяншаць колькасць ураднікаў. Больш таго, на элекцыйным сойме Уладзіслаў Ваза абяцаў увесці новыя ўрады, у прыватнасці, генерала артылерыі (старшага над гарматамі) [7, с. 363–364]. Колькасць усіх ураднікаў ВКЛ абмяжоўвалася некалькімі дзясяткамі асоб. Так, Жыгімонт Ваза на 1632 г. меў максімум 37 урадоўцаў, прычым некаторыя з іх былі ўмоўна-намінальнымі (рэгенты дзвюх канцылярыяў, віцэінстыгатар) ці выступалі спарадычна (падстолі). Акрамя таго, былі і агульныя з Польшчай службоўцы, такія як паштмайстар. Структура ўрадаў ВКЛ даволі выразна адлюстроўвае мэты і інтарэсы гэтай дзяржаўнай канструкцыі. Адрозна варта адзначыць, што цэнтральны дзяржапарат складаўся з так званых *ураднікаў вялікага княства* (officiales magni ducatus) і *ураднікаў манарха* (officiales aulae magni ducatus). Дарэчы, адсутнасць блытаніны ў гэтым пытанні выразна ўсведамлялася і ў XVII ст., што сведчыць пра разуменне аўтаноміі ўласна дзяржавы і ўладара [3, с. 198; 4, с. 10]. З практычнага пункта

гледжання, даволі складана правесці сепарацыю цэнтральнай бюракратыі, паколькі дзяржаўныя ўраднікі падпарадкоўваліся манарху, а дворскія функцыі выконвалі на справе некаторыя земскія ўрадоўцы, як земскі падскарбі, які фактычна адказваў і за скарб вялікага князя. Тым не менш, звяртае на сябе ўвагу тое, што дворска-тытулярная частка складалася з 15 ураднікаў, што трансфармуецца ў 40% усіх урадаў. Уласна дзяржаўны апарат у ліку 22 асоб (60% цэнтральных ураднікаў) можна падзяліць на тры, у сваю чаргу, узаемна пераплеценныя блокі: *вайсковы, фінансавы і судова-канцэлярскі*. За першыя два адказвалі адпаведна чатыры і пяць асоб, за трэці – трынаццаць. Сухі баланс дазваляе зрабіць выснову пра тое, што дзяржаўная бюракратыя ВКЛ была абмежавана даволі вузкім спектрам універсальных абавязкаў: *працавала на абслугоўванне асобы кіраўніка дзяржавы, знешнюю бяспеку, збор падаткаў, ажыццяўленне вышэйшай справядлівасці і дакументазварота*.

Неразвітая структура ўрадаў была спадчынай і адлюстроўвала рэальны ўзровень запатрабаванасці ў дзяржаўных паслугах. Яна адпавядала традыцыйнаму грамадскаму парадку і фактычна цэментавала яго развіццё. Цяжка было з такім апаратам прэтэндаваць на рашаючую ролю дзяржавы ў жыцці грамадства. Вышэйшая бюракратыя ВКЛ фактычна складалася з вузкага кола асоб, але і з іх ліку частка не мела рэальнай палітычнай вагі. Уласна *ўладная эліта* княства, па вызначэнні К. Хлапоўскага [6, s. 6], складалася з некалькіх асоб, сярод якіх ключавую ролю адыгрывалі так званыя міністры (гетманы, маршалкі, пячатары і падскарбіі). Іерархія ўрадаў была так выбудавана, што не давала шансаў ніводнай, акрамя кулуарна-аўтарытарнай, мадэлі кіравання дзяржавай: манарха выбіралі, але грамадства праз адпаведны інстытут (сойм) не ўплывала на кадравыя рашэнні ўладара. “Перадавы” вопыт палякаў нічога для гэтага не даваў. *Вышэйшым свецкім ураднікам ВКЛ*, дэ юрэ другой асобай пасля вялікага князя, быў *вялікі маршалак* [4, s. 71]. Пасаду гэту займалі пры Уладзіславе Вазе тры асобы. Першым быў даўні сябар манарха *Ян Станіслаў Сапега*, чалавек псіхічна неўраўнаважаны і фактычна хворы, тым не менш, здольны да ўдзелу ў публічных мерапрыемствах [8, с. 276–277]. Пасля смерці Сапегі ў 1635 г. пасада перайшла да *Крыштапа Весялоўскага*, які на працягу двух гадоў “пярышываў” у іерархіі княства і памёр у красавіку 1637 г. [4, s. 73–74]. К. Весялоўскі быў адным слугой манархіі, каталіком і рэгалістам, які актыўна падтрымаў Жыгімонта Вазу ў час рокашу Зэбжыдоўскага. Нездарма ў 1623 г. ён атрымаў урад дворнага маршалка [9, s. 324–325]. Па адзнаках сучаснікаў, К. Весялоўскі на момант намінацыі ўжо перажыў актыўны этап жыцця, звязаны з жаданнем славы “*вялікага палітыка*”, і быў для манарха фігурай зручнай, бо пасіўнай: ужо ў 1636 г. ён меў рэпутацыю ўрадніка, які “некалькі год” ігнараваў працу ў сенаце [10, s. 254–255]. Яго пераемнікам стаў *Аляксандр Людвік Радзівіл*, надворны маршалак у 1635 – 1637 гг., які атрымаў урад пад ціскам Раздзівілаўскага клана: кароль быў вымушаны адмовіць у намінацыі К.Л. Сапезе [4, s. 74]. Большая частка праўлення Уладзіслава Вазы супала з маршалкоўствам А. Л. Радзівіла, які быў шчыльна звязаны з дваром, у тым ліку і праз шлюб (трэці брак магнат заключыў з Лукрэцыяй Марыяй Строцы, дамай з французскай каралевы), хаця асабістыя адносіны з манархам не заўсёды былі добрымі [11, s. 153]. Вельмі істотна, што ў асобе Радзівіла Вялікага Княства атрымала палітыка, які быў здольны адстойваць прэрагатывы літоўскіх ураднікаў ад прэтэнзій іх польскіх калег. Красамоўна пра гэта сведчыць гісторыя спрэчкі паміж каронным і літоўскім маршалкамі, якая скончылася выданнем 21 траўня 1647 г. пастановы “*Парадак паміж маршалкамі ...*”. Гэта пастанова вызначыла выпадкі старшынства гэтых ураднікаў [11, s. 152–153; 12, s. 140–141]. Абараняючы прэрагатывы свайго ўрада, А.Л. Радзівіл аб’ектыўна адстойваў і дзяржаўныя інтарэсы ВКЛ.

Вельмі важна адзначыць, што 1630 – 1640-я гады былі часам як абнаўлення генерацый эліт ВКЛ, так і звычайных перастановак, выкліканых смерцю ўраднікаў. На гэта ўплывалі патрэбы ўласна дзяржавы, але ў яшчэ большай ступені – сімпатыі ці антыпатыі манарха, які сыходзіў з асабістых інтарэсаў і рэагаваў на змены ў дынамічным палітычным працэсе, дзе “размеркаванне” ўрадаў было важнейшым сродкам маніпуляцыі буйнымі палітычнымі гульцамі [13, с. 39–41].

Але магчымасці манарха не былі неабмежаваныя. Права карыстацца выгодамі намінацыі ўраднік атрымліваў пажыццёва. Перамясціўшы ці змяніўшы амаль усіх, тым не менш, на рашэнні свайго бацькі ў адносінах трох асоб Уладзіслаў Ваза не быў у сілах паўплываць. Першай з іх быў знакаміты і дасведчаны палітык Альбрэхт Станіслаў Радзівіл, які атрымаў намінацыю на канцлерства ў 1623 г., другім быў Мікалай Крыштап Халецкі, мечнік ВКЛ у 1615 – 1650 гг., трэцім – Станіслаў Нарушэвіч, вялікі пісар ВКЛ у 1630 – 1650 гг. [4, s. 53, 98, 132].

На колькі ўдалай была кадравая палітыка Уладзіслава Вазы з пункта гледжання інтарэсаў дзяржавы? Пытанне гэта не рытарычнае. Многія намінацыі манарха выклікалі незадаволенасць, а некаторыя з прызначэнняў не гарантавалі ад канфрантацыі ў будучым: чаго варты толькі выпадак з віленскім ваяводай Крыштапам Радзівілам [14]. Дарэчы, з пункта гледжання перспектывы, стаўка на ляльнасць да дзяржавы прадстаўнікоў рэлігійных субкультур сябе не апраўдала: пазней некаторыя намінаваныя ім асобы сябе паказалі неадназначна. Так, Януш Радзівіл і Грыгоры Мірскі ў адносінах да Рэчы Паспалітай з часам выявілі нявернасць [15, s. 213–214; 4, s. 191]. Кур’ёзам намінацыйнай палітыкі Уладзіслава Вазы можа быць гісторыя Фелікса Яна Паца, асобы, якая ці не самы працяглы час у гісторыі ВКЛ займала адну дзяржаўную пасаду: прызначаны ў 1646 г. падкаморыям ВКЛ, Пац затрымаўся на гэтым урадзе аж да 1698 г. [4, s. 151].

“*Рэформы*” *Уладзіслава Вазы*. Для ўрадніцкай іерархіі ВКЛ эпоха Уладзіслава Вазы была кропкай экстэнсіўнага росту. Манарх паспеў павялічыць колькасць урадаў як на агульнадзяржаўным, так і на павятовым узроўні. Сярод новаўтвораных цэнтральных пасадаў былі: *вялікі абозны* (1633 г.), *генерал артылерыі* (1634 г.), *вялікі стражнік* (1635 г.), *дэкрэтовы пісар* (1645 г.) [4, s. 101, 37, 191, 105]. Урады гэтыя адносіліся да ліку

дзяржаўных (*officiales magni ducatus*). Часткова яны былі ўтвораны шляхам дыферэнцыяцыі функцый, раней прыпісаных да іншых пасадаў. Так, абавязкі генерала артылерыі выконваў да 1634 г. земскі падскарбі ВКЛ. Праўда, рэальная роля гэтага “генерала” нівеліравалася ўскладаннем надалей пэўнай адказнасці за артылерыю і арсенал на земскага падскарбія ВКЛ [4, s. 155]. Цікава, што іерархія пашыралася, у першую чаргу, за кошт так званай вайсковай бюракратыі. Увядзенне новых урадаў было адказам на ўскладненне знешнепалітычнай сітуацыі ў пачатку праўлення Уладзіслава Вазы, але фармальнай падставай было бясконцае ўраўнанне каронных і літоўскіх урадаў, як у выпадку з прызначэннем вялікага абознага, вялікага стражніка і дэкрэтовага пісара. Персанальны склад прызначаных асоб сведчыў, што манарх не арыентаваўся на выпадковых людзей і падпісваў намінацыі прафесійным вайскоўцам. Праўда, не ўсе яны ў будучыні прайшлі выпрабаванне прысягай, як першы вялікі стражнік ВКЛ – Грыгоры Мірскі [4, s. 191].

Прафесійнымі крытэрыямі кіраваўся Уладзіслаў і ў адносінах прызначэння апарату, які ажыццяўляў дзяржаўнае справаводства. Сама служба ў канцылярыях давала шансы для кар’ернага росту нават шляхціцам без так званых магнацкіх і мясцовых беларуска-літоўскіх каранёў, як было з Цыпрыянам Паўлам Бжастоўскім [4, s. 105, 201; 16, s. 48]. Важна таксама адзначыць, што час праўлення Уладзіслава сінхранізуецца са з’яўленнем сталых *ланцужоў* звестак пра рэгенту вялікай і меншай канцылярый ВКЛ, што можна лічыць элементам росту ці прынамсі эвалюцыйнага ўпарадкавання дзяржаўнай бюракратычнай машыны [4, s. 175–179]. Штат дзяржканцылярый уключаў канцлер і падканцлер, што ў пэўнай ступені прыватывала апарат кіравання, але з’яўленне пасады рэгента, якога прызначаў манарх пасля прадстаўлення пячатара, фармальна рабіла канцылярый больш падкантрольнымі манарху [4, s. 175, 178].

Даволі характэрна, што развіццё некаторых важных для дзяржавы накірункаў дзейнасці ў Каралеўстве Польскім, а потым і ва ўсёй Рэчы Паспалітай, адбывалася з актыўным саўдзелам сямействаў немясцовага паходжання. Цікавым быў прыклад стварэння паштовай службы. Польская каралеўская пошта была абавязана з’яўленню прадпрымальнаму італьянцу, купцу і банкіру Себасціяну Мантэлупі, які атрымаў ад Жыгімонта Аўгуста дазвол на ажыццяўленне адпаведных паслуг з 1 лютага 1569 г. [17, s. 668–669]. Прадстаўнікі сям’і Мантэлупі ў другой палове XVI ст. і ў XVII ст. фактычна манапалізавалі гэту сферу паслуг двару [18, s. 671; 19, s. 670], што сведчыць пра ўніверсальнасць і банальнасць сацыяльнай механікі, якая ва ўсе часы працавала аднолькава, у адпаведнасці з прынцыпамі кланавасці і спадчыннасці.

Прававой падставай для ўзнікнення ўласна дзяржаўнай паштовай службы Рэчы Паспалітай была канстытуцыя «*Пошты*», прынятая на сойме 1620 г. [7, s. 183]. Пры Жыгімонце паштовая ўстанова функцыянавала як агульная для ўсёй Рэчы Паспалітай. Арганізатарам і кіраўніком яе быў Дамінік Мантэлупі, а пасля яго смерці ў 1623 г. загадваў дзяржкамунікацыяй яго брат Караль Мантэлупі [20, s. 666–667; 21, s. 667]. Пры Уладзіславе Вазе, пры захаванні фармальнай зверхнасці К. Мантэлупі, быў утвораны асобны філіял дзяржпошты ў Вільні на чале з Бэрэнтам Фогтам, прызначаным дырэктарам у 1645 г. [4, s. 140]. Замежную, у прыватнасці, нямецкую, фізіяномію дзяржпошта ВКЛ захоўвала да XVIII ст. [4, s. 140–141].

Пры Уладзіславе Вазе павялічылася і колькасць прыдворных ураднікаў, адбылася іх пераструктурызацыя. Адным з галоўных новаўвядзенняў было аднаўленне ў ВКЛ урада падкаморыя, якога не прызначалі з XVI стагоддзя. Сам факт выцягвання з мінулага гэтага ўрада можна разглядаць як частку новай кадровай палітыкі. Справа ў тым, што Уладзіслаў не проста аднавіў пасаду, але зрабіў падкаморства *вышэйшым урадам у прыдворнай іерархii*. Відавочна, што гэта было зроблена з мэтай прасоўвання сваіх пратэжэ: у лютым 1633 г. першым падкаморыям стаў Януш Радзівіл [4, s. 151]. Пасада гэта фактычна была формай падтрымкі манарха Крыштапам Радзівілам, уплывовым лідарам пратэстантаў ВКЛ, які, з аднаго боку, разглядаў намінацыю як спосаб ушанавання ўсяго Дома Радзівілаў, а з іншага – праз сына Януша фактычна атрымліваў магчымасць прасоўваць інтарэсы на двары [22, s. 36–37, 42–64].

Сярод іншых урадаў, якія спрабаваў рэанімаваць Уладзіслаў, была пасада *мастаўнічага*, якім у 1634 г. стаў Войцех Курапатва, але не вядома, ці ён, ці хто іншы займаў гэты ўрад на момант смерці манарха. Сама практыка прызначэння мастаўнічых не прыжылася як з XVII ст., так і ў наступным стагоддзі [4, s. 101]. З 1630-х гадоў скончылася практыка прызначэнні *спіжарнага і карэннага ВКЛ*: апошнім намінаваным быў Адам Воўк, які згадваецца з тытулам з 1634 г. па 1637 г. Адначасова з’яўляючыся старадубскім павятовым ўраднікам, ён захоўваў гэты тытул да смерці ў 1652 г. [4, s. 185–186; 23, s. 300, 282, 329].

Акрамя таго, Уладзіслаў фактычна замацаваў практыку прызначэння такога ўрадніка, як *лоўчы надворны*. Цікавы тут сам факт жадання манарха бачыць на гэтай пасадзе немца, які дэ факта не меў намінацыі з прычыны нязгоды шляхты ВКЛ, але выконваў адпаведную службу мінімум з 1641 г., больш таго, у 1668 г. перадаў на падставе “рэзыгнацыі” ўрад сыну [4, s. 69].

Рэкрутацыйныя нормы: старыя і новыя. На рэкрутацыю кадраў дзяржаўных і прыдворных ураднікаў ВКЛ уплывалі некалькі фактараў: маёмасны статус і сямейныя ўплывы, сімпатыі манарха і асабістыя здольнасці. Ключавую ролю для асобных кланаў адыгрывалі магчымасці своечасова пастаўляць чалавечы матэрыял, прыдатны для такой службы. Характэрны ў гэтым сэнсе сінхронны ўзлёт кар’ера прадстаўнікоў клану Трызнаў, якія на некаторы час здабылі паралельна некалькі важных пасадаў [4, s. 245]. Па падобнай схеме пайшоў “узыход” такой сям’і, як Ісайкоўскія [4, s. 211]. Але “масавае” з’яўленне прадстаўнікоў гэтых сем’яў на дзяржпасадах было толькі гістарычным эпізодам, які пачаўся і скончыўся эпохай Вазы [4, s. 211, 245]. Відавочна, што генетыка вырашала ўсё і канкуруе з прыродай маглі не многія. Таму пры ўсёй разнастайнасці альтэрнатыў, галоўнымі пастаўшчыкамі

кадраў заставаліся арыстакратычныя сем’і княства на чале з Радзівіламі і Сапегамі і фактычна ўровень з імі ідучымі Пацамі. Так, на цэнтральных урадах ВКЛ у час Уладзіслава пабывалі сем Радзівілаў, два з іх мелі намінацыі яшчэ з часоў Жыгімонта Вазы (А.С. Радзівіл і К. Радзівіл). Агульна з 1633 г. па 1646 г. шасці прадстаўнікам роду ад Уладзіслава было выдадзена 12 *намінацый*, што праўда, не ўсе былі прынятыя ганарлівымі князямі [4, s. 28, 43, 46, 56, 59, 60, 74, 77, 144, 151]. Сапегі, пры пераходзе ўлады да Уладзіслава, мелі сем цэнтральных урадаў. Разам ажно дзевяць прадстаўнікоў роду былі ўраднікамі ў 1633 – 1648 гг., пры чым памерлі з іх ліку сем [4, s. 236–239]. За гэты час Уладзіслаў намінаваў Сапег толькі *шэсць разоў*: двойчы К.Л. Сапегу і П.Я. Сапегу і па аднаму разу Мікалая Крыштафа і Крыштафа [4, s. 77, 102, 109, 144, 148, 166]. Сапегі кампенсавалі гэтую страту тым, што атрымалі ад манарха звязаныя з імі Трызны, чатыром прадстаўнікам якіх Уладзіслаў падпісаў *сем намінацый* [4, s. 59, 101, 145, 148, 157, 166]. Даволі актыўна пратэктывай Уладзіслава Вазы карысталіся Пацы. На 1633 г. гэты клан быў прадстаўлены ў дзяржапараце толькі двума рэпрэзэнтантамі: Стэфанам, падскарб’ям ВКЛ, і Пятром, надворным харунжым [4, s. 228]. Абодва яны атрымалі далейшае “павышэнне”, а разам Уладзіслаў падпісаў Пацам *восем намінацыйных прывілеяў*, у тым ліку тром прадстаўнікам роду, якія раней не займалі пасады [4, s. 29, 35, 55, 101, 130, 148, 151, 189]. Калі сыходзіць з колькасці і ўплывовасці ўрадаў, то пік уздыму Пацаў прыпаў на канец 1630-х пачатак – 1640-х гадоў, калі ім належалі тры пасады, у тым ліку падканцлерства. Па-за ўвагай манарха Пацы не заставаліся і ў далейшым: на працягу 1643 – 1646 гг. двум маладым Пацам былі падпісаны пяць намінацый. На момант смерці Уладзіслава ў адміністрацыі ВКЛ Пацаў было больш, чым на момант смерці яго бацькі [4, s. 227–228]. Разам за час праўлення Уладзіслава дзяржпасады займалі прадстаўнікі амаль пяцідзсяці кланаў, але большасць была прадстаўлена адзінкавымі прызначэннямі, асабліва гэта датычыцца нязначных дворных ураднікаў. Топавыя ўрадніцкія пасады размяркоўваліся паміж вышэй згаданымі арыстакратычнымі кланамі ВКЛ, да якіх таксама трэба далучыць прадстаўнікоў *Тышкевічаў, Кішак, Хадкевічаў, Гасеўскіх*. Шанцы для гарызантальнай дамінацыі былі толькі ў разгалінаваных сямей. Адзінкавыя кар’ерныя поспехі нават уладальнікаў аграмадных багаццяў, такіх як Юры Караль Глябовіч, які быў абавязаны прасоўваннем па ўрадніцкай лясвіцы Уладзіславу [5, s. 290–291; 4, s. 209], толькі пацвярджалі агульную тэндэнцыю: здаровая генетыка была галоўнай перадумовай выжывання і дамінацыі роду.

Найбольш уплывовыя магнацкія сем’і разглядалі дзяржаўныя пасады ў ВКЛ не толькі як інструмент здабычы і захавання ўплываў, але і як своеасаблівую спадчыну, валодаць якой было часткай родавай традыцыі і сямейнай культуры. Але не толькі магнаты ўспрымалі ўрады як неасабісты падарунак лёсу. Не саромеліся пакідаць свае пасады сваякам і ўрадоўцы сярэдняга ўзроўню, тым больш, што для гэтага былі адпаведныя прававыя падставы. Так, у 1645 г. Станіслаў Бейнарт фактычна завяшчаў урад скарбнага ВКЛ свайму брату Самуэлю [4, s. 183]. Пры Уладзіславе ўзнікла таксама даволі экзатычная ўрадніцкая “дынастыя”, якую заснаваў першы надворны лоўчы ВКЛ, немец Г. Мюленгайм [4, s. 69].

Палітычная сістэма Рэчы Паспалітай гарантавала ВКЛ пэўную аўтаномію, адным з элементаў якой было асобнае заканадаўства. Апошняя выступала не толькі інструментам рэгуляцыі сацыяльных адносін, але і сродкам забеспячэння палітыка-прававой самадэтармаванасці, крыніцай сепаратызму княства. Рэальная аўтаномія гарантавалася правам займаць пасады толькі абыякаслым ВКЛ, але на практыцы шляхі абыходу такой нормы былі.

У першую чаргу, праз набывцё ўласнасці. Пераезд палякаў у ВКЛ быў працэсам даволі заўважным, і многія з іх ужо праз пакаленне здабывалі неабходны давер ды становіліся службоўцамі ўласна ВКЛ. Прыкладам могуць быць палякі Бжастоўскія, якія з’явіліся ў ВКЛ у першай палове XVII ст. Так, сын такога мігранта, памерлага ў 1638 г., Яна Бжастоўскага, Цыпрыян Павел, быў запатрабаваны Уладзіславам на шэрагу пасады: рэгент вялікай канцылярыі ВКЛ (1640 г.), дэкрэтовага пісара і каралеўскага сакратара (1645 г.), што стала пачаткам яго бліскавай кар’еры, якую вянчала пасада троецага ваяводы [24, s. 191–192; 25, s. 229]. Службовыя поспехі Цыпрыяна Паўла сталі падмуркам дасягненняў яго нашчадкаў у ВКЛ [4, s. 201–202]. Але адданая служба была не адзіным сацыяльным ліфтам. Найбольш красамоўным і скандальным шляхам у шэраг эліты ВКЛ была, безумоўна, кар’ера Крыштапа Патоцкага. Мала таго, што кальвініст, але яшчэ і каронны абыяцель, ён, пасля шлюбу з багатай удавой Хэленай з Валовічаў, прыдбаў вялікую уласнасць у ВКЛ, у тым ліку ў Гарадзенскім павеце, ад якога выбіраўся соймавым паслом. Падчас паславання ў 1645 г. Патоцкі атрымаў *намінацыю на чэскае ўладства ВКЛ*, супраць чаго выступалі прадстаўнікі княства, якія лічылі Патоцкага палякам, а канцлер і падканцлер адмовіліся ставіць пад прывілеям пячатку. Тым не менш, К. Патоцкі не толькі абыйшоў, карыстаючыся неахайнасцю паслоў, усе перашкоды, але напрыканцы наступнага года атрымаў ад манарха чарговае сведчанне даверу, *урад падстоля ВКЛ* [26, s. 85; 4, s. 35, 166].

Такім чынам, Уладзіслаў фактычна ламаў фармальную абарону арыстакратыі княства па недапушчэнні ў свае шэрагі “ненатуралізаваных” палякаў. Справа ў тым, што Крыштап Патоцкі быў першым прадстаўніком свайго роду, аселым у ВКЛ. З пункта гледжання часткі эліты княства, прасоўванне Патоцкага мела супярэчлівы характар не толькі з прычыны нацыянальнай неадпаведнасці, але і таму, што ён быў кальвіністам, адпаведна, бліжэй да біржанскіх Радзівілаў. Але ў канчатковым выніку ад рашэння Уладзіслава выйграла не эліта княства, як галоўны бенефіцыяр выгодаў ад наяўнасці дзяржаўнасці ВКЛ, а ідэя інтэграцыі Рэчы Паспалітай. Бесплатна памерлы Патоцкі пакінуў набытую ў ВКЛ маёмасць сваім польскім сваякам, дакладней, сыну брата Казіміру Сэндзіваму, які не нашмат перажыў свайго дзядзьку [26, s. 88; 27, s. 29–30]. Нягледзячы на згасанне гэтай кальвінісцкай лініі Патоцкіх, іх маёмасць стала часткай спадчыннага ўладання і стварыла падставы для іх будучых прызначэнняў у княстве [4, s. 231; 28, s. 790].

Лакальная дзяржаўная адміністрацыя : ваяводы і кашталяны. Ваяводы. Тэрыторыя ВКЛ была падзелена на дзесяць ваяводстваў, якім адпавядала дзесяць урадніцкіх пасада са статусам ваяводы-сенатара. *Восем ваяводстваў ВКЛ часткова ці цалкам размяшчаліся ў межах сённяшняй Беларусі.* Нашай характарыстыкай будуць ахоплены таксама пасады жамойцкага староства і смаленскага ваяводы, паколькі намінацыйная логіка была агульнай для ўсяго княства.

У час праўлення Уладзіслава Вазы ваяводскія пасады займала 30 асоб, з іх найбольш (6) былі прадстаўнікамі роду *Сапег*. Саступалі ім Радзівілы і Кішкі, з ліку якіх па тры асобы былі ваяводамі [3, s. 10, 26–94]. Найбольш дынамічна на ваяводскай гарызанталі Уладзіслаў Ваза перамяшчаў сваяго фаварыта, Аляксандра Слушку, які з 1633 г. і да сваёй смерці ў 1647 г. пабываў менскім, наваградскім і троцкім ваяводай [3, s. 26, 38, 60]. Сумарна Уладзіслаў Ваза за 15 год падпісаў 26 новых ваяводскіх намінацый, якія размеркаваў паміж прадстаўнікамі ажно 17 шляхецкіх “фамілій” [3, s. 10, 26–94]. Маёмасныя, сваяцкія і палітычныя ўплывы іх былі такімі, што стваралі амаль непрабываемую столь перад тымі, хто спрабаваў выкарыстаць дзяржслужбу як сацыяльны ліфт. Найбольш (5) намінацый былі дадзены Сапегам [3, s. 10, 26, 31, 38, 88]. Манарх змяніў кіраўнікоў усіх ваяводстваў, акрамя Полацкага, на чале якога з 1619 г. і да смерці ў 1653 г. заставаўся Януш Кішка [29, s. 238]. Апошнія можа быць выклікана нежаданнем увязвацца ў элекцыійную кампанію, якая была непазбежнай пасля заканадаўчага пацвярджэння права полацкай шляхты выбіраць ваяводу [30, s. 67].

Пэрсанальны склад камплекта ўладзіслаўскіх ваявод, асабліва гэта датычыцца Трок і Вільні, выдатна ілюструе флуктуацыя яго асабістых прыхільнасцей і практыкі падтрымкі зарыентаваных на двор крэатур [13, s. 39–41]. У першыя гады праўлення ўладар абапіраўся на Радзівілаў, чыя лаяльнасць каштавала манарху пасады віленскага ваяводы. У другой палове 1630-х – 1640 гг. ваяводамі Уладзіслаў прызначыў прадстаўнікоў іншай групойкі, куды ўваходзілі Пац, Гасеўскі і Ракоўскі. Рэанімацыя ўплываў Сапег у 1640-я гады добра суадносіцца з іх намінацыямі ў гэты час: Павел Сапега, віцебскі ваявода з 1646 г., Фрыдрых Сапега, мсціслаўскі ваявода з 1647 г. [3, s. 88, 31].

Цікава, што ваяводскі ўрад у ВКЛ найчасцей атрымлівалі тыя, хто ўжо быў ваяводай: з 26(!) намінацый Уладзіслава 10 альбо 1/3 прыходзілася на асоб, якія раней займалі такія пасады. Фактычна мае месца даволі характэрная цыркуляцыя па ўрадніцкай гарызанталі, дзе галоўным вектарам было набліжэнне да так званых цэнтральных ваяводскіх пасада у княстве. Выгода перамяшчэння з аднаго ваяводскага ўрада на іншы залежала ад магчымасцей, якія давала новая пасада, у першую чаргу, матэрыяльных. Даволі лагічным выглядае тое, што другой па колькасці групай ураднікаў, з якіх прызначаліся ваяводы, былі кашталяны (7), пры чым у трох выпадках яны былі з іншых ваяводстваў. Трэцяй крыніцай кадраў былі надворныя ўраднікі (6), чацвёртай – староствы павятовыя (3) і пятай – цэнтральныя ўрадоўцы (3) [3, s. 10, 26–94]. Ваяводствы былі ўпісаны ў іерархію ўрадаў ВКЛ, таму ад іх адмаўляліся на карысць дэ факта вышэйшых пасада, такіх як кашталян у галоўных, Віленскім і Троцкім, ваяводствах. Логіка фарміравання гэтай групы дзяржслужачых была нескладанай: паходжанне, лаяльнасць, уплывы (матэрыяльныя, у першую чаргу).

Рэгіянальны аспект намінацыйнай практыкі часам карэляваўся з гаспадарчай вагой прэтэндэнтаў на пасады ў ваяводстве, але гэта не было правілам. Так, прывязка сям’і Гасеўскіх да ваяводскага ўрада была звязана з вялікай канцэнтрацыяй іх уладанняў на Смаленшчыне, дзе яны былі найбуйнейшымі землеўласнікамі. У 1650 г. з 8441 дыма, што належаў тром дзясяткам найбагацейшых мясцовых уласнікаў, толькі на Вінцэнта Гасеўскага прыходзілася 1274 дыма ці 15% ад усіх, што было больш, чым усіх каралеўскіх уладанняў у гэтым ваяводстве [31, s. 34–35, 37]. Але вось прызначаны ў 1643 г. на пасаду смаленскага ваяводы Юры Караль Глябовіч меў у асабістай уласнасці на Смаленшчыне менш за сотню дымоў [31, s. 35, 66]. Што праўда, вялізарнае ваяводскае ўтрыманне гарантавала яму другое месца ў іерархіі мясцовых падаткаплацельшчыкаў [31, s. 34].

За час Уладзіслава Вазы памерла 20 ваявод, у тым ліку 13 прызначаных ім самім. Калі смерць на цэнтральных ваяводскіх урадах (Віленскім і Троцкім) выглядала заканамернай, бо яны станавіліся максімальнай мяжой кар’ернага росту ў ВКЛ, то ўласна беларускія ваяводскія пасады абнаўляліся дынамічна, і цяжка кадраў была з’явай відавочнай. У сярэднім ваяводы займалі свае пасады каля трох гадоў. Так, за 1633–1648 гг. чатыры разы мяняліся ваяводы ў Берасцейскім, Мсціслаўскім і Наваградскім (з улікам З.К. Радзівіла) ваяводствах [3, s. 10, 30–31, 37–38]. Максімальна, г.зн. шэсць асоб, былі ваяводамі ў Менскім ваяводстве, пяць з іх прызначыў Уладзіслаў. З улікам таго, што пасада гэта выдавалася пажыццёва і можна было яе не пакідаць, як рабіў полацкі ваявода Януш Кішка, невялікая працягласць знаходжання на пасадах і накірункі перамяшчэнняў сведчаць пра адарванасць намінацыйнай палітыкі не толькі ад інтарэсаў лакальнага грамадства, але і саміх намінантаў ад патрэб лакальных супольнасцей. Намінацыйная практыка была гульнёй буйных фігур і буйных грошай, якія давалі ваяводскае забеспячэнне і статус.

Кашталяны. З’яўляючыся ніжэйшай прыступкай у сістэме сенатарскіх урадаў, кашталяні, за выключэннем двух цэнтральных, якія па іерархіі стаялі вышэй шэрагу ваяводскіх, заставаліся прадметам увагі і спаборніцтва пераважна аўтсайдэраў з ліку арыстакратыі. Найбольш прэстыжным была, безумоўна, пасада віленскага кашталяна, якую ў часы Уладзіслава Вазы займалі па два прадстаўнікі Радзівілаў, Сапег і Хадкевічаў [3, s. 81]. Троцкая кашталянія была фактычна таксама аддадзена на водкуп гэтым сем’ям, але на гэты ўрад ужо прэтэндавалі і іншыя, больш таго, ён быў форткай, праз якую ў вышэйшыя колы ўлады маглі трапляць прадстаўнікі шляхецкіх родаў, якія не належалі да вышэйшай арыстакратыі [3, s. 65–66]. Калі з’яўленне ў 1636 г. на пасадзе троцкага ваяводы Мікалая Кішкі, былога мсціслаўскага ваяводы, можна абгрунтаваць аўтарытэтам, заслугамі, сувязямі і, не ў апошнюю чаргу, паходжаннем Кішак, то хутчэй унікальным быў “прарыў” да троцкай

кашталяніі ў 1644 – 1645 гг. Яна Ансэльма Вільчка, які да гэтага быў полацкім кашталянам [25, s. 128; 29, s. 102]. Фактам застаецца, што ён паходзіў з малаўплывовай пратэстанцкай сям’і, а яго сенатарская кар’ера пачалася з павятовых урадаў і была ў значнай ступені вынікам канверсіі ў каталіцызм [32, s. 265]. Пры Уладзіславе кашталянамі сталі прадстаўнікі родаў, якія не толькі ніколі не былі сенатарскімі, але і на дзяржаўных пасадах ВКЛ не былі заўважнымі. Іх столлю быў павет. Уладзіславу былі абавязаны сваімі першымі, а ў некаторых выпадках, і апошнімі, сенатарамі такія роды, як *Касакоўскія*, *Каменскія*, *Рудаміны*, *Вільчкі*, *Абрынскія*, *Стэцкевічы*. У большасці сваёй гэтыя ўзлётны хутчэй былі выпадковыя, персанальныя (Кланюўскі, Каменскі, Вільчк, Рудаміны), якія ў будучым не паўплывалі на трансфармацыю гэтых родаў у пастаўшчыкоў палітычна-дзяржаўных дзеячў (Касакоўскія). Некаторыя з іх мелі выразнае польскае паходжанне. Мсціслаўскі кашталян Ян Яўстахі Касакоўскі, сын паляка Нікадэма Касакоўскага і Феліцыяны Валавічоўны, быў першым прадстаўніком роду, аселым у ВКЛ [33, s. 293]. Магчыма, крыху раней наступіла натуралізацыя адной з ліній падляскага роду Каменскіх, аселых на Мсціслаўшчыне, відавочна, яшчэ ў XVI ст. [9, s. 196]. Увогуле першым і адзіным з польскай сям’і Кланюўскіх, хто ў ВКЛ зрабіў не проста кар’еру, але дарос з павятовага ўрада да сенатарскага, спачатку кашталяніі, а потым ваяводства, быў каралеўскі сакратар Юзаф Гжэгажавіч Кланюўскі [34, s. 144–145; 4, s. 215].

Па тагачаснай традыцыі Уладзіслаў Вазы ахвотна аказваў пратэктцыю цэлым кланам. Прыкладам можа быць намінацыя ім ажно трох прадстаўнікоў роду Рудаміна Дусяцкіх: Яна – на наваградскую кашталянію (1636 г.), Пятра – на смаленскую (1643 г.) і Крыштапа – на полацкую (1644 г.) [3, s. 120, 132, 127]. Прасоўванне Рудамінаў было ў вялікай ступені заснавана на іх адданай службе, але мела і свае прэстыжныя мінусы. Справа ў тым, што гэты род быў мяшчанскага паходжання і шляхецтва здабыў вельмі позна: Мацей, дзед трох прызначаных Уладзіславам Вазай кашталянаў Рудамінаў Дусяцкіх, быў віленскім райцай і бурмістрам, які толькі ў другой палове XVI ст. (на падставе прывілеяў 1568 – 1576 гг.) атрымаў шляхецтва (набілітацыю) [35, s. 668]. Пра такія метамарфозы, якія мелі пад сабой і фінансавую складаючую, патомная шляхта добра памятала, а пры аказіі яна выкарыстоўвала іх у якасці “важкага” аргумента. Так, яшчэ ў 1635 г. на сойме каронны надворны падскарбі Ежы Асалінскі публічна нагадваў прызначанаму праз некалькі месяцаў на пасаду наваградскага кашталяна Яну Рудаміну, што ён “неапалітанчык”, “хлоп”, які “нядаўна з мяшчанаў выйшаў” [36, s. 673]. Нарэшце, уладзіслаўская ідэалагічная адліга адбілася і на росце сацыяльнай пазіцыі праваслаўнай шляхты, адсунутай ад улады пры Жыгімонце Вазе. У 1644 г. мсціслаўскім, а праз два гады наваградскім кашталянаман манарх прызначае Багдана Вільгельмавіча Стэцкевіча, аднаго з багацейшых землеўласнікаў і адначасова буйнейшага абаронцу і мэцэната праваслаўя ў Беларусі [37, s. 359–366].

Крыніцы фарміравання кадраў кашталянаў у нечым былі падобнымі да ваяводскіх. Сам Уладзіслаў намінаваў у ВКЛ 34 кашталянаў і памяняў усіх. Мінімум, г. зн. па адной намінацыі, прыйшоўся на Берасцейскае і Менскае ваяводства. Максімум, альбо шэсць разоў, манарх выдаваў прывілеі на ўрад мсціслаўскага кашталяна. У сярэднім у ВКЛ за 1633 – 1648 гг. персанальна кашталяны памяняліся ў кожным ваяводстве па тры разы. У даволі вялікай колькасці выпадкаў адбывалася гарызантальнае перамяшчэнне кашталянаў з аднаго ваяводства ў іншае. Вялікія шанцы на атрыманне кашталяніі давалі ўжо высокія павяковыя пасады (харужства, маршалкоўства, падкаморства) і ўрады старостаў, як гродавых, так і не [3, s. 65–66, 81, 111, 116–117, 120, 126–127, 132, 139, 144].

Заключэнне. На пытанне, ці апарат кіравання ВКЛ быў дзяржаўным, безумоўна, належыць адказаць станоўча. Іншая справа, што ўласна вышэйшая адміністрацыя гэтага дзяржаўнага ўтварэння была зведзена да такой формы, што фактычна набліжалася, калі такое параўнанне дапушчальнае, да ўвасаблення вядомай ідэі мінімальнай дзяржавы. Дзяржаўны апарат ВКЛ быў разлічаны толькі на забеспячэнне некаторых базавых патрэб самой дзяржавы і яе кіраўніка. Улада фактычна брала адказнасць і грошы толькі за справядлівае, правасуддзе і, часткова, знешнюю абарону.

Магэматычна вынік для цэнтральнага дзяржапарату ВКЛ праўлення Уладзіслава Вазы быў даволі заўважны. Сумарна колькасць ураднікаў павялічылася і на 1648 г. дасягнула 43, а калі сюды дадаць фактычна стварэнне асобнай паштарскай службы, то 44. У адсоткавай ілюстрацыі гэта больш паказальна, бо колькасць апарату павялічвалася амаль на 19%. На першы погляд, гэта быў экстенсіўны рост, але ён сведчыў пра якасны тэндэнцыі. Прыдворная частка атчэння манарха ў адсоткавым вымярэнні зменшылася да 38,6% (плюс два ўраднікі). Дзяржаўная бюракратыя павялічылася на сем пасадоўцаў і складала 61,4%. Паказальнай была таксама пераструктурызацыя дваровай іерархіі ў часы Уладзіслава і ўвядзенне ў дзяржадміністрацыю фактычна іншаземцаў.

Парадак рэкрутацыі дзяржаўных ураднікаў пры Уладзіславе Вазе фактычна не змяніўся. Найбольш уплывовыя роды, у першую чаргу, Радзівілы і Сапегі, заставаліся галоўнымі пастаўшчыкамі кадраў на вышэйшых ўрадах. Лепшае традыцыйна забірала старая арыстакратыя, рэшта трапляла да прадстаўнікоў шляхты, чые кар’еры былі звязаныя з паветамі, але і першыя, і другія абаспіраліся на агульны прынцып кланавасці. На практыцы атрымлівалася, што насуперак старой арыстакратыі менавіта дзяржава ў асобе манарха давала шансы кар’ернага росту асобам немясцовага паходжання, а часам увогуле прамым эмігрантам, як сведчыць кар’ера К. Патоцкага.

Мінімалісцкая канструкцыя дзяржавы працавала як на карысць, так і супраць грамадства. Сама дзяржава рабіла грамадства – зразумела, тут маюцца на ўвазе палітычна і асабіста вольныя станы – больш свабодным, але адначасова яна станаўлася лёгкай здабычай алігархічных групавак.

ЛІТАРАТУРА

1. История белорусской государственности : в 5 т. – Минск : Беларуская навука, 2018. – Т. 1: Беларуская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев, ; Нац. акад. Наук Беларусі, Ін-т истории. – 598 с.

2. Дружчыц, В. Палажэнне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай уніі / В. Дружчыц // Працы Беларускага дзяржаўнага Універсітэту ў Менску. – 1923. – № 6–7. – С. 216–252.
3. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386-1795 / J. Wolff. – Kraków : Druk. Wł. Ananicza i Spółki, 1885. – 351 s.
4. Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku : Spisy / Pod red. A. Gąsiarowskiego. – Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. – T. 11: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV – XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba ; PAN. Bibl. Kórnicka. – 255 s.
5. Lulewicz, H. Elita polityczno-społeczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVII wieku : Praca doktorska napisana w Instytucie Historycznym Uniwersytetu Warszawskiego / H. Lulewicz. – Warszawa, 1984. – 488 s.
6. Chłapowski, K. Elita senatorsko-dygnitarska Korony za czasów Zygmunta III i Władysława IV / K. Chłapowski. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 1996. – 220 s.
7. Volumina legum. – T. III. – Petersburg : Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 472+ XV s.
8. Галубовіч, В.У. Парламенцкія прамовы прадстаўнікоў Вялікага Княства Літоўскага на соймах Рэчы Паспалітай другой чвэрці XVII стагоддзя (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў Гродне) / В.У. Галубовіч // Вялікае Княства Літоўскае: палітыка, эканоміка, культура : зб. навук. арт. У 2 ч. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, уклад.: А.А. Скеп'ян ; рэдкал.: У.Р. Гусакоў [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. – Ч. 1. – С. 269–279.
9. Boniecki, A. Herbarz polski / A. Boniecki. – T. IX. – Warszawa : Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1906. – 400 s. + IV s.
10. Relacje nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. – T. II. – Berlin – Poznań : Księgarnia B. Behra, 1864. – 604 s. + VIII s.
11. Jaroszuk, J. Radziwiłł Aleksandr Ludwik / J. Jaroszuk // Polski słownik biograficzny. – T. XXX. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – S. 150–155.
12. Wisner, H. Rzeczpospolita Wazów III. Sławne Państwo Wielkie Księstwo Litewskie / H. Wisner. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, Instytut Historii PAN, 2008. – 330 s.
13. Рахуба, А. Палітычныя групы ў ВКЛІ (1569–1732) / А. Рахуба // Спадчына. – 2002. – № 5–6. – С. 32–46.
14. Kołodziej, R. “Zwada Wileńska” w 1636 r. / R. Kołodziej // Z badań nad Rzeczypospolitą w czasach nowożytnych / Pod redakcją Krystyna Matwijowskiego. – Prace Historyczne. – XXXI. – Wrocław, 2001. – S. 7–13.
15. Wasilewski, T. Radziwiłł Janusz / T. Wasilewski // Polski słownik biograficzny. – T. XXX. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – S. 208–215.
16. Piwarski, K. Brzostowski Cyprian Paweł / K. Piwarski // Polski słownik biograficzny. – T. III. – Kraków : Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1937. – S. 48–49.
17. Quirini-Popławska, D. Montelupi (Monte Lupi de Mari) Sebastian / D. Quirini-Popławska // Polski słownik biograficzny. – T. XXI. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1976. – S. 668–670.
18. Quirini-Popławska, D. Montelupi Walerian / D. Quirini-Popławska // Polski słownik biograficzny. – T. XXI. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1976. – S. 670–671.
19. Bieniarzówna, J. Montelupi (Wilczgorski) Sebastian / J. Bieniarzówna // Polski słownik biograficzny. – T. XXI. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1976. – S. 670.
20. Bieniarzówna, J. Montelupi Dominik / J. Bieniarzówna // Polski słownik biograficzny. – T. XXI. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1976. – S. 666–667.
21. Bieniarzówna, J. Montelupi Karol / J. Bieniarzówna // Polski słownik biograficzny. – T. XXI. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1976. – S. 667.
22. Wisner, H. Janusz Radziwiłł 1612–1655: Wojewoda Wilenski, Hetman Wielki Litewski / H. Wisner. – Warszawa : Wydawnictwo MADA, 2000. – 269 s.
23. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku : spisy. – T. IV.: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV–XVIII wiek / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa : «DiG», 2003. – 412 s.
24. Boniecki, A. Herbarz polski / A. Boniecki. – T. II. – Warszawa : Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1900. – 396 s.
25. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku : spisy. – T. II.: Województwo Trockie XIV-XVIII wiek / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2009. – 688 s.
26. Wasilewski, T. Potocki Krzysztof / T. Wasilewski // Polski słownik biograficzny. – T. XXVIII. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1984–1985. – S. 85–88.
27. Żychliński, T. Złota księga szlachty polskiej / T. Żychliński. – T. XIV. – Poznań : Czcionkami drukarni Fr. Chocieszyńskiego, 1892. – 248 s. + V s.
28. Grosfeld, B. Potocki Antoni Michał / B. Grosfeld // Polski słownik biograficzny. – T. XXVII. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1983. – S. 782–790.
29. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku : spisy. – T. V. Ziemia Połocka i województwo Połockie XIV–XVIII wiek / pod red. Henryka Lulewicza. – Warszawa : IH PAN, 2018. – 306 s.
30. Volumina legum. – T. IV. – Petersburg : Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki; 1859. 501+XVII s.
31. METRYKA LITEWSKA. Rejestry podymnego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Województwo smoleńskie 1650 r. Opracowali Stanisław Dumin i Andrzej Rachuba. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2009. – 237 s.
32. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku : spisy. – T. I.: Województwo wileńskie XIV–XVIII wiek / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa : «DiG», 2004. – 764 s.
33. Boniecki, A. Herbarz polski / A. Boniecki. – T. XI. – Warszawa : Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1907. – 397 s. + IV s.
34. Boniecki, A. Herbarz polski / A. Boniecki. – T. X. – Warszawa : Skład główny Gebethner i Wolff w Warszawie, 1907. – 391 s. + IV s.
35. Lulewicz, H. Rudomina Maciej / H. Lulewicz // Polski słownik biograficzny. – T. XXXII. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1989–1991. – S. 667–668.
36. Lulewicz, H. Rudomina Dusiacki Jan / H. Lulewicz // Polski słownik biograficzny. – T. XXXII. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1989–1991. – S. 671–674.

37. Kempa, T. Kariery przedstawicieli prawosławnych rodów Ogińskich i Stetkiewiczów w XVII wieku – podobieństwa i różnice awansu społecznego, ekonomicznego i politycznego / T. Kempa // Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku. – Białystok, 2003. – S. 345–368.

Паступіў 23.05.2021

ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СОВЕТНИКИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ВЛАДИСЛАВА ВАЗЫ (1633 – 1648 гг.)

В.В. ГОЛУБОВИЧ

В статье представлены некоторые результаты изучения структуры центральных, а также высших локальных государственных советников Великого Княжества Литовского в 30 – 40-е годы XVII столетия. Управленческий аппарат княжества состоял из советников, одна часть которых, в узком смысле, служила государству, а другая обслуживала монарха. На практике этот раздел присутствовал не всегда. Исходя из компетенций центральной бюрократии ВКЛ, это государство осуществляло минимальный набор функций, что было присуще традиционным обществам. Во время правления Владислава Вазы были восстановлены старые и введены новые советы, что привело к увеличению количества советников, служивших непосредственно государству. Аристократическая модель рекрутизации политических элит определяла порядок назначения на должности. Центральные и локальные советы распределялись монархом между несколькими десятками шляхетских родов, наиболее богатые и авторитетные из которых монополизировали доступ к высшим должностям в ВКЛ. Вместе с тем, на протяжении государствования Владислава Вазы карьера в государственной службе была доступна для лиц, не принадлежащих к наследственной местной аристократии, более того, бывших иностранцами по происхождению.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, государство, бюрократия, советник, шляхта, Радзивиллы, Сапегы.

THE HIGHEST STATE OFFICIALS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN LADISLAS VASA TIMES (1633–1648)

V. HALUBOVICH

The article presents some results of studying the structure of the central, as well as the highest local state officials of the Grand Duchy of Lithuania in the 30-40s of the XVII century. The ruling apparatus of the principality consisted of the officials, one part of whom served the state, in a narrow sense, and the other part served the monarch. In practice, the division did not always took place. Based on the competence of the central bureaucracy of the GDL, the state performed a minimal set of functions, which was typical for traditional societies. During the reign of Ladislas Vasa, some former posts were restored and some new ones were set up, which led to an increase in the number of government officials who served the state itself. The aristocratic model of political elites recruiting determined the order of the appointment to the positions. Central and local posts were distributed by the monarch among dozens gentry families, the wealthiest and most authoritative of them monopolized the access to the highest posts in the GDL. At the same time, in Ladislas Vasa governing, a career in the civil service was available to the persons who did not belong to the hereditary local aristocracy, moreover, it was available to foreigners by birth.

Keywords: the Grand Duchy of Lithuania, state, bureaucracy, officials, gentry, the Radzivils, the Sapegas.

УДК 94(476):336.71

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ,
КОММУНАЛЬНЫХ И КООПЕРАТИВНЫХ КРЕДИТНО-БАНКОВСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920-е – 1930-е гг.***канд. ист. наук, доц. А.К. ГЕЦЕВИЧ**(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)**ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0607-0566>*

Цель исследования – изучение основных направлений деятельности государственных, коммунальных и кооперативных кредитно-банковских учреждений на территории Западной Беларуси в период 1920-х – 1930-х годов.

В статье рассматриваются вопросы законодательного оформления кредитно-банковской структуры второй Польской республики, формирования структуры крупнейших финансовых учреждений – государственных банков, а также причины распространения коммунальных кредитно-банковских учреждений, кредитных кооперативов в регионе; основные направления и формы их работы среди населения региона, условия предоставления кредитных ресурсов, приема заемных средств. Приводятся статистические данные по деятельности кредитных учреждений, численность филиалов и отделений. В заключении анализируется состояние и проблемы деятельности кредитных учреждений в западнобелорусском регионе.

Полученные результаты могут быть использованы в изучении экономической истории Беларуси XX века.

Ключевые слова: *Западная Беларусь, Польша, банк, коммунальная касса, кредитный кооператив, мировой финансовый кризис, деньги.*

Введение. Развитие кредитно-банковской системы во многом зависит от правильности сформированной структуры. Верное сочетание различных элементов кредитно-банковской системы позволяет оптимально выполнять возложенные на нее функции.

На территории Западной Беларуси в межвоенное время сложилась достаточно прочная структура финансовых институтов, – банковских и небанковских учреждений – которая предоставляла денежные средства через кредитование, аккумулировала сбережения населения посредством привлечения вкладов. Другим важным фактором является функциональная структура кредитно-банковских услуг – принципы, формы кредитования, условия привлечения денежных средств, гарантии возврата. В статье мы рассмотрим часть финансовой структуры страны, которая включала в себя государственные, коммунальные и кооперативные кредитно-банковские учреждения, поскольку именно они играли значительную роль в финансовой жизни региона.

Основная часть. В первую группу включим крупные государственные банки, которые были представлены своими отделениями в регионах в соответствии с законодательством. В частности, функционирование отделений Банка Польского осуществлялось на основании распоряжения Президента от 20 января 1924 г. [1, s. 94–101]; отделений Земельного банка Польши – Законом от 10 июня 1921 г. [2, s. 989]; отделений Государственного банка национального хозяйства – распоряжением Президента Речи Посполитой от 30 мая 1924 г. [3, s. 696]. Акцептный банк отделений не имел [4, s. 54].

Государственные банки были специализированными финансовыми учреждениями: Государственный земельный банк проводил работу в сельскохозяйственном секторе экономики страны, Государственный банк народного хозяйства был нацелен на кредитование промышленности, торговли, строительной отрасли, поддержку крупных муниципальных проектов. Аналогичную деятельность проводили и отделения данных банков в регионах, выступая в качестве посредников между государством и заемщиками. Отделения Банка Польского в меньшей степени занимались вопросами хозяйственного кредитования всех видов, определив для себя нишу в осуществлении комиссионно-посреднических операций (обслуживание счетов, осуществление переводов, прием платежей, конвертация иностранной валюты, операции с ценными бумагами). Два специализированных государственных банка – Земельный и Банк народного хозяйства – должны были в кратчайшие сроки решить проблемы в развитии экономики страны за счет предоставления дешевых краткосрочных и долгосрочных кредитов юридическим и физическим лицам под конкретные проекты.

В соответствии с Уставом Польского земельного банка от 6 февраля 1919 г. выдача кредитов осуществлялась отделениями банка на долгосрочный период под конкретные проекты (покупка земли, мелиорационные работы), согласованные с Министерством сельского хозяйства и Министерством финансов. Наиболее часто осуществлялись операции по покупке земли. Уставом определялись категории получателей данного вида кредита (безземельные, малоземельные крестьяне при наличии опыта ведения хозяйства), сумма кредитной линии (максимально – 75% от стоимости земли, в редких случаях – до 90%), условия погашения кредита (периодичность выплат, процентная ставка). Заемщик должен был предоставить в отделение банка пакет документов, заверенный органами местной власти, а сам земельный участок до окончания выплаты кредита находился в залоге у банка и не мог выставляться на продажу без его ведома. [5, S. 109]. Вторым направлением было кредитование мелиоративных работ. Поскольку в большинстве случаев мелиоративные работы предполагали достаточно широкий

комплекс действий (постройку отводных каналов, осушение земель, постройку зданий хозяйственного назначения, закладку садов, огородов и т.д.), то для их осуществления крестьяне чаще всего создавали кооперативы, в которых все члены несли одинаковую ответственность по исполнению кредитных обязательств. [5, S. 110–111].

Краткосрочные кредитные линии выделялись Государственным земельным банком сроком до трех лет на те же цели, что и долгосрочные – покупку земли, мелиорацию. Вместе с тем, особенностью краткосрочного кредита Земельного банка Польши была возможность его пролонгации с последующей заменой на переходный (долгосрочный) кредит. Переходные кредиты также обеспечивались недвижимостью (земельными участками, подлежащими парцелляции или мелиорации), ценными бумагами (закладными листами ипотечных учреждений, государственными и коммунальными ценными бумагами), другим залогом. Краткосрочные кредиты выдавались Земельным банком через собственные отделения, а в случае, если в данной местности не было отделения банка – то через поветовые коммунальные или гминные кредитно-сберегательные кассы, сельскохозяйственные кредитные кооперативы [5, S. 111].

Государственный банк народного хозяйства осуществлял кредитование юридических и физических лиц посредством выдачи долгосрочных денежных и эмиссионных (займы в ценных бумагах) кредитов. Финансирование посредством долгосрочных денежных кредитов было направлено на реализацию проектов в промышленности, торговле и строительстве. Кредиты банк предоставлял государственным предприятиям, органам самоуправления, предпринимателям в сельской местности, сберегательным кассам, кооперативам. Займы наличными на длительный срок банк выделял на жилищное и промышленное строительство. Кредитование предназначалось в первую очередь для восстановления объектов, которые были разрушены во время войны, и строительство новых. Эмиссионные кредиты, выдаваемые банком, были трех видов: ссуды органам местного самоуправления через обеспечение кредита коммунальными облигациями; ипотечное кредитование путем выпуска закладных листов; инвестиционные займы в банковских облигациях. Банком народного хозяйства было проведено несколько размещений ценных бумаг на финансовом рынке страны на сроки от 19 до 36 лет с процентной ставкой 7, 7,5 и 8%. Средства, полученные в результате эмиссии ценных бумаг, направлялись на осуществление государственных программ в промышленности, строительстве, а также на развитие городской инфраструктуры [6, s. 26–31].

В рейтинге кредитно-банковских организаций значительная роль отводилась финансовым учреждениям органов местного самоуправления – коммунальным и гминным кредитно-сберегательным кассам. Главным преимуществом данных учреждений было непосредственная приближенность к заемщику (юридическому или физическому лицу), что гарантировало наличие реальных сведений о его финансовых потребностях и возможностях. Наличие структурированной сети коммунальных кредитных учреждений – поветовые, городские, гминные – упрощало проведение государственных программ на местах, а также гарантировало возврат кредитных средств. При этом ответственность за деятельность гминных кредитно-сберегательных касс фактически возлагалась на руководство гмины (§4) [7, s. 1578], а поветовых коммунальных касс – на органы, выступающие их основателями – коммунальные союзы поветов [8, s. 451–456]. Рост количества поветовых касс и финансовых оборотов в них вынудил правительство обязать поветовые кассы держать не менее 5% вкладов в государственных ценных бумагах (при общей сумме вкладов не менее 200 000 злотых) [9, s. 969].

В коммунальных кассах осуществлялся широкий спектр финансовых услуг: выдача кредитов, в том числе эмиссионных (под залог ценных бумаг или закладных листов) и ипотечных; привлечение депозитов; комиссионно-посреднические операции. Вместе с тем, необходимо отметить, что наибольшее количество операций коммунальных сберегательных касс относилось к выдаче кредитных ресурсов. Это было вызвано как значительной потребностью региона, восстанавливающегося после крупных военных конфликтов, так и преобладанием его сельскохозяйственной составляющей.

В этой связи главными потребителями средств городских и поветовых коммунальных касс выступали органы городского и поветового самоуправления, а основными сферами применения кредитов являлось строительство и благоустройство населенных пунктов. Учитывая, что сами поветовые кассы не могли полностью обеспечить кредитами потребителей, большую роль в финансировании и поддержке касс органов местного самоуправления играли крупные государственные банки (Банк Польский, Государственный земельный банк, Государственный банк народного хозяйства), профильный Польский коммунальный банк и Почтовая сберегательная касса. При этом возврат выдаваемых коммунальными кассами кредитных ресурсов обязательно гарантировался имуществом города или повета, страхованием.

Вторым наиболее кредитоемким направлением экономики региона было сельское хозяйство. Выдача кредитов под сев, уборочную страду, на закупку удобрений, посевного материала, сельскохозяйственных машин, строительство осуществлялось как для частных лиц, так и для сельскохозяйственных кооперативов. Кредиты по данному направлению гарантировались имуществом кредитополучателей, будущим урожаем.

Третьим направлением являлось ипотечное кредитование (под залог недвижимости, при обязательном страховании, в первую очередь, от пожаров). С одной стороны, кредиты данного направления были наиболее гарантированными, с другой – наиболее долгосрочными (до 10 лет).

Таким образом, городские и поветовые коммунальные кредитно-сберегательные кассы выступали важным элементом экономической жизни региона, аккумулируя сбережения физических лиц, бюджетов органов самоуправления города или повета, привлекая дешевые кредиты государственных банков и одновременно главными донорами строительной, коммунальной сфер регионов, в которых они действовали.

Гминные кредитно-сберегательные кассы, несмотря на наличие в уставе и названии слова «сберегательные», были в основном кредитными учреждениями по ряду причин:

- отсутствие накоплений среди сельского населения регионов;
- необходимость восстановления и развития экономики восточных регионов Второй Польской республики, пострадавших в результате войн начала XX века;
- относительно низкие процентные ставки по выдаваемым кредитам.

Поэтому привлекаемые в гминные кассы вклады от населения составляли небольшой процент для ссуд, основным источником оборотных средств были кредиты государственных и частных банков, коммунальных кредитных учреждений. Причем, самыми желанными были именно кредиты госбанков, которые гарантировали гминным кассам возможность получить деньги под низкий процент на длительный срок.

В связи с нехваткой кредитных ресурсов, высоким уровнем рисков по своевременному возврату заемных средств, гминные кассы пытались отсеять желающих получить кредит, выставляя перечень требований (целевое назначение, платежеспособность кредитуемого лица, срочность займа), который, с учетом хорошей информированности правления кассы, зачастую проживавшего в одной местности с кредитополучателем, было достаточно легко проверить. Кроме того, гминные кассы устанавливали с каждого клиента «манипуляционную» комиссию в размере 1% от суммы предоставленного кредита. Предоставляемые гминными кассами кредиты обеспечивались векселями или долговыми расписками. В случае, если кредитополучатель не возвращал кредит, то средства с него взыскивались через суд. При этом дешевыми кредитами коммунальных и гминных касс простым крестьянам было воспользоваться достаточно сложно. Зачастую кредитные ресурсы, предназначенные на нужды сельского хозяйства, оказывались у предприимчивых торговцев, промышленников, зажиточных крестьян, которые имели более высокий кредитный статус или имели поддержку руководства коммунальных и/или гминных касс. Крестьяне, не имеющие возможность получить дешевый кредит, вынуждены были обращаться в частные банки, небанковские учреждения и даже к сельским ростовщикам [10, с. 110–111].

Наибольшее количество небанковских организаций, действующих в Западной Беларуси, относилось к кредитным кооперативам. Кооперативная кредитная система западнобелорусского региона была двухуровневой: верхний уровень – городские кооперативные банки (Народные банки, кооперативные банки и другие), нижний уровень – сельские кредитные кооперативные организации (кассы Стефчика, христианские и еврейские беспроцентные кассы, иные кредитные кассы). Большинство кооперативных банков структурно входило в состав общепольских кредитных организаций, например, Центральной кассы кредитных кооперативов, Центральная касса сельскохозяйственных кооперативов, Объединения крестьянских кооперативных союзов.

Основными направлениями деятельности кооперативных банков было предоставление своим членам кратко- и среднесрочных кредитов под низкие проценты для приобретения сельскохозяйственной техники, имущества, инвентаря, сырья, товаров; контроль за деятельностью кредитных кооперативов, которые пользовались их кредитами; прием денежных средств под определенные проценты на «вкладные» счета; поручительство для своих членов при получении кредитов в других банках; помощь в организации предприятий в сельском хозяйстве и торговле; покупка и продажа движимого и недвижимого имущества; информационная работа, предоставление юридической и профессиональной помощи; представление интересов своих членов в различных кооперативных учреждениях и органах власти.

Система кооперации во второй половине 1920-х гг. набирала обороты, что потребовало принятия дополнительных мер контроля в этой сфере. В частности, при Министерстве финансов второй Польской республики был создан Кооперативный совет (31 член), в который входили представители профильных министерств и ведомств, а также представители контролирующих организаций различного уровня. Именно Кооперативный совет в конце 1920-х гг. разработал классификатор кооперативов исходя из профиля их деятельности:

- потребительские кооперативы;
- кредитно-сберегательные кооперативы;
- крестьянские кооперативы;
- кооперативы ремесленников;
- кооперативы работников (различных специальностей);
- прочие кооперативы.

Под понятием «кредитно-сберегательные кооперативы» классификатор предполагал следующие виды финансовых организаций:

- сельскохозяйственные кредитно-сберегательные кооперативы;
- кредитно-сберегательные кооперативы государственных служащих и работников (различных направлений);
- универсальные (всеобщие) кредитно-сберегательные кооперативы;
- прочие кредитно-финансовые кооперативы.

К концу 1920-х гг. в рамках кооперативных союзов было собрано примерно 65% от всех кооперативов страны.

Финансово-кредитные кооперативы, входившие в состав Союза кредитных сообществ в Польше, опирались на банк Союза коммерческих компаний в Польше, который располагался в Познани. Другая аналогичная финансовая организация – Центральная касса сельскохозяйственных организаций в Варшаве опиралась на ООО

«Польский банк «Райффайзен» (торговая марка «Кассы Стефчика»), располагавшееся в г. Катовице. Значительное влияние имели также кооперативные союзы Украины (Ревизионный союз украинских кооперативных организаций во Львове и Русский ревизионный союз во Львове). Союз еврейских кооперативных организаций, расположенный в Варшаве, также имел два банка: Банк для кооперативов акционерных товариществ в Варшаве и Центральный народный банк еврейских кооперативов в Вильно. Последний действовал на территории Западной Беларуси. В Западной Беларуси в 1925–1930 гг. также стали формироваться кредитные кооперативы, большинство из которых работали под брендом «Кассы Стефчика». Наибольшее распространение они получили в сельской местности [11, с. 58–59].

Политика польских властей в 1920-е – 1930-е гг. была направлена на максимальное вовлечение населения восточных воеводств в кредитно-банковскую систему страны, поэтому в указанный выше период большие изменения претерпело банковское законодательство, которое определило рост всех типов кредитно-банковских учреждений в межвоенный период в стране в целом, и в Западной Беларуси в частности, и их активную деятельность (таблица).

Таблица. – Динамика кредитно-банковских институтов второй Польской республики, 1927 – 1938 года

Учреждения	Годы					
	1927	1929	1930	1933	1935	1938
Банк Польский	1	1	1	1	1	1
– отделения	51	53	53	53	50	50
– представительства	112	201	222	227	247	250
Государственные банки	2	2	2	2	2	2
– отделения	28	32	31	31	31	33
Акцептный банк	–	–	–	1	1	1
Коммунальные банки	4	4	4	3	3	4
– отделения	–	–	–	1	1	1
Коммунальные сберегательные кассы	241	368	374	367	363	353
Гминные кредитно-сберегательные кассы	439	824	870	890	910	975
Кредитные кооперативы	3 623	5 025	5 350	5 490	5 154	5 597

Источник: [12, с. 209.]

Заключение. К середине 1920-х гг. сложилась государственная банковская система, представленная крупными профильными государственными банками, которая была подкорректирована в 1930-е годы путем создания нового государственного Акцептного банка. Условия, сроки и направления кредитования, предложенные государственными банками, стали основой финансовой стабилизации в первой половине 1920-х гг., помогли преодолеть мировой финансовый кризис и открыть пути к росту экономики в 1930-е гг.

Система коммунальных кредитно-банковских учреждений получила развитие в повятах, городах и гминах. Стабильное, дешевое, долгосрочное централизованное кредитование от госбанков, концентрация средств регионов в учреждениях коммунального кредита на местах способствовало решению экономических, социальных и других потребностей региона и было очень актуально для Западной Беларуси, которая сильно пострадала в период войн начала XX века.

Развитие сельских кредитных учреждений, через систему кредитных касс и кооперативов, дало возможность стимулировать рост сельскохозяйственных регионов восточной Польши. Немаловажным были приемлемые условия кредитования крестьянства, которое, несмотря на значительные вливания целевых государственных средств, в массе своей являлось проблемным активом для банковской системы Польши в кратко- и среднесрочной перспективе.

Таким образом, кредитная система западнобелорусского региона в течение второй половины 1920-х – 1930-х годов функционировала с помощью кредитного механизма, который, в свою очередь, был структурным элементом механизма кредитования хозяйствующих субъектов Второй Польской республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 20 stycznia 1924 r. w przedmiocie ustanowienia statutu dla banku emisyjnego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – № 8(75). – S. 94–101.
2. Ustawa z dnia 10 czerwca 1921 r. w przedmiocie utworzenia Państwowego Banku Rolnego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 59(369). – S. 989.
3. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 30 maja 1924 r. o połączeniu (fuzji) państwowych instytucji kredytowych w Bank Gospodarstwa Krajowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – № 46 (477). – S. 696.
4. Morawski, W. Słownik historyczny bankowości polskiej do roku 1939 / W. Morawski. – Warszawa: Muza, 1998. – 207 s.
5. Dekret w przedmiocie statutu Polskiego Państwowego Banku Rolnego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1919. – № 12(134). – S. 107–119.
6. Górecki, R. Rola Banku gospodarstwa krajowego w życiu gospodarczym Polski współczesnej / R. Górecki. – Warszawa : nakł. Banku gospodarstwa krajowego, 1928. – 41 s.

7. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 30 grudnia 1924 r. o organizacji i ustaleniu statutów gminnych kas wiejskich pożyczkowo-oszczędnościowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1924. – № 118(1069). – S. 1578.
8. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 13 kwietnia 1927 r. o komunalnych kasach oszczędności // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1927. – № 38(339). – S. 451–456.
9. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych i Ministra Skarbu z dnia 26 marca 1928 r. w sprawie wykonania rozporządzenia Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 13 kwietnia 1927 r. o komunalnych kasach oszczędności // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1928. – № 44(424). – S. 961–985.
10. Гецевич, А.К. Развитие системы мелкого кредита в Западной Беларуси (1921–1939): отдельные аспекты / А.К. Гецевич // Science Time. – 2016 – 11(35). – С. 108–111.
11. Гецевич, А.К. Деятельность кооперативных кредитных касс в Новогрудском воеводстве (вторая половина 1920-х гг.) / А.К.Гецевич // Банковский вестник. – 2018. – № 2. – С. 58–60.
12. Mały rocznik statystyczny. 1939. – Warszawa: GUS, 1939. – 424 s.

Поступила 13.05.2021

THE MAIN ACTIVITIES OF STATE, MUNICIPAL AND COOPERATIVE BANKING INSTITUTIONS IN WESTERN BELARUS IN THE 1920s – 1930s

A. GETSEVICH

The purpose of the study is to study the main activities of state, municipal and cooperative credit and banking institutions in the territory of Western Belarus in the period of the 1920s – 1930s.

The article deals with the issues of legislative registration of the credit and banking structure of the second Polish republic, the formation of the structure of the largest financial institutions-state banks, as well as the reasons for the spread of municipal credit and banking institutions, credit cooperatives in the region; the main directions and forms of their work among the population of the region, the conditions for providing credit resources, accepting borrowed funds. Statistical data on the activities of credit institutions, the number of branches and branches are provided. In conclusion, the state and problems of credit institutions in the West Belarusian region are analyzed.

The results obtained can be used in the study of the economic history of Belarus in the XX century.

Keywords: *Western Belarus, Poland, bank, municipal bank, credit cooperative, global financial crisis, money.*

УДК УДК 94(476)(=512.145)''1939/1945'':355.318.2

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР В АНТИФАШИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ В СОСТАВЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ФРОНТАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

канд. ист. наук., доц. С.В. ГРИБОВА
(Брестский государственный технический университет)

Данная статья посвящена участию белорусских татар в иностранных военных формированиях в годы Второй мировой войны. Автор отмечает, что представители татарского населения БССР внесли свой вклад в общую победу, сражаясь на фронтах войны в рамках таких военных формирований, как I-я и II-я Польские армии, которые были самыми крупными иностранными формированиями в составе советских вооруженных сил. Белорусские татары также были представлены в армии В. Андерса, с которой приняли участие в боях в Италии. Есть сведения о представительстве татар в польских военных формированиях в составе французских вооруженных сил, а также потомки татар, выходцы из ВКЛ, проживавшие в США, вели борьбу с врагом в составе американских войск на тихоокеанском и европейском фронтах.

Ключевые слова: белорусские татары, Вторая мировая война, иностранные военные формирования.

Введение. Вторая мировая война стала крупнейшим вооружённым конфликтом в истории человечества. В ней участвовали 62 государства из 73 существовавших на тот момент. Боевые действия велись на территории Европы, Азии, Африки и в водах всех океанов. Великая Отечественная Война, в рамках Второй мировой, стала огромной трагедией для народов СССР. На борьбу с врагом было мобилизовано максимальное количество ресурсов. Белорусские татары также внесли свою лепту в общую Победу. Они были представлены в различных формах антифашистской борьбы. Данная статья посвящена их участию во Второй мировой войне в составе иностранных военных формирований.

Основная часть. Начали татары сражаться с врагом еще накануне Великой Отечественной Войны, в начале Второй мировой, в сентябре 1939 г. после нападения немецко-фашистских войск на Польшу: вели борьбу против превосходящих сил противника в составе татарского уланского эскадрона 13-го полка виленских уланов в Польской армии. Местом дислокации эскадрона была Новая Вилейка неподалеку от Вильно. Татары Западной Беларуси являлись резервом для формирования уланского эскадрона. Например, в предвоенное время службу в эскадроне несли татары: Якуб Казакевич из д. Иваново Несвижского р-на, Мустафа Абрамович и его брат Бекир из Клецка [1, с. 2], татарин из Глубокского района д. Амбросовичи Витебской области Ильясевич Хасень Мустафович. В эскадрон был распределен на службу после окончания унтер-офицерской школы татарин из Белосточчины Александр Халецкий [2, с. 57]. Командиром эскадрона в то время был татарин, ротмистр Александр Ельяшевич, а капелланом (мусульманским священником) – уроженец Ляхович, Варшавский имам Али Воронович. 13-й полк виленских уланов входил в 3-ю виленскую бригаду кавалерии, в составе которой также находился полк гродненских уланов.

В полку была объявлена мобилизационная готовность, и 27 августа 1939 г. виленская бригада получила приказ начать передислокацию в район Пётркува Трибунальского в районе Ченстохова. Татарский уланский эскадрон, в котором насчитывалось около 50 мусульман, в конце августа был погружен в товарные вагоны вместе с лошадьми и железной дорогой направлен на фронт через Лиду, Барановичи, Брест, Варшаву, Лодзь в район Пётркува Трибунальского.

Первый бой с противником состоялся 3 сентября 1939 г. за Пётркувом, где эскадрон попал в окружение танков врага. В результате большинство солдат отступило к месту нахождения своих лошадей, часть погибла или попала в плен. Эскадрон отошел в сторону Радома, где воссоединился с 13-м полком и начал отступление за реку Пилицу, чтобы организовать оборону переправы в Сулееве [1, с. 2]. Седьмого сентября 1939 г. эскадрон дал бой мощному механизированному отряду врага, задержав его наступление. Однако после потери связи командования 13-го полка с командованием бригады и неоднократных налетов авиации врага, а также под напором его танково-механизированных соединений начался период общего отступления разбитой польской армии к единственному мосту через реку Вислу. После переправы на восточный берег Вислы ротмистр Али Ельяшевич собрал лишь часть уланов. Виленская бригада кавалерии перестала существовать как боевая единица. Татарский эскадрон, присоединившись к 4-му полку, двигался дальше на север, принимая участие в отдельных схватках с врагом [3, с. 126].

После вступления Красной Армии в Западную Беларусь, кавалерийская бригада провела бой с охраной немецкой колонны, после которого захватила в плен несколько солдат и автомобилей врага. Однако 23 сентября 1939 г. после тяжелых боев с 68-й пехотной германской дивизией, которую поддерживала артиллерия и минометы, полк был разбит, и от сводного татарского эскадрона осталось только два десятка солдат. Некоторые из них, потеряв связь с командиром эскадрона, пытались самостоятельно прорываться на восток, часть – перейти в Венгрию, еще часть отдельными группами продолжала бороться с немецко-фашистскими захватчиками. Остаток уланов двигался в направлении Люблина, Хелма и Ковеля, потому что дальнейшее сопротивление потеряло смысл. В таких обстоятельствах упомянутый клецкий татарин Бекир Абрамович в октябре 1939 г. сумел добраться до дома. А Александр Халецкий 6 октября 1939 г. попал в немецкий плен, откуда он смог сбежать 20 апреля 1942 г. Десятого мая 1942 г. он добрался до Крушинян на Белосточчине, где жили его родные, которые и прятали его до конца войны [2, с. 57].

Многих солдат, в том числе Мустафу Абрамовича и Якуба Казакевича, красноармейцы задержали и направили на станцию Ивацевичи, где формировался эшелон для военнопленных. Через несколько дней эшелон двинулся на восток [1, с. 3]. Это был период, когда после вступления Красной Армии в Западную Беларусь в сентябре 1939 г., начались гонения против бывших военнослужащих польской армии, польских чиновников, зажиточных крестьян,

священников и других категорий населения, которые арестовывались и депортировались в Сибирь и другие отдаленные регионы СССР. Поэтому при встрече с Красной Армией даже рядовые солдаты Польской армии не освобождались, а направлялись в лагерь военнопленных в Козельск, Старобельск и Осташково.

С началом Великой Отечественной Войны и изменением политической ситуации в мире изменилось и положение польских пленных. По соглашению между советским и польским эмигрантским правительствами в июле 1941 г. на территории СССР из беженцев, пленных и других польских граждан в сентябре 1941 г. начала формироваться польская армия под командованием генерала В. Андерса. В эту армию также вступили татары из Западной Беларуси, которые находились в лагерях для военнопленных или были депортированы на восток. В ее составе оказались упоминаемый Мустафа Абрамович из Клецка (в том числе этот период своей жизни он описал в своих мемуарах: Abramowicz M. Droga Mojego zycia (1437/1438 wedlug kalendarza muzulmanskiego), Wroclaw 2016.), Джанура Байрашевская из Слонима (дочь полковника Матея Байрашевского, семья которого, как польского осадника, была депортирована), бывший осадник из Несвижского района Барановичской области Смайкевич Ромуальд (депортирован с семьей в Архангельскую область), Махмет Мухарский, освобожденный из лагеря в Татищеве (Самарская область) 3 сентября 1941 г. [2, с. 118].

Но после неудачных переговоров с И. Сталиным эмигрантское польское правительство в 1942 г. выступило против участия польских войск на советско-германском фронте. Поэтому по его приказу генерал В. Андерс в марте – августе 1942 г. должен был вывести почти всю армию (около 75 тыс. человек) из СССР в Иран. Там их встретили английские войска, переобмундировали и направили в Ирак и Палестину на обучение с использованием английского вооружения. Затем в 1944 г. они вернулись в иранский порт на берегу Персидского залива и оттуда пароходом были направлены в Египет и Италию (Монте-Кассино), где принимали участие в боях с фашистами [4, с. 100]. Всю боевую кампанию в Италии с армией В. Андерса (22 июля 1943 г. она была преобразована во 2-й польский корпус в составе британской армии) прошел татарин со Слонима Фуад Шегидевич (1920–2004), был дважды ранен. После войны остался в Великобритании, где активно занимался общественной деятельностью, был членом Главного управления Союза инвалидов Польских военных сил на Западе, его председателем в Ноттингеме, председателем общества разведчиков в Ноттингеме и др. В 1990 г. ему было присвоено звание подполковника. Стоит отметить, что он оказал материальную помощь слонимской татарской общине для открытия мечети в Слониме (1994 г.). О чем свидетельствует памятная доска на здании [2, с. 177–178]. Его отец Якуб Шегидевич также сражался с врагом в составе армии В. Андерса. Будучи амнистированным 5 ноября 1941 г. (он был приговорен к восьми годам работ в лагере в Архангельской области), Якуб Шегидевич вступил в ряды армии В. Андерса. В Узбекистане, в одном из мест ее формирования, он был зачислен в 22-й пехотный полк 7-й пехотной дивизии, далее служил в первом отделе штаба армии. Уже будучи в Иране, 1 января 1943 г. он получил долгосрочный отпуск по причине состояния здоровья и возраста. В 1947 г. поселился с семьей в Великобритании, где и умер через 2 года [2, с. 180–181].

В Италии в составе 2-го польского корпуса сражался с врагом и татарин из Новогрудка, Ибрагим Радкевич. Он погиб под Лорето (провинция Анкона) 18 июля 1944 г. Похоронен там же, на военном кладбище [2, с. 144]. Также новогрудский татарин Эмир Байрашевский (1913–1996) внес свой вклад в победу будучи в составе армии В. Андерса. С детских лет после смерти родителей его воспитанием занимался новогрудский имам. Эмир Байрашевский стал дипломированным полковником, имамом Главного военного имамата польских мусульман в Польских вооруженных силах на Западе. После войны жил в Великобритании, в США. Возглавлял созданный в Лондоне верховный имамат польских мусульман за рубежом. Занимался религиозной общественной деятельностью [2, с. 45]. В составе армии В. Андерса были и такие новогрудские татары, как Якуб Якубовский (1923–1945), который погиб в итальянской кампании во время боев за Болонью 14 апреля 1945 г. (похоронен на польском военном кладбище в Болонье) [2, с. 73], Салих Богданович (1912–1996), принимавший участие в битве за Монте-Кассино в Италии (далее оказался в Англии, в 1950-е гг. – в США), Амурат Гембицкий (1924–2008) – татарин из Ошмянского района Гродненской области попал в армию В. Андерса в Узбекистане. Следовал с ней в Ирак-Иран-Палестину, в июле 1943 г. служил в 307-й эскадрилье ночных истребителей, дислоцированной в Великобритании. Прошел курс обучения радистов. После войны, вероятно, остался в Великобритании [5, с. 37].

В Женской вспомогательной службе польских вооруженных сил на Западе, во 2-м Польском корпусе В. Андерса значатся: Стацевич София из Слонима, Клишевич (по мужу) Мирослава (откуда конкретно родом нет данных), Евгения (Галина) Иосифовна Корицкая (родом из Коптевицны под Острино, Щучинский р-н. Корни ее рода из Орды и Ловчиц (Новогрудский р-н). Известно, что сейчас живет в Лондоне). Слонимская татарка Шегидевич Эльмира (сестра Фуарда Шегидевича, дочь Яуба Шегидевича, о которых речь шла ранее) служила в звании сержанта в 317-й Транспортной компании в 1942–1949 гг. [6, с. 112]. Упомянутая выше Джанура, дочь Матея и Зехры Байрашевских, несла службу, будучи медсестрой в звании прапорщика в военном госпитале в Италии. После войны оказалась в Англии.

Белорусские татары внесли свой вклад в общую победу над врагом, сражаясь в рядах 1-й пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Она была сформирована Союзом польских патриотов при поддержке советского правительства и стала основой 1-й Польской армии, созданной 16 марта 1944 г. под командованием генерала З. Берлинга. В пехотную дивизию попали многие польские солдаты, не поехавшие в Иран в составе армии В. Андерса, а также депортированные на восток бывшие польские осадники. Пройдя небольшой курс подготовки, польская дивизия и 1-й танковый полк имени Героев Вестерплатте впервые 12–13 октября 1943 г. вступили в бой с вражескими войсками возле д. Ленино Горецкого района Могилевской области. За два дня тяжелых боев было уничтожено почти 2,5 тысячи гитлеровцев, много боевой техники противника. Но и польская дивизия понесла значительные потери. Среди погибших были и татары. В справке Генерального штаба Министерства обороны Польши от 14 июля 1949 г. сообщалось, что «рядовой Корицкий Александр, сын Давида, рожденный 20 декабря 1924 г.

в г. Клецке, Новогрудском воеводстве, мобилизован на военную службу Нейским РВК Ярославля, героически и мужественно боролся за свободу и независимость страны. Погиб 12 октября 1943 г.» [7, с. 81]. Участвовал в этом бою в составе 1-й пехотной дивизии II-го стрелкового полка уроженец Слонима, татарин Энвер Байрашевский (1924 г.р.) (сын Матея Байрашевского – полковника, военного осадника, семья которого была депортирована в Вологодскую область). Однако его судьба сложилась не так трагично. Старший сержант Энвер Байрашевский боролся с врагом до 1944 г., имел награды. После войны жил в Польше [8]. Некоторые из мобилизованных слонимских татар также оказались в Польской армии. Так, например, Матвей Сулейманович Байрашевский (1916 г.р.) с марта по май 1945 г. боролся с врагом в составе 14-го механизированного полка 6-й пехотной дивизии 1-й Польской армии [9]. Участвовал в форсировании Одера в апреле 1945 г. [5, с. 29]. После войны проживал в Слониме. В Польской армии вел борьбу с врагом, мобилизованный 4 января 1945 г., Адам Романович Байрашевский (1925 г.р.) [10, л. 10]. После войны выехал в Белосток (Республика Польша) (из разговора с имамом Слонимской татарской общины, Сулейманом Матвеевичем Байрашевским. 10.06.2009.). Ивьевский татарин Якуб Амуратович Якубовский (1905 г.р.) также воевал в составе Польской армии, будучи мобилизованным в 1944 г. Татарин из Глубокского района, Витебской области, д. Амбросовичи Константин Ильясевич (1909–1993) с конца 1944 г. сражался с врагом в 14-й отдельной противотанковой бригаде 2-й Польской армии, формирование которой началось в сентябре 1944 г., в марте 1945 г. армия вошла в состав 1-го Украинского фронта. Константин Ильясевич демобилизован в ноябре 1945 г. После войны вернулся к родным в Докшицы. В этой же бригаде воевал с врагом и его двоюродный брат Хасень Мустафович Ильясевич [5, с. 75]. Татарин из Мяделя Бронислав Муравский (1914–1981) после побега из лагеря в Козельске и возвращения на родину, в 1944 г. был мобилизован в 32-й пехотный полк, который входил в состав 8-й дрезденской пехотной дивизии 2-й Польской армии. В ноябре 1944 г. получил звание сержанта, в мае 1945 г. – старшего сержанта. 15 мая 1946 г. был демобилизован [2, с. 124].

Польские военные формирования, сведённые в две Польские армии, 1-ю и 2-ю, стали крупнейшими иностранными формированиями в составе вооружённых сил СССР, воевавших на советско-германском фронте с нацизмом, в рядах которых, как стало известно, вели борьбу с врагом и представители татарского населения.

Были они и в польских военных частях в составе вооружённых сил Франции. Татарин из Волковьска Ибрагим Иохим Байрашевский (1912–1996), мобилизованный летом 1939 г. в польскую армию, служил на восточной границе. Осенью 1939 г. был интернирован, но ему удалось сбежать из советского лагеря, после чего он направился в Румынию, а оттуда, через Югославию и Грецию, – во Францию, где присоединился к польским формированиям.

Как известно, в сентябре-октябре 1939 года, после эмиграции польского правительства, некоторая часть польских войск отступила на территорию Венгрии, Румынии, откуда они смогли выехать во Францию и на Ближний Восток. Правительство Польши, находившееся во французском городе Анже, в конце сентября 1939 г. договорилось с правительством Франции о формировании польских воинских частей в составе французских вооружённых сил, где в октябре 1939 г. польских военнослужащих насчитывалось 1900 человек личного состава, а к середине июня 1940 г. – уже около 84 500 человек. Они были вооружены французским оружием и обмундированы во французскую форму одежды, но с польскими знаками отличия (кокардами, шевронами и т.д.). Байрашевский Ибрагим Иохим, будучи во Франции, в феврале 1940 г. вступил в отдельную бригаду подгальских стрелков. Участвовал в боях за Нарвик в Норвегии (май 1940 г.). После войны жил в Варшаве [5, с. 61].

Стоит также упомянуть о том, что татары сражались с врагом и в составе американских военных сил. Так, потомки татар – первых переселенцев из Ивья, Новогрудка, Смиловичей, Клецка и других поселений бывшего ВКЛ, которые родились на территории США в первой четверти XX в., будучи американскими военными, принимали участие во Второй мировой войне на двух фронтах – Европейском и Тихоокеанском.

С началом участия США в войне началась мобилизация мужского населения, соответствующего возраста. Созданная мусульманская организация в США, куда входили татары Нью-Йорка, Вустера и других городов Америки, не осталась равнодушной и решила помогать своим военнослужащим-татарам. Все военнослужащие, согласно постановлению комитета организации от 16 марта 1941 г., были освобождены от необходимости платить взносы, и имели право на финансовую помощь в случае смерти или травмы, при условии, что на момент службы у них не было задолженности, и они письменно уведомили о службе. В целом, надо отметить, что устав организации предусматривал определенные правила членства в ней. Во время войны организация несколько раз приобретала военные бонды и облигации, помогая фронту, а также посылала денежные средства в Красный Крест. Проводила балы в честь Байрамов, а собранные средства также направляла на помощь военным. Так, 21 сентября 1941 г. она послала в честь праздника Байрам по 5\$ Александру Ибрагимовичу Ризвановичу, Ибрагиму Радкевичу и Гарри Ибрагимовичу Шабановичу, которые на то время проходили военную службу. В ноябре 1941 г. Ризванович и Радкевич прислали письма с благодарностью. 19 сентября 1943 г. организация послала военным подарки в честь Курбан-Байрама. Кроме финансовой помощи и подарков, организация в сентябре 1942 г. сделала специальные жетоны с полумесяцем и шахадой для солдат-мусульман. В организации с большим уважением и почётом относились к военнослужащим. В сентябре 1945 г. был организован бал в честь Победы.

Во время одного из заседаний организации 19 декабря 1943 г. была проведена перепись всех военнослужащих-татар, которые на тот момент проходили службу в армии и являлись членами организации. Было установлено 24 человека. Ещё служили 34 юноши, которые не входили в состав организации. Есть сведения, что 17 декабря 1944 г. в организацию были приняты Якуб Сюлейманович Лебедь и Давид Мустафович Сафаревич, а 18 марта 1945 г. – Мартин (Мустафа) Якубович Муха и Якуб Захарович Муха, родившиеся в 1924 г. [11, с. 45].

Давид Якубович Шабанович (1925–2020) (сменил фамилию на Barker) участвовал в 1945 г. в штурме Окинав, затем защищал там аэродром в составе батареи противовоздушной обороны. Его брат, Бекир (1914–1974), некоторое время занимавший пост секретаря организации, попал на Европейский фронт. Ян Радкевич – контролер

организации в 1943 г., был направлен на военный завод на базе Перл-Харбор на Гавайях. Самуил Александрович Шункевич (1914–1986) до армии был председателем Общества мусульманской молодежи при организации, Александр Александрович Лебедь (1922–1999) во время службы получил звание сержанта [11, с. 46].

Не все татары служили на протяжении всего военного периода. Так, уже в 1943 г. были демобилизованы Якуб Камилевич Рафалович и Самуил Александрович Воронович.

Заключение. Таким образом, белорусские татары привнесли свой вклад в победу над общим врагом, сражаясь в таких иностранных формированиях в годы Второй мировой войны на советско-германском фронте, как 1-я дивизия имени Т. Костюшко, ставшая основой 1-й Польской армии, 2-я Польская армия, которые были самыми крупными иностранными формированиями в составе советских вооруженных сил и принимали участие в освобождении территории Польши и в боях за Берлин, будучи в составе 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Белорусские татары также были представлены в армии В. Андерса, с которой приняли участие в боях в Италии. Есть сведения о представительстве татар в польских военных формированиях в составе французских вооруженных сил, а также потомки татар, выходцы из ВКЛ, проживавшие в США, вели борьбу с врагом в составе американских войск на Тихоокеанском и Европейском фронтах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрович, Х.М. Татары в книгах «Памяць» районов их проживания / Х.М. Александрович // Жизнь, Жыццё татарскае. – 2003. – № 5. – С. 2–3.
2. Słownik biograficzny татарów polskich XX wieku / red. naukowa A. Miskiewicz. – Białystok : Muzułmański Związek Religijny w RP, Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2018. – 144 с.
3. Александрович, Х.М. Татары клецкого джамята в годы Второй мировой войны / Х. М. Александрович // Участие тюркских народов и народов Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : материалы X междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 сент. 2004 г. / Белорус. гос. пед. ун-т ; ред.: И.Б. Канапацкий [и др.]. – Минск, 2004. – С. 124–149.
4. Канапацкі, І.Б. Да пытання ўдзелу мусульман у барацьбе беларускага народа супраць фашысцкіх захопнікаў у гады Другой сусветнай вайны / І.Б. Канапацкі // Вызваленне Беларусі ад германскіх акупантаў (восень 1943 – лета 1944 гг.) : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 29 крас. 2004 г. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; ред.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск, 2004 – С. 99–105.
5. Tatarzy w służbie Polsce 1918–2018 / Zespół redakcyjny: Barbara Pawlic-Miśkiewicz, Musa Çaxarhan Czachorowski. – Białystok : Muzułmański Związek Religijny w RP, Najwyższe Kolegium Muzułmańskie, 2018. – 144 с.
6. Miskiewicz, A. Tatarzy – żołnierzy polscy podczas II Wojny Światowej / A. Miskiewicz // Tatarzy wierni Polscy. Szkice z dziejów татарów polskich w XX wieku. – Gdansk, 2017. – 215 с.
7. Aleksandrowicz, Ch. Księga pamięci. Z okazji 60-lecia wyzwolenia Białorusi, z wyciestwa w Wielkiej wojnie ojczyznianej i 120-lecia pierwszego meczetu w Klecku / Ch. Aleksandrowicz // Rocznik татарów Polskich. – 2006. – № 11. – S. 69–107.
8. Archiwum Fundacji Osrodka KARTA, Indeks Represjonowanych w Warszawie. (Опросные листы, заполненные репрессированными лицами или членами их семей. IR-10262.)
9. Архіў Слонімскага РВК. – Книга учёта участников Великой Отечественной войны (1979).
10. Архіў Слонімскага РВК. – Алфавітная книга призванных по мобилизации (18 июля 1944 г. – 21 мая 1945 г.).
11. Міскевіч, С. Да 75-годдзя Перамогі. Невядомыя іменны вайны. / С. Міскевіч // Байрам. Татары на зямлі Беларусі. – 2020. – № 46. – С. 45–49.

Поступила 28.04.2021

PARTICIPATION OF BELARUSIAN TATARS IN THE ANTI-FASCIST MOVEMENT AS PART OF FOREIGN MILITARY FORMATIONS ON THE FRONTS OF THE SECOND WORLD WAR

S. GRIBOVA

This article is devoted to the participation of Belarusian Tatars in foreign military formations during the Second World War. The author notes that representatives of the Tatar population of the BSSR contributed to the overall victory, fighting on the war fronts within such military formations as the I and II Polish armies, which were the largest foreign formations in the Soviet armed forces. Belarusian Tatars were also represented in the army of Vladislav Anders, with whom they took part in the battles in Italy. There is information about the representation of Tatars in the Polish military formations as part of the French armed forces. Also descendants of Tatars, natives of the Grand Duchy of Lithuania, who lived in the United States, fought against the enemy as part of the American troops on the Pacific and European fronts.

Keywords: Belarusian Tatars, the Second World War, foreign military formations.

УДК 394.014 «1656/1657»

**ФАКТЫ НАСИЛИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА
(СОГЛАСНО АКТАМ КНИГИ ПОЛОЦКОГО МАГИСТРАТА 1656 – 1657 гг.)****Д.С. ГРИЦКЕВИЧ***(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)*

В статье представлены результаты исследования текста актов Книги Полоцкого магистрата 1656 – 1657 гг. с целью выявления записей о фактах межличностного насилия среди жителей города. В актах описаны 7 конфликтов, в которых были задействованы мужчины и женщины, занимавшие разное социальное положение. Каждый отдельный случай имеет описание обстоятельств случившегося, полученных травм и последствий для здоровья пострадавшего. Факты насилия имели место на улице, рынках, во дворах и непосредственно домах. Согласно записям, повреждения наносились руками или ногами, подручными средствами. В двух случаях использовалось холодное оружие. Благодаря работе урядового слуги, в актах представлено описание повреждений, полученных пострадавшими (ушибы лица и головы (травмы носа, утеря зубов), травмы конечностей и туловища, переломы костей).

Ключевые слова: Полоцк, Книга Полоцкого магистрата, история повседневности, межличностное насилие, травмы.

Введение. Полоцк, являясь древнейшим городом Беларуси, имеет богатое историческое наследие. Город зачастую становится предметом общеполитического, археологического, этнографического и антропологического исследований. Говоря об антропологии следует упомянуть, что с недавнего времени на базе Полоцкого государственного университета была начата разработка палеопатологического направления. Данная наука позволяет выявлять и анализировать случаи болезней и стрессовых состояний, зафиксированные на костном материале человека. К одной из групп патологических изменений относятся травмы, которые позволяют говорить об участии населения в военных действиях и присутствии в социуме случаев межличностного насилия (следы травм, нанесенных оружием, переломы костей и т.д.). В данной статье рассмотрены факты насилия среди населения Полоцка, описанные в актах Книги Полоцкого магистрата 1656 – 1657 гг. Комплексное исследование здоровья человека прошлого с использованием материалов и методов смежных дисциплин позволит наиболее полно изучить некоторые аспекты истории повседневности города.

Основная часть. В процессе изучения отдельных аспектов истории повседневности важным является обращение к историческому контексту эпохи. Это позволяет ознакомиться с реалиями, в которых проживало население, сложить представление об их менталитете, личном восприятии политических и социально-экономических изменений.

Известно, что в XVI – первой половине XVII в. Полоцк был самым крупным городом Беларуси и Великого Княжества Литовского. Уже в XVI в. город состоял из 80 улиц и переулков, имел два замка (Верхний и Нижний), и 6 посадов: Великий, Островской (Острогский), Экиманский, Заполотский (Заполотье, Заполота), Кривцов, Слободской [1, с. 43]. И в обозначенный период занимал площадь около 200 га [2, с. 88]. Полоцк активно занимался торговлей, чему способствовало его выгодное расположение на берегу реки Двина. Будучи крупным речным портом, город поддерживал торговые связи с рядом мест Беларуси, России, и стран Прибалтики. Например, из Полоцка в Ригу возили пеньку, лён, деревянные балки, жир, воск, хмель, мыло, обувь и т.д. Из Риги в основном везли соль и селедку [3, с. 265]. Важную роль играло и сухопутное сообщение. Известно, что Полоцк с городами Русского государства связывали несколько дорог, самая большая из них – гостинец через Невель на Москву [1, с. 46].

По исследованиям Д.В. Дука, в XVI – XVIII вв. в Полоцке, вместе с практикой обработки дерева, камня и кости, активно развивалось металлургическое, кожевенное, стеклянное производство [4, с. 198]. Особенности экономико-политической ситуации способствовали созданию узконаправленных профессий. Например, горожане занимались сооружением и ремонтом речных судов, входили в состав команд большегрузных судов и т.д. Участие города в войнах и создание в нем фортификационных сооружений обусловило распространение ремесел кузнеца-пищальника, пороховника, сабельника и т.д. [1, с. 49].

Магдебургское право, которое было введено в 1498 г. привилегией великого князя Александра в Полоцке, положило начало новому периоду развития города с собственным институтом самоуправления – городским магистратом. Магистрат состоял из 20 радцев, бурмистров и лавников (судей) [5, с. 7]. Магдебургское право распространялось не только на всех жителей Полоцка – мещан, но и на тех, кто селился на мещанских землях в ближних и дальних окрестностях города. Мещанин владел недвижимостью, имел свою усадьбу непосредственно в черте города и занимался ремеслом или торговлей [5, с. 7].

Согласно С.В. Тарасову, с IX по середину XVI в. количество жителей Полоцка постоянно увеличивалось [2, с. 91]. Но в XVI – первой половине XVII в., из-за военных разорений, последовавших за ними эпидемий, неурожаев и пожаров, численность жителей города стала резко сокращаться [1, с. 44]. В период войны между Россией и Речью Посполитой (1654–1667 гг.) Полоцк был подчинен царю Алексею Михайловичу. Многие полоцкие ремесленники были вывезены в Московское царство. Война нанесла Полоцку большие материальные

и человеческие потери [5, с. 9]. По мнению И.П. Дейниса, в середине XVII в. здесь проживало около 15 – 20 тыс. человек, когда в 1654 г., согласно переписи, 910 домов числились опустевшими и только 848 жилыми, в которых проживало около 5000 человек [3, с. 296]. Город постепенно восстанавливался, и уже к 60-м годам XVIII в. Полоцк по численности населения и экономическому развитию достиг уровня начала второй половины XVII века. Возвращение части населения, покинувшее город во время войны, и процесс естественного прироста способствовали постепенному увеличению численности горожан. Сюда же следует отнести переселение людей из других городов, местечек и окрестных деревень [1, с. 60].

Актовые книги магистратов белорусских городов занимают важное место среди документальных источников, которыми пользуются исследователи при изучении истории Беларуси Средневековья и Раннего Нового времени. Актовые книги содержат документы нотариального (тестаменты, дарения, купли-продажи и т.д.), хозяйственно-финансового (инвентари, реестры, счета, тарифы), государственного (привилеи и универсалы самого разного характера, инструкции, постановления), судебного характера (решения по делам, жалобы, повестки, интормиссии и т.д.) [6, с. 6]. Кроме того, магистерские книги содержат ценную информацию о топографии полоцких посадов, расположении объектов недвижимости, названиях улиц. Помимо этого, в них дается описание внешнего вида и интерьера жилищ полочан, социального состава и организации населения, имущественного состояния различных социальных групп XVII – XVIII вв. [7, с. 31].

Книги Полоцкого магистрата 1656 – 1657 гг., опубликованы в составе коллективной монографии «Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX – XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV – XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке». Составлением материала занимался М.Ю. Гордеев, а подготовкой к печати и изданием – А.Б. Довнар [8, с. 545–700].

Среди прочего, в Книгах Полоцкого магистрата содержатся описания случаев межличностного насилия, которые позволяют проследить обстоятельства, причины и последствия конфликтов между горожанами Полоцка середины XVII в. Первый случай представлен в записи № 67 от 23 января 1657 г. «Судебное решение по делу полоцкой мещанки Ульяны Артёмовны Андреевой Рымовой с полоцким мещанином Амелияном Шалогом и избивении её мужа, от чего тот скончался. Запись соглашения сторон о удовлетворении претензий» [8, с. 600]. Мещанкой была подана жалоба на некоего Амелияна Шалого, который был обвинен в нанесении тяжелых телесных повреждений ее мужу в следующих обстоятельствах – *«якъ з под Рымар, на плоте з сеном, купившы за дванадцать копъ, рекою Двиною до Полоцка састануть и привезать хотел, теды менованыи Шала округне а нелитостиве тог(о) Андрея Рымара коломъ по руце левои и по боку левом бил, мордовал и раны барзо шкодливые на руце и на боку позадовал, кости и жебра поламал»* [8, с. 601]. Согласно описанию, горожанином Андреем Рымаром были получены серьезные травмы в виде перелома левой руки и ребер. Кроме того, по свидетельству Ульяны Рымовой был нанесен вред их сыну и личному имуществу – *«...также и сына его Семена збил, змордовал и мало у воду не потопил, и з плоту согнал, и тотъ плот з сеном отнял, розсекъ»* [8, с. 601]. Важно отметить, что в результате полученных травм, спустя три недели, в течение которых, скорее всего, оказывалась посильная для того времени медицинская помощь, Андрей Рымар скончался, перед смертью сообщив имя нападавшего – *«от которого округнаго а нелитостиваг(о) збитья и змордованияъ недель тры обложьне он, Андреи Рымар, лежал и от тог(о) збитья умер. А лежечы хорыи, перед священникомъ и пред нею, жоною своею, скаржыл, ижъ з рук и бития Омелияна Шалы зъ сего света зхожу»* [8, с. 601]. В свою защиту Амелиян Шалый указывает, что произошедшее является результатом несчастного случая, а не избивания – *«онъ небощыка Андрея Рымара на березе реки Двины не бил и ни однаго разу его не ударил, и яко не з его рукъ и бою з сего света смертью зыиол, але он самъ, небощыкъ, яко люди поведаютъ, пльвучы на плоте, об мость розбилсе»* [8, с. 601].

Еще один случай получения тяжелых травм, закончившийся смертью, зафиксирован в записи № 82 от 15 февраля 1657 г. «Сообщение полоцких лавников Стефана Людковича и Базылия Свентицкого и городского врядового слуги Станислава Володковича и осмотре тела убитого полоцкого мещанина Якуба Ходыки» [8, с. 611]. Примечательно, что авторами сообщения являются представители судебной коллегии – «лавы», а также городской урядовой слуга, которые посетили дом пани Ходычиной с целью засвидетельствования смерти ее сына – *«в том теды, деи, доме за оказываньем ее, пани Ходычыное, огледали есмо тела сына ее, пани Ходычыное, небощыка пана Якуба Ходыки, тепер свежо змерлого за смертельным зраненьем през мещанина полоцъкого Кузьму Василевича, шевца, яко сама она, пани Ходычыная, меновала»* [8, с. 611]. Согласно осмотру урядового слуги, были зафиксированы следующие повреждения – *«где на том теле змарломъ, то есть на руце левои видели подъ самую запястью через сустав от долины понижеи трохе рану шкодливую тятую вдлуж, и завернуласе на бок карвашомъ, и жылы пересечоны»* [8, с. 611]. Описание позволяет оценить всю тяжесть полученной травмы. Помимо обширного рассечения левой руки в области запястья, была зафиксирована серьезная посттравматическая деформация конечности, о чем свидетельствует примечание «завернуласе на бок карвашомъ», где «карваш» – это обозначение рукавного отворота. Вероятно, данное повреждение было получено вследствие защиты, на что косвенно указывают обстоятельства – *«которую рану менила пани Ходычыная, ижъ задал небощыкови поменяныи Кузма Василевичъ, швецъ, его жъ шаблюю, порвавши зъ стены, на него безбороньног(о) тьял, наехавшы з умыслу на домъ ее, пани Ходычыное»* [8, с. 611]. Как и в предыдущем случае, можно предположить, что Якубу Ходыке

оказывалась медицинская помощь, т.к. после получения ранения он прожил еще несколько дней. Смерть горожанина наступила спустя три дня от потери крови – «од которог(о) зраненья вес с криви стекъшы, третего дня з сего света смертю зшоль» [8, с. 611].

Следующая жалоба, в отличие от прежних, состоит из краткой записи, которая не раскрывает всех подробностей произошедшего, однако содержит информацию об оружии, которым было нанесено ранение. В записи № 89 от 24 февраля 1657 г. «Жалоба землянина Полоцкого воеводства Габриеля Прусского на землянина Полоцкого воеводства, своего тестя Станислава Подборского о нанесении ран» [8, с. 617] содержится краткая запись – «пан Кабрыель Пруский чынил словную протестацію на земенина воеводства Полоцког(о), его м(и)л(о)сти п(а)на Станислава Подборского о двакратно тязте на нег(о) шаблю, запросившы его до себе» [8, с. 618]. Учитывая тот факт, что жалобу подал сам пострадавший, можно высказать предположение о нанесении ему незначительных ранений, после которых Габриелю Прусскому удалось успешно восстановиться.

Запись № 146 от 18 июня 1657 г. «Жалоба полоцкого мещанина Андрея Прокоповича Елького на полоцкого мещанина Гаврилу Шыкуцкого и его сына Александра о избиении» [8, с. 674] содержит ряд подробностей, которые раскрывают обстоятельства группового нападения и жестокого избиения. Согласно Андрею Елькому, все произошло вечером, когда он возвращался из своей лавки к себе домой в Заполотье – «о том, ижъ в року теперешнемъ вишьписаномъ, м(есе)ца июня шеснадцатог(о) дня, власне на заходе слонъца жалобливый Анъдрей Елкии с Посаду Великого, седевши в краме своеи, до дому своего на Заполотье ишоль» [8, с. 674]. Подходя к дому Гаврилы Шыкуцкого, пострадавший был встречен сыном Шыкуцкого и втянут в их дом, где помимо хозяина находились гости в алкогольном опьянении – «и, перешодшы кладки, кды до дому его, Гаврылы Шыкуцког(о) прыходиль, там же сынъ его, Александер Шыкуцький, перенышы на улицы, именьемъ отца своего усильне просил на поседзене на медь, и за руку взавшы, силне в дом утягнуль. Где мало што поседзшы, а бачечы, што он, Шыкуцький з гостями своими пьяны, поклонившысе всимъ прыстоине, до дому своег(о) ити хотель» [8, с. 674-675].

В итоге, после попытки покинуть дом, Андрей Елкий был жестоко избит присутствующими, при этом в сообщении подчеркивается, что нападение было умышленным: «нижъ онъ, Гаврыло Шыкуцький, наполнишысе злое воли, без жадное прычыны, а з гола, безвинъне, наступившы на жалобливого Анъдрея Елкого, презъ сына своего и помочниковъ, которыи то сынъ Александеръ Шыкуцький, досит чынечы и росказанья отца своего, с помочниками наперод ворота запорою заперша, а потом громадьне его, Елкого, оскочышы, а на землю обавилишы, окрутне а нелитостиве кулачемъ, устиницами били, мордовали, и без боязни Божое немилосерне паствечысе, по земли волочыли, торгали, за волосы рвали и раны синие битые и кровавые задавши» [8 с. 675]. После чего пострадавшего выволокли на улицу, а Гаврила Шыкуцкий уверял нападавших в том, что всем удастся избежать наказания: «онъ, Гаврыло Шыкуцький з двора своег(о) на улицу его, Елкого, ледво што жывого выволочы, якъ якого злочынъцу або скотину, казалъ, мовечы на сына и на помочыников: «Не дбаите вы ничего, я вас заступлю, а того лоира Елкого хоть бысте забили, маю чым навязат и заплатит» [8, с. 675].

Далее в записи подчеркивается, что после нападения Андрей Елкий имел серьезные проблемы со здоровьем и продолжает восстанавливаться: «от которого того нелитостивог(о) битя и мордованья онъ, Андреи Елкии велми през колько дни хорый былъ, и теперъ болныи zostавляет» [8, с. 675]. Тут же прилагается результат осмотра повреждений урядовым слугой: «слуга меский вradoвыи прысяглыи Филонъ Рабець реляцію свою огледанья ранъ на Андрею Елком презъ Гаврылу Шыкуцкого и сына его, и помочников заданыхъ, прызналь в тые слова, ижъ видевь у него, Елкого, уста верхние и исподние кривавые, збитые, спухлые, и кров з усть и з носа ишла. Кошуля спереду вся кровю стекла и жупанъ. До тог(о) видел на твары з левое стороны рана кривавая шарпаная, и мениль болеи себе ранъ, заданых кулатчыми и устинъцами по боки и удыннях. До того указывал волосы з головы выораные, менил, ижъ зубы понарушывали, мало од битя не повыподают» [8, с. 675]. Можно отметить, что наиболее пострадавшими местами были лицо, где удары пришлись на челюсть и нос, и туловище. Помимо вырванных волос так же сообщается о травмах зубов.

В следующей жалобе встречается сообщение о применении насилия против женщины. Запись № 154 от 15 июля 1657 г. «Жалоба полоцкого мещанина Пракопа Павловича на полоцкого мещанина, зборщика податей Иван Масола о избиении жены и о забранном имуществе» [8, с. 685] примечательна тем, что помимо избиения в ней зафиксирован факт расхищения имущества по предварительному сговору. Весьма любопытен и тот факт, что одним из нападавших был местный сборщик податей, который воспользовался своим положением и под предлогом неуплаты налога совершил разбой: «ижъ дня вчорашиого он, Иван Масол, не маючы до него, жалобливого, жадное потребы, одно безвинне, нашодшы на мешкане его в небытности самого, казал Гаврыле цекляру, который з ним был, жону его, жалобливого, битъ, мордоват, упоминаючысе, якобы побору, которои вжо он, жалобливый, ему, Масолу, яко поборцы, давно оддал» [8, с. 686]. По указанию Ивана Масола было совершено жестокое нападение на жену Прокопа Павловича, которой чудом удалось скрыться: «за которым ег(о) росказанем тот цекляр жону его, жалобливого, окрутне бил, мордовал, ажъ се заледво од него схоронила. А напотом што хотели, в том мешканю его квалтом грабили и брали» [8, с. 686]. Сохранились показания урядового слуги, который произвел осмотр полученных женой Прокопа Павловича повреждений – «ижъ зъ прыданя моего вradoвог(о) а за потребованем Прокопа Павловича огледал бою и ран, на жоне ег(о) почыненых. У которм видел, деи, на ободвух руках зверху нижеи палцов и щыколотковъ сине, спухло, збито и кровю натекло» [8, с. 686]. Описанные травмы относятся к повреждениям конечностей, вероятно всего, женщина пыталась защититься от нападавших.

Еще одно нападение на женщину зафиксировано в записи от 10 августа 1657 г. «Судебное решение по делу полоцкой мещанинки Арины Гавриловны Матвеевой Рогатчинной на полоцкого мещанина Якуба Якимовича Азявенку о избииении» [8, с. 694]. В данном случае поражает жестокость, с которой были нанесены увечья, также необходимо обратить внимание на обстоятельства случившегося. Якубом Азявенком было предпринято несколько попыток нападения. В первый раз, когда Арина Рогатчина возвращалась домой по Спасской улице, он догнал ее верхом на лошади и напугал: *«и ж кгда жалобливая Рогатчыная в том же м(есе)цу августе дня шостог(о) власне в день Преображенья з дня вжо на вечор ишла ку домови своему улицею Спаскою, там же он, Якубъ Азявевнок, не маючы до нег, Рогатчыное, жадное потребы, догонившы ее на тои улицы, на кони едучы, оную первей конемъ потронтил и на землю обалил»* [8, с. 694]. Во второй раз, на прежнем месте, женщина была жестоко избита и оскорблена словами Азявенка: *«а потом в другии раз гото ж часу безвинне ее, окрутне а не-литостиве, не помънечы на боязьн Божую, в стыд людскии и сроггост права посполитого кулачем збилъ, змордовал, зубъ выбил, раны шкодливые позадал и зокрвавил, и словы неподобными и неучъстивыми, называючы ведьмою и нечънотою, лжыл и безчестил»* [8, с. 694]. В записи отмечается, что, если бы ее не спас брат нападавшего, Арина Рогатчина бы погибла: *«ибы ее од того бою, прыпадшы, брат его ж, Азявенка, Васько Азявенко, не одратовал, певне бы ее на смерть забил и замордовал»* [8, с. 694].

Как и в предыдущем случае, засвидетельствованием полученных женщиной травм занимался урядовой слуга – *«и ж огледал ранъ з битья и зекрвавеня на нег, Матфеевои Рогатчыной, през Якуба Азявенка учыненого»* [8, с. 694]. Согласно описанию, основные травмы были нанесены по лицу и голове, в результате был выбит зуб, ушиблен нос – *«а напрод видел, деи, у нег, Рогатчыное, зуб верхний одинъ на переди выбит, мало што проочъ не выпадет; на носе видел рану кровавую розъбитую; губа и твар вся и под очыма збито, спухъло, синево, кровю натекло»* [8, с. 694]. Зафиксированы следы ушибов конечностей, их женщина могла получить, защищаясь от Азявенка: *«до того видел же на руце правои на самом локътю рану теж збитую, кровавую»* [8, с. 694-695], также следы ссадин на спине: *«по хребте знаки сине, спухлые и кошуля на нег вся у криви»* [8, с. 695]. Травма колена, описанная урядовым слугой, скорее всего была получена в ходе падения: *«а кутому, деи, еще она, Рогатчыная, менила собе на нозе на колене рану збитую, спухлую и кровю натеклую»* [8, с. 695]. Логично предполагать, что травмы могли привести к серьезным осложнениям, для полного восстановления здоровья женщине потребовалось много времени и сил.

Последняя жалоба принадлежит монахам полоцкого Богоявленского монастыря, запись № 163 от 15 августа 1657 г. «Жалоба монахов полоцкого Богоявленского монастыря на полоцкого резника Фёдора Якимовича Азявенка о избииении в Полоцке монастырского подданного с села Сосницы Дорошку» [8, с. 696]. Согласно сообщению, подданный монастыря, Дорошка, прибывший из села Сосница, направлялся на рынок с целью покупки продуктов: *«и жъ, кгда року теперешего тысеца шестсет петдесят пятог(о) м(есе)ца августа чотырнадцатого дня у пятниццу подданыи их м(и)л(о)стеи монастырскии зъ села Сосницы наиме Дорошко, прыбывшы с поотребы в Полоцкъ, шол того дня в рынок до крамов ятковых для купенья собе травы»* [8, с. 696-697]. Конфликт произошел в лавке Фёдора Азявенка после того, как Дорошко поинтересовался ценой на мясо, в следствие чего Азявенко его избил: *«а так, кгда прышол ку краме его, Азявинка, и, улюбившы собе шрот мяса, цены ему пытатсе хотел. Теды он, Азянок, не поведаючы тому мясу цены, вперед запитал его, кому, деи, ты служыши. На што кеды тот мянованыи Дорошко одповедал, же никому не служу, але, деи, их м(и)л(о)сти отцов законъников монастыря Богоявленского полоцъкого подданыи естем, там же он, Федор Азявенко, пропомневшы боязи [Б]ожои в стыду людског(о) и сроггости права посполитого, первей того подданого монастырског(о) Дорошку, будучы опилым, порвавши шротъ мяса, в твар по обеюх цоках, по голове, в плечи и в перси, поволи себе его маючы, бил, мордовал»* [8, с. 697]. Важно отметить, что основные удары пришлись на лицо, голову, спину и грудь пострадавшего.

Заключение. Таким образом, в актах Книги Полоцкого магистрата 1656 – 1657 гг. содержатся ценные сведения о повседневной жизни горожан, в частности о межличностных конфликтах, которые приводили к ущербу для их здоровья. Материал позволяет детально рассмотреть каждый случай насилия, в том числе предшествующие обстоятельства, описание нападения, и, самое главное, последствия для пострадавшего. Согласно записям Книги Полоцкого магистрата, жертвами нападения были как мужчины, так и женщины. Факты насилия имели место на улице, рынках, во дворах и непосредственно в домах. В основном травмы наносились руками или ногами, использовались подручные средства. Однако, стоит выделить и случаи нанесения ран холодным оружием – саблей. Важный блок информации представлен засвидетельствованием травм и повреждений урядовым слугой. Благодаря этому становится возможным ознакомиться с полученными ранениями и оценить всю тяжесть нанесенного здоровью ущерба. В двух описанных случаях нападение закончилось для пострадавшего летальным исходом. Среди основных повреждений, фиксируемых урядовым слугой, выделяются: ушибы лица и головы (травмы носа, потеря зубов), травмы конечностей и туловища, переломы костей.

Исследование актов Книги Полоцкого магистрата 1656-1657 гг. дополняет результаты палеопатологического исследования древнего населения города, помогает интерпретировать и установить причинно-следственные связи тех или иных случаев травматизма, которые можно увидеть на костном материале человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Институт истории; редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.

2. Тарасаў, С.В. Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С.В. Тарасаў. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 183 с.
3. Дэйніс, І.П. Полацкая даўніна / І.П. Дэйніс; уклад., прадм. і камент. М. Баўтовіча ; пер. з рус. мовы М. Ермалаева. – Мінск : Медисонт, 2007. – 330 с.
4. Дук, Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2007. – 268 с.
5. Дук, Д.У. Полацк і палачане / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
6. Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: зб. дак. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; склаў і падрыхт. да друку М.Ю. Гардзеў. – Мінск: Беларуская навука, 2006 – 270 с.
7. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 778 с.
8. Акты Книги полоцкого магистрата за 1656-1657 гг. / сост. М.Ю. Гордеев // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 545–700.

Поступила 15.05.2021

**FACTS OF VIOLENCE AMONG THE POPULATION OF POLOTSK
IN THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY (ACCORDING TO THE LAWS OF THE BOOK
OF THE POLOTSK MAGISTRATE OF 1656–1657)**

D. GRITSKEVICH

The article presents the results of a study of the text of the laws of the Book of the Polotsk Magistrate of 1656-1657 in order to identify records of interpersonal violence among the residents of the city. The laws describe 7 conflicts involving men and women who occupied different social positions. Each individual case has a description of the circumstances of the incident, the injuries received and the consequences for the health of the victim. The violence took place in the streets, markets, courtyards and houses themselves. According to the records, the injuries were inflicted by hands or feet, using improvised means. In two cases, edged weapons were used. Thanks to the work of a representative of the authorities, the acts describe the injuries received by the victims (bruises of the face and head (nose injuries, loss of teeth), injuries to the limbs and torso, bone fractures).

Keywords: *Polotsk, the book of the Polotsk Magistrate, history of everyday life, interpersonal violence, trauma.*

УДК 94 (476) «1920-1930-е»

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА НОМЕНКЛАТУРНОЙ РАБОТЫ
В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1920 – 1930-е гг.***д-р ист. наук, проф. С.А. ЕЛИЗАРОВ**(Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого)*

В статье рассматриваются вопросы организационного обеспечения номенклатурной практики работы комитетов КП(б)Б в 1920 – 1930-е гг. Статья подготовлена на основе анализа материалов Национального архива Республики Беларусь, а также опубликованных в изучаемый период партийных решений по вопросам номенклатурной практики. Отмечается, что в 1920 – 1930-е гг. в организации номенклатурной работы шел поиск форм, отвечавших менявшимся приоритетам развития советского общества. Характерным являлось чередование тенденций централизации (концентрация кадровой работы в единых учетно-распределительных органах в 1920-е гг. и в конце 1930-х гг.) и децентрализации (распределение кадровой ответственности между партийно-отраслевыми и производственно-отраслевыми отделами парткомов) построения системы органов, непосредственно отвечавших за учет и подбор руководящих номенклатурных кадров.

Ключевые слова: Компартия Белоруссии, кадровая политика, партийная номенклатура, партийные комитеты, централизация, децентрализация.

Введение. В реалиях советского времени важнейшим элементом кадровой политики являлся номенклатурный механизм, предусматривавший порядок назначения, смещения и перемещения руководящих кадров различного уровня, в том числе и выборных, только по решениям партийных органов. Партийная номенклатура (номенклатура партийных комитетов), с одной стороны, представляла собой перечень таких должностей, с другой – правящий слой партийно-советской и хозяйственной бюрократии, в руках которого были сосредоточены реальные рычаги и ресурсы власти. Решения основных кадровых вопросов в 1920 – 1930-е гг. принимались на заседаниях различного уровня комитетов КП(б)Б (райкомов, окружкомов-обкомов, ЦК КП(б)Б), а всю подготовительную работу осуществляли созданные в их структуре специальные учетно-распределительные органы.

В современной российской и англоязычной историографии вопросы функционирования номенклатурной системы исследуются весьма активно [1–13], чего нельзя сказать в отношении белорусской историографии, где они до настоящего времени остаются на дальней периферии научных интересов. Только эпизодически такие сюжеты попадают в поле зрения исследователей, да и то лишь в качестве аргумента, подтверждающего недемократичность советской политической системы [14; 15]. А специальные исследования организационных структур номенклатурной работы не только в белорусской, но и в, известной автору, зарубежной историографии отсутствуют.

В связи с указанным выше в представленной статье предпринята попытка выявить основные направления и конкретные шаги по созданию и модификации системы органов, непосредственно отвечавших за регулирование состава руководящих кадров. Это позволит не только лучше понять практику функционирования системы кадровой работы в целом, но и ее связь с процессами трансформаций советской общественно-политической системы и сменой стратегических и тактических партийно-государственных приоритетов.

Статья подготовлена на основе анализа главным образом материалов Национального архива Республики Беларусь (фонды ЦК КП(б)Б–КПБ), а также опубликованных в 1920 – 1930-е гг. партийных решений по вопросам номенклатурной практики. Используются научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный). Принцип историзма предполагает рассмотрение номенклатурного механизма и его организационных структур в контексте общих тенденций политического развития советского общества на рубеже 1920 – 1930-х гг., смены властных приоритетов и моделей социалистического строительства. Системный подход реализуется через изучение органов номенклатурной практики как составного элемента системы советской кадровой политики и системы организации и построения властной вертикали.

Основная часть. Непосредственное появление номенклатуры как перечня основных руководящих должностей, назначение и перемещение по которым осуществлялось партийными органами, обычно связывают с ноябрьским (1923 г.) постановлением Оргбюро ЦК РКП(б). Утвержденные 30 ноября 1923 г. тезисы и постановление Оргбюро ЦК РКП(б) за подписями секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова и заведующего Учраспредом ЦК РКП(б) Л.М. Кагановича вместе со списками первой и второй номенклатур, форм анкет и учетных карточек были разосланы в местные парторганизации [16, лл. 218–221].

Соответственно и на местах, в том числе и в БССР, началась перестройка системы организации учетной и распределительной работы. Первоначально белорусское партийное руководство решило вместо учетно-статистического подотдела Оргбюро ЦК КП(б)Б (занимавшегося до этого времени вопросами учета и распределения партийных кадров) создать особый учетно-распределительный отдел, а статистическую работу передать информационно-статистическому подотделу Оргбюро ЦК КП(б)Б. К началу марта 1924 г. были разработаны положение об учетно-распределительном отделе Временного Белорусского областного Бюро ЦК РКП(б), план его работы,

утвержден штатный состав (девять единиц) [17, лл. 32–33, 36, 69]. Отдел планировалось создать как структурное подразделение Временного Белорусского областного бюро ЦК РКП(б) «на одинаковых со всеми отделами основаниях». В распределительной работе на него возлагалась работа по распределению как членов партии (в том числе и рядовых) во все организации и учреждения республики «в зависимости от потребностей в них», так и беспартийных (в то время – только на ответственные должности центральных республиканских учреждений). Одновременно отдел должен был заниматься разработкой плановых предложений по «укomплектованию партсилами советские, хозяйственные и другие учреждения» [18 лл. 35–35об.].

Новая специальная партийная учетно-распределительная организационная структура была создана после VIII съезда КП(б)Б (12–14 марта 1924 г.), но ее статус был сохранен – учетно-распределительный подотдела Оргбюро ЦК КП(б)Б (учраспред ЦК КП(б)Б). В округах учетно-распределительной работой занимались учетно-статистические подотделы орготделов окружкомов (ОК) КП(б)Б (учстаты ОК КП(б)Б). Райкомы первоначально могли распределять только рядовых работников (как командированных окружками в районы, так и состоящих в районных парторганизациях) [18, л. 138]. Из 10 заведующих учстатами ОК КП(б)Б по социальному происхождению пять были служащими, трое – рабочими, двое – крестьянами, шесть – белорусы, четыре – евреи, девять мужчин и одна женщина. Большинство вступили в большевистскую партию в 1918–1920 гг. (восемь человек) и в других партиях не состояли (лишь один до 1917 г. был членом БУНД). Только один заведующий имел среднее образование, остальные – низшее и домашнее. Основу составляли люди в возрасте от 25 до 30 лет.

Таким образом, «среднестатистический» образ заведующего учстатам ОК КП(б)Б выглядел следующим образом: мужчина в возрасте от 25 до 30 лет с низшим образованием, белорус, член компартии с 1918–1920 гг., в иных партиях не состоявший.

Серьезной проблемой в номенклатурной работе была слабость организации ведомственного учета. В марте 1926 г. ЦК КП(б)Б получил из Оргбюро ЦК ВКП(б) положение «Об учете ответственных работников в местных государственных, хозяйственных, кооперативных и профсоюзных органов», в котором определялись цель, задачи, формы и механизм ведомственного учета [19, лл. 38–41]. На основании этого положения ЦК КП(б)Б утвердил свое, повторяющее практически дословно положение ЦК ВКП(б) [20, лл. 7–9].

Специальные учетно-распределительные (или учетные аппараты) создавались только в республиканских и окружных учреждениях, которые в обязательном порядке должны были возглавляться коммунистами. Для ведения учетно-распределительной работы назначался один из руководителей организации – ответственный за учет и подбор работников по всему ведомству или конкретному учреждению.

После проверки работы учраспредов в августе 1926 г. ЦК КП(б)Б поставил задачу придать их работе плановый характер, главное внимание обратить на изучение и подбор кадров на номенклатурные должности, на подготовку номенклатурного резерва учраспредами ведомств. Для активизации учетно-статистической работы на местах вводилась должность заместителя заведующего учстатом Минского ОК КП(б)Б, в штаты учстатов Витебского, Могилевского, Бобруйского, Борисовского и Оршанского окружкомов дополнительно вводилось по одному работнику [20, лл. 21–24].

На рубеже 1920 – 1930-х гг. в связи с актуализацией курса на форсированное строительство социализма в СССР и превращение его в конкретную практическую задачу важно было обеспечить этот процесс кадрами, которые безоговорочно приняли бы этот курс как единственный возможный и единственно правильный, были способны, несмотря ни на какие жертвы (в том числе и людские), последовательно и неуклонно проводить его на местах. Требовалось нацелить работу всего партийного аппарата, главным образом, на кадровое обеспечение этого «великого перелома». Организационно существовавшая номенклатурная система требовала своей реорганизации: концентрация кадровой политики только в учетно-распределительных структурах партаппарата (учраспреде ЦК ВКП(б), учетно-распределительных органах национальных компартий, местных парторганизаций) с расширением номенклатурных списков превращала сам процесс назначения и перемещения работников в формальные процедуры, в «штампование» кадровых решений. Такая ситуация высшее партийное руководство СССР явно не устраивала. В январе 1930 г. ЦК ВКП(б) принял два постановления по вопросу о реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) [21, с. 169–171]. Признавалась необходимость «реорганизовать аппарат ЦК и местных организаций таким образом, чтобы он успешно разрешил новые сложные задачи, в особенности задачи подбора, распределения и подготовки кадров». Орграспред ЦК ВКП(б), в котором до этого концентрировались все вопросы подбора и распределения кадров по всем отраслям работы, разделялся на два самостоятельных отдела: организационно-инструкторский и отдел распределения. В кадровой политике на оргинструкторский отдел возлагался подбор и распределение кадров партийного аппарата, а на отдел распределения – всех административно-хозяйственных и профсоюзных работников. Вопросы руководящих кадров других отраслей работы становилось прерогативой остальных отделов: отдел культуры и пропаганды – кадры культуры, просвещения, печати, пропаганды марксизма-ленинизма; отдел агитации и массовых кампаний – кадры, организующие и проводящие массовые кампании (кампании перевыборов – советские, профсоюзные и т.д., кампания колдоговоров, посевная кампания, хлебозаготовки и т.д.). Таким образом, кадровая работа распределялась между отделами, сформировавшимися по функциональному принципу (т.е. по основным направлениям партийной работы).

Соответственно утверждалась и внутренняя структура отделов. В оргинструкторском отделе среди трех секторов выделялся сектор, который занимался вопросами регулирования состава партии и подбора кадров партаппарата. В распределительном создавались восемь секторов: тяжелой промышленности, легкой индустрии, транспорта, сельскохозяйственный, заграничных кадров, финансово-планово-торгово-кооперативный, советско-административный и учетный. Кадровая работа в отделе агитации и пропаганды велась по трем секторам: научной

работы и просвещения (в том числе и искусство), пропаганды марксизма-ленинизма, печати (в том числе газеты и художественная литература). По четырем секторам была распределена работа по назначению и перемещению руководящих кадров в отделе агитации и массовых кампаний.

Перестраивалась работа и нижестоящих парторганов. В феврале 1930 г. Секретариат ЦК КП(б)Б по докладу заведующего орготделом ЦК КП(б)Б В.Р. Гантмана утвердил новую структуру аппарата ЦК. Вместо орготдела появился организационно-инструкторский отдел (здесь за кадровые вопросы отвечал сектор проработки вопросов партстроительства, регулирования социального состава парторганизаций и подбора кадров партаппарата). Отдел распределения состоял из трех секторов: по подбору и распределению работников советских и хозяйственных учреждений, по подбору и распределению профработников, сектор учета. Кадровыми вопросами остальных категорий руководящих работников занимались отдел агитации и массовых кампаний (сектор массовой работы и кампаний среди рабочих, сектор массовой агитации и кампаний в деревне, сектор массовой работы среди работниц и крестьянок) и отдел культуры и пропаганды (сектор народного просвещения и научной работы, сектор пропаганды марксизма-ленинизма, сектор печати). Аналогичная система построения создавалась и в аппаратах окружкомов КП(б)Б. Исключение составляли отделы, где по штатному расписанию предусматривался один работник – в таком случае отдельных секторов не выделялось [22, лл. 217, 232].

Утвержденные Секретариатом ЦК КП(б)Б 1 февраля 1930 г. штаты ответственных работников ЦК насчитывали 31 человек. Более всех работников было сосредоточено в оргинструкторском отделе (12 человек), менее всего – в отделе распределения, состоявшего из двух штатных работников – заведующего и его помощника. Такое же количество работников насчитывал распределитель Минского окружкома КП(б)Б, все остальные распределители окружкомов партии – по одному человеку (заведующий) [22, лл. 213–217]. С ноября 1930 г. распределитель ЦК КП(б)Б был реорганизован в отдел кадров, в котором уже выделялось восемь секторов – тяжелой и лесной промышленности, легкой, пищевой промышленности и профсоюзной работы, кооперации, снабжения и заготовок, сельскохозяйственные кадры и колхозы, транспорт и связь, учетный, советских кадров, ВУЗов и ВТУЗов [23, л. 5]. В сентябре 1932 г. структура отдела кадров ЦК КП(б)Б была скорректирована. При сохранении прежнего количества секторов (восемь) была уточнена их сфера ответственности: сектор тяжелой и лесной промышленности, сектор легкой и пищевой промышленности, сектор транспорта и связи, сектор сельскохозяйственных кадров (в его составе создавались отделения кадров животноводства, МТС и колхозов, технических культур), сектор кооперативных, торговых и заготовительных организаций (в его составе – сектор по кадрам заготовительных организаций), сектор советских и административных финансовых кадров, сектор ВУЗов и техникумов. У заведующего отделом появилось два заместителя – один руководил кадровой работой в парторганизациях, второй курировал кадровые вопросы приграничных районов и проверял выполнение постановлений пленумов, Бюро и Секретариата ЦК КП(б)Б по кадровым вопросам [24, л. 18].

Первоначально отдел кадров занимался только вопросами учета и распределения руководящих кадров. По информации работника аппарата ЦК ВКП(б) М. Сабашникова, проверявшего работу отдела кадров ЦК КП(б)Б в августе 1931 г., ежедневно на приеме в отделе находилось 40–50 человек, большинство из которых ожидали приема у заведующего отделом «почти с утра и до вечера». Роль заведующих секторами «очень незначительная и сводится пока главным образом к функциям исполнения», хотя, по мнению проверяющего, «очень значительная часть работников может и должна распределяться зав. секторами». М. Сабашников отмечал слабую степень выполнения планов работы отдела (от 20 до 40%), отсутствие конкретного руководства со стороны кадровой работы в горкомах и райкомах партии. Указывалось, что «всякая специализация работников по определенной отрасли отсутствует», что в итоге и привело к формированию образа типичного номенклатурного работника, которого можно использовать в самых различных отраслях жизни общества в качестве руководителя. Однако для того, чтобы «правильно распределять, правильно расставлять и изучать людей» каждый работник отдела кадров, по утверждению М. Сабашникова (вероятнее всего, озвучившего указание пославших его ответственных работников ЦК ВКП(б)) должен был знать «задачи, основные показатели, структуру, программу, перспективы развития и вообще всю совокупность хозяйственной обстановки тех хозяйственных, советских и других учреждений и организаций, к которым он прикреплен и над кадрами которых он работает» [24, лл. 2–5].

В результате принятых по итогам проверки мер поле деятельности отдела кадров ЦК КП(б)Б стало охватывать широкий комплекс вопросов кадровой политики. Об этом можно судить, например, по плану работы этого отдела на сентябрь–декабрь 1931 г. Для всех секторов ставилась задача подобрать руководителей ведомственных отделов кадров, прикрепить работников отдела к районам для «систематического изучения кадров», проверить работу отделов кадров Гомельского и Минского горкомов, Слуцкого и Городокского райкомов партии. Кроме этих понятных направлений работы сектора должны были рассматривать вопросы подготовки кадров массовых профессий для животноводческих совхозов, трактористов для МТС, счетоводов, финансовых работников, состояния дел в системе заочно-технического обучения, в системе общественного питания студентов, работы выдвиженцев в советские органы, обеспечения кадрами Гомсельмаша, текучести профсоюзных кадров крупных промышленных предприятий Минска, Витебска и Борисова и т.п. [25, лл. 4–7].

К середине 1930-х гг. в высшем партийном руководстве разочаровались в функциональной системе построения партаппарата. Выступая на XVII съезде ВКП(б) 26 января 1934 г. И.В. Сталин в качестве одной из основных назвал задачу «уничтожение «функционалки», усиление личной ответственности и установку на ликвидацию коллегий» [26, с. 481].

Соответственно новая редакция Устава ВКП(б), принятая на XVII партсъезде, зафиксировала новую структуру построения партийного аппарата. В частности, в ЦК ВКП(б), ЦК компартий союзных республик, обкомах и крайкомах создавались производственно-отраслевые отделы. В результате децентрализация номенклатурной работы внутри аппарата ЦК КП(б)Б еще более усилилась. В ЦК ВКП(б) создавались отделы: сельскохозяйственный, промышленный, транспортный, планово-финансово-торговый, политико-административный, руководящих парторганов, культуры и пропаганды ленинизма, а также два сектора – управления делами и особый; в ЦК национальных компартий, обкомах и крайкомах – сельскохозяйственный, промышленно-транспортный, советско-торговый отделы, отдел культуры и пропаганды ленинизма, руководящих парторганов и особый сектор. Согласно Уставу, в каждом из этих отделов сосредоточивалась вся работа в целом по данной отрасли: организационно-партийная, подготовка и распределение кадров, агитационно-массовая, производственная пропаганда, наблюдение за выполнением партийных решений соответствующими советскими, хозяйственными органами и парторганизациями.

Одновременно в горкомах и райкомах (за исключением горкомов и райкомов крупных городов, определявшихся особыми постановлениями ЦК ВКП(б) ликвидировались все отделы, а вместо них вводились должности разъездных ответственных инструкторов – членов райкомов и горкомов – с прикреплением каждого из них к определенной группе первичных парторганизаций. Вся же кадровая работа возлагалась непосредственно на секретаря горкома и райкома и его заместителя [27, с. 129].

Соответствующую перестройку структуры партаппарата осуществили и в БССР. Постановлением Пленума ЦК КП(б)Б от 28 февраля 1934 г. утверждалось решение Бюро ЦК КП(б)Б об организации пяти отделов (промышленно-транспортный (руководитель Л.А. Готфрид), сельскохозяйственный (А.С. Картуков), советско-торговый (А.А. Турлай), отдел руководящих партийных органов (М.Я. Злоткин), культуры и пропаганды ленинизма (Д.Ю. Коник)) и особого сектора [28, лл. 1–2]. Все руководители отделов вскоре были осуждены как участники «террористических» или «шпионско-диверсионных» организаций и расстреляны. Первым из них под обвинения попал М.Я. Злоткин. В декабре 1934 г. начался новый виток репрессий, поводом для которого стало убийство С.М. Кирова. Уже в начале января 1935 г. на руководителя отдела руководящих парторганов (ОРПО) М.Я. Злоткина было заведено дело по обвинению в клевете на секретаря ЦК КП(б)Б Д.И. Волковича и «сокрытии» факта прежнего пребывания в «троцкистско-зиновьевской» оппозиции. Из имеющихся архивных материалов представляется, что в основе преследований М.Я. Злоткина лежали, прежде всего, личные мотивы – его критика работы Д.И. Волковича. В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б отмечалось, что М.Я. Злоткин «вел антипартийный разговор с инструкторами отдела по адресу секретаря ЦК КП(б)Б т. Волковича, что вело к подрыву авторитета т. Волковича как секретаря ЦК КП(б)Б и дало повод для дальнейшего ведения антипартийных разговоров среди отдельных работников этого отдела». В чем суть этого «разговора» и разногласий между М.Я. Злоткиным и Д.И. Волковичем – из документов понять нельзя. Обвинение в «сокрытии» троцкистско-зиновьевского прошлого стали лишь еще одним формальным поводом для преследования М.Я. Злоткина.

Во-первых, это «сокрытие» выразилось лишь в том, что, выступая на собрании слушателей курсов марксизма-ленинизма 25 декабря 1934 г., М.Я. Злоткин, «правильно осветивши борьбу троцкистско-зиновьевской оппозиции и их подонков против партии, вместе с тем совершил грубейшую политическую ошибку, не сообщив о том, что он сам в прошлом был одним из активных участников троцкистско-зиновьевской оппозиции...». В январе 1935 г. М.Я. Злоткин на парсобрании работников ЦК КП(б)Б признал, что «действительно допустил грубейшую политическую ошибку, не сказавши 25 декабря про свою принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции». Во-вторых, М.Я. Злоткина лишь сняли с должности и вывели из состава членов пленума ЦК КП(б)Б, объявив строгий выговор по партийной линии. В дальнейшем он работал в Узбекистане в качестве консультанта Узбпромсовета и был арестован только в январе 1937 г., обвинен в участии «в контрреволюционной террористической организации». Расстрелян в апреле 1938 г., реабилитирован через 20 лет [29, лл. 7–7об.].

Довольно скоро в организации кадровой работы вновь начинает усиливаться тенденция к ее централизации. Решающую роль в номенклатурной работе все более берет на себя ОРПО ЦК ВКП(б) во главе с секретарем ЦК ВКП(б) Н.Е. Ежовым (в ЦК КП(б)Б этот отдел с февраля 1935 г. возглавлял А.А. Тавакальянц, с января 1937 г. – Г.М. Рубинштейн, с сентября 1937 г. – С.М. Беляев). 26 сентября 1935 г. ЦК ВКП(б) утвердил новую структуру ОРПО: территориальные группы по краям и областям, сектор учета руководящих кадров, сектор подготовки и переподготовки кадров партийных работников, сектор партийной статистики, сектор единого партбилета, сектор общей информации и информархива. Для системы управления номенклатурной работой важнейшим стал сектор учета руководящих кадров, включавший пять групп учета: руководящих кадров парторганов; кадров промышленности и транспорта; сельскохозяйственных и торгово-финансово-плановых кадров; кадров политико-административных органов, культурно-просветительных и научных организаций; учета итогов распределения работников отделами ЦК. Таким образом, система учета всех номенклатурных кадров сосредоточивалась в ОРПО. Одновременно ОРПО вставал над всеми производственными отделами, контролируя их деятельность по распределению профильных работников.

Кроме того, производственные отделы номенклатурную работу должны были согласовывать с создававшимися 11-ю территориальными группами по краям и областям. БССР входила в территориальную группу наряду с Московской и Западной областями. Эти группы, возглавлявшиеся ответственными инструкторами ЦК ВКП(б), контролировали всю работу на подведомственных территориях [30, с. 73–75].

После завершения «большой чистки» 1937 – 1938 гг. централизация кадровой политики еще более усилилась. Главным недостатком существовавшей производственно-отраслевой системы управления номенклатурной работой была признана «распыленность кадровой работы между многочисленными производственно-отраслевыми отделами». Эта распыленность, по мнению высшего партийно-советского руководства СССР, вела «к неправильному использованию кадров, отсутствию единых методов изучения кадров, а, следовательно, к прорывам по линии подбора людей... к искусственному разгораживанию кадров по отдельным полочкам и ведомствам, в то время как правильный подбор кадров требует искусного и гибкого маневрирования». [31, с. 55] Вероятно, в определенной степени такая централизация вызывалась и необходимостью ограничения действия репрессивного механизма в отношении номенклатурных работников и сокращения инстанций, причастных к этому.

Выступая с отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.) И.В. Сталин поставили задачу «взять полностью в одни руки дело подбора кадров снизу доверху... покончить с расщеплением дела изучения, выдвижения и подбора кадров по разным отделам и секторам, сосредоточив его в одном месте. Таким местом должно быть Управление кадров в составе ЦК ВКП(б) и соответствующий Отдел Кадров в составе каждой республиканской, краевой и областной парторганизации» [26, с. 597].

Съезд утвердил новую редакцию партийного Устава ВКП(б). При ЦК ВКП(б) создавались два управления (кадров, пропаганды и агитации) и три отдела (организационно-инструкторский, сельскохозяйственный, школ). Таким образом, из производственно-отраслевых сохранились лишь сельскохозяйственный отдел («ввиду особой важности задачи контроля и наблюдения за деятельностью советских и партийных организаций в области сельского хозяйства») и отдел школ («должен контролировать постановку дела народного образования во всех республиках») [32, с. 88–90, 94]. В Управлении кадров ЦК ВКП(б) (руководитель Г.М. Маленков) были сформированы отделы по кадрам каждого наркомата, а также отдел кадров партийных организаций, кадров советских органов, кадров печати и издательств, кадров научных учреждений, кадров комсомольских организаций, кадров профсоюзных организаций и т.д. Всего на 1 марта 1939 г. насчитывалось 45 отделов [8, с. 225].

В свою очередь в аппарате ЦК компартий союзных республик образовывались пять отделов: кадров, пропаганды и агитации, организационно-инструкторский, сельскохозяйственный, военный, а также особый сектор. В аппарате ЦК КП(б) эти структуры стали действовать с апреля 1939 г. Отдел кадров состоял из 19 секторов: кадров партийных организаций; советских органов; промышленности; местной промышленности, коммунального хозяйства; топливной промышленности и стройматериалов; лесной промышленности; транспорта и связи; сельскохозяйственных кадров; заготовительных органов; НКВД; кадров торговли и кооперации; оборонных организаций; прокурорских и судебных органов; просвещения и культуры; печати и издательств; здравоохранения; финансово-банковских учреждений; комсомольских организаций; дорожных и автотранспортных организаций; сектор учета кадров. Штатный состав каждого сектора включал заведующего и группу инспекторов.

Организационно-инструкторский отдел состоял из двух секторов (сектор партийной информации и сектор партийной статистики), отдел пропаганды и агитации – из четырех (сектор устной и печатной пропаганды, сектор устной и печатной агитации, сектор газет и журналов, сектор культурно-просветительской работы) [33, лл. 79–81].

Для руководства всей номенклатурной работой в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий вводилась должность секретаря по кадрам (одновременно – заведующего отдела кадров). В ЦК КП(б)Б в июне 1939 г. на эту должность был назначен Е.А. Жилинский, в ноябре 1939 г. секретарем ЦК КП(б)Б по кадрам стал Г.М. Бойкачев, которого в декабре 1941 г. сменил Н.Е. Авхимович.

Аппарат обкомов, горкомов и райкомов состоял также из пяти отдела (кадров, пропаганды и агитации, организационно-инструкторский, сельскохозяйственный, военный). В отделах кадров сектора создавались только в структуре обкомов партии – по 13 секторов: кадров партийных организаций; советских органов; промышленности; местной промышленности; транспорта и связи; сельскохозяйственных кадров; заготовительных органов; НКВД и оборонных предприятий; прокурорских и судебных органов; просвещения и культуры; здравоохранения; комсомольских организаций; сектор учета кадров. В отделах кадров горкомов и райкомов партии секторов не создавалось. Во всех партийных органах выделялись должности секретарей по кадрам, которые одновременно и возглавляли отделы кадров [33, л. 82].

Практически вновь возвращались к раскритикованной в 1934 г. функциональной системе построения партийного аппарата, только в обновленном виде. Вся перестройка кадровой работы шла под лозунгом «Поднять дело подбора кадров на научную, большевистскую высоту». Правда, из означенных И.В. Сталиным пяти основных направлений перестройки кадровой работы вывод о переходе к «научному подходу» применительно к кадровой политике не вытекает. «Научность» в кадровой политике И. Сталин объяснил в свойственной для него упрощенной манере: все его указания и представляют «научную организацию кадрового дела» [26, с. 597].

Осуществленные перестройки партаппарата имели не только (и даже не столько) чисто организационную сторону. Это был пересмотр вопроса о формах и методах партийного руководства всеми сторонами развития советского общества. Вряд ли стоит говорить об изменении стратегической линии – надгосударственный характер партийного руководства не подвергался сомнению, принцип верховенства партийных решений для всех структур советского общества и обязанность их неуклонного исполнения сохранялись в своей неизменности. Ликвидация производственно-отраслевых отделов в партийных комитетах различного уровня означала смену лишь тактики осуществления партийного руководства: от непосредственного дублирования деятельности советских, хозяйственных, профсоюзных и иных органов и организаций – переход к руководству прежде всего через

кадры. Именно через подбор и расстановку кадров, через проверку их работы должны были реализовываться все стратегические и тактические партийные решения. И.В. Сталин еще на XVII съезде заявил: «После того, как дана правильная линия... успех дела зависит от организационной работы, ...от правильного подбора людей, от проверки исполнения решений руководящих органов... Более того: после того, как дана правильная политическая линия, организационная работа решает все, в том числе и судьбу самой политической линии, ее выполнение, или провал» [26, с. 476–477].

Заключение. Таким образом, в 1920-е – 1930-е гг. в организации номенклатурной работы шел поиск форм, наиболее отвечающих менявшимся приоритетам развития советского общества. К концу 1920-х гг. вся номенклатурная работа была централизована в специальных учетно-распределительных органах – учетно-распределительном подотделе орготдела ЦК КП(б)Б и учетно-статистических подотделах орготделов окружкомов КП(б)Б. В 1930 г. был взят курс на децентрализацию номенклатурной работы (в рамках известного курса на «приближение руководящих органов к низовой работе») и распределение ее между партийно-отраслевыми (функциональными) отделами. В 1934 г. децентрализация номенклатурного механизма усилилась в связи с реорганизацией партийного аппарата и появлением производственно-отраслевых отделов, каждый из которых отвечал за подбор кадров своего направления. Но с 1939 г. эта линия на децентрализацию сменилась новой – линией на жесткую централизацию кадровой работы и возвращение к функциональной системе построения партаппарата. Вся номенклатурная практика стала концентрироваться в специальных отделах кадров парторганизаций от ЦК КП(б)Б до райкомов КП(б)Б при формальном и фактическом отстранении других отделов от этой работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коржихина, Т.П. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – №7. – С. 25–38.
2. Гимпельсон, Е.Г. Формирование советской политической системы, 1917–1923 гг. / Е.Г. Гимпельсон. – М.: Наука, 1995. – 229 с.
3. Свириденко, Ю.П. Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание / Ю.П. Свириденко, В.П. Пашин. – М.: ГАСБУ, 1995. – 172 с.
4. Пашин, В.П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко. – М.: ГАСБУ, 1998. – 225 с.
5. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы, 20-е годы: Руководящие кадры государственного аппарата СССР / Е.Г. Гимпельсон. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 225 с.
6. Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции / О.В. Гаман-Голутвина. – М.: РОССПЭ, 2006. – 446 с.
7. Чистиков, А.Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов / А.Н. Чистиков. – СПб.: Европейский Дом, 2007. – 294 с.
8. Зеленев, М.В. Становление аппарата ЦК и института секретаря ЦК РСРП(б)–РКП(б) в 1917–1922 гг. [Электронный ресурс] / М.В. Зеленев // Вестник ВВАГС. – Режим доступа: http://nauka.vvags.ru/index.php?name=art&a=r_art&id=69. – Дата доступа: 27.01.2019.
9. Карелин, Е.Г. Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.) / Е.Г. Карелин. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 422 с.
10. Туфанов, Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е гг.: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа) / Е.В. Туфанов. – Ставрополь: ОООИД ТЭСЭРА, 2018. – 206 с.
11. Tucker, R.S. Political culture and leadership in Soviet Russia: from Lenin to Gorbachev / R.S. Tucker. – Brington: Wheatsheaf Books, 1987. – 214 p.
12. Elites and political power in the USSR / ed. D. Lane. – Hampshire England: Edward Elgar, 1988. – 299 p.
13. Political leadership in the Soviet Union / ed. A. Brown. – London: Macmillan, 1989. – 245 p.
14. Касцюк, М.П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М.П. Касцюк. – Мінск: Экаперспектыва, 2000. – 307 с.
15. Протьюко, Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протьюко. – Минск: Тесей, 2002. – 688 с.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2549.
17. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1048.
18. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1350.
19. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2016.
20. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2550.
21. Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 2. – М.–Л.: Гос. издательство, 1930. – 384 с.
22. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4768.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5502.
24. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 6139.
25. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5497.
26. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – 11-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 611 с.
27. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1983–1990. – Т. 6 (1933–1937). – 1985. – 430 с.
28. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7171.
29. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7858.
30. Партийное строительство. – 1935. – № 7.

31. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Изменения в Уставе ВКП(б). Доклад т. Жданова // Партийное строительство. – 1939. – № 7–8. – С. 40–69.
32. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. / Ин-т марксизма–ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп. и испр. – Москва: Политиздат, 1983–1990. – Т.7 (1938–1945 гг.). – 1985. – 574 с.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13431.

Поступила 09.03.2021

THE ORGANIZATIONAL STRUCTURE OF NOMENKLATURE WORK IN THE BYELORUSSIAN SSR IN THE 1920s – 1930s

S. ELIZAROV

The article deals with the issues of organizational support of the nomenclature practice of the work of the KP(b)Belarus in the 1920s – 1930s. The article is based on the analysis of the materials of the National Archive of the Republic of Belarus, as well as party decisions on nomenclature practice published in the 1920s and 1930s. It is noted that in the 1920s – 1930s, the organization of nomenclature work was searching for forms that most corresponded to the changing priorities of the development of soviet society. Characteristic was the alternation of trends of centralization (concentration of personnel work in unified accounting and distribution bodies in the 1920s and late 1930s) and decentralization (distribution of personnel responsibility between party-branch and production-branch departments of party committees) of building a system of bodies directly responsible for accounting and selection of senior nomenclature personnel.

Keywords: *Communist party of Belarus, personnel policy, party nomenclature, party committees, centralization, decentralization,*

УДК 94(470) «1941/1945»

**ФОРМИРОВАНИЕ, СНАБЖЕНИЕ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ИЮНЕ – АВГУСТЕ 1941 г.****К.А. ЕРМАЧЕНКО***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1356-8618>

В статье, опираясь на широкий круг архивных и ранее опубликованных материалов, автор рассматривает формирование, снабжение и личный состав истребительных батальонов на территории Беларуси в начальный период Великой Отечественной войны. Анализируя все аспекты данной проблемы, автор показывает слабые и сильные стороны организации данных подразделений. Автор приходит к выводу, что данные формирования, невзирая на ряд проблем, были успешно сформированы и готовы к выполнению предназначенных для них задач. Данная тема в отечественной историографии практически не освещена, что, несомненно, указывает на ее актуальность. Истребительные батальоны стали одними из подразделений, которые состояли из гражданского населения и оказывали весомое влияние на ход боевых действий в начальный период Великой Отечественной Войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война; истребительные батальоны; Народный комиссариат внутренних дел; Совет Народных Комиссаров СССР; Коммунистическая партия Беларуси; Белорусская Советская Социалистическая Республика; Народный комиссариат обороны; Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

Введение. Великая Отечественная Война 1941 – 1945 гг. стала действительно всенародной. В отражении агрессии противника активно участвовало мирное население, и одним из ярких примеров подразделений гражданской обороны, организованных на добровольной основе, являются истребительные батальоны. Данные соединения, начавшие формироваться в самом начале боевых действий, стали первыми народными формированиями (до создания народного ополчения), созданными по инициативе партийного руководства для поддержания порядка в тылу. Истребительные батальоны имели весомое отличие от остальных формирований гражданской обороны – они имели конкретные цели и задачи – охрана важных промышленных и оборонных объектов, борьба с диверсантами противника. В силу того, что немецкие части довольно быстро продвигались вглубь территории Беларуси летом 1941 года, организация истребительных батальонов имела свою специфику. Многие регионы становились прифронтовыми, и организация данных формирований проходила в ускоренном темпе, буквально в течение нескольких дней.

Цель статьи – установить условия создания данных подразделений, их готовность к выполнению поставленных задач. Задачи статьи: рассмотреть формирование, снабжение, обучение и личный состав истребительных батальонов в период июня – июля 1941 года на территории Беларуси.

Основная часть. Источниковой базой статьи стали работы как отечественных, так и зарубежных авторов. В основе исследования лежат материалы Национального архива Республики Беларусь. Проблема формирования и применения истребительных батальонов на территории Беларуси в отечественной историографии освещена слабо, а между тем, ее освещение поможет определить роль мирного населения в обороне страны.

Для войны с СССР и воплощения в жизнь плана «Барбаросса» немецкое командование выделило значительные силы. Их состав: пехотные и горнострелковые дивизии – 102 (в том числе 4 легкие пехотные и 2 горноегерские дивизии); танковые дивизии – 19; моторизованные дивизии – 42 (в том числе 4 дивизии СС); кавалерийские дивизии – 1; специальные соединения – 5 (в том числе 3 охранные дивизии) [1, с. 55]. В приграничных западных военных округах им противостояли следующие силы: Прибалтийский округ – 19 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии; Западный округ – 24 стрелковых, 12 танковых, 6 моторизованных; 2 кавалерийские дивизии; Киевский округ – 32 стрелковых, 16 танковых, 8 моторизованных; 2 кавалерийские дивизии; Одесский округ – 13 стрелковых, 4 танковые, 2 моторизованных, 3 кавалерийские дивизии [2, с. 297–298].

Трагедией Беларуси стало то, что самая мощная из трех групп армий противника, группа армий «Центр» наступала именно через территорию нашей страны. «... Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее нее и раздробить силы противника в Беларуси...» – гласил план «Барбаросса» [3, с. 12].

Помимо отражения удара регулярных немецких соединений непосредственно на фронтах, перед руководством СССР стояла и другая, не менее важная задача. Для организации порядка в прифронтовой полосе, без которого невозможна нормальная деятельность действующей армии были созданы специальные подразделения, которые получили название истребительных батальонов. В сферу их деятельности входила охрана важных производственных объектов, объектов инфраструктуры, борьба с диверсантами противника, выявление дезертиров.

Однако нередко эти соединения, помимо выполнения своих прямых задач, вступали в бой с регулярной армией противника.

Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1941 года «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» послужило началом формирования данных подразделений. Истребительные батальоны формировались из партийного и комсомольского актива, которые не подлежали призыву в действующую армию на добровольной основе [4, с. 19]. Штаб истребительных батальонов НКВД СССР был создан 25 июня 1941 года во главе с генерал-майором Г. Петровым. Штабы истребительных батальонов имелись также при НКВД республик, управлениях внутренних дел краев и областей [5, с. 162].

Директива СНК СССР и ЦИК ВКП (б) от 29 июня 1941 года гласила: «Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение Советского строя, захват Советских земель, порабощение народов Советского союза, ограбление нашей страны, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на Советскую землю, захватив большую часть Литвы, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую области. Опасность повисла над некоторыми другими областями. Вражеская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом – немецким фашизмом.

Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно борется за каждую пядь советской земли. Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно – мирными настроениями, и не понимают, что война резко изменила положение, что наша родина оказалась в величайшей опасности, и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывает все партийные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требует от вас: в беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость и инициативу, и сметку, свойственные нашему народу.

Второе: организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованную мобилизацию запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспорта с войсками, военным имуществом и военными грузами, широкую помощь раненым, предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

Третье: укрепить тыл Красной армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить всем трудящимся их обязанность и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов. Уничтожать диверсантов, шпионов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг, коварен, хитер и опытен, не поддаваться на провокации.

Четвертое: при вынужденном отходе частей Красной Армии, угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни одного килограмма хлеба, ни литра горючего.

Шестое: Немедленно предавать суду Военного трибунала всех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляет, что в навязанной войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Задача большевиков – сплотить весь народ вокруг партии Ленина-Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной армии, до победы.

И. Сталин, В. Молотов» [6].

Благодаря подготовительным мероприятиям, которые были проведены партийно-советскими органами согласно специальному постановлению Бюро ЦК КП(б) «Об организации на территории Беларуси постоянных групп и отрядов по уничтожению авиадесантов противника» от 26 мая 1941 г. формирование истребительных батальонов прошло быстро и эффективно. В постановлении предусматривались конкретные действия по созданию отрядов самообороны и истребительных батальонов [7, с. 61]. Всего по СССР было сформировано 1750 истребительных батальонов, около 60 дивизий народного ополчения [8, с. 351]. По Белорусской ССР к 15 июля было сформировано 78 истребительных батальонов (13067 чел.), в составе которых в основном числились коммунисты, комсомольцы и представители сельского колхозного актива. Командный состав батальонов назначен из числа работников РК КП(б)Б и сотрудников НКВД. В Могилевской и Гомельской областях истребительные батальоны были включены в состав сводных полков НКВД. Данные подразделения приняли активное участие в обороне Могилева, Гомеля и других городов страны [4, с. 19].

Исходя из докладной записки от 18 июля 1941 г. заместителя наркома внутренних дел БССР полковника А.П. Мисюрова, руководителя деятельности истребительных батальонов в БССР, численность личного состава

батальонов уменьшилась. В связи с всеобщей мобилизацией в Красную армию из истребительных батальонов выбыло 2030 человек. Для пополнения личного состава было направлено 965 сотрудников НКВД (Витебская область – 120 чел., Могилевская – 250 чел., Гомельская – 245 чел., Полеская – 320 чел.). Кроме того, были приняты меры к пополнению истребительных батальонов за счет местного населения, непризывного контингента и младших возрастов [6].

Говоря о личном составе, необходимо указать, что в истребительные батальоны, помимо мужчин вступали и женщины. По состоянию на 8 июля 1941 г. в Полеской области насчитывалось 1276 бойцов-истребителей (не учитывая Мозырьский истребительный батальон), 29 из них были женщины. Они вели активную разведывательную работу в тылу противника, так как меньше вызывали подозрений у немецких военнослужащих [9].

Номинально, истребительные батальоны состояли из двух стрелковых рот, по 4 взвода в них и пулеметного отделения. Численность – 200 – 300 человек. Эти подразделения должны были быть готовы не только нести службу в тылу, но и проводить наступательные и оборонительные операции. Нередко батальон разделяли и использовали повзводно, если того требовала обстановка [10].

На вооружении истребительных батальонов состояло: 11 359 винтовок, 2631 граната, 22 станковых пулемета, 54 пулемета «Дегтярева», 501 наган, 538 490 винтовочных патрона. Также были созданы группы содействия, состоящие из колхозного сельского актива. Их численность к 15 июля 1941 г. составила: 26 862 человека, имеющих на вооружении 3000 боевых винтовок, охотничьи ружья и мелкокалиберные винтовки [9].

Обеспечение оружием данных подразделений было организовано неоднородно. В Гомельской области к 15 июля 1941 г. было организовано 19 истребительных батальонов (2643 чел.), которые имели на вооружении: винтовок – 2600, гранат – 880, станковых пулеметов – 6, пулеметов «Дегтярева» – 34, винтовочных патронов – 102 300. В Полеской области на тот же период было организовано 18 истребительных батальонов с личным составом в 2440 человек, которые имели на вооружении: винтовок – 2330, гранат – 200, станковых пулеметов – 7, пулеметов «Дегтярева» – 4, винтовочных патронов – 257 090, охотничьих ружей и мелкокалиберных винтовок – 700. То есть истребительные батальоны в данных областях нехватки в боеприпасах и оружии не испытывали. В то же время, в Могилевской области было организовано 14 истребительных батальонов с количеством в них 4169 человек личного состава, имевших на вооружении 544 винтовки, 27 гранат, 7 станковых пулеметов, 3 пулемета «Дегтярева», 63 000 винтовочных патронов, 572 охотничьих ружья, 696 револьверов. Остро ощущалась нехватка противотанковых средств [6].

В силу сложившейся ситуации обеспечение оружием велось и за счет регулярной армии. Так, 23 июня 1941 г. ЦК КП(б) Беларуси обратилась к Верховному совету Западного фронта с просьбой выделить для вооружения истребительных батальонов 5 тысяч винтовок и патронов к ним [5, с. 164-165]. Большой вклад в обеспечение оружием внес НКВД республики. Для пополнения вооружения во второй половине июля было дополнительно получено от НКВД БССР и принято по вооружению истребительными батальонами и группами содействия 7 тыс. винтовок с боеприпасами.

Однако, в силу пополнения личного состава и ухудшения ситуации на фронте, ситуация с вооружением батальонов оставалась желать лучшего. Поэтому бойцы данных батальонов часто вооружались за счет трофейного оружия. При этом батальоны использовали даже вражескую бронетехнику. Из сообщения секретаря Полеского обкома КП(б)Б следует, что в боях в период 6 – 9 июля нашими частями совместно с истребительными батальонами было уничтожено 30 боевых единиц противника, танков и бронемашин. Два капрала взяты в плен, один тяжело ранен, находится в Калинковичской больнице. Три бронемшины исправны и на них работают бойцы истребительного батальона Домановичского района [9].

Случай применения трофейной бронетехники не единичный. Так, 7 июля 1941 г. в 7.30 минут в районе местечка Шатилки Паричского района истребительным батальоном Речицкого района вместе с воинским подразделением был принят бой с 4-мя бронемашинами противника. В результате боя 2 бронемшины уничтожены вместе с экипажем. Экипаж других машин разбежался. Из оставшихся машин одна отдана на вооружение истребительного отряда, а вторая передана воинской части [9].

Снабжение продовольствием, обмундированием и денежным довольствием также не было удовлетворительным. Командир 1-го истребительного батальона Сороко А.А. в докладе о проделанной работе 1-го истребительного батальона, действующего в Могилевской и Гомельской областях, сообщает в чем батальон ощущает недостаток:

1. «Снабжение продуктами и фуражом исключительно через колхозы и где имеем большие перебои и недостаток в пище.

2. Вопрос денежного довольствия не решен, несмотря на наши неоднократные ходатайства.

3. Полного обмундирования не имеем (сапог, шинелей). Большинство бойцов прибыли в батальон из западных областей в одних рубашках и нуждаются для несения службы в ночное время в обмундировании» [11].

Также командир 1-го истребительного батальона Сороко А.А. представляет исчерпывающие данные не только о составе и вооружении батальона, но и партийной прослойке, офицерском составе (таблицы 1, 2).

Многие из добровольцев, вступивших в истребительные батальоны, не имели боевого опыта. Обучение проходило в сжатые сроки. Некоторые батальоны были переведены на казарменное положение, но далеко не все. Обучение вел командный состав батальонов, состоявший из офицеров-пограничников внутренних дел республики, руководящих партийных работников и начальствующего состава органов внутренних дел. Комиссарами становились,

в основном, секретари райкомов партии, начальниками штабов – офицеры запаса, которые имели боевой опыт [7, с 60]. Естественно, квалифицированных преподавателей не хватало. Активно использовались специалисты из организаций Всеобуча и Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству [5, с. 165].

Таблица 1. – Состав 1-го истребительного батальона по состоянию на 27 июля 1941 г.

	Старший офицерский состав	Младший офицерский состав	Рядовые	Всего
Штаб	6	–	–	11
1 отряд	16	10	15	41
2 отряд	23	1	37	60
3 отряд	29	1	12	49
Всего	74	12	75	161

Таблица 2. – Вооружение, материальная часть 1-го истребительного батальона по состоянию на 27 июля 1941 г.

Вооружение, материальная часть	Количество
Наганы	4
Пистолеты	5
Ручные пулеметы	3
Винтовки	157
Патроны	6400
Гранаты	41
Автомобили	3
Верховые и обозные лошади	51

Однако моральный дух и готовность выполнять боевые задачи командного и личного составов данных формирований были на высоком уровне в силу того, что в их составе преобладали члены и кандидаты ВКП(б). Так, в 1-м истребительном батальоне числился 161 человек, из них членов партии – 105 человек, кандидатов в партию – 13 [11]. Бойцы Жлобинского и Паричского истребительных батальонов также имели высокий процент не только членов партии, но и членов ЛКСМБ [12].

По мере захвата страны немецкими войсками и воцарения оккупационного режима бойцы истребительных батальонов активно включились в организацию партизанского и подпольного движений. 3-ий секретарь ЦК КП(б) Беларуси, один из организаторов и руководителей партизанского движения, Г.Б. Эйдинов, в постановлении ЦК КП(б) Беларуси указывает: «...В районах, находящихся под угрозой захвата противником, руководители партийных организаций должны немедленно организовать подпольные ячейки. Переводить уже сейчас часть коммунистов и комсомольцев на нелегальное положение. Партизанские отряды и подпольные группы должны быть обеспечены оружием, боеприпасами, деньгами и ценностями, для чего заранее должны быть в надежных местах зарыты и запрятаны запасы. Для обеспечения широкого развития партизанского движения в тылу противника, партийные организации должны немедленно организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников гражданской войны и из тех товарищей, которые уже проявили себя в истребительных батальонах, в отрядах народного ополчения, а также из работников НКВД» [6].

Заключение. Учитывая сложную ситуацию, в которой оказалась республика летом 1941 года, партийному руководству и органам НКВД сформировать истребительные батальоны удалось вполне успешно. Бойцы указанных подразделений не всегда имели должное вооружение в силу положения на фронте и значительно поврежденной системы снабжения, а также особенностей расположения. Однако нехватки в личном составе, не взирая на активный призыв в действующую армию, не было. Мирное население активно и с готовностью вступало в эти подразделения. Далеко не все бойцы-истребители имели боевой опыт, а наладить обучение и подготовку не всегда удавалось по причине близости фронта и нехватки кадров и времени, но моральный дух и готовность выполнять поставленные задачи были на высоком уровне, чему способствовал высокий процент партийной принадлежности ВКП (б) в рядах личного состава. Снабжение продовольствием и прочим необходимым было нестабильно, но местное население активно помогало истребительным батальонам в решении этого вопроса.

Таким образом, невзирая на ряд проблем, истребительные батальоны были готовы к выполнению поставленных перед ними задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальдер, Ф. Военный дневник (июнь 1941 сентябрь 1942) / Ф. Гальдер. – М. : «Астрель», 2012. – 704 с.
2. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М. : «Агентство печати Новости», 1987. – 303 с.
3. Карель, П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941 – 1943 гг. / П. Карель. – М. : «Изографус», «Эксмо», 2004. – 560 с.
4. Биленко, С.В. На охране тыла страны: истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне, 1941 – 1945 / С.В. Биленко. – М. : Наука, 1988. – 255 с.
5. Очерки истории милиции Белорусской ССР 1917—1987 / В.Н. Савичев [и др.] ; Мин-во внутренних дел БССР, Минс. высш. шк. МВД ССР ; под ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 569 с.

6. Национальный архив Республики Беларусь (Далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 1
7. Шарков А.В. НКВД Беларуси на защите Отечества в годы суровых испытаний (1941–1945) / А.В. Шарков. – Минск : «Тесей», 2012. – 261 с.
8. Пашуто, В.Т. Иллюстрированная история СССР / В.Т. Пашуто, Б.С. Итенберг, В.Е. Полетаев. – М. : «Мысль», 1974. – 453 с.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 65.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп.4. Д. 413.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 76.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 96.

Поступила 28.04.2021

THE FORMATION, SUPPLY AND PERSONNEL OF DESTRUCTION BATTALIONS IN BELARUS IN JUNE-AUGUST 1941

K. ERMACHENKO

The article, based on a wide range of archival and previously published materials, the author considers the formation, supply and personnel of the destruction battalions in Belarus in the initial period of the Great Patriotic War. Analyzing all aspects of this problem, the author shows the strengths and weaknesses of the organization of these units. The author concludes that despite a number of problems, the formation's data were successfully generated and ready to perform the tasks intended for them. his topic is practically not covered in national historiography, which undoubtedly indicates its relevance. Destruction battalions became one of the units that consisted of the civilian population, and which had a significant impact on the course of the fighting in the initial period of the Great Patriotic War.

Keywords: *the Great Patriotic War, destruction battalions, the People's Commissariat for Internal Affairs, the Council of People's Commissars of the Soviet Union, the Communist Party of Belarus, Belarusian Soviet Socialist Republic, the People's Commissariat of Defense, The society for the promotion of Defence, Aircraft and Chemical Construction.*

УДК 94(476)

**ПАДРЫХТОЎКА НАВУКОЎЦАЎ У ГАЛІНЕ МОВАЗНАЎСТВА, ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
І МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА Ў АН БССР (СЯРЭДЗІНА 1940-х – СЯРЭДЗІНА 1950-х гг.)****С.А. ЖУК***(Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна)*

Аналізуюцца напрамкі аднаўлення і развіцця сістэмы падрыхтоўкі навукоўцаў у галіне філалагічных навук і мастацтвазнаўства ў АН БССР у сярэдзіне 1940-х – сярэдзіне 1950-х гг. Разглеждана дзяржаўная палітыка ў гэтым накірунку, выяўлены заканамернасці планавання і кіравання названай сістэмай. Паказана эвалюцыя форм і накірункаў навучання аспірантаў, а таксама дынаміка абарон дысертацыйных даследаванняў.

Ключавыя словы: *арганізацыя навукі, падрыхтоўка навукоўцаў, аспірантура, атэстацыя навуковых кадраў, сацыяльныя і гуманітарныя навукі, планаванне навуковага прагрэсу.*

Уводзіны. Развіцце навукі як сацыяльнага інстытута і сферы жыццядзейнасці чалавека немагчыма без рэфлексіі і самарэфлексіі, што дэтэрмінуе неабходнасць інстытуцыйналізацыі такога междысцыплінарнага накірунку ведаў, як гісторыя навукі. Даследаванне арганізацыйных і кадравых аспектаў развіцця навуковых інстытутаў дазваляе прасачыць дынаміку і заканамернасці вытворчасці ведаў. Вывучэнне вопыту арганізацыі навукі, у тым ліку функцыянавання сістэмы падрыхтоўкі кадраў, безумоўна, з'яўляецца карысным як на ўзроўні асэнсавання развіцця навукі, так і ў кантэксце планавання і кіравання навукова-тэхнічным прагрэсам.

Вядома, што ва ўмовах талітарызму выхаваўчая і ідэалагічная функцыі сацыяльных і гуманітарных навук гіпертрафіруюцца, што значна змяняе іх “твар”: сістэма дыспазітываў улады перафармуе поле даследаванняў, значна трансфармуецца метадалогія і філасофія саміх навук, змяняецца кадравая палітыка. Усяго гэтага не пазбегла і беларускае савецкае акадэмічнае мовазнаўства, літаратуразнаўства і мастацтвазнаўства ў перыяд фарміравання і развіцця савецкай навукі.

Гісторыя станаўлення і развіцця гэтых накірункаў ведаў у БССР у пасляваенны час не аднойчы становілася прадметам даследаванняў. Гэтая тэматыка разглядаецца ў навуковых публікацыях, прысвечаных развіццю беларускай савецкай навукі ў цэлым і АН БССР у прыватнасці. Сярод іх трэба вылучыць кнігі Прэзідэнта В.Ф. Купрэвіча, выданні прысвечаныя 50- і 60-годдзю Акадэміі, калектыўную манаграфію “Навука Беларусі в XX столетии”, кнігі М.У. Токарава “Академия наук БССР: годы становления и испытаний (1929–1945)” і “Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991)”, М.К. Сакалова “Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР” (1978 г.), дысертацыю М.І. Галенчыка “Подготовка научных кадров в Белорусской ССР и их творческий вклад в развитие науки 1943–1965 гг.”, манаграфіі Г.У. Карзенкі “Научная интеллигенция Беларуси в 1944–1990 гг.: (подготовка, рост, структура)” і “Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы” [1–9].

У публікацыях выяўлены ўмовы і асаблівасці аднаўлення і развіцця навукі ў пасляваенныя гады, выяўлена роля сацыяльных і гуманітарных навук у развіцці структуры НДР у Акадэміі, а таксама паказана кадравая складовая навуковага патэнцыялу, часткова прааналізаваны крыніцы фарміравання навуковай інтэлігенцыі БССР. Аднак праблематыка развіцця мовазнаўства, літаратуразнаўства і мастацтвазнаўства ў іх разглядаецца эпизадычна.

Больш падрабязна гісторыя названых дысцыплін прасочваецца ў юбілейных выданнях, прысвечаных 40- і 50-годдзю беларускай навукі, якія выйшлі ў свет у 1959 і 1969 гг. У падобным выданні 1949 г. няма артыкулаў па філалагічных навук і мастацтвазнаўству, што тлумачыцца нізкім узроўнем іх падрыхтоўкі, які не задаволіў рэдакцыйную калегію на чале з Прэзідэнтам М.І. Грашчанкавым [10, арк. 22]. У фондах ЦНА НАНБ выяўлены чарнавік артыкула “Беларускае мовазнаўства і літаратуразнаўства за 30 год”, падпісаны дырэктарам Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва У.В. Барысенкам, у якім паказаны дасягненні і творчыя планы навукоўцаў названай даследчай установы [11, арк. 92–108], які, хутчэй за ўсё, павінен быў увайсці ў названы зборнік. Аўтарам у панегрычным стылі прадстаўлены вынікі даследчай работы ў Акадэміі.

М. Лынькоў у юбілейным артыкуле “Сорок год беларускай літаратуры” (1959 г.) робіць агульныя высновы не толькі пра асноўныя дасягненні беларускай літаратуры, але і акрэслівае асноўныя напрамкі беларускага савецкага літаратуразнаўства, канстатуючы неабходнасць далейшай падрыхтоўкі навукоўцаў у гэтай галіне ведаў [12, с. 133–164]. Згаданай тэматыцы больш месца адводзяць выданні 1969 г. Напрыклад, М.Р. Суднік засяроджвае ўвагу на дасягненні акадэмічнага мовазнаўства, публікацыя Ю.С. Пшыркова акрэслівае асноўныя накірункі літаратуразнаўчых даследаванняў у АН БССР, а П.Ф. Глебкам паказаны перспектывы развіцця мастацтвазнаўства ў Акадэміі [13, с. 91–141, 150–170].

Далейшае развіццё даследавання кадравай складовай філалагічных навук і мастацтвазнаўства атрымала ў кантэксце станаўлення гісторыка-навуковых даследаванняў у АН БССР. Напрыклад, да 50-годдзя Акадэміі выйшла ў свет кніга А.І. Жураўскага “Беларускае мовазнаўства ў Акадэміі навук БССР”, у якой паказаны заканамернасці станаўлення акадэмічнага мовазнаўства ў БССР, прааналізаваны яго арганізацыйнае развіццё і, асабліва, поспехі беларускіх навукоўцаў [14]. З тых жа гадоў пачынае распаўсюджвацца і жанр “юбілейных” гісторый

академічных устаноў, які застаецца папулярным і цяпер. Напрыклад, у 2006 г. пад рэдакцыяй акадэміка У.В. Гніламедава выйшла ў свет выданне “Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. 1931–2006”, у якой паказаны асноўныя этапы фарміравання інстытуцыянальнай асновы літаратуразнаўчых даследаванняў у акадэмічнай навуцы [15].

Пытаннем развіцця вышэйшай філалагічнай адукацыі ў 1944–1961 гг. прысвечана кандыдацкая дысертацыя А.А. Гаравой, абароненая ў 2011 г., у якой аўтарка робіць спробу прасачыць тэндэнцыі развіцця сістэмы падрыхтоўкі навукоўцаў [16]. Больш падрабязна гэтая тэматыка раскрываецца ў артыкуле “Узнаўленне ў Беларусі падрыхтоўкі спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі філалагічнага кірунку (1944–1956): стан і асаблівасці” [17]. Аднак даследчыцай не паказана дынаміка падрыхтоўкі аспірантаў ні ў акадэмічнай аспірантуры, ні ў аспірантуры ВНУ. Разам з тым у публікацыі прысутнічае і шэраг факталагічных памылак. Напрыклад, у другой палове 1940-х – пачатку 1950-х гг. уся дзейнасць аспірантуры, асабліва па грамадскіх і гуманітарных навуках, была арганізавана і рэгламентавана ў поўнай адпаведнасці з пастановай ЦК УКП(б) “О подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуру” (ліпень 1947 г.) і толькі праз старонку згадвае майскую пастанову 1948 г., згодна якой стваралася “гадавая аспірантура”, якая, безумоўна, аказала станоўчы ўплыў на камплектаванне ВНУ кандыдатамі навук [17, с. 17, 19]. Дарэчы, А.А. Гаравая называе Юзэфу Фларыянаўну Мацкевіч асабой мужчынскага полу (у 1969 г. абрана членам-карэспандэнтам АН БССР [18]) і ліча, што яшчэ ў 1948 г. існаваў СНК БССР [17, с. 17, 20]. Няведанне трывіяльных фактаў значна зніжае вартасць тэксту.

Такім чынам, гісторыя аднаўлення і развіцця сістэмы падрыхтоўкі навуковых кадраў у АН БССР у галіне мовазнаўства, літаратуразнаўства і мастацтвазнаўства не атрымала належнай распрацоўкі ў беларускай навуцы. Таму мэтай артыкула з’яўляецца вызначэнне тэндэнцый аднаўлення і развіцця акадэмічнай аспірантуры па філалагічным дысцыплінам і мастацтвазнаўству. Для дасягнення мэты неабходна вырашыць наступныя задачы:

1. Паказаць асаблівасці планавання падрыхтоўкі навукоўцаў.
2. Прааналізаваць эвалюцыю накірункаў і форм работы аспірантуры.

Храналічныя рамкі даследавання абумоўлены пачаткам аднаўлення інстытуцыянальных форм падрыхтоўкі навукоўцаў у АН БССР і рэформай аспірантуры сярэдзіны 1950-х гг., а таксама тагачаснымі грамадска-палітычнымі трансфармацыямі.

Асноўная частка.

Планаванне падрыхтоўкі навукоўцаў. Аднаўленне арганізацыйнай асновы АН БССР, якое адбылося ў 1943–1945 гг., рээвакуацыя кадраў і ўстаноў, пачатак рэалізацыі даследчых праектаў актуалізаваў пытанне арганізацыі падрыхтоўкі навукоўцаў у інстытуцыянальных формах. У галіне філалагічных дысцыплін гэты працэс актывізаваўся пасля аднаўлення Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва згодна рашэнняў Прэзідыума АН БССР ад 30 мая 1944 г. і Бюро ЦК КП(б)Б ад 6 ліпеня 1944 г. [19, арк. 8–9; 20, арк. 6–7]. Згодна ліпеньскай пастанове планавалася пачаць у 1944 г. работу кандыдацкай аспірантуры і прыняць у яе 51 чалавек, у тым ліку па 10 – па спецыяльнасцям “Беларуская літаратура”, “Беларуская мова” [20, арк. 6–7]. А ўжо згодна кастрычніцкай пастанове ЦК КП(б)Б і СНК БССР 1944 г. план прыёму павялічваўся да 76 чалавек, аднак не канкрэтызаваліся квоты па даследчых установах [21, арк. 19]. У сувязі са складанасцямі з рээвакуацыяй і незацвярджэннем прынятых рашэнняў саюзнымі інстытутамі дзяржаўнага кіравання прыём у аспірантуру ў 1944 г. так і не ажыццявіўся.

Аднаўленне работы акадэмічнай аспірантуры адбылося ў 1945 г. У канцы 1944 г. у Маскве былі зацверджаны кантрольныя лічбы прыёму, якія склалі 60 чалавек, а ў студзені 1945 г. на пасяджэнні Прэзідыума Акадэміі размеркаваны квоты: Інстытуту літаратуры, мовы і мастацтва дазвалялася прыняць і аднавіць у аспірантуры 10 чалавек [8, с. 6; 22, арк. 25].

Аднаўленне кандыдацкай аспірантуры ў 1945–1946 гг. стварыла ўмовы для арганізацыі перспектыўнага планавання падрыхтоўкі кадраў. У 1946 г. кіраўніцтвам Акадэміі быў распрацаваны план на IV пяцігодку. Аднак адсутнасць хуткіх станоўчых вынікаў у першыя пасляваенныя гады па развіцці кадравага патэнцыялу навукі, неабходнасць каардынацыі навучання даследчыкаў з боку партыйнай і выканаўчай улады разам са значным попытам НДУ, ВНУ і інстытутаў дзяржаўнага кіравання на навуковыя кадры вышэйшай кваліфікацыі вымусілі рэспубліканскія дырэктывныя органы актуалізаваць названае пытанне праз прыняцце палітыка-упраўленчых рашэнняў. Дадатковы імпульс актывізацыі работы ў гэтым накірунку аказала пастанова ЦК УКП(б) (ліпень 1947 г.) “О подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуру” [17, с. 19].

Згодна пастанове Бюро ЦК КП(б)Б (кастрычнік 1947 г.) “О положении с научно-педагогическими кадрами в БССР”, ЦК, Дзяржплан, АН БССР і іншыя органы дзяржаўнага кіравання павінны былі распрацаваць “Сводный план подготовки научных кадров на 1948–1950 гг.” [23, арк. 74], што сведчыць пра першыя ў пасляваенны час спробы скаардынаваць дзейнасць устаноў па падрыхтоўке навуковых кадраў. План прадугледжваў змяншэнне прыёму аспірантаў па АН БССР у 1948 г. і павелічэнне ў 1949–1950 гг. Фактычна Акадэмія даваўся год на нармалізацыю работы аспірантуры і стварэння належных умоў для павышэння яе эфектыўнасці. З таго ж 1947 г. актывізуецца работа па адкрыццю заводнай аспірантуры (аспірантуры без адрываў ад вытворчасці), што і будзе рэалізавана ў маі 1948 г. рашэннем Прэзідыума [24, с. 78].

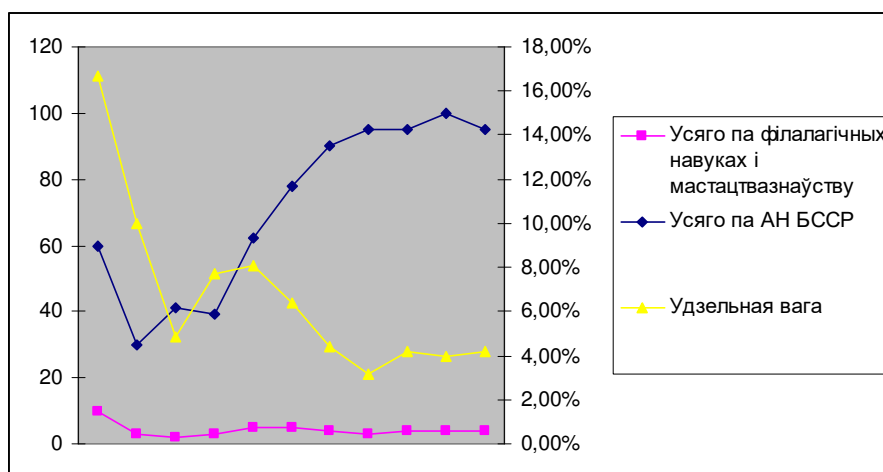
У 1950 г. кіраўніцтвам Акадэміі быў распрацаваны план падрыхтоўкі навукоўцаў на V пяцігодку, які прадугледжваў актывізацыю навучання спецыялістаў у галіне фізіка-матэматычных і тэхнічных навук, далейшы рост аспірантуры ва НДУ сельскагаспадарчага профілю [25]. Аднак ў 1952 г. на пасяджэнні бюро ЦК КП(б)Б зацвярджаецца план падрыхтоўкі навукоўцаў праз аспірантуру ВНУ і НДІ на 1952–1955 гг. [26, арк. 47], які

пакуль не выяўлены ў фондах НАРБ і ЦНА НАНБ. Згодна яму прыём у аспірантуру па філалагічных навук і мастацтвазнаўству планавалася па спецыяльнасцях “Беларуская мова”, “Беларуская літаратура”, “Беларускае мастацтва” [25; 27, арк. 1–8; 28] (табліца 1).

Табліца 1. – Планаванне набору ў аспірантуру па ўстановах філалагічнага і мастацтвазнаўчага профілю АН БССР у 1945–1955 гг.

Спецыяльнасць	Год											Усяго
	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	
Беларуская літаратура	н/д	1	1	0	2	2	2	2	2	1	2	15
Беларуская мова	н/д	2	1	2	2	2	1	1	1	2	2	16
Беларускае мастацтва	н/д	0	0	1	1	1	1	0	1	1	0	6
Усяго	10	3	2	3	5	5	4	3	4	4	4	47

У 1945 г. Інстытуту літаратуры, мовы і мастацтва дазвалялася самастойна вызначыць спецыяльнасць набору. Адсутнасць плана на 1952–1955 гг. не дазваляе прасачыць тэндэнцыю павелічэння праектаў набору ў сувязі з далейшай інстытуцыяналізацыяй устаноў філалагічнага профілю і актывізацыяй даследчых работ, на што аказала значны ўплыў “сталінская” дыскусія па мовазнаўству (малюнак 1). Ужо ў другой палове 1940-х гг. праяўляецца тэндэнцыя змяншэнне “ўдзельнай вагі” планавання колькаснай падрыхтоўкі навукоўцаў па названых спецыяльнасцях.

Малюнак 1. – “Удзельная вага” аспірантаў па філалагічных навук і мастацтвазнаўству згодна перспектывінаму планаванню (1945–1955 гг.)

Змяншэнне звязана з асаблівасцямі аднаўлення дзейнасці АН БССР падчас эвакуацыі: менавіта сацыяльны і гуманітарныя навукі з’яўляліся асноўным накірункам яе дзейнасці ў гэты час. Пасля рээвакуацыі ў другой палове 1940-х гг. адбываецца хуткае аднаўленне і рост устаноў сельскагаспадарчага профілю. На рубяжы 1940-х – 1950-х гг. актывізуецца даследаванні ў галіне тэхнічных і прыродазнаўчых навук, а з сярэдзіны 1950-х гг. пачынаецца буйны рост фізіка-матэматычных навук. Павелічэнне колькасці устаноў АДДЗлення грамадскіх навук адбываўся менш актыўна. Усё гэта паўплывала на кадравую палітыку і планаванне падрыхтоўкі навукоўцаў.

Агульным трэндам планавання ў другой палове 1940-х – пачатку 1950-х гг. з’яўлялася вызначэнне надзвычай амбіцыйных, а часта невыканальных планаў набору аспірантаў і, асабліва, атэстацыі кадрў вышэйшай кваліфікацыі. Гэта звязана з шэрагам рашэнняў дырэктывінах інстытутаў, пачынаючы з IV пяцігадовага плану. Кіраўніцтва БССР лічыла неабходным у найхутчэйшыя тэрміны падрыхтаваць вялікую колькасць кандыдатаў навук, што праяўляецца ў планах абароны дысертацый на 1945–1950 і 1951–1955 гг. (табліца 2) [27, арк. 1–8; 28].

Табліца 2. – Планы абароны кандыдацкіх дысертацый на 1946–1951 гг.

Спецыяльнасць	Год											Усяго
	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	
Беларуская літаратура	0	0	1	1	4	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Беларуская мова	0	0	1	1	3	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Беларускае мастацтва	0	0	0	1	0	0	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Усяго	0	0	2	3	7	2	2	2	4	4	3	29

Планы прадугледжвалі актывізацыю абарон у канцы 1940-х гг. у сувязі з завяршэннем дысертацыйных даследаванняў аспірантамі першых пасляваенных набораў. Павелічэнне колькасці абарон прадугледжвалася і за

кошт супрацоўнікаў інстытутаў, якія праз экстрэнат здалі кандыдацкія экзамены і падрыхтавалі кваліфікацыйныя работы. Меркавалася, што пераважная большасць аспірантаў будзе абараняць дысертацыі альбо датэрмінова, падчас навучання ў аспірантуры, альбо праз некалькі гадоў, пасля яе заканчэння. Планаваннем таксама прадугледжваліся абароны дысертацый супрацоўнікамі Інстытута.

Разам з падрыхтоўкай навуковых супрацоўнікаў “сярэдняга звяна” ў сярэдзіне 1940-х гг. актывізуецца работа па арганізацыі дактаранцкай аспірантуры, якая была адкрыта пастановай ЦК КП(б)Б (кастрычнік 1944 г.) [21, арк. 19]. Аднак да 1946 г. у яе ніхто не быў залічаны. Кіраўніцтва Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва лічыла немэтазгодным адпраўляць у дактарантуру кандыдатаў навук. Амаль усе яны кіравалі сектарамі і аддзелаўмі ўстановаў, бралі ўдзел у рэалізацыі буйных даследчых праектаў. Дырэктар Інстытута У.В. Барысенка лічыў, што доктарскія дысертацыі можна паспяхова падрыхтаваць і абараніць без навучання ў дактаранцкай аспірантуры [29].

У лютым 1947 г. адбылася рэформа дактарантуры, якую канцэнтравалі ў АН ССРСР. Разам з гэтым інстытуцыяналізавалася сістэма прыкамандзіравання да НДУ саюзнай Акадэміі для напісання доктарскіх дысертацый. Нягледзячы на гэтую магчымасць, кіраўніцтва Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва, а пазней – Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва практычна не выкарыстоўвала іх. Папярэднія планы падрыхтоўкі навукоўцаў выглядаюць, з улікам умоў функцыянавання беларускай навукі сярэдзіны 1940-х – сярэдзіны 1950-х гг., амбіцыйнымі і цяжкавыканальнымі, а праекты навучання дактарантаў у гады IV пяцігодкі ўвогуле выглядаюць “фантастычна” (табліца 3) [25; 27].

Табліца 3. – Планы падрыхтоўкі навукоўцаў праз дактаранцкую аспірантуру (1945–1955 гг.)

Спецыяльнасць	Год											Усяго
	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	
Беларуская літаратура	0	0	1	1	1	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Беларуская мова	0	0	1	1	1	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Беларускае мастацтва	0	0	0	1	1	1	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Усяго	0	0	2	3	3	3	0	0	1	1	0	13

Планы на другую палову 1940-х гг. паказваюць праекты разгортвання навучання ў дактарантуры АН БССР з улікам магчымасцей прыкамандзіравання да ўстаноў АН ССРСР. Як і з кандыдацкай аспірантурай, кіраўніцтва БССР лічыла мэтазгодным на базе Акадэміі і пры ўдзеле навуковых кансультантаў з Масквы і Ленінграда хутка падрыхтаваць значную колькасць навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Аднак ужо ў першай палове 1950-х гг. у сувязі з больш “рацыянальным” планаваннем падрыхтоўкі кадраў і асаблівасцямі новай мадэлі дактарантуры планы пачынаюць змяншацца.

Асноўныя накірункі аднаўлення і развіцця аспірантуры ў галіне філалагічных навук і мастацтвазнаўства. Падчас аднаўлення арганізацыйнай асновы АН БССР Інстытут мовы, літаратуры і мастацтва з’яўляўся адной з нешматлікіх устаноў, здольных да правядзення буйных даследаванняў, пра што сведчыць яе кадравы патэнцыял. Таму цалкам лагічна, што менавіта ён стаў адной з першых устаноў, дзе развівалася навучэнне кадраў. Рост кадраў, рэалізацыя навуковых праектаў, а таксама пачатак дыскусіі па пытаннях мовазнаўства дазволілі ў 1951 г. паставіць пытанне аб далейшай інстытуцыяналізацыі. 1 кастрычніка 1951 г. згодна пастанове ЦК УКП(б) на базе аддзела мовазнаўства быў створаны аднайменны Інстытут, а астатнія аддзелы рэарганізаваліся ў Інстытут літаратуры і мастацтва [30, арк. 84; 31, арк. 268; 32, арк. 198]. У 1957 г. на аснове сектара этнаграфіі і народнай творчасці Інстытута гісторыі, на базе якога даследаванні па гэтай тэматыцы вяліся яшчэ з даваеннага часу, і мастацтвазнаўчых арганізацыйных адзінак Інстытута літаратуры і мастацтва быў створаны Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору [33, арк. 6–7], а на аснове астатніх сектараў і аддзелаў – Інстытут літаратуры.

Ва ўсіх згаданых НДІ вялася падрыхтоўка навукоўцаў праз кандыдацкую аспірантуру, экстрэнат, а таксама шляхам прыкамандзіравання да НДУ АН ССРСР і ВДУ Масквы і Ленінграда. Аднак найбольш масавай з’яўлялася аспірантура, дынаміка якой прадстаўлена ў табліцы 4 [34; 35; 36, арк. 219–225; 37; 38; 39, арк. 2адв.–6; 40, арк. 13–62; 41, арк. 9–51].

Табліца 4. – Дынаміка агульнай колькасці аспірантаў па філалагічных навук і мастацтвазнаўству (1945–1955 гг.)

Спецыяльнасць	Год										
	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Інстытут літаратуры, мовы і мастацтва											
Беларуская літаратура	н/д	5	6	7	2	н/д	3	-	-	-	-
Беларуская мова	н/д	1	1	1	1	н/д	3	-	-	-	-
Беларускае мастацтва	н/д	1	1	1	-	н/д	-	-	-	-	-
Руская літаратура	н/д	-	1	1	-	н/д	-	-	-	-	-
Тэатразнаўства	н/д	-	-	-	1	н/д	1	-	-	-	-
Мастацтвазнаўства	н/д	-	-	-	1	н/д	1	-	-	-	-
Усяго	10	7	9	10	5	н/д	8	-	-	-	-

Канчатак табліцы 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Інстытут мовазнаўства											
Сучасная беларуская мова	-	-	-	-	-	-	-	2	6	9	5
Гісторыя беларускай мовы	-	-	-	-	-	-	-	3	3	2	3
Беларуская мова	-	-	-	-	-	-	-	4	2	-	-
Беларуская лексікалогія	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	2
Параўнальная граматыка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1
Усяго	-	-	-	-	-	-	-	9	11	15	11
Інстытут літаратуры і мастацтва											
Беларуская літаратура	-	-	-	-	-	-	-	7	7	5	6
Мастацтвазнаўства	-	-	-	-	-	-	-	1	2	7	5
Усяго	-	-	-	-	-	-	-	8	9	12	11

Заўвага. – У 1951 г., нягледзячы на падзел інстытутаў, статыстыка ў ЦСУ падавалася па-старому.

У другой палове 1940-х гг. вядучым накірункам падрыхтоўкі з'яўлялася літаратуразнаўства, што звязана з асаблівасцямі кадравыга патэнцыялу Інстытута: фактычна ні адзін з яго супрацоўнікаў не мог кіраваць кандыдацкімі дысертацыямі па мовазнаўству. Кіраўніцтва аспірантамі даручалася, у асноўным, спецыялістам з Масквы. Актывізавалася навучэнне ў гэтай галіне толькі пасля стварэння Інстытута мовазнаўства. Дадатковы штуршок гэтаму надалі наступствы “сталінскай дыскусіі” па пытаннях мовазнаўства.

Яшчэ адной тэндэнцыяй падрыхтоўкі навукоўцаў было ўдакладненне спецыяльнасцей. Калі ў другой палове 1940-х гг. яна вялася па “базавых” напрамках “Беларуская літаратура”, “Беларуская мова”, “Беларускае мастацтва”, то ў далейшым адкрываюцца спецыяльнасці па гісторыі беларускай мовы, сучаснаму мовазнаўству, мастацтвазнаўству, што сведчыць пра інстытуцыйналізацыю сістэмы падрыхтоўкі кадраў і пашырэнне навукова-даследчай тэматыкі інстытутаў (стварэнне карты беларускіх дыялектаў, складанне слоўнікаў). Такім чынам, аспіранты браліся ў Акадэмію альбо “пад навуковыя праекты”, дзе ім даручалася выкананне той ці іншай тэмы, альбо “пад навуковых кіраўнікоў”.

Дзяржаўная кадравая палітыка пасляваеннага дзесяцігоддзя была накіравана на максімальны набор аспірантаў, якія ўжо мелі вопыт практычнай работы ў навучальных установах, СМІ, на дзяржаўнай службе, пра што сведчаць згаданыя пастановы 1947 і 1948 гг., а таксама пастанова ЦК КП(б)Б “Аб становішчы і мерах палепшання падрыхтоўкі навукова-педагагічных кадраў праз аспірантуру ў Беларускай ССР” (снежань 1951 г.) [42] і жніўненская пастанова ЦК КПСС 1956 г. “О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров”. Нягледзячы на ўсе вышэйзгаданыя дакументы АН БССР штогод не магла набраць у аспірантуру спецыялістаў з вопытам работы, што звязана з адсутнасцю матывацыі і навуковых схільнасцей сярод іх, канфліктнай пазіцыяй кіраўніцтва ўстаноў, дзе яны працавалі. Таму асноўнымі крыніцамі папаўнення аспірантаў з'яўляліся малодшыя навуковыя супрацоўнікі інстытутаў, выпускнікі ВНУ, якія атрымалі рэкамендацыі Вучоных саветаў, а таксама выкладчыкі ВНУ, школ і дзяржаўных служачыя. Напрыклад, у Інстытуце літаратуры і мастацтва ў заочнай аспірантуры навучаліся супрацоўнікі апарату ЦК і Міністэрства культуры.

Не аднойчы ў рашэннях саюзных і рэспубліканскіх інстытутаў кіравання гучалі патрабаванні актывізаваць падрыхтоўку “нацыянальных кадраў” [43], выкананню якіх замянілі складанасці з падрыхтоўкай у БССР спецыялістаў у галіне мастацтвазнаўства. Таксама адмоўна на іх выкананне ўплывала жаданне кіраўніцтва даследчых устаноў прыцягнуць у акадэмічную аспірантуру выпускнікоў ВНУ буйных гарадоў СССР, перш за ўсе МДУ імя М.В. Ламаносава.

Дзяржаўная палітыка вызначала не толькі прыярытэтныя напрамкі навуковых пошукаў, але і дэтэрмінавала іх вынікі, асабліва ў галіне сацыяльных і гуманітарных навук. Разам з тым, фінансаванне дазваляла разгортаць буйныя даследчыя праекты, пашыраць падрыхтоўку навукоўцаў. На навуку сур'ёзны ўплыў аказвалі буйныя палітыка-ідэалагічныя кампаніі, ініцыяваныя кіраўніцтвам СССР: барацьба з касмапалітызмам, дыскусіі па генетыцы і кібернетыцы, эканоміцы, філасофскай і “паўлаўская” дыскусіі, вынікі якіх абмяркоўваліся на нарадах з удзелам прадстаўнікоў грамадскіх арганізацый і інстытутаў дзяржаўнага кіравання. Аднак найбольшы ўплыў на развіццё навукі аказала “дыскусія” па мовазнаўству (1952 г.), работа І.В. Сталіна “Марксізм і пытанні мовазнаўства” [44]. У выніку ў АН БССР былі карэнным чынам перагледжаны планы работы ў галіне філалагічных навук. Цэнтральнай праблемай работы Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва стала вывучэнне названай работы І.В. Сталіна, перабудова работы ў адпаведнасці з яе асноўнымі палажэннямі. На яе хвалі ў інстытутах разгарнулася кампанія “крытыкі і самакрытыкі”, якая, праўда, скончылася на ўзроўні крытыкі прыватных работ. На пасяджэннях Савета інстытута быў раскрытыкаваны чарнавік дысертацыі “История числительных в белорусском языке”, падрыхтаваны аспіранткай Яцкевіч, як “не адпавядаючы ўзроўню савецкага мовазнаўства”, а таксама перагледжаны метадалогія і метадыка дысертацыйных тэм аспірантаў А.І. Жураўскага “История формирования повелительного наклонения в белорусском языке” і М.П. Лобана “Орфоэпические нормы современного белорусского языка” [45, арк. 14].

Разам з негатыўнымі наступствамі “дыскусія” мела станоўчыя вынікі. Перш за ўсе, узмацнілася ўвага да Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва: павялічыліся іх штаты і асігнаванні на НДР. Па-другое, значна

актывізавалася падрыхтоўка аспірантаў. Так, кіраўніцтва Акадэміі пры дапамозе старшыні рэспубліканскага Саўміна А.Е. Кляшчова змагло праз саюзныя дырэктывныя органы дамовіцца пра дадатковыя квоты на прыём 10 аспірантаў па мовазнаўству ў 1952–1955 гг. [46, арк. 293].

Навучальны працэс у аспірантуры арганізоўваўся ў адпаведнасці з палажэннямі “Аб аспірантуры” (1939 г.) і “Аб аспірантуры АН БССР” (1950 г.) [47, арк. 17]. Асноўнымі формамі навучання з’яўляліся аспірантура з адрываў і без адрываў ад вытворчасці. У першай палове 1950-х гг. агульная колькасць аспірантаў, што вучыліся без адрываў ад вытворчасці у Інстытуце мовазнаўства, складала ў сярэднім каля 6 чалавек штогод, у Інстытуце літаратуры і мастацтва – 5,5 чалавек. Навучальны працэс у завочнай аспірантуры ў канцы 1940-х – сярэдзіне 1950-х гг. быў арганізаваны незадавальняльна, што тлумачыцца амаль поўнай адсутнасцю кантроля навучэнцаў.

Лепш была арганізавана работа з аспірантамі дзённай формы. Аднак і тут хапала недахопаў. Перш за ўсё, ва ўмовах аднаўлення дзейнасці Акадэміі ў другой палове 1940-х гг. кіраўніцтва Акадэміі і НДУ не хапала магчымасцей дэталёва кантраляваць і напраўляць работу маладых навукоўцаў. Па-другое, у даследчых установах не ставала кваліфікаваных супрацоўнікаў, якія б маглі ажыццяўляць якаснае навуковае кіраўніцтва. Па-трэцяе, як мінімум 30% аспірантаў не мела здольнасцей і матывацыі для правядзення навукова-даследчай работы. Негатыўны ўплыў на якасць падрыхтоўкі аспірантаў аказвалі матэрыяльна-бытавыя ўмовы і цяжкасці з доступам да літаратуры.

Падчас падрыхтоўкі пытання на бюро ЦК КП(б)Б у 1951 г., праводзілася праверка аспірантуры Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва, матэрыялы якой дазваляюць акрэсліць агульны стан навучання навукоўцаў. Праверка выявіла адносна някепскую арганізацыю работы аспірантаў па літаратуразнаўству: своечасова вызначаліся навуковыя кіраўнікі, тэмы кваліфікацыйных работ і г.д. Інстытут, хаця і не вельмі актыўна, але выкарыстоўваў магчымасці навучання аспірантаў у НДУ і ВНУ Масквы і Ленінграда. Аспірант А.Ф. Коршунаў, які спецыялізаваўся на старажытнай беларускай літаратуры, быў прыкамандзіраваны да ЛДУ, прычым, з улікам складанасці тэмы, яго тэрмін знаходжання ў аспірантуры быў павялічаны на каляндарны год [48, арк. 106].

Кіраўніцтва аспірантамі-мовазнаўцамі вялося выключна навукоўцамі Масквы і Ленінграда, якія, як паказала праверка, практычна не выконвалі сваіх абавязкаў. Так, прафесары П.А. Растаргуеў і Р.І. Аванэсаў сістэматычна не аказвалі дапамогі аспірантам у падрыхтоўцы структуры дысертацый, не рыхтавалі спісы рэкамендаванай літаратуры. Больш таго, аспіранты фактычна не бачылі сваіх навуковых кіраўнікоў гадамі. Аспірант А.І. Жураўскі казаў: “...профессор Аванесов потратил на мою подготовку не более 2 часов” [48, арк. 106]. Аспірантка Я.М. Рамановіч нават не магла знайсці свайго кіраўніка, прафесара Растаргуева: “Может быть он тяжело болен, так как на мои письма он не отвечает. А может, и умер, кто его знает” [48, арк. 108]. Падкрэслію, што абсалютная большасць мовазнаўцаў рыхтавалася па беларускай філалогіі, а навуковыя кіраўнікі, як сведчаць архіўныя дакументы, нават не ведалі беларускай мовы [49, арк. 43]. Таму падобнае кіраўніцтва ў асноўным абмяжоўвалася агульнымі ўстаноўкамі. Толькі ў сярэдзіне 1950-х гг. стан падрыхтоўкі мовазнаўцаў пачаў стабілізавацца.

У 1940-х гг. у ІЛМіМ пад кіраўніцтвам прафесара А.А. Уса пачалася падрыхтоўка кадраў па мастацтвазнаўству. Аднак неўзабаве навуковец быў звольнены з Акадэміі за невыкананне плану і падробку дакументаў: не прадставіў арыгінал атэстата прафесара [50, арк. 104]. Ніхто з яго аспірантаў не абараніў дысертацыі. Асобна адзначым спецыяльнасць “тэатразнаўства”, па якой быў падрыхтаваны толькі адзін аспірант (1949–1952 гг.) – у будучыні вядомы беларускі тэатразнаўца, член-карэспандэнт АН БССР (1972 г.) У.І. Няфёд.

Кіраўніцтва НДУ не заўсёды станоўча адносілася да паступлення супрацоўнікаў у аспірантуру і дактарантуру іншых устаноў. Напрыклад, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута літаратуры і мастацтва М.Р. Ларчанка (адначасова працаваў загадчыкам кафедры ў БДУ) у 1952 г. паступіў у дактарантуру АН СССР. У канцы таго ж года кіраўніцтва ўстановы Інстытута абвінаваціла яго ў невыкананні індывідуальнага плану і нізкай якасці навуковай прадукцыі. Толькі пасля разбору сітуацыі на ўзроўні аддзела ЦК КПБ прэтэнзіі да даследчыка былі зняты [49, арк. 294]. Практыка прыкамандзіравання ў дактарантуру АН СССР, а таксама асобных ВНУ і НДІ з’яўлялася даволі эфектыўнай. Напрыклад, ужо згаданы М.Р. Ларчанка абараніў доктарскую дысертацыю на наступны год пасля заканчэння дактарантуры, а М.С. Кацар датэрмінова абараніўся па гісторыі беларускага мастацтва [51, с. 53].

Разам з інстытутам аспірантуры ў АН БССР функцыянавала сістэма экстэрнату, якая садзейнічала напісанню навуковымі супрацоўнікамі дысертацыйных работ. Звычайна праз гэтую форму падрыхтоўкі ва ўстановах філалагічнага і мастацтвазнаўчага профілю праходзілі малодшыя навуковыя супрацоўнікі, якія звычайна размяркоўваліся ў НДІ пасля навучання ў ВНУ, а таксама даследчыкі, што прыйшлі пасля практычнай работы. “Навучэнцы” экстэрнату, як і аспіранты, асвойвалі агульнаадукацыйныя (замежная мова, дыялектычны і гістарычны матэрыялізм) і спецыяльныя прадметы [52, арк. 42, 56]. Ужо ў пачатку 1950-х гг. у сувязі з пашырэннем падрыхтоўкі кадраў для гэтай катэгорыі навучэнцаў фарміруецца спецыяльныя праграмы.

У другой палове 1940-х – сярэдзіне 1950-х гг. нарматыўна-прававымі актамі рэгламентавалася толькі выкладанне агульнаадукацыйных прадметаў [53]. Іх праграмы і рабочыя планы распрацоўваліся саюзным Міністэрствам вышэйшай адукацыі і кафедрам АН СССР. Менавіта яны ў індывідуальным парадку вызначалі іх спіс, рыхтавалі планы і праграмы. Калі-нікалі гэта прыводзіла да дадатковых складанасцей для аспірантаў. Напрыклад, індывідуальны план аспіранткі Я.М. Рамановіч прадугледжваў задачу 10 экзаменаў, што не пакідала часу на падрыхтоўку кваліфікацыйнай работы [48, арк. 101].

Увогуле маркерам эфектыўнасці сістэмы падрыхтоўкі навукоўцаў з’яўлялася абарона суіскальнікам дысертацыі. У сярэдзіне 1940-х – 1950-х гг. у БССР права прысуджэння вучонай ступені кандыдата і доктара навук

у галіне філалагічных навук меў вучоны савет БДУ, кандыдата навук – Савет Інстытута літаратуры, мовы і мастацтва, а пасля яго раздзялення – аб’яднаны савет Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва [54, арк. 288]. Пераважная большасць аспірантаў і супрацоўнікаў акадэмічных інстытутаў абаранялася ў Акадэміі. Дынаміка абарон прадстаўлена ў табліцы 5 [55].

Табліца 5. – Дынаміка абарон дысертацый па філалагічных навуках у АН БССР (1945–1955 гг.)

Год	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	Усяго
Колькасць абарон	0	1	2	0	0	7	4	0	5	13	5	35

Дысертацыі і аўтарэфераты другой паловы 1940-х гг. не выяўлены. Таму падлікі прадстаўлены на падставе архіўных крыніц. Тая ж сітуацыя і з кваліфікацыйнымі работамі ў галіне мастацтвазнаўства. Аўтарам не выяўлена дакументаў, якія б сведчылі, што вынікі атэстацыі навукоўцаў ставіліся пад сумненне экспертнымі камісіямі і самім ВАКом. Выключэннем з’яўляецца доктарская дысертацыя С.І. Карабана. У 1954 г. Вучоны савет БДУ адхіліў яго дысертацыю “Мировоззрение Я. Купалы”. Аднак ужо ў наступным годзе навуковец абараніў яе дапрацаваны варыянт “Мировоззрение и основные проблемы творчества Янки Купалы”. Увогуле ў пасляваеннае дзесяцігоддзе па філалагічных навуках абаронены тры доктарскія дысертацыі: згаданым С.І. Карабанам, а таксама І.В. Гутаравым па вуснай народнай творчасці перыяду Вялікай Айчыннай Вайны і М.Р. Ларчанкам – па гісторыі беларускай літаратуры XIX ст.

Актывізацыя абарон прыходзіцца на апошнія гады IV і V пяцігодка, што звязана з неабходнасцю выканання прынятых на сябе сацыялістычных абавязкаў. У 1947–1949 гг. кіраўніцтва Акадэміі не аднойчы спрабавала стымуляваць падрыхтоўку дысертацый супрацоўнікамі і аспірантамі. У першай палове 1950-х гг. палепшылася арганізацыя навучання ў аспірантуры (паляпшэнне кантролю за аспірантамі, больш якасны падбор навучэнцаў аспірантуры), што адбілася і на якасці вынікаў аспіранцкай работы. Адсутнасць абарон у 1952 г. звязана са згаданымі вышэй рэарганізацыямі даследчых устаноў. Вучоныя саветы Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва не мелі права прыёму дысертацый. Толькі ў канцы 1952 г., пасля задавальнення хадаўніцтва, ВАКом СССР быў створаны Аб’яднаны савет, які меў права прымаць дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата філалагічных навук.

Большасць тэм дысертацый тычылася гісторыі беларускай літаратуры XIX–XX стст. Асабліва ўвага звярталася на літаратурны працэс савецкага перыяду, найбольш папулярнымі з’яўляліся тэмы па творчасці класікаў беларускай савецкай літаратуры (Янкі Купалы, Якуба Коласа, Кандрата Крапівы), а таксама “маладых класікаў” (І. Мележа, І. Шамякіна, Максіма Танка). У галіне мовазнаўства акцэнт рабіўся на гісторыю беларускай мовы, дыялекталогію. Пасля актывізацыі падрыхтоўкі рэформы беларускага правапісу ў сярэдзіне 1950-х гг., аспірантам пачалі прапаноўвацца тэмы і па сучаснай беларускай мове. Мелі месца і выпадкі кардынальнай змены тэматыкі. У другой палове 1940-х – сярэдзіне 1950-х гг. большасць завочнікаў атрымлівала фармулёўкі тэм толькі на другім і нават трэцім годзе навучання. Напрыклад, у 1949 г. у завочную аспірантуру паступіў М.А. Мінковіч, які на момант залічэння займаў пасаду старшыні камітэту па справах культурна-асветніцкай работы пры Саўміне БССР [56, арк. 274]. У 1951 г. яму была прызначана тэма “Творчество М. Танка”, (навуковы кіраўнік Якуб Колас) [57, с. 16]. Аднак у 1953 г. на пасяджэнні Прэзідыума тэма зменена на “Основные методы и формы просветительской работы” (навуковы кіраўнік в. а. дырэктара Інстытута гісторыі І.С. Краўчанка). У аснове кваліфікацыйнай работы суіскальнік паклаў аднайменную брашуру, што выйшла ў свет у тым жа годзе. У канцы 1951 г. на пасяджэнні Аб’яднанага вучонага савета Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва (з улікам слабай карэляцыі паміж тэмай суіскальніка і профілем савета, дазвол на абарону быў дадзены ВАКом СССР) ім была паспяхова абаронена названая дысертацыя [58, арк. 282–286].

Заклучэнне. Аднаўленне і развіццё сістэмы падрыхтоўкі навуковых кадраў з’яўлялася адным з прыярытэтных напрамкаў дзейнасці Акадэміі ў пасляваенны перыяд. Планаванне работы аспірантуры па філалагічных навуках і мастацтвазнаўству ажыццяўлялася з улікам важных напрамкаў развіцця АН БССР і ўмоў навучання аспірантаў (матэрыяльна-тэхнічныя, сацыяльна-бытавыя аспекты, а таксама магчымасці якаснага навуковага кіраўніцтва). Таму найбольш амбіцыйныя планы ставіліся перад Інстытутам літаратуры, мовы і мастацтва ў першыя пасляваенныя гады. Нягледзячы на ўсе намаганні кіраўніцтва Акадэміі і рэспубліканскіх дырэктывных органаў, дактарантура так і не была адноўлена.

Падрыхтоўка навукоўцаў вялася праз аспірантуру (дзённая і з 1948 г. – завочная формы), а таксама шляхам перападрыхтоўкі навуковых супрацоўнікаў (экстэрнат). На яе развіццё аказвалі ўплыў эвалюцыя нарматыўна-прававога забеспячэння, палітыка-ўпраўленчыя рашэнні дырэктывных органаў кіравання, грамадска-палітычныя працэсы, а таксама тэндэнцыі развіцця грамадскіх навук. Найбольшы імпульс развіццю названай сістэмы ў галіне філалагічных навук і мастацтвазнаўства надалі адкрыццё Інстытутаў мовазнаўства і літаратуры і мастацтва, пашырэнне іх штатаў, кадравага патэнцыялу, а таксама “дыскусія” па мовазнаўству.

Эфектыўнасць сістэмы падрыхтоўкі навуковых кадраў у другой палове 1940-х гг. з’яўлялася нізкай, што тлумачыцца наступнымі фактарамі: складанасцямі з падборам аспірантаў, здольных да навукі, неарганізаванасць навучальнага працэсу (слабы кантроль за даследчай работай, значная колькасць тэарэтычных дысцыплін), цяжкасцямі з падборам навуковых кіраўнікоў, зацікаўленых у выніковасці работы маладых навукоўцаў. Толькі ў

першай палове 1950-х гг. сітуацыя пачынае выпраўляцца, аб чым сведчыць павелічэнне абарон кандыдацкіх дысертацый. Гэтаму спрыяла як паляпшэнне ўмоў іх напісання (магчымасці камандзіровак і палявых даследаванняў, лепшае камплектаванне бібліятэк навуковымі выданнямі), так і актывізацыя работы вучоных саветаў. Разам з тым, да 1956 г. суіскальнікам вучоных ступеней не было патрэбна друкаваць вынікі сваіх работ у навуковых выданнях, што таксама садзейнічала змяншэнню тэрмінаў падрыхтоўкі дысертацый.

ЛІТАРАТУРА

1. Купрэвич, В.Ф. Академия наук Белорусской ССР: очерк истории и деятельности / В.Ф. Купрэвич. – Минск : Наука и техника, 1968. – 158 с.
2. Академия наук БССР / Н.А.Борисевич [и др.] ; под ред. Н.А.Борисевича. – Минск : Наука и техника, 1989. – 234 с.
3. Академия наук БССР / Н.А.Борисевич [и др.] ; под ред. Н.А.Борисевича. – Минск : Белорус. сов. энцикл., 1979. – 598 с.
4. Токарев, Н.В. Академия наук БССР: годы становления и испытаний (1929 – 1945) / Н.В. Токарев. – Минск : Наука и техника, 1989. – 182 с.
5. Токарев, Н.В. Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945 – 1991) / Н.В. Токарев. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 247 с.
6. Соколов, Н.К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР / Н.К. Соколов. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 143 с.
7. Галенчик, Н.И. Подготовка научных кадров в Белорусской ССР и их творческий вклад в развитие науки 1943–1965 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н.И. Галенчик ; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. – Минск, 1970. – 241 л.
8. Корзенко, Г.В. Научная интеллигенция Беларуси в 1944—1990 гг.: (подготовка, рост, структура) / Г.В. Корзенко. – Минск : Fico, А-СКАД, 1995. – 74 с.
9. Корзенко, Г.В. Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы / Г.В. Корзенко. – Минск : Белорусское издательское Товарищество «Хата», 1998. – 166 с.
10. Цэнтральны Нацыянальны архіў Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Спр. 178. Арк. 84.
11. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 448. Арк. 209.
12. Навука ў БССР за 40 год / В.Ф. Купрэвіч [і інш.] ; пад рэд. В.Ф. Купрэвіча. – Мінск, 1959. – 642 с.
13. Навука ў БССР за 50 год / В.Ф. Купрэвіч [і інш.] ; пад рэд. В.Ф. Купрэвіча. – Мінск, 1969. – 658 с.
14. Жураўскі, А.І. Беларускае мовазнаўства ў Акадэміі навук БССР / А.І. Жураўскі, А.А. Крывіцкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 96 с.
15. Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. 1931 – 2006 / У. Гніламёдаў [і інш.]. – Мінск, 2006. – 128 с.
16. Гаравая, А.А. Развіццё сістэмы вышэйшай філалагічнай адукацыі ў Беларусі (1944–1961 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук / А.А. Гаравая. – Мінск, 2009. – 22 с.
17. Гаравая, А.А. Узнаўленне ў Беларусі падрыхтоўкі спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі філалагічнага кірунку (1944 – 1956): стан і асаблівасці / А.А. Гаравая // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2008. – № 1. – С. 17–21.
18. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі. Персональны состав / Комісія Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі па гісторыі навук. – 2-е изд. – Минск : Беларус. Энциклапедыя, 1999. – 284 с.
19. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 96. Арк. 112.
20. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 49. Арк. 85.
21. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 91. Арк. 74.
22. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 605. Арк. 245.
23. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 61. Спр. 411. Арк. 103
24. Хроніка // Весці Акадэміі навук Беларуская ССР. – 1948. – №2. – С. 78–82.
25. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 74. Б/н.
26. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 81. Спр. 592. Арк. 118.
27. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 124. Арк. 25.
28. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 121. Б/н.
29. ЦНА НАНБ – Ф. 1. Спр. 125. Б/н.
30. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 631а. Арк. 412.
31. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 653 Т. 1. Арк. 427.
32. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 655. Т. 2 Арк. 244.
33. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 75. Арк. 98.
34. ЦНА НАНБ – Ф. 1. Спр. 126. Арк. 196.
35. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 659. Арк. 324.
36. ЦНА НАНБ – Ф. 1г. Спр. 33. Арк. 284.
37. ЦНА НАНБ – Ф. 1. Спр. 156. Б/н.
38. ЦНА НАНБ – Ф. 1г. Спр. 127а. Б/н.
39. ЦНА НАНБ – Ф. 1г. Спр. 98а. Б/н.
40. ЦНА НАНБ – Ф. 1г. Спр. 112. Арк. 54.
41. ЦНА НАНБ – Ф. 1г. Спр. 162. Арк. 70.
42. Аб становішчы і мерах палепшання падрыхтоўкі навукова-педагагічных кадраў праз аспірантуру ў Беларуская ССР // Камуніст Беларусі. – 1952. – №1. – С. 59–62.
43. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 131. Б/н.
44. Сталин, И. В. Экономические проблемы социализма в СССР / И.В. Сталин. – М.: Госполитиздат, 1952 г. – 96 с.
45. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 19. Арк. 379.

46. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 631. Арк. 293.
47. ЦНА НАНБ – Ф. 1г. Спр. 67. Арк. 53.
48. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 5. Арк. 266.
49. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 53. Арк. 595.
50. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 150. Арк. 120.
51. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 66. Арк. 369.
52. ЦНА НАНБ. – Ф. 1г. Спр. 111. Арк. 121.
53. Высшая школа: Основные постановл., приказы и инструкции / Сост. М.И. Мовшович. – М. : «Сов. наука», 1945. – 410 с.
54. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 655. Т. 3 Арк. 421.
55. Библиография диссертаций, защищенных в Белорусской ССР за 1945–1955 годы. – Минск : Изд-во АН БССР, 1958. – 87 с.
56. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 47. Спр. 181. Арк. 491.
57. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Спр. 631. Т.1. Арк. 283.
58. НАРБ – Ф. 4п. Воп. 73. Спр. 71. Арк. 331.

Пастуніў 13.05.2021

ПОДГОТОВКА УЧЕНЫХ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ В АН БССР (СЕРЕДИНА 1940-х – СЕРЕДИНА 1950-х гг.)

С.А. ЖУК

Анализируются направления восстановления и развития системы подготовки ученых в области филологических наук и искусствоведения в АН БССР в середине 1940-х – середине 1950-х г. Рассмотрена государственная политика в этом направлении, выявлены закономерности планирования и управления указанной системой. Показана эволюция форм и направлений обучения аспирантов, а также динамика защит диссертационных исследований.

Ключевые слова: *организация науки, подготовка ученых, аспирантура, аттестация научных кадров, социальные и гуманитарные науки, планирование научного прогресса.*

TRAINING OF THE SCIENTISTS IN THE FIELD OF LINGUISTICS, LITERARY STUDIES AND ART IN THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE BSSR (mid-1940s-mid-1950s)

S. ZHUK

Analyzes the direction of recovery and development of the system of training of scientists in the field of Philology and arts in the Byelorussian SSR in the mid-1940s to mid – 1950s, is considered the state policy in this direction, the regularities of planning and management of the system. The article shows the evolution of the forms and directions of postgraduate students' education, as well as the dynamics of dissertation research defenses.

Keywords: *organization of science, training of scientists, postgraduate studies, certification of scientific personnel, social and humanitarian sciences, planning of scientific progress.*

УДК 94(476):271.2«1864/1890»

**РОЛЬ МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЦЕРКОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ОБЛАСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1864–1890 гг.)****Ю.В. КЕЙКО***(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно)*

В статье показаны два этапа формирования местных государственных и церковных организаций в строительстве православных храмов на территории Беларуси. Обоснована актуальность исследования и причины данного явления. В основной части определен кадровый состав губернских и уездных церковно-строительных комитетов (присутствий), подведомственных Министерству внутренних дел, и состав приходских обществ, их функциональные обязанности. Также представлены ответственные лица и их должностные обязанности по координированию этого вопроса в губернских палатах государственных имуществ Министерства государственных имуществ. Обозначена структура и взаимосвязь между ними на разных уровнях управления церковно-строительным процессом. Отражена роль генерал-губернаторов во всех направлениях этой области. В заключении сделан вывод о значении вышеперечисленных организаций в осуществлении церковного строительства на белорусских землях.

Ключевые слова: православие, государственные учреждения, церковные организации, строительство храмов, белорусские земли.

Введение. Строительством православных храмов на территории Беларуси с 1858 г. по 1863 г. занимались два ведомства: Министерство государственных имуществ и Министерство внутренних дел. В государственных владениях церковное строительство курировали управляющие губернских палат государственных имуществ, а в частновладельческих землях – губернаторы. Министерство государственных имуществ церковно-строительные работы осуществляло по единым правилам на всей территории Беларуси. Министерство внутренних дел действовало поэтапно: начав с Могилевской губернии, затем переключилось на Витебскую и Минскую губернии. Помогали губернаторам офицеры Генерального штаба, командированные министерством. Из-за восстания 1863–1864 гг. строительство православных храмов было приостановлено. В губерниях ввели военное положение. Все военные и административные функции по руководству губерниями перешли к виленскому генерал-губернатору. До снятия военного положения он носил звание Виленского, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатора, главного начальника губерний Витебской и Могилевской и командующего войсками Виленского военного округа¹. После назначения в 1863 г. на должность виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева интерес к православному храмовому строительству возрос. Оно стало одним из приоритетных направлений политики российского правительства, ориентированной на распространение русской культуры через создание новых приходов за счет строительства православных храмов. С этой целью в губернских центрах Беларуси были постепенно учреждены губернские и уездные комитеты по строительству и ремонту православных храмов, а в приходах – церковные советы.

Данная проблема не получила должного освещения в отечественной и зарубежной историографии. Общие представления по вопросу даны в работах авторов XIX–XX вв.: Н.Д. Извекова [1], А.И. Миловидова [2], Е.Ф. Орловского [3]. В современных изданиях упоминания о государственных организациях, занимавшихся строительством православных храмов, присутствуют в монографиях И.Н. Слюньковой [4] и А.Н. Кулагина [5].

Основная часть. Формирование структуры государственных и церковных организаций для православного храмового строительства началось с 1864 г. по инициативе генерал-губернатора М.Н. Муравьева, который координировал церковно-строительный процесс во всех видах землевладений. Под его контролем находилось формирование кадрового состава местных губернских и уездных учреждений, приходских обществ и дальнейшие изменения в этой системе. Генерал-губернатор организовывал и вносил коррективы по всем направлениям православного храмового строительства, включая составление проектно-сметной документации, определение способов строительства, утверждение проектов и смет на строительство. Он решал частные вопросы, возникавшие при возведении церковного здания, контролировал оборот денежных средств для этих целей.

Центром по руководству процессом православного храмового строительства стал г. Вильно. Именно там по распоряжению М.Н. Муравьева местная администрация разработала «Инструкцию для руководства комитета учрежденного в г. Вильно, одобренную главным начальником края, по постройке Александро-Невской часовни, а также и других православных церквей в Виленской губернии» (предположительно 29 марта 1864 г.). Соответственно временный строительный комитет был учрежден для возведения Александро-Невской часовни на Георгиевской площади и для реконструкции Свято-Николаевского кафедрального собора (ныне Никольская церковь). В последствии он занимался церковно-строительными работами по всей Виленской губернии. В документе определялся состав этой организации: губернатор С.П. Панютин (председатель), вице-губернатор А.И. Полозов, генерал-майор Г.У. Абрамович, священник кафедрального собора А.И. Пшолко, архитекторы Академии художеств

¹ Подорожня, Е.А. Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.): структура, функции, кадры : дис. ... канд. ист. наук. : 07.00.02 / Е.А. Подорожня. – М., 2014. – С. 29.

профессор А.И. Резанов и академик Н.М. Чагин. Согласно сведениям, указанным в «Памятной книжке Виленской губернии на 1866 г.», в Комитете по строительству православных церквей в Виленской губернии, включая выше перечисленных лиц, насчитывалось 20 человек: председатель Виленской гражданской палаты В.Б. Лакиер, управляющий губернским акцизным сбором П.П. Дружинин, ректор Литовской семинарии, архимандрит Иосиф, окружной акцизный надзиратель, инженер-капитан А.В. Глинский, управляющий отделением чиновников особых поручений подполковник А.С. Павлов, старший советник губернского правления В.Г. Ласточкин, член губернского по крестьянским делам присутствия Н.В. Кастальский и др.² Отсюда следует, что в штате комитета находились не только лица губернской администрации, но и члены разных учреждений, а также два представителя от духовенства.

Инструкция предметно регулировала процедуру церковно-строительных работ данных объектов, однако в ней прослеживаются общие положения для осуществления этого процесса в целом. Комитет выбирал способ строительства (хозяйственный или подрядный), заключал договоры с подрядчиками и мастерами, распределял денежные средства для этой цели. Члены комитета обязаны были заниматься поиском и подготовкой стройматериалов. Надзор за выполнением всех работ должен был производить архитектор, а также совместно с другими членами комитета проверять качество подготовленного материала и частично выполненных работ на объекте. Ежемесячно комитет о результатах своей деятельности информировал генерал-губернатора. После завершения всех работ членам комитета требовалось выполнить итоговый осмотр церковного здания и составить акт осмотра. Далее документ утверждался генерал-губернатором и церковь по описи передавалась в духовное ведомство³.

Через месяц по предложению М.Н. Муравьева была создана подобная организация в г. Гродно – Временный губернский комитет по строительству и ремонту православных храмов (29 апреля 1864 г.). Перед учреждением стояла задача отремонтировать гродненский Софийский собор и соорудить ограду вокруг церковного здания и православного кладбища, перестроить здание кармелитского католического монастыря в православный храм в городе Бельске, возвести новые каменные храмы в Пружанах и Кобрине.

Приглашенные гродненским губернатором И.Н. Скворцовым в состав комитета чиновники губернской администрации по итогам обсуждения данных вопросов и с согласия генерал-губернатора решили учредить Временный губернский комитет по строительству и ремонту православных храмов под председательством губернатора. В соответствии с постановлением комитет должен был осуществлять ремонтно-строительные работы, выполнять надзор за правильным расходованием выделенных правительством денежных средств и пожертвований от прихожан, строительных материалов. Для эффективного выполнения поставленных задач в городах Гродно, Бельск, Кобрин и Пружаны члены комитета решили создать временные уездные комитеты по строительству и ремонту православных храмов под руководством военных начальников, за исключением Гродненского уезда. Там на должность председателя комитета предполагали утвердить члена Временного губернского комитета В.П. Дженьева. Техническим членам от лица И.Н. Скворцова через председателей уездных комитетов в срочном порядке было поручено составить сметы и чертежи на предложенные М.Н. Муравьевым типовые проекты и согласованные с митрополитом Иосифом (Семашко).

Постановление определяло функции временных уездных комитетов по строительству и ремонту православных храмов: осуществлять поиск подрядчиков с приемлемыми ценами на строительные материалы и услуги рабочих, выставляя на торги подряд на строительство храмов с разрешения губернского комитета. После утверждения проектно-сметной документации, представленной в губернский комитет из уездных комитетов, разрешалось приступать непосредственно к строительным работам. Для ведения необходимой отчетности по использованию денежных средств, пожертвований и стройматериалов комитет должен был подготовить шнуровые, денежные и материальные книги и выдать их уездным комитетам⁴.

На заседании Гродненского временного губернского комитета по строительству и ремонту православных храмов 22 мая 1864 г. было принято, по предложению М.Н. Муравьева, решение о создании во всех городах Гродненской губернии временных уездных комитетов под председательством военно-уездных начальников⁵. Состав членов уездных комитетов формировался из чиновников местной уездной администрации (мировые посредники, уездные исправники, участковые начальники государственных имуществ), благочинных, архитекторов и представителей церковных советов. С 1866 г. в члены уездных комитетов при увольнении или переводе на другое место работы одного чиновника принимались лица, назначенные на освободившуюся должность⁶. В марте 1867 г. по распоряжению генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана для уменьшения загруженности, образовавшейся в корпусе жандармов военно-уездных начальников, исполняющие обязанности председателей временных уездных комитетов замещались чиновниками, служащими в уездных «мировых учреждениях», т.е. мировыми посредниками, предводителями дворянства и др.⁷.

² Памятная книжка Виленской губернии на 1866 год / Изд. Вит. губ. стат. ком-та / под ред. А.М. Семеновского. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1866. – С. 29–30.

³ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 951. Л. 11.

⁴ Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в Гродно). – Ф. 97. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵ НИАБ в Гродно. – Ф. 844. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

⁶ НИАБ в Гродно. – Ф. 849. – Оп. 1. – Д. 31. Л. 33.

⁷ Там же. Л. 206.

По такому же принципу временные губернские и уездные комитеты по строительству и ремонту православных храмов были учреждены в Минской (апрель–июнь 1864 г.) и Витебской губерниях (5 февраля 1865 г.)⁸ и просуществовали на территории Беларуси до 1867 г.⁹ Иная ситуация была в Могилевской губернии, где действовала система управления церковным строительством, заложенная с 1858 г.: губернатор – министерство. Учитывая, что в данную губернию были направлены все денежные средства, выделенные правительством, то к 1864 г. большая часть храмов там была отремонтирована, перестроена из католических в православные и активно возводились новые церковные здания. По этой причине губернатор с одобрения генерал-губернатора счел нецелесообразным создавать церковно-строительные комитеты в Могилевской губернии. В обязанности губернатора входил контроль за составлением и утверждением проектно-сметной документации, распределением денежных средств, определением способа осуществления церковно-строительных работ¹⁰.

Главной задачей, стоявшей перед уездными церковно-строительными комитетами, являлось выявление текущего состояния церковных зданий путем их осмотра, что фиксировалось в актах. Сбор сведений осуществлялся по трем ключевым направлениям: описание текущего внешнего и внутреннего состояния храма, жилых и хозяйственных строений священников и причта; информация о численности и финансовом положении прихожан; информация о расценках на услуги рабочих и строительные материалы¹¹. Составленные акты и сметы после рассмотрения в уездных комитетах направлялись в губернские по строительству и ремонту православных храмов. На основе этих документов определялся объем предстоящих церковно-строительных работ по всем губерниям.

Для контроля за церковным строительством на местах по указанию М.Н. Муравьева в приходах, где предполагалось осуществление строительных работ, создавались церковные советы под председательством приходского священника. Избирались в состав церковного совета путем голосования от 4 до 8 человек из числа прихожан церковные старшины на три года с возможностью последующего переизбрания. Кроме выборных старшин в церковные советы по должности назначали церковного старосту, волостного старшину и сельского учителя (при наличии народного училища). Согласно составленным генерал-губернатором «Правил для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской» (12 июля 1864 г.) в обязанности церковных советов входило наблюдение за возведением новых и ремонтом действующих православных храмов, поиск денежных средств и стройматериалов¹². При строительстве храмов хозяйственным способом церковные советы руководили строительными работами, опираясь на проектно-сметную документацию, полученную от архитектора. Просуществовали церковные советы на территории Беларуси с 1864 г. по 1867 г., затем их заменили приходские попечительства, которые создавались в соответствии с «Положением о приходских попечительствах при православных церквях» (2 августа 1864 г.) [3, с. 230]. В случаях, если в приходе уже действовали церковные советы, они переименовывались в приходские попечительства. Состав и формирование новых приходских обществ принципиально ничем не отличался от предыдущих: председателем назначался местный священник или иное лицо, а члены избирались на общем собрании из числа прихожан на определенный срок по необходимости. Обязанности членов попечительства были намного шире. Кроме надзора за строительством и ремонтом церковных зданий (или прямом участии в строительных работах) они занимались благотворительной деятельностью и открытием церковных школ¹³.

В то же время с 1864 г. по 1867 г. во всех губерниях Беларуси строительство православных храмов в государственных владениях осуществляли управляющие губернских палат государственных имуществ Министерства государственных имуществ¹⁴. По соглашению министра госимуществ и генерал-губернатора М.Н. Муравьева хозяйственная часть по строительству храмов в Виленской, Гродненской губерниях была передана в компетенцию созданных там губернских и уездных комитетов, а в Могилевской, Витебской и Минской губерниях строительными работами руководил инспектор из министерства и губернские палаты государственных имуществ. Систематически о ходе церковно-строительных работ палаты госимуществ информировали генерал-губернатора. Из министерства в состав палат были командированы архитекторы и инженеры [4, с. 256]. Основные обязанности палаты по части церковного строительства отмечены в инструкции «Об устройстве православных церквей в казенных имениях западных губерний» (19 августа 1863 г.), адресованной управляющим палатами государственных имуществ западных губерний: осмотр церковных зданий и составление актов; ремонт церковных зданий; строительство новых храмов (подрядным или хозяйственным способами) по проектам и сметам, составленным в Министерстве государственных имуществ¹⁵. На протяжении всего 1867 г. все церковно-строительные работы в данных землевладениях постепенно передавались в ведение Министерства внутренних дел из-за отсутствия

⁸ НИАБ. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 25. Л. 65.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1284. Оп. 225. Д. 95. Л. 48об.

¹⁰ Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 73. Д. 1650. Л. 51об.

¹¹ НИАБ в Гродно. – Ф. 845. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹² Правила для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской // Литовские епархиальные ведомости. – 1864. – № 14. – С. 494–495.

¹³ Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1877. – № 5. – С. 118–119.

¹⁴ НИАБ в Гродно. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 1265. Л. 5.

¹⁵ ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 73. Д. 1650. Л. 52.

общей законодательной базы и порядка осуществления строительных работ в этой области¹⁶, что привело к изменению структуры местных органов государственного управления.

В начале 1868 г. генерал-губернатор Э.Т. Баранов приказал губернаторам в соответствии с Правилами «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» (7 декабря 1867 г.) упразднить губернские комитеты по строительству и ремонту православных храмов, а вместо них учредить губернские церковно-строительные присутствия, которые переняли функции предыдущих учреждений по организации и осуществлению церковно-строительного процесса¹⁷. Штат данных организаций формировался из лиц губернской администрации на усмотрение председателя – губернатора, а также из специалистов, направленных Министерством внутренних дел¹⁸. Сопредседателями назначались епископы, которые привлекались для решения исключительно религиозных вопросов. В некоторых строительных отделениях губернских правлений был усилен состав архитекторов и инженеров. Заведовавшие церковно-строительными работами в губерниях офицеры Генштаба были отозваны в военное ведомство, где с 1864 г. по 1867 г. занимались составлением актов и проектно-сметной документацией, наблюдением за возведением храмов в Могилевской, Витебской и Минской губерниях.

Уездные комитеты по строительству и ремонту православных храмов постепенно были ликвидированы, т.к. в Министерстве внутренних дел их посчитали лишним звеном в структуре губернского управления¹⁹. Продолжали действовать только те организации, которые завершали начатые работы на объектах.

После передачи церковно-строительного дела из ведения Министерства государственных имуществ в Министерство внутренних дел возникла необходимость в проведении инвентаризации православных церквей и приходов. Первоочередной задачей перед губернскими церковно-строительными присутствиями являлось создание сети самостоятельных приходских церквей. Под самостоятельными приходами имелись ввиду те, которые были достаточно самостоятельными и не нуждались в финансовой поддержке государства²⁰. Церковные здания, не требовавшие никаких ремонтных работ, планировали передать в духовное ведомство [4, с. 215]. Источниковой базой для этого стали акты осмотра церковных зданий, составленные архитекторами и инженерами в результате очередного обследования храмов.

Осмотр церковных зданий был разделен по уездам между архитекторами и инженерами. Процедура осмотра выполнялась по четкой инструкции, в которой определялась структура составления акта осмотра, продублированная из пункта 1 «Правил». В актах указывалась следующая информация: сведения о численности прихода и его географическом положении, материальном состоянии прихожан; давалось обоснование возможности его функционирования как самостоятельного прихода или присоединения к близлежащему, а в худшем случае – упразднение; выяснялись меры, которые можно предпринять за счет средств местного населения для восстановления и поддержания в надлежащем состоянии церковного здания; определялся способ осуществления церковно-строительных работ²¹. Отдельно чертился план церкви, тем самым фиксировался текущий облик храма²². Также к документам прикладывался приговор – письменный договор с прихожанами о степени их участия и пожертвованиях для проведения строительных работ. При этом в обязательном порядке требовалось присутствие мирного посредника как лица, находившегося в непосредственном контакте с местным населением²³.

Сформированная вертикаль губернского управления действовала с 1868 г. по 1890 г. без изменений (до передачи церковно-строительного дела из ведомства Министерства внутренних дел в ведение Синода Русской Православной Церкви)²⁴, поскольку комплексно и системно регулировала церковное строительство на всех его этапах.

Заключение. Формирование структуры органов местного управления в организации православного храмового строительства в Беларуси охватывает два этапа: с 1864–1867 гг. и с 1868–1890 гг. На первом этапе в 1864 г. под контролем генерал-губернатора М.Н. Муравьева была создана трёхуровневая система управления. В губернских центрах для курирования церковным строительством в частновладельческих землях были учреждены временные губернские комитеты по строительству и ремонту православных храмов Министерства внутренних дел под руководством губернаторов. Параллельно строительством храмов в государственных землевладениях занимались управляющие губернских палат государственных имуществ Министерства государственных имуществ. В уездах были образованы временные комитеты по строительству и ремонту православных храмов под управлением военно-уездных начальников. В приходах для наблюдения и осуществления церковно-строительных работ создавались церковные советы под председательством священников.

На втором этапе после вступления в силу новых правил для строительства православных храмов (1867 г.) произошла реструктуризация местных органов управления. Губернские комитеты по строительству и ремонту

¹⁶ НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 28. Л. 156.

¹⁷ НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

¹⁸ НИАБ. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 25. Л. 33об.

¹⁹ ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 73. Д. 1650. Л. 64об.

²⁰ Правила для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края [Текст]. – Вильна : печатня А. Г. Сыркина, [1871?]. – С. 7.

²¹ Там же. С. 1–2.

²² НИАБ в Гродно. – Ф. 97. Оп. 1. Д. 227. Л. 1.

²³ НИАБ. – Ф. 2503. Оп. 1. Д. 25. Л. 29.

²⁴ НИАБ. – Ф. 43. Оп. 1. Д. 305. Л. 8.

православных храмов были преобразованы в губернские церковно-строительные присутствия во главе с губернаторами. Уездные комитеты по строительству и ремонту православных храмов ликвидировали. Церковные советы были заменены приходскими попечительствами.

Полный контроль за деятельностью данных организаций и приходских обществ, а также координацию церковно-строительного процесса выполнял генерал-губернатор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Извеков, Н.Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н.Д. Извеков. – М. : печатня А.И. Снегиревой, 1899. – 522 с.
2. Миловидов, А.И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве / А.И. Миловидов. – Вильно, 1913. – 51 с.
3. Орловский, Е.Ф. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900) / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1903. – 604 с.
4. Слюнькова, И.Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия / И.Н. Слюнькова. – М., 2009. – 615 с.
5. Кулагін, А.М. Эклектыка. Архітэктура Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. / А.М. Кулагін. – Мінск : Ураджай, 2000. – 304 с.

Поступила 02.06.2021

THE ROLE OF LOCAL STATE AND CHURCH ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF ORTHODOX CHURCH CONSTRUCTION (1864-1890)

J. KEJKO

The article shows two stages of the formation of local state and church organizations in the construction of Orthodox churches on the territory of Belarus. The introduction substantiates the relevance of the study and the reasons for this phenomenon. The main part defines the personnel composition of the provincial and district church-building committees (presences) subordinate to the Ministry of Internal Affairs and the composition of parish societies, their functional responsibilities. The responsible persons and their official duties for coordinating this issue in the provincial chambers of State Property of the Ministry of State Property are also presented. The structure and the relationship between them at different levels of management of the church-building process are outlined. The role of the governors-General in all areas of this area is reflected. In conclusion, the author draws a conclusion about the importance of the above-mentioned organizations in the implementation of church construction in the Belarusian lands.

Key words: *orthodoxy, state institutions, church organizations, construction of churches, Belarusian lands.*

УДК 358.4(476)(091)«1941/1944»

ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТ ПАДЕНИЙ САМОЛЕТОВ 1941 – 1944 гг. СТАТИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Д.Г. КИЕНКО

(Центр военной истории Беларуси Института истории НАН Беларуси, Минск)

Представлен статистический обзор исследования Витебской области как места падения самолетов в период Великой Отечественной Войны (1941 – 1944 гг.). Удалось установить дату, тип самолета, принадлежность к полку, место падения с привязкой к населенному пункту и координатами, а также административный район (на сегодняшний день), что позволило создать соответствующую базу данных. Основным источником, помимо данных авиаархеологии, послужили материалы фондов Национального архива Республики Беларусь. На основе имеющихся сведений и предварительных исследований, автором делается предположение о наличии на территории Витебской области не менее 300 мест падений авиатехники периода Великой Отечественной Войны.

Ключевые слова: Витебская область, Великая Отечественная Война, места падения самолетов, база данных, статистический обзор.

Введение. Витебская область занимает особое место в рамках авиаархеологии, как наиболее насыщенная местами падений самолетов, это обусловлено целым рядом факторов:

- 1) в начале 1942 г. часть населенных пунктов северо-востока были освобождены, однако через семь месяцев немецкий контрудар быстро восстановил положение и захлопнул т.н. «Суражские ворота»;
 - 2) наибольшее количество потерь в этом регионе приходится на сентябрь 1943 – апрель 1944 г. Они были вызваны неудачными наступательными операциями Красной армии на территории области. В период с сентября 1943 до апреля 1944 г. было проведено 11 наступательных операций, ни в одной из которых не была прорвана линия фронта противника хотя бы на ее тактическую глубину [1, с. 226];
 - 3) на территории области находились два партизанских аэродрома и несколько крупных площадок для выброса грузов, через которые шло подавляющее количество доставки грузов, выброски парашютистов, а также эвакуации раненых и вывоза грузов от партизан;
 - 4) наличие большого количества немецких аэродромов, обеспечивавших ведение боевых действий и доставку грузов;
 - 5) высокая концентрация авиации, что напрямую обуславливало ее потери в этом регионе.
- Общие потери авиации на территории составили 118 единиц техники (таблица 1).

Таблица 1. – Общие потери авиации на территории области

Послевоенные	Периода войны			Всего
	советские	немецкие	принадлежность не установлена	
6	68	47	3	118

Собранная и обобщенная в базе данных информация по сбитым самолетам является систематизированным источником, в котором содержится дата, тип самолета, принадлежность к полку, место падения с привязкой к населенному пункту и координатам, а также административный район (на сегодняшний день), фактические сведения о месте падения, его точные координаты в системе глобального позиционирования, имена и контакты свидетелей и обстоятельства аварии, ссылка на источник полученных сведений.

Важным источником информации являются фонды Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), работа в которых ведется более пяти лет. Фонд 1450, включающий в себя материалы партизанского движения, позволяет выявить в нем сведения по авиации, имевшей отношение к партизанам. На сегодняшний день по Витебской области выявлено 18 безвозвратных потерь авиации. В это число входят как советские самолеты, сбитые немецкими истребителями, так и потерпевшие аварии и катастрофы при вылете для доставки грузов в партизанские зоны, сбитые партизанами самолеты противника, а также немецкие самолеты, совершившие вынужденные посадки на территории, контролируемой партизанами. Наличие систематизированных данных позволяет выделить и отдельно рассматривать самолеты, которые имели прямое или косвенное отношение к партизанам. Работа в фондах национального архива продолжается, поэтому количество потерянных «партизанских» самолетов может увеличиться (их потенциально не менее 30) (рисунок).

В процессе работы с «партизанским» фондом следует тщательно анализировать данные, так как зачастую один и тот же самолет заявляли сбитым сразу несколько отрядов, что приводило к тому, что в отчетных документах БШПД число самолетов противника вырастало в несколько раз. Эти же цифры потом появлялись в официально утвержденных материалах и дальнейших публикациях в качестве доказательств партизанских «побед» над авиацией противника.

Рисунок. – Схема мест падений на территории Витебской области

Например оперсводка № 9 Северо-западной группы ЦК КП(б)Б от 1 августа сообщает, что объединившиеся в бригаду «За советскую Беларусь» отряды Росонского, Дриссенского и Освейского районов в период с 1 по 15 июля 1942 г. сбили Ju-52 [2, лл. 26-27]. Автором установлено, что данный самолет действительно был сбит. Но не в результате организованных действий вышеуказанных отрядов, а оружием огня отделения разведки под командованием Мариненко Калистрата Савельевича из отряда Тищенко, за что последний был представлен к награждению (но он его так и не получил). С немецкой стороны подтверждается потеря Ju-52 в этом же регионе, но 17 июля [2]. Сомнений в том, что речь идет об одном и том же самолете нет. Проведя анализ рукописных партизанских документов, можно прийти к выводу, что в данном случае путаница с датами сбития самолета вызвана тем, что цифра «7» в рукописной дате 17 июля была в последующем воспринята как «2», таким образом получилось «12-е июля». Манера подачи информации в итоговой оперсводке свидетельствует о желании выдать частный пример успеха конкретного партизана и отряда за общий успех всего соединения.

Потери советских самолетов

Р-39	А-20	Ил-2	Ил-4	Ла-5	Ли-2 (С-47)	Пе-2	Планер	Р-5	По-2	СБ	Як-9	Як-7б	Тип не установлен	Всего
1	1	12	4	2	14	3	1	1	3	4	2	2	12	62

Потери немецких самолетов

Ju-88	Fw-189	Fw-190	Ju-52	Do-17	Ju-87	Hs-126	Me-109	Тип не установлен	Всего
6	2	19	4	1	4	1	1	9	47

В таблице привлекает к себе внимание пункт "Тип не установлен". Следует сказать, что в таких случаях известен район падения и обстоятельства, однако для установления типа самолета необходимо проводить дополнительные исследования. Для иллюстрации приведем несколько примеров:

Пример 1. Бригада Прохоменко сообщала, что в январе 1944 г. залповым огнем сбит немецкий транспортный самолет [4, с. 59]. В классическом варианте, это конечно может указывать на Ju-52, однако необходимо подтверждение его потери с немецкой стороны. Но в отсутствие точной даты в документе пока не позволяет проверить потерю по немецким источникам, что в свою очередь требует обращения к оперативным документам бригады для ее уточнения.

Пример 2. Архив КГБ БССР сообщает, что в июне 1941 г. «в 8 часов утра над одной из жд. ст. в Меховском районе появился один германский двухмоторный самолет. Подбит огнем из воинского эшелона и совершил вынужденную посадку на территории колхоза» [5]. Учитывая место события и его удаленность от немецких аэродромов, есть основания полагать, что это мог быть Me-110, однако «двухмоторных самолетов» в Люфтваффе было много, что также требует уточнения.

Пример 3. «Бригадой им. Заслонова 23.2.44 партизанами Козловским и Жолудь пулеметным огнем сбит немецкий самолет-бомбардировщик».

Приведенные примеры указывают на факт потери самолетов, однако установление их типов делает необходимым обращение к немецким коллегам, располагающим сведениями о потерях немецкой техники и экипажей, и такая работа постоянно ведется.

Наличие большого числа сбитых Ли-2 (С-47) объясняется тем, что через территорию региона проходил т.н. «северный коридор» снабжения партизанского движения, через который проходила доставка подавляющего количества грузов в Беларусь. Большое число Fw-190 объясняется наличием линии фронта и боями вдоль нее в период попыток прорвать подготовленный рубеж немецкой обороны. В рамках исследования потерь этого типа самолетов удалось выявить факт и обстоятельства гибели двух испанских летчиков в Оршанском районе, служивших в добровольческой «испанской» эскадрильи (таблица 2).

Таблица 2. – Общее распределение потерь самолетов по районам

Бешенковичский район	2	Лиозненский район	4	Ушачский район	4
Браславский район	8	Миорский район	1	Чашницкий район	1
Верхнедвинский район	3	Оршанский район	3	Шумилинский район	2
Витебский район	9	Полоцкий район	19	Лепельский район	5
Городокский район	3	Поставский район	1	Толочинский район	2
Докшицкий район	2	Рассонский район	3	Район устанавливается	31
Дубровенский район	3	Сенненский район	6	Всего	112

Систематизированная в базе данных информация позволяет увидеть «общую картину» в регионе, а в совокупности с ранее опубликованными материалами о Гродненском и Минском [6, с. 155–159; 7, с. 21–23] регионах – и более полную картину на белорусском ТВД. Системный подход позволяет избежать «дублей», когда разные свидетели и документы описывают один и тот же уже выявленный случай, планировать дальнейшие исследования, не искать «второй раз» ранее обнаруженные места падений, закрывает «белые пятна» в мозаике действий авиации и судеб экипажей, пропавших в небе в Беларуси (особенно это актуально для раскрытия вопроса и темы «1941г.», где значительная часть не вернувшихся самолётов считается пропавшими без вести) [8, с. 101–107].

Согласно «наработкам», которые еще не внесены в базу данных и «видам на будущее» в Витебском регионе потенциально может быть не менее 300 мест потерь авиатехники периода войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Освобождение Беларуси 1943-1944 г. – Минск, «Беларуская навука», 2014. – 226 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 33а. Д. 191.
3. Личный архив Д. Киенко.
4. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь–июль 1944 г.: док. и материалы / сост. В.Д. Селеменов, С.В. Кулинок, М.Н. Скоморощенко. – Минск : НАРБ, 2019. – С. 59.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 19.
6. Киенко, Д. Гродненский регион как объект исследования мест падений самолетов 1941–1945 г. / Д. Киенко // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснаць : матэрыялы Міжнар. нав. канф., Мінск, 7 крас. 2017 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя (адк. рэд.), С.Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2017. – Вып. 16. – С. 155–159.
7. Киенко, Д.Г. Минская область, как объект исследования мест падений самолетов 1941 – 1945 гг. Статистический обзор / Д.Г. Киенко // Авиация и космонавтика. – 2020. – № 6. – С. 21–23.
8. Киенко, Д.Г. Выявление новой информации о потерях авиации на территории Беларуси в процессе поиска мест падений самолетов (1941 – 1944 гг.) / Д.Г. Киенко // Вестн. Полоц. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 101–107.

Поступила 03.06.2021

VITEBSK REGION AS AN OBJECT OF RESEARCH PLACES OF AIRCRAFT CRASHES IN 1941-1944. STATISTICAL REVIEW

D. KIENKO

A statistical review of the study of the Vitebsk region as a crash site during the Great Patriotic War (1941 – 1944) is presented. It was possible to establish the date, type of aircraft, belonging to the regiment, the crash site with reference to the locality and coordinates, as well as the administrative district (today), which allowed creating an appropriate database. The main source, in addition to the data of aviation archeology, was the materials of the funds of the National Archive of the Republic of Belarus. Based on the available information and preliminary studies, the author makes an assumption that there are at least 300 places of aircraft crashes during the Great Patriotic War on the territory of the Vitebsk region.

Keywords: Vitebsk region, the Great Patriotic War, crash sites, database, statistical review.

УДК 947.084.8

ДОКУМЕНТЫ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ БССР КАК ИСТОЧНИК СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ¹

*канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)*

В статье анализируется комплекс документов Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР как источник по сохранению памяти о погибших в годы Великой Отечественной Войны воинах Красной армии и захороненных на территории Беларуси и жертвах нацистского оккупационного режима, а также значимых событиях периода военных действий 1941 – 1944 гг., в том числе связанных с партизанским движением.

Административно-территориальные границы исследования соответствуют рассматриваемому периоду, который соотносится с хронологическими рамками функционирования Комитета с 1946 г. по 1953 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война, Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР, исторический источник.

Вступление. Сохранение памяти о погибших в Великой Отечественной войне является неотъемлемой частью исторической политики Республики Беларусь. Ежегодно открываются новые факты, которые позволяют поисковому движению и историкам устанавливать ранее неизвестные места захоронения как воинов Красной Армии и партизан, так и мирного населения, уничтожаемого в ходе планомерной и целенаправленной нацистской оккупационной политики «выселения» граждан Беларуси в 1941 – 1944 гг. с целью очищения территории для «жизненного пространства» населения «третьего рейха».

Первые шаги в сохранении памяти предпринимались на уровне воинских частей при первичном захоронении воинов Красной Армии. Потери партизанских формирований также фиксировались по принципу именных списков фиксации потерь личного состава советских войск, но имелись отличия в местах захоронения – или на партизанских кладбищах, или на гражданских. Сложнее обстоят дела с увековечением памяти жертв нацистской карательной политики среди мирного населения Беларуси. Произвести процесс захоронения практически было некому.

Тем не менее доступ к архивам Беларуси позволяет, насколько это возможно, раскрыть деятельность органов власти БССР по сохранению памяти о погибших в период Великой Отечественной Войны. В данном случае одним из интересных периодов в изучении выше обозначенного вопроса является послевоенный, который в контексте исследования определяется 1946 – 1949 гг. в соответствии с принятыми документами союзного и республиканского значения.

В публикациях автора ранее раскрывался процесс увековечения памяти о погибших в годы Великой Отечественной Войны через деятельность республиканских и местных государственных органов власти в советский период времени на основе их постановлений и распоряжений. Но в поле зрения исследователя не попадали документы культурно-просветительских учреждений БССР. Исходя из выше сказанного, в статье представлен анализ документов Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР (далее – Комитет), находящихся на хранении в Национальном архиве Республики Беларусь (фонд 790, опись 1, дела 30, 64, 152) и имеющих отношение к увековечению памяти о погибших в годы Великой Отечественной Войны. При необходимости для верификации некоторых данных использованы другие документы и электронные базы данных.

Дела Комитета представлены постановлениями и переписками [9], справками о памятниках старины и истории, докладными записками о благоустройстве могил воинов Советской Армии, партизан и советского населения, погибших в период Великой Отечественной Войны на территории БССР [10], а также списками братских и индивидуальных могил периода 1941 – 1944 гг. [11].

Основная часть. Процесс учета и благоустройства воинских захоронений и мест захоронения мирного населения, начиная с момента освобождения территории Беларуси летом 1944 г., находился в компетенции местных органов власти, которые, в свою очередь, имели отчетность перед вышестоящими инстанциями – Советом Министров БССР и ЦК КП(б)Б. Но поставить на учёт и облагородить место захоронения недостаточно. Необходимо установление памятника и обновление надписей с именами погибших. Этими вопросами, помимо непосредственно должностных, как раз и занимался Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР и находящиеся в их подчинении областные отделы культурно-просветительской работы.

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» Подпрограмма 12.1 «История» на 2021 – 2025 гг. Задание 12.1 «Мемориализация воинских захоронений и мест уничтожения населения германскими оккупантами в 1941 – 1944 гг. на территории Беларуси» в рамках задания «Военная история Беларуси как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского государства».

Известное всем Постановление Совета Министров Белорусской ССР и Центрального Комитета КП(б)Б № 827-333/7, ставшее реакцией на февральское союзное решение этого же года об увековечении памяти о погибших воинах Красной Армии и партизан, а также знаменательных событий периода Великой Отечественной войны. Среди исполнителей данного документа числится и интересующий нас Комитет, а также Управление по делам архитектуры при Совете Министров БССР, которым вменялось в трехмесячный срок определить места важнейших событий, связанных с Великой Отечественной Войной и подлежащих увековечению, далее представить перечень памятников и объявить конкурс на их проектирование [14, с. 47]. Сроки исполнения – в течении трёх месяцев с момента подписания Постановления, т.е. с 14 мая по 14 августа 1946 г. Нужно учесть и возможности оборота документов между республиканским, областным и районным руководством. Благодаря проекту² приложения к Постановлению Совета Министров Белорусской ССР и ЦК КП(б)Б, которое планировалось, судя по указанному году, к подписанию в 1947 г., имеем данные о том, как местные органы власти среагировали и сработали на решение вопроса. Забегая вперед, очередной документ, определяющий политику увековечения на уровне республики, был принят 14 июля 1948 г. [14, с. 57 – 59]. Это указывает на то, что сроки исполнения не были выдержаны, более того можно говорить и «о ненадлежащем внимании к данному мероприятию отдельных исполкомов местных Советов» [14, с. 57].

Вернемся к проекту приложения к планируемому Постановлению. Для нас не столько важно, подписан он или нет, сколько информация, содержащаяся в нем: краткая характеристика событий, планируемый тип памятника и место его сооружения. В конце документа имеется примечание, уточняющее, что «перечень мест и событий, подлежащих увековечению составлен на основании материалов исполкомов областных Советов депутатов трудящихся» [10, л. 12].

Автором статьи сделана попытка систематизации сведений, выделив основные группы знаменательных мест и событий, и анализ их количественного показателя (диаграмма), тем самым посмотреть на возможности местных органов власти в решении поставленных задач.

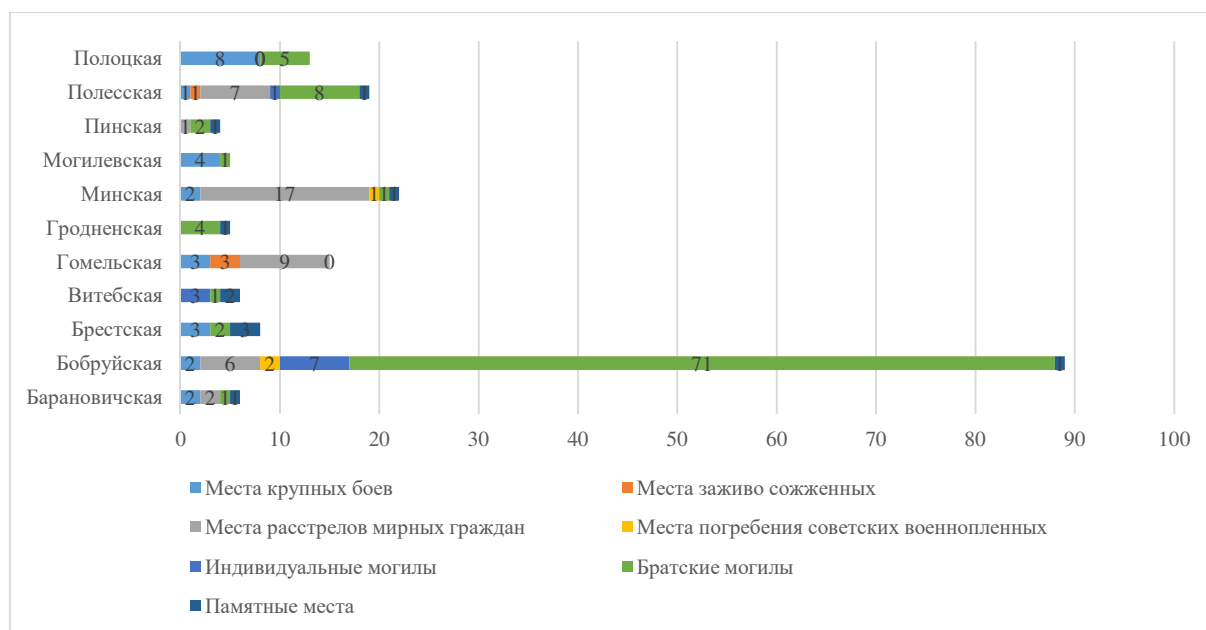

Диаграмма. – Количество знаменательных мест и событий, связанных с Великой Отечественной войной, подлежащих увековечению по данным за 1947 г. Составлена автором на основе: [10, лл. 2 – 12]

Проанализируем полученные данные. Следует отметить, что информацию имеем по всем областям БССР согласно административно-территориальному делению на момент 1947 г., кроме Молодечненской области³. Далее, судя по всему, вышестоящим руководством не было дано четкой инструкции каким образом типологизировать знаменательные места и события, на это указывает и их разнородность в названиях, хотя по смысловому значению они близки. К примеру, «братские могилы воинов и партизан», «братские могилы партизан и воинов Советской армии», «братская могила погибших в боях», «место погребения воинов Советской армии, павших в боях в период Великой Отечественной войны» и т.д. Этот тип памятных мест автором был определен как «**братские могилы**». В процентном соотношении к общему количеству на них приходится ровно 50%. Это говорит о том, что послевоенное время основное внимание уделялось как раз сохранению памяти погибших солдат Красной армии и партизан, погибших и умерших от ран и захороненных на территории Беларуси. Соответственно,

² Не имеет подписи и регистрационного номера, что позволяет нам отнести к подготовленным, но не утвержденным документам.

³ Причину отсутствия данных не представилось возможности выяснить.

в первую очередь установка памятников производилась на них. Не установлено, по какой причине отсутствуют данные по Гомельской области. Основное количество относится к Бобруйской области, чему стоит уделить немного внимания. Из опыта работы с документами областных архивов только по Бобруйской области⁴ имеются подробные данные начиная с 1946 г. по всем местам захоронения с момента их первичного учета до перезахоронения и тем самым укрупнения с точным указанием количества захороненных и т.д. На порядок в ведении документации и решении вопросов увековечения указывают и данные перечня.

На **индивидуальные могилы** из общего количества воинских захоронений (включая и места погребения советских военнопленных) приходится всего лишь 10%, которые имеют отношение к Бобруйской, Витебской и Полесской областям. К примеру, «могила гвардии полковника»⁵ в городском сквере г. Наровля (ныне Гомельская обл.). По опубликованным данным Министерства обороны Республики Беларусь на территории г. Наровля на данный момент зафиксированы только братские могилы (№№ 3712, 5627, 7260) [6]. Можно предположить, что памятник на индивидуальной могиле не был поставлен по причине укрупнения захоронения до статуса братской могилы.

Интереснее дела обстоят с могилами Героев Советского Союза Ю.В. Смирнова и А.Ф. Данукалова. Гв. мл. сержант, командир отделения 26 гв. сд, в последующем посмертно получивший Героя Советского Союза [2, с. 488], Юрий Васильевич Смирнов был найден распятым в немецком блиндаже в 4 утра 25 июня 1944 г. Именно эта дата зафиксирована как день гибели. Место происшествия – д. Шалашино Дубровинского р-на Витебской обл., что также стало и первичным местом захоронения [3]. Далее, в процессе перезахоронения останки Ю. Смирнова были перезахоронены в районном центре пос. Ореховск (ныне Оршанский р-н Витебская обл.). Отметим, что в перечне указано неправильное написание населенного пункта как «Орехово» [10, л. 12.]. На могиле бюст был поставлен только в 1956 г. [4, с. 100]. В данном случае в сохранении памяти прошло всё достаточно предсказуемо: перезахоронение Героя Советского Союза из малых отдалённых населённых пунктов практически всегда производилось в районные центры.

Тот же процесс произошел и с командиром партизанской бригады, Героем Советского Союза Алексеем Фёдоровичем Данукаловым, погибшем 27 апреля 1944 г.⁶ Проблемы с написанием фамилии партизанского командира, судя по документам [13; 7], появились с момента его участия в партизанском движении на территории Витебщины. Не удалось избежать этого и в 1947 г. – в документе прописано «Дундукалов» [10, л. 12.]. Можно было бы предположить, что речь идет о другом человеке, т.к. место, где должен быть установлен памятник «на могиле героя партизанской борьбы с немецкими захватчиками» в г. Лиозно [10, л. 12.]. Известно, что А.Ф. Данукалов погиб и был захоронен в д. Великие Дольцы Лепельского р-на, а затем в 1946 г. перезахоронен в г. Лепель [4, с. 274]. Но зарождение самой партизанской бригады им. А.Ф. Данукалова происходило на территории Лиозненского р-на [12, с. 230]. Вероятно, это и повлияло на ошибочное написание. К тому же, созвучие в произношении «Лепель» и «Лиозно», а также человеческий фактор наложили свой отпечаток.

Подробное рассмотрение данных примеров указывает нам на то, что поставленные на первоначальный учёт в 1946 г. и запланированные на установку памятников индивидуальные могилы в последующем претерпели изменения в своем месторасположении или статусе (братская могила).

В целом, при сопоставлении данных из перечня с данными 1949 г. [10] и с 1950 г. [11] с осторожностью можно сделать вывод о том, что в данном случае указаны только те воинские захоронения, которые были выделены для установки фундаментального сооружения. В пользу этой версии говорят и населенные пункты – г. Минск, областные и районные центры, которые требовали более презентабельного вида.

Места погребения советских военнопленных, подлежащих мемориализации через установку памятников, на территории Беларуси были определены в Бобруйской (два места в гг. Слуцк и Бобруйск) и Минской обл. (одно место в д. Малый Тростенец) [10, лл. 5, 7, 10]. Вопросы увековечения памяти советских военнопленных для послевоенного времени были неоднозначными. Дискутировать на эту тему в данном случае не будем, это отдельное исследование. Но факт остается фактом, – только Бобруйская обл. подала документы на установку памятников на территории бывших лагерей для советских военнопленных и местах их расстрелов и погребения, а д. Малый Тростенец обозначена как «место расположения сараев, где умерщвлено 6,5 тыс. советских граждан и военнопленных» [10, л. 5], т.е. носит смешанный характер жертв. В докладной записке Минского областного Отдела культурно-просветительской работы от 20 октября 1948 г. имеется информация, согласно которой руководство Отдела отмечает большой недостаток в том, что «места массового захоронения», главным образом, в окрестностях г. Минска и на территории Минского и Заславского р-в, где захоронены расстрелянные и замученные мирные граждане и военнопленные, не благоустроены [11, л. 6].

Несмотря на то, что в диаграмме, согласно документам, выделены две группы захоронений жертв нацистской оккупационной политики 1941 – 1944 гг., они имеют отношение к проведению карательных операций, в результате которых уничтожались мирное гражданское население через расстрел или сожжение в жилых и хозяйственных постройках. В ходе верификации было выяснено, что факты расстрелов относятся к геноциду еврейского населения, а факты сожжения – к проведению карательных операций. Но вопрос немного в другом: сохранена ли о них память? Следует отметить, что 29% из общего числа мест захоронения в целом приходится

⁴ Документы находятся на хранении в Государственном архиве общественных объединений Могилевской области (фонд 4317).

⁵ Не указана фамилия.

⁶ В Приказе об исключении из списков от 05.09.1952 г. указана дата гибели 27 мая 1944 г.

на жертв оккупационного режима нацистов. Уже отмечалось, что основное внимание уделялось воинским захоронениям. Места погребения мирного населения в силу различных причин и обстоятельств не ставились в первоочередные задачи увековечения. Тем не менее, в 1948 г. был установлен обелиск на месте расстрела 247 человек из числа еврейского населения м. Уваровичи Гомельской обл. [5, с. 116], остальные были мемориализированы в 1960 – 1970-х гг. Но, есть и другие факты. К примеру, в д. Каменка Курганского с/с Журавичского р-на (ныне Рогачевский р-н) планировалась установка памятника на месте «заживо сожжённых 156 человек советских граждан в июне 1943 г.» [10, л. 2], согласно данным 1985 г. в 1964 г. была сооружена скульптура воина и женщина в скорби на месте «могилы жертв фашизма» в центре деревни [5, с. 300], продолжая историю – на сегодняшний момент данная могила не паспортизирована и не поставлена на учёт как место уничтожения мирного населения. Такие факты в отношении к увековечению жертв нацизма из числа жителей сожженных белорусских деревень, к сожалению, имеют место быть.

Условно выделенная группа «**памятные места**» объединяет в себе значимые, с точки зрения местных властей, события, но не имеющие отношения к боевым действиям: «место посадочной площадки самолетов и крупных удачных боевых операций», «место расположения штаба соединения Пинских партизан», «место встречи двух фронтов 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского», «героям Брестской дивизии» и т.д. Всего таких «памятных мест» по территории Беларуси выделено 11, из них большинство припадает на Брестскую и Витебскую область. В тоже время не имеется данных по Гомельской, Могилевской и Полоцкой областям.

Какова же дальнейшая история вышеуказанных памятных мест? Место посадочной площадки самолетов и крупных удачных боевых операций, согласно документу 1947 г., должно быть обозначено установкой обелиска на территории Ружанской пуши, около Михалинского тракта [10, л.3]. Судя по тому, что на данный момент не было найдено какой-либо информации, подтверждающей данный факт, вероятно, эта идея не была реализована в полной мере. То же самое можно сказать и про место расположения штаба соединения Пинских партизан.

На месте встречи двух фронтов, согласно перечню, планировалась установка обелиска в «м. Бешенковичи». По факту данному историческому событию памятник был сооружен в 1966 г. не в Бешенковичах, а в д. Гнездилово, за 500 м на юго-восток от деревни, около трассы Бешенковичи – Витебск и назван как «памятник советским воинам» [4, с. 126]. Согласно данным Бешенковичского районного историко-краеведческого музея в перечне памятников воинской славы и воинских захоронений Бешенковичского района имеется «памятник на месте соединения войск 39-й Армии 3-го Белорусского фронта и 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта» [1].

Достаточно длительную историю в своём увековечении имеет Брестская крепость. Предполагаемый памятник «героям Брестской дивизии, сражавшимся с немецкими захватчиками в крепости до 18 июля 1941 г.» должен был быть установлен на территории крепости [10, л. 3]. Это говорит о значимости событий лета 1941 г. Данная идея не была положена под сукно и получила новый виток реализации в 1965 г. с присвоением звания «Крепость-герой» и дальнейшей мемориализацией в качестве музеефицированного комплекса [8].

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в послевоенный период времени основное внимание уделялось захоронениям солдат Красной армии и партизан, а также, хоть и в меньшей степени, местам массового уничтожения мирного населения Беларуси. И это, на наш взгляд, объяснимо, т.к. могилы были везде и с ними нужно было что-то решать. Заинтересованность в увековечении знаменательных мест, связанных с теми или иными событиями периода 1941 – 1944 гг., у местных органов власти была меньшей, по причине сосредоточенности на решении повседневных проблем, которых в условиях послевоенной разрухи было более чем предостаточно.

Заключение. Исходя из анализируемой информации, можно говорить о том, что к вопросам политики увековечения в первые послевоенные годы на уровне постановлений и решений относились весьма серьёзно. В то же время, исполнение данных поручений областными и районными органами власти оставляло желать лучшего. В итоге было упущено время – не представляется возможным получить информацию от очевидцев и участников событий как периода Великой Отечественной Войны, так и послевоенных пяти лет, которые могли бы указать на первичные места захоронения, а также места уничтожения гражданского населения на территории Беларуси, что на сегодняшний момент особенно актуально. В документах и материалах архивов Беларуси не всегда имеется ответ на волнующие исследователей вопросы. Тем не менее, на данный момент в Республике Беларусь проделана значительная работа по мемориализации памяти о погибших защитниках Отечества и жертвах войн, о чем свидетельствуют не столько обновление памятников (что тоже важно), сколько открытие новых мест уничтожения мирного населения в ходе карательной политики нацистской Германии на территории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бешенковичский районный историко-краеведческий музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://beshenkovichi.museum.by/node/48206>. – Дата доступа: 14.06.2021.
2. Герои Советского Союза : крат. биогр. слов. В 2 т. – М. : Воениздат, 1987–1988. – Т. 2.: Любов – Ящук / Редкол: И.И. Шкадов (гл. ред.) [и др.]. – М. : Воениздат, 1988. – 863 с.
3. Донесение о безвозвратных потерях 26 гв. сд от 21.08.1944 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 739. Л. 4. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=55215812&p=4>. – Дата доступа: 14.06.2021.
4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 496 с.

5. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1985. – 383 с.
6. Каталог воинских захоронений на территории Республики Беларусь. Гомельская область / Мин-во обороны Респ. Беларусь. – Минск : Рекхаус, 2014. – 312 с.
7. Личная карточка партизана Данукалова А.Ф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/29020/>. – Дата доступа: 14.06.2021.
8. Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fortress.brest.museum.by>. – Дата доступа: 14.06.2021.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 790. Оп. 1. Д. 30.
10. НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 64.
11. НАРБ. – Ф. 790. Оп. 1. Д. 152.
12. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре парт. соединений, бригад 9 полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А.Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
13. Приказ об исключении из списков от 05.09.1952 г. [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 595608. Д. 7. Л. 13. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=74509160&p=13>. – Дата доступа: 14.06.2021.
14. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941 – 2008 гг.: док. и материалы / сост.: Н.Е. Калесник [и др.]; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.

Поступила 08.07.2021

**DOCUMENTS OF THE COMMITTEE FOR CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS
UNDER THE COUNCIL OF MINISTERS OF THE BSSR AS A SOURCE FOR PRESERVING
THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

A. KORSAK

The article analyzes the complex of documents of the Committee for Cultural and Educational Institutions under the Council of Ministers of BSSR as a source for preserving the memory of the Red Army soldiers who died in the Great Patriotic War and buried on the territory of Belarus and the victims of Nazi occupation regime, as well as significant events of the military actions of 1941 - 1944, including those related to the partisan movement.

The administrative-territorial boundaries of the study correspond to the period in question, which corresponds to the chronological framework of the Committee's activity from 1946 to 1953.

Keywords: *The Great Patriotic War, the Committee for Cultural and Educational Institutions under the Council of Ministers of the BSSR, a historical source.*

УДК [356.15+94](476+470+477)«1941/1942»

**СУМЕСНЫЯ БАЯВЫЯ ДЗЕЯННІ ПАРТЫЗАН БЕЛАРУСІ, РАСІІ І УКРАЇНЫ СУПРАЦЬ
ГЕРМАНСКІХ АКУПАНТАЎ (1941 – ПАЧАТАК 1942 Г.)**

канд. гіст. навук, дац. А.А. КРЫВАРОТ
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)
tak_tav@tut.by

У артыкуле на аснове аналізу апублікаванай літаратуры і архіўных матэрыялаў прадстаўлена абагульненая інфармацыя аб недастаткова даследаванай старонцы гісторыі савецкага партызанскага руху – арганізацыйным і баявым узаемадзеянні партызан Беларусі з партызанскімі фарміраваннямі Расіі і Украіны ў першыя месяцы Вялікай Айчыннай Вайны. Паказаны рэгіёны сумеснай дзейнасці партызан суседніх рэспублік. Раскрыта роля накіраваных з савецкага тылу спецгруп у пашырэнні дыверсійнай дзейнасці на камунікацыйных германскіх акупантаў ва ўсходніх раёнах Беларусі. Асветлены найбольш выніковыя сумесныя баявыя аперацыі на тылавых аб'ектах акупантаў як на акупаванай тэрыторыі Беларусі, так і суседніх рэгіёнаў Расіі і Украіны. Адзначана, што беларускія групы і атрады, якія з розных прычын перамясціліся ў Арлоўскую і Смаленскую вобласці, садзейнічалі падвышэнню баяздольнасці мясцовых партызанскіх фарміраванняў. Прыведзены прыклады баявой садружнасці беларускіх і ўкраінскіх партызан у Палескім рэгіёне.

Ключавыя словы: гарнізон, дыверсія, дыслакацыя, камунікацыі, карная аперацыя, лінія фронту, партызанскі атрад (група), спецпадраздзяленне.

Уводзіны. Разгортванне савецкага партызанскага руху летам 1941 г. на тэрыторыі Беларусі адбывалася ва ўмовах хуткага прасоўвання немецка-фашысцкіх войск на Усход і ўстанаўлення нацыстамі ў захопленых раёнах крывавага акупацыйнага рэжыму. Нягледзячы на неймаверныя цяжкасці, першыя партызанскія атрады і групы – яшчэ малакольчасныя, дрэнна забяспечаныя зброяй, прадуктамі харчавання, медыкаментамі, слаба падрыхтаваныя ў ваенным плане – адважна ўключаліся ў барацьбу з ворагам. Ужо ў першыя месяцы вайны на тэрыторыю акупаваных раёнаў Беларусі сталі пранікаць атрады і групы, накіраваныя з савецкага тылу па лініі партыйных органаў, армейскага камандавання і структур НКВС СССР для выканання дыверсійна-разведвальных заданняў і арганізацыі партызанскага руху. Такія падраздзяленні, скамплектаваныя ў асноўным з добраахвотнікаў, па прыбыцці ў тыл праціўніка паветраным шляхам ці рэйдавым парадкам, устанаўлівалі кантакты з мясцовымі партызанамі і падпольшчыкамі і разам з імі праводзілі баявыя аперацыі. Восенню 1941 г. пачалася ўзаемадзеянне беларускіх і расійскіх партызан у некаторых раёнах Арлоўскай і Смаленскай абласцей, куды былі вымушаны перайсці з розных рэгіёнаў Беларусі дзясяткі атрадаў і груп. Такія падраздзяленні былі сфарміраваны з партыйных, савецкіх, камсамольскіх работнікаў і актывістаў, ваеннаслужачых-акружэнцаў, што станоўча паўплывала на баяздольнасць расійскіх партызанскіх падраздзяленняў. З другой паловы лета 1941 г. сталі наладжвацца баявыя кантакты беларускіх атрадаў і груп з ўкраінскімі савецкімі партызанскімі падраздзяленнямі ў Палескім рэгіёне.

Мэта артыкула – на аснове аналізу вывучковых і навукова-папулярных публікацый, разнастайных зборнікаў дакументаў і ўспамінаў, даведнікаў, архіўных матэрыялаў паказаць, што ўзаемадзеянне партызан Беларусі, Расіі і Украіны выступала важным фактарам дапамогі войскам Чырвонай Арміі ў яе змаганні з германскімі захопнікамі ў першыя месяцы вайны, станаўлення ўзброенага супраціўлення ў тыле германскіх акупантаў.

Асноўная частка. Азначаная праблема знайшла пэўнае адлюстраванне ў калектыўных працах [1–3], манаграфіях [4–8], разнастайных зборніках [9–12], навукова-папулярных брашурах [13–15]. Аднак, нягледзячы на наяўнасць у згаданых і іншых публікацыях пэўных фрагментарных звестак аб баявых і арганізацыйных кантактах беларускіх партызан з расійскімі і ўкраінскімі атрадамі і групамі, яшчэ адсутнічае комплексная праца, у якой бы асвятляліся сумесныя дзеянні савецкіх патрыётаў суседніх рэспублік па разгортванні партызанскай барацьбы супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў у першыя месяцы Вялікай Айчыннай Вайны.

Армейскія і чэкісцкія дыверсійна-разведвальныя атрады і групы сталі рознымі спосабамі пранікаць на акупаваную тэрыторыю Усходняй Беларусі летам – восенню 1941 г. Тры такія падраздзяленні былі закінуты паветраным шляхам па лініі Разведупраўлення Генеральнага штаба (далей – ГШ) РСЧА. Адною з першых баявых адзінак была дэсантная група камсамольцаў з Масквы колькасцю 12 чалавек на чале з М.І. Кавалёвым, якая з 23 жніўня і да лістапада 1941 г. дзейнічала ў Віцебскай вобласці. На тэрыторыі Сенненскага раёна ў верасні – пачатку кастрычніка армейскія разведчыкі разам з групай ваеннаслужачых-акружэнцаў і пры дапамозе мясцовых патрыётаў праводзілі баявыя аперацыі на чыгуначнай лініі Крынкі – Забалоцінка. На баявым рахунку маскоўскай групы і групы А.А. Няхаева з вёскі Сімакі некалькі дыверсій на шашэйных дарогах. У сувязі з пераследам карнікаў армейская група была вымушана вярнуцца ў савецкі тыл [8, с. 219–220; 16, л. 6, 9–12].

У канцы лета 1941 г. у Мінскую вобласць была дэсантавана маскоўская група № 36 на чале з Ф.Е. Літвінавым. У яе склад уваходзілі ў асноўным рабочыя і служачыя маскоўскага метрастрою. Байцы прайшлі падрыхтоўку ў адной з часцей Разведупраўлення ГШ РСЧА. Пасля прыбыцця 27 жніўня 1941 г. на тэрыторыю Уздзенскага раёна баявая разведвальная адзінка аб'ядналася з мясцовай групай, аснову якой складалі ваеннаслужачыя

акружэнцы. Камандзірам аб'яднанага атрада стаў Ф.Е. Літвінаў, а камісарам – ваеннаслужачы С.К. Мішчанка. У верасні – кастрычніку 1941 г. падраздзяленне праводзіла аперацыі на чагуначнай лініі Мінск – Бабруйск. Партызаны скінулі пад адхон эшалон з жывой сілай, падарвалі тры паравозы, разбілі 19 вагонаў з боепрыпасамі. У канцы восені 1941 г. атрад з прычыны пераследу з боку карнікаў, адсутнасці ўзрыўчаткі, недахопу боепрыпасаў і слабой сувязі з мясцовым насельніцтвам быў вымушаны перамясціцца на Усход і часова размясціцца ў Клімавіцкім раёне [8, с. 218–219; 15, с. 36; 17, с. 327–328].

Сярод армейскіх дыверсійна-разведвальных падраздзяленняў самым шматлікім быў атрад пад камандаваннем Р.М. Лінькова. У склад баявой адзінкі ўваходзілі рабочыя і служачыя маскоўскіх прадпраемстваў, выкладчыкі ВНУ, медработнікі, а таксама некалькі кадравых ваенных. Камандзір атрада да вайны працаваў начальнікам аддзела аднаго з навукова-даследчых інстытутаў сталіцы СССР. На баяздольнасць падраздзялення па першым часе негатыўна паўплываў факт яго некампактнага прызначэння 17 верасня 1941 г. на тэрыторыі Бешанковіцкага і Сенненскага раёнаў. Нягледзячы на няўдачу пры дэсанціраванні, байцы атрада разгарнулі дзейнасць па ўключэнні мясцовага насельніцтва ва ўзброеную барацьбу супраць захопнікаў. Камандзір узвода лейтэнант А. Калінін да пачатку кастрычніка 1941 г. змог аб'яднаць малакольчасныя мясцовыя групы ў першы на тэрыторыі Бешанковіцкага раёна атрад. Камісар маскоўскага спецпадраздзялення Д.І. Кеймах у першай палове кастрычніка 1941 г. сфарміраваў атрад колькасцю некалькі дзясяткаў чалавек у Чашніцкім раёне. Да дэсантнага падраздзялення ў кастрычніку – лістападзе 1941 г. далучыліся некалькі баявых груп з мясцовых жыхароў і акружэнцаў. Адзін з акружэнцаў, маёр А.П. Брынскі, па загадзе Р.М. Лінькова сфарміраваў атрад каля вёскі Сыманавічы Чашніцкага раёна. Для прыцягнення насельніцтва да барацьбы супраць акупантаў камандаванне спецатрада арганзоўвала групы самаабароны, якія разбуралі масты і лініі сувязі, узводзілі завалы на дарогах. З прычыны пастаяннага пераследу з боку карнікаў у лістападзе 1941 г. атрад Р.М. Лінькова падзяліўся на тры групы з рознымі месцамі базіравання на поўдні Віцебскай вобласці [4, с. 56–57, 8, с. 220; 18, с. 92–93, 103, 105, 117, 131; 19, л. 221–223; 20, л. 12–14; 21, л. 221; 22, с. 124].

Нягледзячы на недахоп зброі, боепрыпасаў, адсутнасць сувязі з Вялікай зямлёй, пераслед з боку карнікаў, партызаны восенню – зімой 1941 г. сваімі быявымі вылазкамі наносілі ўрон праціўніку. На сумесным рахунку спецатрада і мясцовых груп чатыры эшалоны, падарваныя на лініі Маладзечна – Полацк, разбураныя невялікія масты праз раку Эса і на грунтовых дарогах Бягомль – Лепель, Талачын – Бешанковічы, Красналукі – Дабрамыслі, разгромлены маслазавод у вёсцы Пачаевічы, знішчаныя з засады каля вёскі Вялеўшчына 14 салдат і афіцэраў праціўніка [4, с. 56–57; 18, с. 103, 114–117, 131, 145; 21, л. 211].

У лютым 1942 г. арганізацыйная і баявая дзейнасць атрада актывізавалася. У населеныя пункты Чашніцкага, Халопеніцкага і Лепельскага раёнаў былі накіраваны ініцыятыўныя групы для стварэння новых баявых адзінак шляхам правядзення мабілізацыі сярод мясцовых жыхароў, а найперш воінаў-акружэнцаў, якім вясной пагражала нямецкая рэгістрацыя, арышт і адпраўка ў канцлагеры [7, с. 238–239, 242].

Летам – восенню 1941 г. засылкай дыверсійных груп на акупаваную тэрыторыю займаліся і іншыя армейскія структуры – Ваенныя саветы, штабы, паліторганы франтоў і армій, якія дзейнічалі на беларускім напрамку. Так, палітадзел 13-й арміі сумесна з мясцовымі партыйнымі камітэтамі стварыў у прыфрантавой паласе да 16 атрадаў. Адно з такіх падраздзяленняў (камандзір Бяляеў) у жніўні – пачатку верасня 1941 г. на тэрыторыі Багушэўскага раёна часова аб'ядналася для сумесных дзеянняў з партызанскімі групамі на чале з партыйным работнікам А.К. Стэльмахам і акружэнцам капітанам П.С. Гапонцавым. У пачатку верасня 1941 г. партызаны колькасцю 30 чалавек падчас нападу на райцэнтр Багушэўск знішчылі чатырох нямецкіх салдат і афіцэраў, а таксама дзве машыны з праціўнікам, якія былі накіраваны ў дапамогу гарнізону. У кастрычніку 1941 г. атрад П.С. Гапонцава пад націскам карнікаў выйшаў у Смаленскую вобласць [1, с. 148–149; 2, с. 344; 8, с. 210–211; 23, л. 4].

Некалькі баявых адзінак былі закінуты ва ўсходнія рэгіёны Беларусі па лініі Ваеннага савета і штаба Заходняга фронту. Група М.А. Галоўкіна ў Петрыкаўскім раёне ўлілася ў мясцовы атрад пад камандаваннем старшыні В.І. Гардзіенкі. Аб'яднанае падраздзяленне правяло некалькі паспяховых аперацый. У верасні 1941 г. на рацэ Прыпяць быў разбіты нямецкі параход з грузам для фронту і баявы кацёр, з-за чаго праціўнік на некаторы час прыпыніў рух па водным шляху. У пачатку кастрычніка 1941 г. аб'яднаны атрад напаў на акупантаў у вёсках Майсеевічы і Глінец. У сувязі з разгортваннем карнай экспедыцыі ў раёне дыслакацыі партызан 21 кастрычніка 1941 г. на сходзе атрада было вырашана, што 35 мясцовых байцоў працягнуць барацьбу на нелегальным становішчы, а астатнія будуць прарывацца ў савецкі тыл сумесна з армейскай групай М.А. Галоўкіна і ваеннаслужачымі-акружэнцамі са 121-й стралковай дывізіі [24, л. 34–36; 25, л. 78–79].

Яшчэ адна група Заходняга фронту на чале з Р.В. Пыжовым колькасцю 17 чалавек з пачатку верасня 1941 г. замацавалася ў Асіповіцкім раёне, дзе стала дзейнічаць разам з партызанскім падраздзяленнем пад агульным камандаваннем даваеннага работніка райвыканкаму М.П. Каралёва. Да вясны 1942 г. дзве мясцовыя партызанскія адзінкі і армейская разведгрупа з мэтай канспірацыі і для лепшага забеспячэння прадуктамі харчавання базіраваліся асобна, аднак разам праводзілі баявыя аперацыі. 5 кастрычніка 1941 г. партызаны і армейскія разведчыкі на ўчастку Талька – Вярэйцы чыгункі Мінск – Бабруйск падарвалі воінскі эшалон з абмундзіраваннем для нямецкіх франтавых часцей і разбурылі два масты праз раку Свіслач. У выніку дыверсій рух на чыгунцы і шашы Мінск – Бабруйск перапыніўся на некалькі сутак. Аб'ектамі сумесных удараў былі таксама апорныя пункты праціўніка. У канцы 1941 г. партызаны разграмілі паліцэйскія ўчасткі ў Градзянцы і Пагарэлым [3, с. 199–200; 6, с. 46; 13, с. 101; 26, с. 16–20; 27, л. 20–123, 194].

Найбольш эфектыўна дзейнічаў на камунікацыях праціўніка атрад № 6 Заходняга фронту на чале з К.В. Сідзякіным, даваенным работнікам Міністэрства шляхоў зносін СССР. У складзе падраздзялення былі

камсомольцы-добраховотнікі з Масквы, большасць з якіх займалася ў аэраклубе. Перад адпраўкай у тыл праціўніка 18 байцоў атрада прайшлі спецыяльную дзесяцідзённую падрыхтоўку. Падчас маршу ў бок фронту 22 ліпеня 1941 г. у г. Вязьма Смаленскай вобласці да падраздзялення далучыліся групы супрацоўнікаў НКУС БССР агульнай колькасцю 23 чалавекі, у асноўным беларусы. Пасля прыбыцця ў тыл ворага аб'яднаны атрад разгарнуў дыверсію на чыгунцы Мінск – Орша. Так, 6 верасня быў падарваны воінскі эшалон на перагоне Слаўнае – Бобр, 11 верасня на перагоне Крупкі – Бобр, а 14 верасня пушчаны пад адхон 10 вагонаў з жывой сілай. Усяго за верасень – снежань 1941 г. група правяла восем аперацый, у выніку якіх разбіла 5 эшалонаў з жывой сілай, тэхнікай і боепрыпасамі, пашкодзіла больш за 500 м чыгуначнага палатна. З прычыны дыверсій рух на некаторых чыгуначных участках затрымліваўся да некалькіх сутак [1, с. 113, 146; 9, с. 236–237].

Паводле зробленых падлікаў, у 1941 г. на тэрыторыю Усходняй Беларусі па лініі структур Чырвонай Арміі было накіравана восем атрадаў і груп. Большасць з іх у месцах сваёй дыслакацыі сумесна з беларускімі партызанамі стваралі новыя баявыя адзінкі, праводзілі дыверсію на чыгуначных лініях праціўніка, грамілі яго гарнізоны, адбівалі напады карнікаў.

Разам з армейскімі атрадамі і групамі на акупаваную тэрыторыю Беларусі закідваліся чэкісцкія падраздзяленні, якія рыхтаваліся на базе асобнай мотастралковай брыгады ў Маскве. Адзін з такіх атрадаў на чале з Д.М. Мядзведзевым меў у сваім складзе жыхароў сталіцы СССР, у тым ліку вядомых спартсменаў. У кастрычніку 1941 г. атрад правёў некалькі пасляхоўных аперацый сумесна з партызанамі Клімавіцкага, Касцюковіцкага, Хоцімскага раёнаў, дыверсійнай групай А.Л. Генькіна, сфарміраванай у Гомельскай вобласці. Пры дапамозе мясцовых партызан быў падарваны чыгуначны мост праз раку Бесядзь, разбіты воінскі эшалон на перагоне Крычаў – Унеча на ўсход ад станцыі Бялынкавічы. У выніку нападу 23 кастрычніка 1941 г. атрадаў Дз.М. Мядзведзева і 2-га асобнага Хоцімскага (камандзір Л.У. Казакоў) на райцэнтр Хоцімск была разгромлена нямецкая камендатура, тэлефонная станцыя, маслазавод, спалены мост праз раку Бесядзь. Падчас вяртання ў савецкі тыл у лістападзе 1941 г. атрад Дз.М. Мядзведзева ўключыў у свой склад групу партызан, якая пасля распаду Кармянскага атрада разам з ваенаслужачымі-акружэнцамі прабіралася да лініі фронту [2, с. 344; 8, с. 234].

Большасць армейскіх і чэкісцкіх спецатрадаў і груп, закінутых у канцы лета – пачатку восені 1941 г. на акупаваную тэрыторыю Беларусі, акрамя падраздзяленняў Ф.Е. Літвінава, Р.В. Пыжова, К.В. Сідзякіна, Р.М. Лінькова, пасля выканання баявых заданняў з тых ці іншых прычын была вымушана вярнуцца ў савецкі тыл. У сувязі з узнікшай небяспекай для Масквы армейскія і чэкісцкія групы, пачынаючы з кастрычніка 1941 г., былі мабілізаваны на абарону сталіцы СССР і на акупаваную беларускую тэрыторыю не закідваліся да канца студзеня 1942 г.

У першыя месяцы вайны фарміраванне партызанскіх атрадаў і груп для засылкі на акупаваную тэрыторыю Беларусі ажыццяўлялася як ў Маскве, так і ў іншых тылавых рэгіёнах РСФСР. У г. Ржэў Калінінскай вобласці з 16 ліпеня па 6 жніўня 1941 г. работнікамі Віцебскага абкама КП(б)Б сумесна з гарадскімі партыйнымі і савецкімі органамі, армейскімі структурамі стварылі 9 атрадаў агульнай колькасцю 186 чалавек. Пад г. Вязьма Смаленскай вобласці з 19 ліпеня па 4 жніўня 1941 г. было арганізавана 27 атрадаў, з якіх 10 пасля адпраўкі вярнуліся назад. У архіўных дакументах захаваліся звесткі аб адным такім падраздзяленні на чале з камандзірам Івановым (работнік Віцебскага абласнога ўпраўлення НКУС) і камісарам Нароенка. Пры дапамозе ваеннага камандавання атрад быў перакінуты праз лінію фронту і дзейнічаў у Мехаўскаму раёне Віцебскай вобласці, а 1 лістапада 1941 г. вярнуўся ў савецкі тыл. У раёне Вязьмы з работнікаў Заходняй чыгункі аформіўся атрад № 18 (камандзір К.С. Заслонаў), які ствараўся па рашэнні бюро Смаленскага абкама ВКП(б) і пры ўдзеле абласнога ўпраўлення НКУС і палітаддзела чыгункі. Падраздзяленне прайшло двухтыднёвае навучанне пры разведадзеле Заходняга фронту і было перакінута ў тыл немцаў 24 верасня 1941 г. у раёне г. Белы на ўчастку 30-й арміі. Падчас маршу ў вызначаны раён дзеянняў атрад меў сутычкі з акупантамі. У снежні 1941 г. частка падраздзялення колькасцю 34 чалавекі выйшла ў савецкі тыл, а група К.С. Заслонава ў складзе 8 чалавек прабралася ў Воршу, дзе перайшла на нелегальнае становішча і да лютага 1942 г. праводзіла дыверсію на чыгуначным вузле [1, с. 124; 10, с. 6–9; 14, с. 18; 28, л. 30].

Асобныя групы ваенаслужачых-акружэнцаў на сваім шляху з акупаванай тэрыторыі да лініі фронту сумесна з мясцовым насельніцтвам стваралі партызанскія адзінкі і праводзілі баявыя аперацыі. У склад 110-га асобнага атрада, створанага 14 верасня 1941 г., уваходзілі воіны 110-й стралковай дывізіі (камандзір палкоўнік В.А. Хлебцаў), партыйна-савецкія актывісты і жыхары Магілёўскай і Смаленскай абласцей. Партызанскае падраздзяленне на чале з В.А. Хлебцавым да моманту выхаду ў савецкі тыл 13 снежня 1941 г. скінула пад адхон 4 эшалоны і падарвала чыгуначныя масты на лініі Орша – Унеча ў межах Клімавіцкага раёна, разбурыла 4 шашэйныя масты, спаліла самалёт, знішчыла 35 аўтамашыні і 13 матацыклаў, забіла і параніла сотні акупантаў [1, с. 115, 147; 3, с. 200; 25, л. 67–68; 30, с. 596].

Асноўны маршрут для многіх беларускіх партызанскіх атрадаў і груп, якія з тых ці іншых прычын імкнуліся выйсці ў савецкі тыл у 1941 г., пралягаў праз лясныя масівы Браншчыны. Падчас перамяшчэння па акупаванай тэрыторыі Арлоўскай вобласці беларускія падраздзяленні наладжвалі кантакты з мясцовымі партызанамі і разам з імі разгортвалі ўзброенае супраціўленне ворагу. Група палітрука В.Р. Бойкі, якая перайшла з Беларусі ў Наўлінскі раён, аб'ядналася ў адзін атрад з падраздзяленнем Ф.Е. Стральца. Атрады старшага лейтэнанта А.М. Яроміна, старшага палітрука Карагіна, лейтэнанта-танкіста Н.В. Кулікова на тэрыторыі Арлоўскай вобласці колькасна выраслі за кошт мясцовых патрыётаў. Партызанская адзінка, у складзе якой быў работнік Пінскага абкама КП(б)Б Ц.А. Міроненка, на тэрыторыі Наўлінскага раёна ўстанавіла кантакты з мясцовым атрадам Р.Ф. Пакроўскага і сакратаром райкама УКП(б) А.В. Сусліным і пачала дзейнічаць сумесна з імі. Дзякуючы сваім

высокім арганізацыйным здольнасцям Ц.А. Міроненка асабіста сфарміраваў і ўзброіў атрад «Народны месціца» колькасцю 35 чалавек з акружэнцаў і жыхароў вёскі Глыбочкі Наўлінскага раёна, а ў лютым 1942 г. прымаў актыўны ўдзел у стварэнні атрада «Жалызняк» у раёне вёскі Алешанка і стаў яго камісарам [5, с. 32; 8, с. 231–233; 31, л. 5–7].

Сумеснымі баявымі ўдарамі па тылавых аб'ектах ворага беларускія і арлоўскія партызаны падрывалі баяздольнасць нямецкай групы армій «Цэнтр». Асноўныя намаганні патрыётаў былі скіраваны на разбурэнне камунікацый праціўніка. 13 лістапада 1941 г. беларускі атрад В.Р. Бойкі сумесна з мясцовай групай Зенчыка падарвалі паравоз каля раз'езда Гаражанка Суземскага раёна. Са снежня 1941 г. да пачатку лютага 1942 г. аб'яднаны атрад В.Р. Бойкі – Ф.Е. Стральца пусціў пад адхон два эшалоны з жывой сілай і тэхнікай, падарваў два масты, разграміў станцыю Палужжа. Адною з найбольш значных сумесных аперацый быў напад беларускага падраздзялення на чале з М.В. Куліковым і атрада Жукоўскага раёна на нямецкі аэрадром Алсуф'ева каля вёскі Грышына Слабада 14 снежня 1941 г. У выніку дыверсіі згарэла 17 самалётаў, у тым ліку 4 баявыя. Акрамя таго, на шляху да аэрадрома партызаны разграмілі нямецкую камендатуру [7, с. 186–187; 8, с. 231–233; 12, с. 74].

Месцам узаемадзеяння беларускіх і расійскіх партызан восенню 1941 г. стала Смаленская вобласць, куды з розных прычын, найперш з-за пераследу карнікаў, перамясціліся некалькі атрадаў і груп Віцебшчыны. Разам з савецкімі патрыётамі Смаленшчыны яны ў розных формах прымалі ўдзел у пашырэнні партызанскага руху. Багушэўскі атрад П.С. Гапонцава ўключыў ва ўзброеную барацьбу з акупантамі актывістаў Касплянскага, Лужаўскага, Прачысцінскага, Слабадскога і Панізаўскага раёнаў і за кошт гэтага колькасна павялічыўся. Атрад маёра Я.М. Дзюрбы пасля перамяшчэння ва Усвяцкі раён аб'яднаў вакол сябе некалькі мясцовых баявых груп, у тым ліку на чале з капітанам І.Ф. Ільным і старшым лейтэнантам Якубам, і колькасна вырас амаль да 100 чалавек. У снежні 1941 г. камісар атрада Пратасаў арганізаваў з разрозненых груп ваенных і мясцовых актывістаў падраздзяленне колькасцю 50 чалавек. Атрады з Віцебскай вобласці пад камандаваннем М.П. Шмырова і М.І. Дзячкова ў сувязі з пастаянным пераследам з боку карнікаў перамясціліся на Смаленшчыну, дзе атрымалі падтрымку мясцовых партызан і падпольшчыкаў, што дазволіла атрадам пераадолець цяжкасці канца 1941 г. і захаваць сваё арганізацыйнае ядро. У сваю чаргу партызаны гэтых падраздзяленняў удзельнічалі ва ўмацаванні атрадаў Смаленскай вобласці. Групу атрада М.Ф. Шмырова пад камандаваннем Піліпчука і Р.У. Шкрэды ўліліся ў падраздзяленне С.У. Грышына і ва Усвяцкі раённы атрад, адпаведна. Партызаны на чале з М.І. Дзячковым стварылі ва Усвяцкім раёне атрад, які дзейнічаў там да моманту прыходу Чырвонай Арміі ў пачатку 1942 г. [8, с. 235–237; 15, с. 26; 23, л. 8; 29, л. 18, 33, 35, 46, 53].

Разам з дзейнасцю па арганізацыйным умацаванні партызанскіх сіл беларускія групы і атрады праводзілі баявыя аперацыі на Смаленшчыне. Так, Багушэўскі атрад на тэрыторыі Касплянскага, Панізаўскага, Прачысцінскага і Слабадскога раёнаў пры дапамозе мясцовых патрыётаў нападаў на паліцэйскія ўчасткі і валасныя ўправы, караў здраднікаў і правакатараў. Партызанскі атрад Я.М. Дзюрбы наносіў удары па невялікіх паліцэйскіх пунктах. У пачатку студзеня 1942 г. група Р.У. Шкрэды і Усвяцкі партызанскі атрад разграмілі гарнізон праціўніка і ўправу ў вёсцы Баранавічы [8, с. 235–237; 15, с. 25; 23, л. 8; 29, л. 19].

У выніку Тарапецка – Холмскай наступальнай аперацыі часці Чырвонай арміі ў канцы студзеня 1942 г. ушчыльную падышлі да паўночна-ўсходніх межаў Беларусі. У сувязі з гэтым беларускія партызанскія падраздзяленні Я.М. Дзюрбы і П.С. Гапонцава, якія дзейнічалі на тэрыторыі Смаленшчыны, уліліся ў армейскія часці. Большасць партызан з атрадаў М.П. Шмырова і М.І. Дзячкова вярнуліся на тэрыторыю Віцебскай вобласці для далейшага змагання з акупантамі.

Першыя арганізацыйныя кантакты паміж беларускімі і ўкраінскімі савецкімі партызанскімі атрадамі і групамі пачалі наладжвацца з канца лета першага года вайны на тэрыторыі Палесся. Узаемадзеянне рагортвалася па такіх напрамках, як абмен ваенна-палітычнай і разведвальнай інфармацыяй, узаемадамога зброяй, боепрыпасамі, харчамі, вопраткай, сумесная арганізацыя мінна-падрыўной справы, устанавленне сувязі з Цэнтрам.

Летам 1941 г. на беларускае Палессе з-за пераследу гітлераўцаў сталі пранікаць першыя групы ўкраінскіх партызан. Тут яны знаходзілі падтрымку мясцовага актыву і насельніцтва. Адным з першых на беларускую тэрыторыю перамясціўся атрад Корасценскага раёна (камандзір Д.І. Марцінкоўскі, камісар Саенка В.Н.). У лясах Нараўлянскага раёна каля вёскі Смалегаўская Рудня ён знаходзіўся каля двух месяцаў, дзе атрымаў неабходную дапамогу і ўзаемадзейнічаў з мясцовай патрыятычнай групай на чале з М.А. Фалейчуком. Праз некаторы час у Ельскі раён перайшоў Оўруцкі (Славечанскі) партызанскі атрад (камандзір Т.Л. Грышын). Камандаванне ўкраінскіх партызан атрымлівала ад мясцовага беларускага атрада зводкі Савецкага інфармбюро аб становішчы на франтах. Савецкія патрыёты з беларускай вёскі Валаўск Ельскага раёна перадалі ўкраінскаму атраду 25 галоў буйной рагатай жывёлы, цёплыя рэчы для байцоў. У пачатку восені 1941 г. Нараўлянскі атрад, дзе камісарам быў сакратар райкама КП(б)Б Г.Р. Чарняўскі, устанавіў сувязі з Новашапалевіцкім партызанскім атрадам Кіеўскай вобласці і Кіеўскай абласной тройкай [2, с. 351; 8, с. 246–247; 15, с. 42 – 43].

Падчас руху ў бок лініі фронту частка беларускіх атрадаў была вымушана пераходзіць на тэрыторыю Украіны, дзе праводзіла аперацыі супраць германскіх акупантаў. У шэрагу выпадкаў такія падраздзяленні аб'ядноўваліся з мясцовымі партызанамі. Так, воіны-акружэнцы палітрук М.С. Корчаў і старшы сержант Д. Папоў стварылі партызанскі атрад, які ў раёне Пінска і Любешва правёў некалькі ўдалых аперацый – разбурыў палатно вузкакалейкі Іванова – Камень-Кашырскі, падарваў два масты праз Дняпроўска-Бугскі канал, разграміў некалькі паліцэйскіх участкаў. Па ініцыятыве камандавання атрада быў створаны «Камітэт барацьбы з фашызмам», у склад якога ўвайшлі савецкія патрыёты Пінскага раёна і Любешаўскага раёна Валынскай вобласці. Камітэт узначаліў былы член

КПЗБ С.В. Уласавец (Салавей). Члены камітэта на беларуска-ўкраінскім памежжы збіралі зброю, распаўсюджвалі зводкі Савецкага інфармбюро, далучалі да падпольнай работы новых людзей. У пачатку 1942 г. камітэтам быў арганізаваны партызанскі атрад Салаўя (камандзір С.В. Уласавец). Падчас аднаго з баёў з акупантамі загінуў камандзір і частка партызанскага падраздзялення. Байцы, якія засталіся жывыя, уліліся ў іншыя атрады і працягвалі баявую дзейнасць на беларускай і ўкраінскай тэрыторыях. Вясной 1942 г. частка беларускіх і ўкраінскіх партызан з атрада Папова-Корчава перайшла ў армейскае злучэнне Р.М. Лінькова [8, с. 247–248].

Актыўны ўдзел у фарміраванні ўкраінскага атрада на чале з С.А. Каўпаком прыняла група беларускіх партызан-мінэраў, якая ў верасні 1941 г. на шляху ў Беларусь са школы падрыхтоўкі ў Харкаўскай вобласці апынулася ў Пуціўлі і ўлілася ў падраздзяленне С.А. Каўпака. Першым начальнікам штаба ў атрадзе С.А. Каўпака стаў адзін з выпускнікоў школы ў Харкаве, былы дырэктар Рэчыцкай сярэдняй школы, М.М. Курс. Адрозніўшы падраздзяленні С.А. Каўпака было чатыры баявыя групы. Групу мінэраў складалі беларускія партызаны. Арганізатарам дыверсійнай работы ў атрадзе стаў інструктар Баранавіцкага абкама партыі Г.А. Юхнавец, якога пазней абралі членам партыйнага бюро атрада. У баявую групу мінэраў увайшлі таксама В.В. Церахаў і У.Н. Астроўскі, Г.Дз. Кравец. У канцы верасня 1941 г. група пад кіраўніцтвам М.М. Курса ажыццявіла размініраванне мінных палей. Затым атрад выкарыстоўваў здабытую з мін узручэтку для падрыву нямецкіх эшалонаў, правядзення дыверсій на шашэйных дарогах Кралявец – Муцін – Канатоп, Пуціўль – Вязенка – Глухаў. Пасля аб'яднання падраздзяленняў С.А. Каўпака і С.В. Руднева беларус М.М. Курс заняў пасаду памочніка начальніка штаба Пуціўльскага атрада. За арганізацыю дыверсійнай дзейнасці атрада і подзвігі ў барацьбе з гітлераўскімі акупантамі група партызан-беларусаў была ўзнагароджана баявымі ардэнамі. [2, с. 350–351; 8, с. 246–259; 15, с. 42–43; 32, с. 63, 71].

Ужо ў першыя месяцы германскай акупацыі беларускім і ўкраінскім партызанам давялося адбіваць напады захопнікаў. У кастрычніку 1941 г. Лельчыцкі і Тураўскі атрады вялі бой з карнікамі за вёску Копішча Алеўскага раёна і змаглі вызваліць ад ворага населены пункт. Праз некаторы час Лельчыцкі атрад вызваліў украінскую вёску Войкевічы Ракітнянскага раёна. Цяжкае выпрабаванне выпала ў лістападзе 1941 г. на долю беларускіх партызан і Оўруцкага атрада. Акупанты кінулі супраць аб'яднаных партызанскіх сіл агульнай колькасцю 400 байцоў сямітысячную карную групу. У баях з гітлераўцамі на беларускай зямлі загінулі многія партызаны, у тым ліку камандзір Оўруцкага атрада Т.Л. Грышын. Толькі ў студзені 1942 г. Оўруцкі атрад вярнуўся ў свой раён дзеянняў [2, с. 351; 3, с. 479; 15, с. 42].

Восенню 1941 г. стала разгортвацца ўзаемадзеянне беларускіх і чарнігаўскіх партызан. Пасля некалькіх паспяхоўных аперацый супраць ворага Петрыкаўскі атрад быў акружаны карнікамі. Падчас перамяшчэння ў бок лініі фронту большая частка беларускіх партызан у канцы кастрычніка – пачатку лістапада 1941 г. далучылася да Дабранскага атрада Чарнігаўскай вобласці. У снежні 1941 г. гэты ўкраінскі атрад з прычыны пераследу з боку карнікаў перамясціўся на беларускую тэрыторыю, дзе базіраваўся Лоеўскі партызанскі атрад «За Радзіму». Камандаванне беларускага і ўкраінскага партызанскіх падраздзяленняў па прапанове сакратара Гомельскага падпольнага абкама КП(б)Б І.П. Кожара распрацавала план сумеснага адпору гітлераўцам. У выніку ўзгодненых дзеянняў партызаны раптоўным ударам нанеслі акупантам значныя страты, прымусілі асноўныя сілы ворага пакінуць захопленыя вёскі і адступіць [11, с. 56–57; 30, с. 667].

Заклучэнне. Баявая садружнасць беларускіх партызан з расійскімі і ўкраінскімі атрадамі і групамі зароджалася ў першыя месяцы германскай акупацыі. Узаемадзеянне адбывалася па арганізацыйным і баявым напрамках. У месцах сумеснай дыслацыі намаганнямі камандавання партызанскіх фарміраванняў суседніх савецкіх рэспублік ствараліся новыя баявыя адзінкі і ўмацоўваліся ўжо існуючыя падраздзяленні, што станоўча адбывалася на баяздольнасці партызанскіх сіл. Прыкметную ролю ў станаўленні партызанскага руху адыгралі падраздзяленні, закінутыя летам – восенню 1941 г. на акупаваную тэрыторыю Беларусі. Яны дапамагалі мясцовым партызанам узбраеннем, мінамі, узручэткай, перадавалі ваенныя веды, распаўсюджвалі інфармацыю аб сітуацыі на фронце. Беларускія, расійскія і ўкраінскія атрады і групы разам правялі дзясяткі выніковых баявых аперацый на камунікацыйных праціўніка, чым зрываў пастаўкі ваеннай тэхнікі, узбраення, абмундзіравання, прадуктаў харчавання для нямецкіх франтавых часцей. Узгодненыя ўдары партызан па штабах, аэрадромах, складах, гарнізонах, паліцэйскіх пунктах і валасных управах праціўніка заўважна дэзарганізавалі функцыянаванне тылу нямецкай групы армій «Цэнтр». Можна канстатаваць, што адважныя баявыя дзеянні партызан Беларусі, Расіі і Украіны супраць германскіх акупантаў у 1941 – пачатку 1942 г. выступалі важным фактарам дапамогі войскам Чырвонай Арміі.

ЛІТАРАТУРА

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 1 / редкол.: И.М. Игнатенко [и др.]. – 1983. – 591 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол.: А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3 / Л.В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А.Н. Мацко [и др.]. – 1985. – 531 с.
3. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / гал. рэд. калегія.: І.М. Ігнаценка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / рэдкол.: І.С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1975. – 640 с.
4. Жилинин, Я.А. Без линии фронта / Я.А. Жилинин, И.Б. Позняков, В.И. Лузгин. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Беларусь, 1979. – 382 с.

5. Зенина, А.Н. Боевое содружество советских партизан в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / А.Н. Зенина – Киев : Наук. думка, 1985. – 208 с.
6. Липило, П.П. КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечеств. войны / П.П. Липило – Минск : Госиздат БССР, 1959. – 260 с.
7. Михайлов, Н.А. Покой нам только снится / Н.А. Михайлов. – 3-е изд., испр. – М. : Мол. гвардия, 1972. – 239 с.
8. Хацкевич, А.Ф. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР / А.Ф. Хацкевич, Р.Р. Крючок. – Минск : Наука и техника, 1980. – 320 с.
9. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): док. и материалы : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1967–1982. – Т. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 – ноябрь 1942). – 1967. – 744 с.
10. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 гг.) : сб. воспоминаний / редкол.: чл.-кор. АН БССР И.С. Кравченко [и др.]. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 506 с.
11. Люди легенд : очерки о партизанах и подпольщиках – Героях Советского Союза. Вып. 2. – М. : Политиздат, 1966. – 720 с.
12. Люди легенд : очерки о партизанах и подпольщиках – Героях Советского Союза. Вып. 5. – М. : Политиздат, 1974. – 511 с.
13. Непокоренная Белоруссия : воспоминания и статьи о всенародном партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – М. : Воениздат, 1963. – 376 с.
14. Уходили в поход партизаны : сб. материалов науч. конф. «Всенар. борьба с нем.-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.» / редкол.: Т.Н. Яровая (гл. ред.) [и др.]. – Смоленск, 1973. – 256 с.
15. Филимонов, А.А. В едином боевом строю: о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан / А.А. Филимонов. – Минск : Институт истории НАН Беларуси, 2005. – 126 с.
16. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1391. Воп. 1. Спр. 136.
17. Памяць : Клімаў. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 646 с.
18. Линьков, Г.М. Война в тылу врага / Г.М. Линьков. – Саранск : Мордовское кн. изд., 1962. – 622 с.
19. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 175.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 68.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 365.
22. Памяць : гіст.-дак. хроніка Бешанков. р-на. – Мінск : БелСЭ, 1991. – 423 с.
23. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 74.
24. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 77.
25. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 79.
26. Королев, Н.Ф. Сыновья народа / Н.Ф. Королев. – Минск : Госиздат БССР, 1955. – 163 с.
27. НАРБ. – Ф.4. Воп. 33а. Спр. 10.
28. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 15.
29. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 638.
30. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личным составе. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.
31. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 406.
32. Гладков, Т.К, Ковпак / Т.К. Гладков, Л.Я. Кизя. – Изд. 2-е испр. – М. : Молодая гвардия, 1973. – 288 с.

Пастыніў 01.06.2021

JOINT MILITARY ACTIONS OF THE PARTISANS OF BELARUS, RUSSIA AND UKRAINE AGAINST THE GERMAN INVADERS (194 – early 1942)

A. KRYVAROT

Based on the analysis of the published literature and archival materials, the article presents generalized information about an deficiently examined page in the history of the Soviet partisan movement – the organizational and combating interaction of the partisans of Belarus with the partisan formations of Russia and Ukraine during the first months of the Great Patriotic War. The regions of joint activity of the partisans of neighboring republics are shown. The role of special groups sent from the Soviet rear in the expansion of sabotage activities on the communications of the German invaders in the eastern regions of Belarus is revealed. The most effective joint combating operations at the rear facilities of the invaders both on the occupied territory of Belarus and in the neighboring regions of Russia and Ukraine are highlighted. It is noted that the Belarussian groups and detachments, which for various reasons moved to the Orel and Smolensk regions, helped to increase the combating capability of the local partisan formations. Examples of the combating cooperation of Belarussian and Ukrainian partisans in the Polesie region are given.

Keywords: garrison, sabotage, deployment, communications, punitive operation, front line, partisan detachment (group), speed division.

УДК 378.011.3-051/052(476-25):355.48(100)''1960/1980''

**ВЫПУСКНИКИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ МИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ВОЙНАХ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ 1960 – 1980-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

канд. ист. наук А.В. КУЗНЕЦОВА-ТИМОНОВА
(Институт истории НАН Беларуси)
aldona.smith@yandex.by

Статья посвящена исследованию участия выпускников и преподавателей Минского государственного лингвистического университета (в 1960 – 1980-е гг. – Минского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ) в войнах и военных конфликтах на территории иностранных государств: их работе в качестве военных переводчиков, обстоятельствам подготовки, критериям отбора, подготовке характеристик, географии стран назначения. Изучен информационный потенциал документов, хранящихся в фондах Национального архива Республики Беларусь – в частности, протоколов заседаний первичной организации КПБ МГПИИЯ. Обозначены основные направления, определены хронологические рамки работы представителей института за рубежом, определены первичные статистические данные.

Ключевые слова: *локальные войны и военные конфликты, военные переводчики, «холодная» война, Минский государственный институт иностранных языков, Минский государственный лингвистический университет, «развивающиеся страны», преподаватели русского языка за рубежом.*

Введение. Отсутствие глобальных вооруженных противостояний в период т.н. «холодной войны» не означало наступление мира. Локальные войны и военные конфликты продолжались на территории разных стран и континентов на протяжении многих лет, де-факто перерастая в масштабные международные конфликты. Во многих из них принимали участие представители СССР, являвшийся союзником одной из противоборствующих сторон. Среди них было много и уроженцев Беларуси. Только в Законе Республики Беларусь «О ветеранах» обозначено 13 иностранных государств, на территории которых наши соотечественники участвовали в боевых действиях во второй половине XX в.

Работа переводчиков в зоне боевых действий – интересное и абсолютно не исследованное историками направление. Очевидно, что обеспечение успешной коммуникации с подсоветной стороной, и в целом решение военных и политических задач оказывались невозможными без знания языка общения каждой конкретной страны-союзника. Соответственно, для этого требовалось большое количество переводчиков, которых необходимо было экстренно готовить. С 1942 г. военных переводчиков готовили в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ); также существовали военные факультеты при Московском педагогическом институте имени Мориса Тореза (западных языков) и Московском институте востоковедения. Однако после окончания Великой Отечественной Войны институты иностранных языков активно открывались в самых разных городах СССР – и выпускники этих вузов внесли серьезный вклад в работу советских военных миссий за рубежом [1, с. 186].

В 1948 г. такой институт был открыт и в Минске. И уже на первом организационном собрании партийного актива была поставлена цель: готовить «специалистов, в совершенстве владеющих иностранным языком, воспитать студента, переводчика или другого специалиста» [2, л. 8]. И хотя в приоритете работы вуза была обозначена подготовка учителей иностранных языков, в частности, английского (именно на этот факультет было принято 75 из 150 студентов первого набора), его стратегическое значение было подчеркнуто практически сразу. В мае 1949 г. прозвучали требования увеличить в новом наборе состав мужчин, что определялось спецификой института: «в целях обороны» [3, л. 41]. А осенью 1952 г. вместе с инициативой организовать для студентов стрелковые кружки прозвучало предложение об организации кружков военного перевода: по одному на факультетах английского и французского языков, и двух – немецкого [4, л. 72].

Основная часть. Сложность работы над этой темой заключается в узости источниковой базы. Секретность, которой было окружено советское военное присутствие во многих странах мира, распространяется и на документы, многие из которых до сих пор не доступны историкам. Однако даже здесь мы можем найти выход. Источником для настоящего исследования послужили материалы протоколов партийных собраний и заседаний партийного бюро первичной организации КПБ МГПИИЯ 1948 – 1987 гг., а также воспоминания отдельных выпускников института, которым довелось выезжать в воюющие страны и принимать участие в боевых действиях, и переводчиков-выпускников других вузов СССР (в частности, ВИИЯ). Документы фиксируют этапы становления «переводческого» направления работы института (от первого упоминания его необходимости до старта массовых командировок студентов за рубеж и создания отдельного факультета переводчиков) и его военной составляющей (то есть конкретного определения Министерства обороны СССР или Советской Армии как «заказчика»), а также содержат списки студентов, рекомендованных для работы за границей. Эти списки становятся основой последующего поиска: в перечнях членов ветеранских организаций воинов-интернационалистов; в списках участников боевых действий, предоставленных военкоматами Республики Беларусь; в воспоминаниях непосредственных участников событий.

Изначально в МГПИИЯ было 3 факультета: из 150 студентов первого полноценного набора 1949 г. 75 было зачислено на факультет английского языка (ФАЯ), 45 – французского (ФФЯ), 30 – немецкого (ФНЯ). Испанский язык появился в 1952 г.: сначала в лице одного преподавателя (которого почему-то прикрепили к кафедре английской филологии) [4, л. 110], потом отдельной кафедры в составе ФФЯ, и позже – самостоятельного факультета (ФИЯ). Английский язык был самым востребованным как язык международного общения и главного геополитического (а во многих случаях в будущем – и непосредственно боевого) противника. Однако в будущем для студентов МГПИИЯ именно французский и испанский языки стали «билетом» в зону боевых действий как государственные языки бывших колоний, отстаивавших в ту эпоху свою независимость и ставших ареной масштабных гражданских военных конфликтов. Спустя 10 лет, в 1962 г., среди приоритетов руководство института обозначило изучение восточных языков (что так и не было реализовано в интересующий нас период) и подготовки большого количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки, с целью оказания технической и экономической помощи «странам, которые вышли и выйдут из-под ига капитализма» [5, лл. 129-130].

С каждым годом ужесточались требования к абитуриентам. От простого приоритета представителям восточных областей БССР и мужчинам в мае 1949 г. к началу 1960-х добавились диагностирование при поступлении способностей к изучению языков, предложение о приеме устных экзаменов фонетистами, оценка грамотности устной речи, интонирования и умения анализировать текст на родном языке [6, л. 61].

Непосредственно тема подготовки переводчиков для работы на территории иностранных государств была поднята в начале 1962/1963 учебного года: в ноябре 1962 г. руководство института на партийном собрании постановило ходатайствовать перед органами КПБ и Министерством высшего образования БССР об открытии в МГПИИЯ переводческого факультета – «учитывая острую потребность в высококвалифицированных переводчиках» [6, л. 66]. Спустя год, в декабре 1963 г., руководство института констатировало масштабное увеличение «контингентов всех институтов иностранных языков», в том числе МГПИИЯ, в котором ежегодно количество студентов (и преподавателей) увеличивалось на треть, что было вызвано расширением связей Советского Союза с зарубежными странами и востребованностью «огромного количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки, умеющих работать преподавателями ... за рубежом, переводчиками» [7, л. 58].

Инициатива о введении второго иностранного языка в качестве дополнительной специальности прозвучала в 1958 г. от самих студентов. Впервые его озвучила на открытом партийном собрании студентка 3-го курса факультета немецкого языка Морозова, заявив, что 95% студентов ее группы хотели бы в качестве дополнительной специальности изучать английский язык, а такой возможности им не предоставляют, выделяют всего несколько мест и заставляют тянуть жребий [5, л. 130]. Инициатива была удовлетворена. Причем, спустя год, обсуждая «нездоровую обстановку в деле изучения 2-го иностранного языка» (крайне сжатый рабочий план, отсутствие разговорной практики и в целом учебного плана), члены партийного бюро – в частности, преподаватель А. Сорокин – утверждал, что опыт с изучением 2-го языка имеется только в МГПИИЯ, потому и проблемы с планированием: ведь не с кого было брать пример [8, л. 1-2].

Первыми зарубежными командировками для студентов МГПИИЯ стали поездки на языковую стажировку в ГДР – с начала 1958 г. И, если верить докладу преподавателя Л.Е. Стариковой на партсобрании, показали они себя там не с лучшей стороны: «не было в достаточной степени чувства гордости за свою Родину» [5, л. 84]. По результатам этих поездок в институте озаботились вопросом «партийного подхода» к подбору переводчиков, обслуживающих иностранные делегации в Минске и советские делегации в ГДР: чтобы студенты не стали «источником экономической информации», преподаватели обязаны были тщательно инструктировать их, «что и как говорить о Советском Союзе, о жизни своего города, деревни, колхоза», а также о чем можно переписываться с иностранцами, а о чем – нет [5, л. 124-125]. В том же году группа преподавателей в качестве переводчиков английского (8 человек) и французского (6 человек) языков отправилась на Всемирную выставку в Брюссель [9, л. 41].

Начиная с 1960 г., преподаватели и студенты МГПИИЯ стали регулярно выезжать на стажировку в страны изучаемого языка: Великобританию, США, ГДР и ФРГ. И тогда же практически на каждом заседании партбюро МГПИИЯ стали утверждать характеристики студентов и преподавателей, направляющихся за границу на работу: «в качестве переводчиков» или «в качестве преподавателей русского языка». Большинство рекомендуемых пока составляли женщины, число которых преобладало и среди преподавателей, и среди студентов. В ноябре 1960 г. для работы переводчиками было рекомендовано 9 человек [10, л. 7]. Еще одна примечательная деталь: отсутствие указания в первых таких рекомендациях страны назначения. Направление обозначалось «для работы за границей», «для поездки за границу», «для работы переводчиками в «Интуристе» [11]. В ноябре 1962 г. на заседании партбюро впервые прозвучало, что «некоторым из наших выпускников за рубежом придется преподавать русский язык» [6, л. 52]. А в декабре 1962 г. был утвержден первый крупный – 13 фамилий – список характеристик студентов (в основном студенток) для работы переводчиками за границей с указанием страны назначения: страной этой стала Индонезия [12, л. 148].

Официальным началом военного направления работы студентов и выпускников МГПИИЯ можно назвать сентябрь 1964 г.: именно тогда на заседании партийного бюро института был утвержден список характеристик 6 студентов 5 курса ФНЯ и 3 выпускников ФАЯ «для работы в качестве военных переводчиков» [13, л. 106]. Страна назначения снова осталась неуказанной. Однако при определенном допущении первой «военной» группой можно считать утвержденный в сентябре 1962 г. список рекомендованных для отправки за рубеж студентов ФАЯ, состоящий из одних мужчин – без указания цели и страны назначения [12, л. 101]. Сроки позволяют предположить их подготовку к участию в операции «Анадырь», однако подтверждения этому пока не найдено.

Документы позволяют определить основные направления командирования студентов МГПИИЯ для работы переводчиками в 1960-е гг.: практически в каждом протоколе присутствуют списки студентов 4-5 курсов, рекомендованных для поездок в конкретные страны. После Индонезии основными направлениями стали:

– Индия: 2 человека в 1963 г. [14, л. 69], 18 – в 1964-м [13, л. 153], 10 – в декабре 1966 г. [15, л. 89], 11 – в 1970 г. [16, л. 90];

– Бирма: с сентября 1963 г. – по одному человеку ежегодно [15, л. 65];

– Мали: с января 1964 г. – 6 человек [13, л. 18], еще 4 – в сентябре 1965 г. [14, л. 52];

– Пакистан: единичные направления с марта 1964 г.; примечательно, что туда рекомендовались только студенты-мужчины [13, л. 45];

– Камбоджа: 5 рекомендаций в октябре 1964 г. [13, л. 154], 5 – в сентябре 1965 г. [14, л. 52]; 3 – в ноябре 1966 г. [15, л. 65];

– Алжир: 12 рекомендованных в октябре 1964 г. [13, л. 154]; 32 – в 1965 г. [14, л. 11, 35, 52]; 40 – в 1966 г. [15, л. 58, 79, 89]; 7 – в 1970 г. [17, л. 17, 35];

– Сирия: первые рекомендации – с сентября 1965 г. [14, л. 52];

– Египет (тогда – Объединенная Арабская Республика): с ноября 1965 г. [14, л. 70];

– Эфиопия: с ноября 1966 г. [15, л. 65];

– Гвинея: 18 человек в конце 1966 г. [15, л. 65, 79, 89];

– Афганистан: с декабря 1966 г. [15, л. 89];

– Сомали: с декабря 1966 г. [15, л. 89];

– Куба: с апреля 1967 г. [17, л. 25]; примечательно, что в декабре 1966 г. секретарь партбюро факультета испанского языка (ФИЯ) жаловался, что студентам негде применять разговорные навыки, поскольку они не работают с иностранными делегациями [18, л. 75].

В 1968 г. появляются новые направления – Танзания, Марокко, Вьетнам [19, л. 88, 96]. В 1970 г. – Турция [17, л. 17], Чад [17, л. 17], Камерун [17, л. 35], Иран [17, л. 90]. Летом 1971 г. добавился Судан [20, л. 123]. В сентябре 1972 г. – Конго [21, л. 127].

Формально это было гражданское направление работы, о чем косвенно свидетельствует большое количество женщин среди рекомендуемых. Однако фактически во многих странах получалось совсем иначе. Боевые действия в Алжире закончились в 1964 г., однако на протяжении еще двух лет там продолжались масштабные работы по разминированию территории. Всего же за время пребывания советской военной миссии в Алжире в 1962 – 1991 гг. только официально погибло 34 советских военнослужащих [22, с. 28]. То есть потенциальная опасность сохранялась для всех, кто туда направлялся. То же самое касается Египта, Сирии, Камбоджи, Сомали и Эфиопии. В Египте только официально наши соотечественники принимали участие в боевых действиях в 1962 – 1963 гг., июне 1967 г., 1968 г., марте 1969 – июле 1972 гг., октябре 1973 – марте 1974 гг. В Сирии – в июне 1967 г., марте – июле 1970 г., сентябре – ноябре 1972 г., октябре 1973 г. В Камбодже боевые действия с участием наших соотечественников продолжались в апреле – декабре 1970 г., однако сложная военная обстановка сохранялась гораздо дольше. В Лаосе периоды боестолкновений длились официально в 1960 – 1963 гг., августе 1964 – ноябре 1968 гг., и ноябре 1969 – 1970 гг. Во Вьетнаме наши соотечественники воевали в 1961 – 1974 гг. [23]. Боевые действия в Эфиопии шли официально в декабре 1977 – ноябре 1990 гг., однако фактически советские специалисты подвергались там опасности и в последующие годы. То есть де-факто командировка в эти страны, даже по гражданскому ведомству, означала поездку в зону боевых действий со всеми вытекающими отсюда опасностями, причём без конкретных гарантий.

В качестве преподавателей русского языка представителей МГПИИЯ начали рекомендовать с января 1963 г.: именно тогда был утвержден первый список из 8 человек для поездки в «бывшие колонии, слабо развитые страны» [24, лл. 3, 8]. Страны назначения, названные в документах, дублируют страны назначения для рекомендованных в качестве переводчиков: Непал [13, л. 42], Бирма [13, л. 179], Египет (ОАР) [14, л. 35], Гвинея [14, л. 52], Индонезия, Индия, Афганистан, Судан, Камбоджа [15, лл. 58, 62]. Также зафиксирована одна рекомендация (преподаватель Качук С.А.) для поездки в Бирму в качестве преподавателя английского языка [13, л. 11]. А в сентябре 1963 г. преподаватель М.А. Хозяев впервые был рекомендован для откомандирования в ООН в качестве эксперта ЮНЕСКО по народному образованию в Нигерию [24, л. 83].

Министерство обороны СССР в первый раз упоминается 23 декабря 1965 г.: для работы «по линии» этого ведомства утвержден список студентов без указания курса и фамилий (обозначено лишь «список прилагается») [14, л. 76]. Начиная с весны 1967 г. в протоколах заседаний бюро КПБ МГПИИЯ появились длинные – в несколько десятков фамилий – списки студентов, рекомендованных «для работы за рубежом» или «для поездки за границу» без указания страны назначения. С января 1970 г. в документах появляется еще одна формулировка: «утвердить характеристики студентов 4 курса, рекомендованных для работы переводчиками в заграничных командировках в 1971 г.»; с такой формулировкой утверждали одновременно 85 кандидатур, из них 71 – с факультета английского языка [16, л. 10]. То есть спрос на французский язык несколько уменьшился, а на английский – возрос.

С середины 1970-х гг. в документах МГПИИЯ появилась новая формулировка «для работы в качестве переводчиков сроком на 1 год (реже – на 2) в одну из развивающихся стран» [25, л. 20]. Характерно, что из этих списков исчезли женские фамилии. Из наименований конкретных стран назначения остались Куба, Афганистан.

С такой формулировкой в феврале 1976 г. утверждали характеристики 50 студентов 5 курса (поровну английский и французский языки) [26, л. 35–36]. Привлекает внимание фамилия «Е.Н. Ревин»: выпускник факультета испанского языка МГПИИЯ 1979 г. С.П. Баягин в своих воспоминаниях о службе в Анголе в 1980 – 1982 гг. упоминал о гибели в транспортном самолете своего сокурсника Евгения Ревина [27, с. 136]. Поиск информации об этом человеке продолжается.

Тогда же, в 1976 г., в протоколах заседаний партбюро института замечена еще две новые формулировки: «в одну из развивающихся стран по линии Министерства обороны СССР в качестве переводчика» или «для службы в ВС СССР и по выезду за границу», в обоих случаях без указания страны назначения. В 1976 – 1977 гг. с такой формулировкой рекомендовали к выезду за рубеж преподавателей: 3 преподавателя французского языка (январь 1976 г.) [26, л. 2]; 8 – испанского языка (апрель 1977 г. [28, л. 65]); 2 – военной кафедры [28, л. 117].

Преподаватели испанского языка, а позже и студенты соответствующего факультета и соответствующего отделения факультета переводчиков, с этого года активно привлекались к работе в бывших португальских колониях. Хотя португальский язык в МГПИИЯ не преподавался, для работы переводчиками этого языка активно привлекались испанисты (поскольку языки родственные) из многих советских вузов, и МГПИИЯ не стал исключением. Именно так в Анголу попали выпускники факультета испанского языка А.С. Шлык [27, с. 137-155] (находился в столице Анголы Луанде с женой Валентиной; после возвращения из командировки работал в МГПИИЯ) и С.П. Баягин (после возвращения из командировки работал в школе, в Лиде); примечательно, что Баягин имеет статус участника боевых действий, а Шлык – нет.

Ярким примером такой практики стал преподаватель военного перевода, майор В.А. Белокин (1942 – 2009), фамилия которого упоминается в числе рекомендованных для работы за границей в 1980 г. [29, л. 46]. Испанист, выпускник ВИИЯ 1969 г., он успел несколько лет еще во время учебы и позже поработать военным переводчиком на Кубе. В 1980 – 1983 гг. он, освоив португальский язык, служил военным переводчиком в Мозамбике, в 1986 – 1989 гг. – в Анголе, в качестве старшего референта. Под его началом в Анголе служили позже переводчиками многие его студенты: С.П. Демидчик (факультет испанского языка), А.Н. Хованский, И.Л. Ковалевич, О.А. Грицук, А.А. Хаткевич, А.Н. Штукин, С. Ерошов (факультет переводчиков), и др. И все, без исключения, подчиненные сохранили теплые воспоминания о его отеческом отношении: защищал перед вышестоящим командованием, как мог помогал тем, кто попадал в действительно тяжелые боевые условия [30]. Один из них – выпускник ВИИЯ И.А. Ждаркин – писал в своей книге: «Это благодаря ему я ношу медаль «За боевые заслуги». То есть, орден Красной Звезды – фьють (пролетел) – нет его – кто-то его носит. Пролетела и первая медаль «За боевые заслуги». Так вот, он, за мои два года пребывания в Анголе, ещё раз мне написал на медаль «За боевые заслуги». Потом подгадал, так сказать, настроение главного военного советника, подсунул ему, и тот подписал. Вот поэтому я ношу медаль «За боевые заслуги», благодаря Виктору Александровичу Белокину. Он не только мне, но и другим тоже помог, тем, кому до этого «зарезали» награждения» [31, л. 177]. После возвращения из Анголы В.А. Белокин еще несколько лет продолжал работать преподавателем МГПИИЯ.

В декабре 1977 г. в документах появились списки студентов, рекомендованных «для службы в СА в качестве борт-переводчиков» (все языки): первым списком было рекомендовано 42 студента [28, л. 186]. Уточним: борт-перевод в институте не преподавался. Уже упомянутый нами А.С. Шлык в своих воспоминаниях подробно описал, как ему в течение первого года командировки в Анголу пришлось на месте учиться борт-переводу и работать в составе экипажа самолета главного военного советника [27, с. 129-143]. Еще утверждались характеристики (также большими списками) «к командированию в заграникомандировку» [28, л. 187], «для работы переводчиками», «для призыва в Советскую Армию на 2 года» (с уточнением, с перспективой выезда за рубеж или без) [32, л. 93].

Заключение. Протоколы партийных собраний и заседаний партийного бюро МГПИИЯ становятся ценным источником информации о работе выпускников института в странах, на территории которых во второй половине XX в. происходили масштабные военные конфликты. Анализ содержания документов позволяет нам обозначить основные этапы становления «международного» направления работы студентов и выпускников в качестве переводчиков (в том числе и в зоне боевых действий), а также его географические рамки. Самой важной находкой являются перечни фамилий студентов, рекомендованных к выезду за границу по линии Министерства Обороны СССР или для службы в Советской Армии. Разумеется, утверждение характеристики еще не означает обязательного выезда, тем более «на войну»: кандидатов ждал дальнейший жестокий отбор, а выезд мог состояться спустя несколько лет. Однако эти списки дают основу для дальнейшего поиска: в архиве Министерства обороны Республики Беларусь, среди уже выявленных ветеранов боевых действий в странах, где использовался изучаемый кандидатами язык (английский, французский, испанский и, как мы уже выявили, португальский). МГПИИЯ, таким образом, занимает важное место в системе подготовки переводческих кадров, в том числе для военных и геополитических нужд СССР, а детальное исследование участия выпускников вуза в локальных войнах и военных конфликтах на территории других государств является актуальным новаторским направлением современной военно-исторической науки Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова-Тимонова, А.В. Советские военные переводчики в Анголе (1975 – 1992) / А.В. Кузнецова-Тимонова // Пичетовские чтения – 2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом : материалы междунар. науч.-

- практ. конф., Минск, 21 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. А.Г. Кохановского ; науч. ред. М.Ф. Шумейко, О.А Яновский. – Минск : БГУ, 2020. – С. 186.
2. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 1.
 3. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 3.
 4. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 12.
 5. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 25.
 6. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 33.
 7. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 35.
 8. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 27.
 9. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 26.
 10. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 30.
 11. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 32.
 12. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 34.
 13. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 38.
 14. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 40.
 15. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 42.
 16. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 50.
 17. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 44.
 18. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 41.
 19. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 46.
 20. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 52.
 21. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 54.
 22. Окорочков, А.А. Секретные войны СССР: самая полная энциклопедия / А.А. Окорочков. – М. : Яуза, Эксмо, 2014. – 736 с.
 23. Закон Республики Беларусь «О ветеранах». Статья 3 [Электронный ресурс] // Kodeksy-by.com: Законы Беларуси. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_o_veteranah/3.htm. – Дата доступа: 20.04.2021.
 24. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 36.
 25. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 61.
 26. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 63.
 27. Кузнецова-Тимонова, А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе. 1975 – 1992 / А.В. Кузнецова-Тимонова. – Минск : Беларуская навука, 2017. – 352 с.
 28. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 65.
 29. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 72.
 30. Союз ветеранов Анголы: официальный сайт [Электронный ресурс] // Архив гостевой книги: октябрь 2009. – Режим доступа: <https://www.veteranangola.ru/main/arhivgostevoy/god2009/october>. – Дата доступа: 16.04.2021
 31. Ждаркин, И.А. «Такого не было даже в Афгане». Воспоминания участника войны в Анголе (1986-1988 гг.) / И.А. Ждаркин. – М. : «Memoris», 2008. – С. 177.
 32. НАРБ. – Ф. 1154. Оп. 2. Д. 70.

Поступила 30.04.2021

**GRADUATES AND LECTURERS OF MINSK STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
IN WARS AND MILITARY CONFLICTS IN 1960 – 1980
(ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE NATIONAL ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

A. KUZNETSOVA-TIMONOVA

The author makes the research of the participation of graduates and lecturers of the Minsk State Linguistic University (Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages in 1960 – 1980s in wars and military conflicts in foreign countries: their work as military interpreters, circumstances of their training, selection criteria, geography of destination countries. Also the author analyses the information potential of the documents which are stored in the National Archive of Belarus, especially protocol of meetings of the primary organization of the Communist Party of Belarus. We can find main directions, chronological framework of the work of representatives of the institute abroad, primary statistics.

Keywords: *local wars and conflicts, military interpreters, “cold” war, Minsk State Linguistic University, Minsk State Pedagogical Institute of Foreign Languages, developing countries, teachers of Russian abroad.*

УДК 902.2:739

**ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА X – XIII вв. С ТЕРРИТОРИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
КОМПЛЕКСОВ МЕНКА, ВАСИЛЕВЩИНА, ФРУНЗЕ, ДРУЖБА)**

*канд. ист. наук, доц. И.В. МАГАЛИНСКИЙ
(Полоцкий государственный университет)
канд. ист. наук А.В. ВОЙТЕХОВИЧ
(Институт истории НАН Беларуси)*

Представлены результаты анализа данных о химическом составе изделий из цветных металлов X – XIII вв., обнаруженных в ходе археологических исследований на территории отдельных памятников Центральной Беларуси. Авторы приходят к заключению, что для цветной металлообработки региона характерно преобладание изделий из бронзы с высоким содержанием олова и свинца, а также широкое распространение медно-цинковых сплавов со значительными концентрациями цинка. Отмечается, что существенное преобладание в выборке многокомпонентных сплавов с высоким содержанием легирующих компонентов указывает на тот факт, что местные ремесленники в качестве сырья использовали металлический лом, в минимальной степени загрязненный в ходе переплавки.

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней технологии, ювелирное ремесло, археометаллургия.

Введение. Всестороннее изучение археологических находок в настоящее время представляется одной из важнейших задач, стоящих перед современной белорусской археологической наукой. Комплексный подход к исследованию артефактов предусматривает применение методов естественных наук, что позволяет изучить особенности технологии древнего ремесла, выявить направления торговых и культурных контактов, определить происхождение отдельных предметов.

Среди естественнонаучных методов изучения археологических материалов особые перспективы имеет исследование элементного состава изделий из цветных металлов. Отсутствие на территории Беларуси месторождений драгоценных и иных цветных металлов обусловило особый статус цветной металлообработки, в которой применялись наиболее прогрессивные ремесленные приемы и операции. Изучение химического состава изделий из цветных металлов дает возможность определить характерные для местного ремесла типы сырьевого металла, выявить зависимость между типологическими и металлургическими группами артефактов, в некоторых случаях сделать вывод о направлениях поступления на исследуемую территорию сырьевого металла и готовых изделий.

В данной работе проводится анализ данных о химическом составе изделий из цветных металлов X – XIII вв. с территории Центральной Беларуси по материалам исследований археологических комплексов Менка, Василевщина, Фрунзе и Дружба.

Исследования поселения возле северо-восточной окраины деревни Василевщина Дзержинского района проводились в рамках работ, связанных со строительством второй Минской объездной кольцевой дороги. В результате было установлено, что древнерусское селище возле д. Василевщина является одним из поселений сельской округи первоначального Минска. Проведённые археологические работы стали одними из самых масштабных исследований поселений древнерусского времени на территории Беларуси за последние десятилетия.

Материалы, полученные в результате исследований на поселении возле деревни Фрунзе Дзержинского района, позволяют датировать памятник X – XIII вв. Несмотря на сельский характер поселения, некоторые вещи, найденные там, принадлежат к элитарной дружинной культуре, что может свидетельствовать о том, что в X – XI вв. на селище жили, или временно пребывали, представители дружины и княжеской администрации. Видимо, поселение было не только аграрным, но и возможным местом сбора дани или торговым центром на водном пути из Днепровского бассейна в Нёманский. После прекращения функционирования селища в XIII в. новое поселение возникает рядом только в XV – XVI вв.

Ещё одно изученное поселение находится на территории современного Минска, на берегу р. Лошица, на месте бывшей деревни Дружба. Поселение существовало с XI по XIII вв. и относилось к сельским поселениям округи древнего Минска.

В деревне Городище Минского района, на берегу р. Менка, расположен археологический комплекс, включающий городище, открытые селища и распаханный курганный могильник. Комплекс на р. Менка является самым крупным в Центральной Беларуси поселением X – XI вв. Его структура с выделенным укрепленным центром «детинцем» и неукрепленными посадами может свидетельствовать о городском характере поселения. В связи с этим многие исследователи отождествляют его с Менском – центром Менской волости, который в XI в. достиг своего максимального размера. В XII в. начинается постепенный упадок поселения, вызванный строительством в конце XI – начале XII вв. нового укрепленного замчища на берегу Свислочи (современный Минск), взявшего на себя функции центра волости и затем центра княжества и Менской земли. В результате к XIV в. поселение уже ничем не выделяется на фоне синхронных сельских поселений, а на городище была построена феодальная усадьба.

Изучение элементного состава цветного металла проводилось по методу оптико-эмиссионного спектрального анализа в отделе «Испытательно-исследовательский центр» Полоцкого государственного университета на

портативном искровом оптическом эмиссионном спектрометре SPECTROPORT производства компании «Spectro Analytical Instruments GmbH» (Германия)¹. В данном приборе материал образца испаряется испытательным зондом с помощью искрового разряда. Проведение анализа одного образца занимает от 2 до 10 с, а самонастраивающаяся оптическая система гарантирует получение стабильных результатов с устойчивостью к изменениям внешней температуры без проведения стандартизации. Особенностью данного метода является минимальная предварительная подготовка образца для анализа, а также практический неразрушающий характер контроля. Для установления типов сплавов в работе используется классификация, предложенная Й. Ридерером и дополненная российскими исследователями Н.В. Енисовой, Р.А. Митояном и Т.Г. Сарачевой [1, с. 129-130].

Цель работы – введение в научный оборот данных о химическом составе изделий из цветных металлов X – XIII вв., обнаруженных в ходе археологических исследований на территории отдельных памятников Центральной Беларуси.

Основная часть. Для проведения анализа элементного состава было отобрано 79 артефактов, которые относятся к следующим категориям: предметы христианского культа (3 образца), сырьевой металл (1 образец), предметы хозяйственного и бытового назначения (1 образец), украшения и детали одежды (64 образца), предметы неопределенного назначения (10 образцов).

В результате проведенного исследования установлено, что в выборке преобладают изделия из бронзы (43 образца, 54% выборки), а также медно-цинковых сплавов (34 образца, 43% выборки) (Диаграмма).

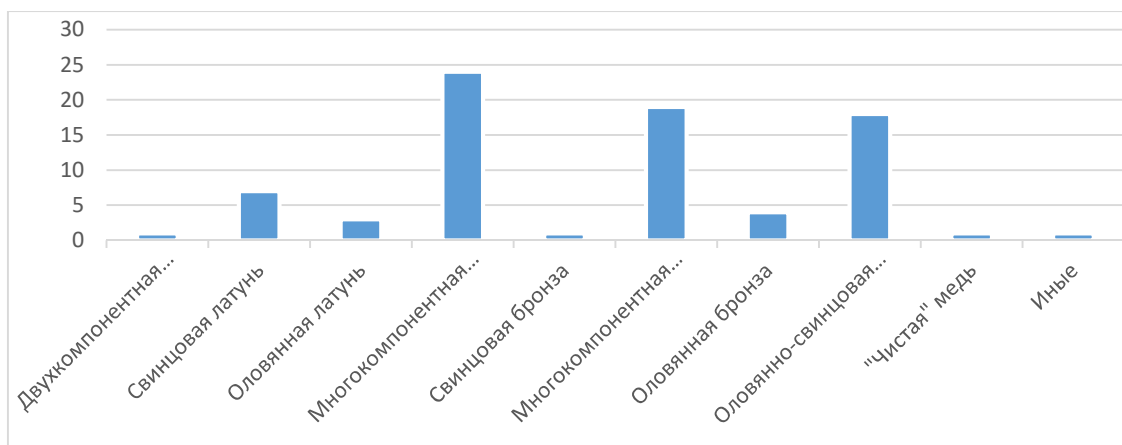

Диаграмма. – Химический состав цветного металла X – XIII вв. с территории Центральной Беларуси

Латуни. Наибольшим числом в выборке представлены *многокомпонентные латуни*, которые встречены в количестве 24 экземпляров, что составляет 71% от всех медно-цинковых изделий. Предметы отличаются высоким для многокомпонентных сплавов содержанием цинка. Так, в металле 16 образцов концентрация этого металла превышает 10%, при это в составе 5 предметов зафиксировано более 15% Zn. Наибольшее содержание цинка встречено в составе круглодротового браслета из Менки (29,05% Zn) и поясного кольца из Василевщины (25,34% Zn).

Для многокомпонентных латуней характерно также высокое содержание свинца, которое часто превышает 20% (10 образцов), а также значительное количество олова, концентрации которого колеблются в пределах 5–8% (7 образцов). Наибольшее значение Sn встречено в металле фрагмента грушевидного крестопорезного бубенчика из Василевщины (Sn = 11,26%).

Двухкомпонентная латунь встречена в выборке в одном экземпляре (пуговица). Предмет содержит 5,02% цинка.

Оловянные латуни представлены тремя образцами, которые характеризуются высоким содержанием цинка (16,04 ... 21,75% Zn), а также низкими и средними концентрациями олова (3,55 ... 8,43% Sn).

Свинцовые латуни встречены в металле семи образцов. Пять предметов характеризуется высоким и средним содержанием цинка в сплаве, которое колеблется в пределах 7,36 ... 17,59%. Следует отметить также, что только в двух изделиях из данного сплава зафиксировано высокое содержание свинца (16,86 и 22,67% соответственно).

Таким образом, медно-цинковые сплавы занимали важное место в цветной металлообработке региона. Среди латуней преобладают высокоцинковые многокомпонентные сплавы, которые являются результатом смешения металлического лома, поступавшего в распоряжение ремесленника. Подобное обстоятельство следует считать указанием на использование местными ремесленниками в качестве сырья металла, в минимальной степени подвергнувшегося переплавкам, так как концентрации летучего Zn уменьшаются после каждой плавки от 1 до 10% [2, с. 732]. Значительное преобладание в выборке многокомпонентных латуней характерно также для цветной металлообработки X – XIII вв. на территории археологических комплексов Бирули и Кордон, а также Полоцка [3, с. 242].

¹ Авторы благодарят начальника отдела С.Ф. Денисенка за возможность проведения анализов химического состава металла.

Бронзы в выборке представлены наибольшим количеством образцов. Среди исследованных артефактов встречены изделия из многокомпонентной (19 экз.), оловянно-свинцовой (18 экз.), оловянной (4 экз.) и свинцовой бронзы (2 экз.).

Многокомпонентные бронзы представлены изделиями с низкими и средними концентрациями цинка в сплавах, при этом встречены образцы с содержанием Zn больше 10% (2 экз.). Предметы отличаются также значительным количеством олова в металле. Так, в 16 образцах концентрация Sn превышает 10% и достигает 20,49% в металле фрагмента перстня из Василевщины. Следует отметить также высокое содержание в сплавах из многокомпонентной бронзы свинца, концентрация которого в 8 предметах превышает 20%.

Широкое распространение на территории исследуемого региона получила *оловянно-свинцовая бронза*. Образцы выделяются средним (5–10%) и высоким (выше 10%) содержанием олова в сплавах – 15 экз. При этом необходимо отметить преобладание изделий с низким и средним содержанием свинца – 11 образцов, однако встречены также предметы с концентрацией Pb, превышающей 20% (3 образца).

Оловянная бронза зафиксирована в выборке в количестве четырех образцов. Предметы выделяются высоким содержанием олова (15,79 ... 17,9%, 3 образца).

В единственном экземпляре встречен также образец из *свинцовой бронзы*, который отличается высоким содержанием Pb (22,6%).

Бронзовые сплавы получили наибольшее распространение на территории исследуемых памятников. Образцы выделяются высоким содержанием олова и свинца с преобладанием многокомпонентных и оловянно-свинцовых бронз. Подобное распределение предметов по типам сплавов характерно также для цветного металла Полоцка X – XIII вв., где бронзы, отличающиеся значительными концентрациями олова и свинца, занимали ведущую роль в цветной металлообработке [3, с. 243].

В выборке также выявлены сплавы, представленные единичными образцами. Это фрагмент серебряной накладки и часть пластинки из «чистой» меди.

Заключение. Таким образом, в результате анализа химического состава изделий из цветных металлов X – XIII вв., обнаруженных в ходе исследований на территории отдельных археологических памятников Центральной Беларуси, можно сделать следующие выводы:

1. Для цветной металлообработки региона характерно преобладание изделий из бронз (54% выборки) с высоким содержанием олова и свинца, а также широкое распространение латунных сплавов со значительными концентрациями цинка (43% выборки).

2. Существенное преобладание в выборке многокомпонентных сплавов с высоким содержанием легирующих компонентов, в том числе летучего цинка, указывает на тот факт, что местные ремесленники в качестве сырья использовали преимущественно металлический лом, который составляли предметы, поступавшие из непосредственных центров их производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ениосова, Н.В. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. – М., 2008. – С. 107–188.
2. Ениосова, Н.В. Химический состав цветного металла из Гнёздова / Н.В. Ениосова // Исторический журнал: научные исследования. – № 6. – 2016. – С. 724–733.
3. Магалинский, И.В. Новые данные по химическому составу изделий из цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси / И.В. Магалинский // Доклады НАН Беларуси. – 2021. – Т. 65, № 2. – С. 241–246. <https://doi.org/10.29235/1561-8323-2021-65-2-241-246>.

Поступила 03.06.2021

ELEMENTAL COMPOSITION OF NON-FERROUS METALS OF THE X–XIII CENTURIES FROM THE TERRITORY OF CENTRAL BELARUS (BASED ON MATERIALS OF RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF MENKA, VASILEVSHCHINA, FRUNZE, DRUZHBA)

I. MAHALINSKI, A. VAITSEKHOVICH

The article presents the results of the analysis of data on the chemical composition of non-ferrous metal products of the 10th-13th centuries discovered during archaeological research on the territory of particular sites of Central Belarus. The authors come to the conclusion that Non-ferrous metalworking in the region is characterized by the predominance of bronzes with high concentrations of tin and lead and by the widespread use of copper-zinc alloys with a significant zinc content. It is noted that the significant prevalence of multicomponent alloys with a high content of alloying components in the sample indicates that the local artisans used scrap metal minimally contaminated during remelting as raw material.

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaeometallurgy.

УДК 94(47+57)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИДЕОЛОГИИ И ТАКТИКЕ НАРОДНЫХ СОЦИАЛИСТОВ И ТРУДОВИКОВ В 1906–1917 гг. (НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ)**А.С. МЕЛЬНИКОВА***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Рассматривается участие общероссийских неонароднических организаций начала XX века – Народно-социалистической партии и Трудовой группы – в решении национального вопроса. Дана характеристика содержания предлагаемых ими проектов государственного переустройства России. Подчеркивается, что народные социалисты и трудовики являлись сторонниками проекта федерализации и принципиальных расхождений по решению национального вопроса до весны 1917 г. не имели. В статье показана эволюция взглядов трудовиков после событий февраля 1917 г. в сторону признания права наций на самоопределение, вплоть до отделения, которая осложнила процесс слияния двух партий в Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП). Освещено участие представителей от белорусских губерний в попытке практической реализации программных установок народных социалистов и трудовиков до и после их объединения в единую партию. Показана роль региональных функционеров ТНСП в решении проблемы государственного устройства Беларуси после прихода к власти большевиков, выразившейся в активной работе отдельных членов партии по формированию организационных и программных основ деятельности Белорусского областного комитета, разработке проекта автономии Беларуси в составе Российской федеративной республики, созыве I Всебелорусского съезда.

Ключевые слова: *национальный вопрос, трудовики, народные социалисты, Трудовая народно-социалистическая партия, государственная целостность, самоопределение, федерация, республика, автономия, Белорусский областной комитет, I Всебелорусский съезд.*

Введение. Российская империя в начале XX столетия представляла собой государство с многонациональным составом населения. В связи с этим национальный вопрос относился к числу актуальных проблем внутренней политики царского правительства. Однако национальная политика правящих кругов не всегда была последовательной и продуманной. Сложный и многогранный характер национальных проблем обусловил пристальное внимание к ним широкой общественности. В общественно-политической дискуссии о путях национального развития Российского государства принимали активное участие политические партии и организации. Предлагаемые ими модели консолидации общества, их теоретическое и практическое обоснование, отражали разнообразные точки зрения. Вместе с тем, они заслуживают всестороннего изучения с точки зрения осмысления сущности альтернативных проектов национально-государственного строительства в переломные периоды истории.

Народно-социалистическая партия (НСП, народные социалисты, энесы) и Трудовая группа (трудовики), организационно оформившиеся в 1906 г., предложили населению Российского государства и входивших в его состав белорусских земель близкую по концептуальному содержанию модель мирного эволюционного преобразования существующего строя, основанную на идеалах и принципах неонародничества. Программные установки энесов и трудовиков нашли отклик и среди части населения Беларуси.

К первым обстоятельным работам, в которых представлен анализ процесса создания партии народных социалистов и Трудовой группы, выработки ими идейно-теоретических установок, стратегии и тактики, степени взаимодействия данных политических организаций в период первой российской революции, относятся труды историков Н.Д. Ерофеева и Д.А. Колесниченко [1–2]. Отдельным исследованием по проблеме национальных проектов российских политических партий, деятельность которых пришлась на 1905–1917 гг., является монография Т.Ю. Бурмистровой и В.С. Гусаковой [3]. Историки пришли к заключению о сходстве национальных программ эсеров, трудовиков и энесов, представлявших, по их мнению, «эклектическое смешение принципов федерации и автономии» [3, с. 29]. В работе отечественного историка М.А. Мартюховой, в контексте анализа позиций и деятельности представителей от белорусских губерний в I Государственной думе, показано участие депутатов-трудовиков в разработке различных законопроектов, в том числе и по национальному вопросу [4]. В 1990-е гг. появился ряд трудов, где история политической деятельности народных социалистов подверглась переосмыслению и дополнительному изучению. К ним относятся работы Г.С. Аноприевой и Н.Д. Ерофеева, Л.Г. Протасова и О.Л. Протасовой, А.А. Панюкова, Н.Д. Ерофеева [5–7]. Историком Е.В. Емельяновым дана глубокая характеристика идейно-теоретических разработок народных социалистов. Анализ энесовского проекта государственного переустройства России представлен в коллективном труде «Модели общественного переустройства. XX век» [8–9]. Наиболее полно процесс становления и развития идейно-теоретических взглядов, выработки программных установок, практической деятельности партии народных социалистов на общегосударственном и региональном уровнях от появления до ухода с политической арены России раскрывается в работах российского историка А.В. Сыпченко [10–12]. История политической деятельности трудовиков, в том числе по решению национального вопроса, рассмотрена в работах Е.В. Белоглазова, О.Л. Кияшко [13–14]. Значительный интерес для исследователей деятельности Трудовой группы также представляют работы И.К. Кирьянова, В.А. Козбаненко, В.Г. Кошкидько [15–17]. Отдельно следует выделить работу Р.А. Циунчука «Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения», в которой рассматриваются важнейшие аспекты думской деятельности представителей Трудовой группы от белорусских губерний [18].

Национальный вопрос в программах и деятельности неонароднических партий глубоко исследован историком В.Е. Козляковым. В числе прочих проектов по национальному вопросу автор охарактеризовал проекты трудовиков и народных социалистов, а также объединенной Трудовой народно-социалистической партии. Изучение позиций лидеров ТНСП по национальному вопросу привело историка к выводу о том, что в целом их подход был близок к кадетскому [19, с. 89]. Роль представителей ТНСП в решении проблемы государственного устройства Беларуси, создании Белорусского областного комитета, разработке проекта автономии Беларуси в составе Российской федеративной республики, созыве I Всебелорусского съезда (Конгресса) показаны в исследованиях Н.С. Сташкевича, И.М. Игнатенко, В.Ф. Ладысева, П.И. Бригадина, В.В. Скалабана, С.С. Рудовича, В.А. Круталевича, В.Ф. Гигина, В.К. Коршука, Р.П. Платонова, И.Ф. Романовского, Е.Г. Богданович [20–27].

Значимые аспекты проектов переустройства Российского государства, предлагаемые Народно-социалистической партией, Трудовой группой, созданной на их основе Трудовой народно-социалистической партией, и участие в попытках их реализации представителей от белорусских земель рассматривались в работах автора данной статьи [28–30].

Основная часть. Теоретики Народно-социалистической партии считали социализм идеальным общественным устройством и призывали к его достижению посредством поступательной демократизации общества, то есть мирным, эволюционным путем.

Главную роль в осуществлении политических и социально-экономических преобразований народные социалисты отводили государству. Энесы были убеждены, что только при помощи государства можно удовлетворить разнообразные, подчас весьма противоположные интересы в обществе [28, с. 65]. Общегосударственным и местным органам, по их мнению, необходимо верно обозначать цели, просчитывать последствия шагов по их достижению, быстро находить способы устранения трудностей, адекватно меняющейся ситуации в обществе и стране в целом. Трактовка государственной власти как активного участника движения к «улучшенному» будущему сближала теоретиков Народно-социалистической партии с теоретиками Конституционно-демократической партии, также выделявшими особую роль государства в коренном преобразовании России [8, с. 18].

Представители Народно-социалистической партии являлись убежденными сторонниками сохранения государственной целостности. Энесы считали, что вопрос национально-территориального переустройства России является очень сложным, поэтому с осторожностью подходили к соответствующим формулировкам. В разделе партийной программы «По национальному вопросу» говорилось о признании за всеми, без исключения, национальностями права на самоопределение, а для национальностей, которые останутся в составе Российского государства, предусматривалось проведение федеративного принципа в государственном строительстве и обеспечение условий свободного национального развития в рамках широкой автономии [3, с. 30].

Вопрос о конкретной форме правления народные социалисты обходили, но считали принципиально важным, чтобы государственная власть была организована таким образом, чтобы «весь народ мог участвовать в ее осуществлении» [32, с. 346]. Они предлагали создать народное представительное однопалатное собрание, избираемое всеми гражданами, достигшими 20 лет, без различия пола, национальности и вероисповедания на основе прямого равного и тайного избирательного права. В ведение данного представительного органа передавались вопросы бюджетного устройства страны, налоговой и кредитной политики, а также осуществления контроля за деятельностью исполнительной власти [31, с. 68].

Трудовая группа была создана накануне открытия I Государственной думы. Объединив в своих рядах представителей различных политических партий и организаций, а также беспартийных лиц, не связанных партийными обязательствами, данная политическая организация стала называть себя «группой», а не «партией». Свою деятельность она начала в качестве думской фракции и постепенно, обретая популярность среди населения, стала «обрастать» региональными структурами, деятельность большинства которых из-за репрессивных мер со стороны властей была недолговечной. Значимую роль в разработке программных положений Трудовой группы сыграли публицисты легального журнала «Русское богатство» и лидеры Народно-социалистической партии А.В. Пешехонов, Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, с которыми у трудовиков сложилось устойчивое взаимодействие. Кроме того, на приверженцев Трудовой группы серьезное влияние имели социалисты-революционеры и Всероссийский крестьянский союз.

До весны 1917 г. требования трудовиков по национальному вопросу отличались умеренностью. Они выступали за предоставление национальностям права на свободное национально-культурное развитие и национальную автономию в рамках единого и целостного государства [33, с. 10].

Политическая программа Трудовой группы, как и программа энесов, не предписывала определенную форму государственного устройства. В ней говорилось, что законодательная власть должна осуществляться однопалатным народным представительным органом (всенародной Государственной думой), избираемым путем всеобщего равного прямого и тайного голосования. Трудовики выступали за предоставление избирательного права всему населению Российского государства без различия пола, национальности и вероисповедания. По мнению трудовиков, всенародная Государственная дума должна весть вопросами государственного бюджета, налоговой политики и кредитования, ратифицировать международные договоры, осуществлять контроль над действиями исполнительной власти. Предусматривалось, что во главе исполнительной власти будет стоять министерство, пользующееся доверием народного представительства [33, с. 6–7].

В Государственной думе трудовики последовательно отстаивали позицию о равноправии всех народностей, населявших территорию Российской империи. Так, в Думе первого созыва они приняли активное участие в подготовке законопроекта «О гражданском равенстве». Данный законопроект был внесен 15 мая 1906 г. Подпись под документом поставил 151 депутат думского корпуса. В проекте нового закона предлагалось отменить все распоряжения и законы, дискриминировавшие какую-либо часть населения России как религиозное и национальное меньшинство. От белорусских губерний законопроект подписали депутаты-трудовики: Ф.Е. Буслов (Могилевская губерния), Г.Ф. Филиппов, Ф.С. Трасун (Витебская губерния), В.Р. Якубсон, С.П. Кондрашук (Гродненская губерния) [3, с. 87]. Проект закона был одобрен депутатами и передан в комиссию для составления окончательного текста, но в связи с роспуском Государственной думы 8 июля 1906 г. работа над ним была прервана.

Государственная дума неоднократно касалась еврейского вопроса, когда в связи с погромами делались запросы от населения министру внутренних дел П.А. Столыпину. Депутаты от белорусских губерний в подробностях описывали, как происходили погромы и обвиняли местные власти в их организации. Представители Трудовой группы выступили с предложением создания думской комиссии «по расследованию незаконных действий должностных лиц и учреждений». Поддержали проект создания данной комиссии Ф.С. Трасун (Витебская губерния) и В.Р. Якубсон (Гродненская губерния). Следует отметить, что В.Р. Якубсон был избран ее секретарем [34, л. 10]. В период работы Государственной думы первого созыва произошел очередной погром в Российской империи. На этот раз события произошли в Белостоке 1–3 июня 1906 г. Созданная депутатами комиссия сыграла значимую роль в расследовании обстоятельств погрома. После проведения независимого расследования депутаты пытались представить доказательства общественности, что за погромами, и, в частности, белостокскими событиями, стоят представители власти.

Данная позиция вызывала острую критику консервативной части общества. Особенно возмутили приверженцев антисемитизма попытки депутатов-трудовиков доказать отсутствие религиозной и национальной розни в городе Белостоке. Следует отметить, что ответом на критику со стороны депутатов стала благодарность войскам Белостокского гарнизона за службу, выраженная военным министром от имени правительства. Депутаты Думы, в том числе трудовики, потребовали предания суду всех ответственных должностных лиц и отставки правительства. Их призыв правительство проигнорировало.

В Государственной думе второго созыва трудовики большое внимание уделили проблеме народного образования. Они требовали введения бесплатного, общедоступного, без признаков любой дискриминации образования в стране. Также представителями Трудовой группы выдвигалось требование предоставления каждой национальности права на свободное культурно-национальное развитие, в том числе преподавания на родном языке в национальных регионах империи. Участие в разработке проекта народного образования, построенного на началах программных установок трудовиков, принимал депутат от Гродненской губернии А.М. Санцевич [36, с. 141–142]. Однако насильственный роспуск II Государственной думы не позволил депутатам завершить работу в данном направлении.

Трудовиками было высказано немало критики в адрес национальной политики правительства в III Государственной думе. Они отклонили стольпинский законопроект о введении земства в шести западных губерниях, в том числе Витебской, Минской и Могилевской, потому что считали его пронизанным «духом национальной и религиозной нетерпимости» и составленным исключительно в интересах русских помещиков, которые продолжали доминировать над русским, малорусским и белорусским трудовым населением. Трудовики заявили, что правительство стремится «сравливать между собой разные народности, вызывать вражду и ненависть на местах и, таким образом, отвлекать внимание населения от коренных вопросов государственной жизни, ослабить его борьбу с общей системой правительственного произвола и угнетения» [37, с. 18–19].

Достаточно четко выразив свою программу по национальному вопросу, трудовики выступили за полное уравнение всех без исключения населяющих Россию народов, за право каждой народности на самоопределение в вопросах языка и национальной автономии [3, с. 93].

Участники Народно-социалистической партии провели своих представителей только во II Государственную думу. В рамках думской деятельности они осуществляли сотрудничество с трудовиками и представителями Всероссийского крестьянского союза. Следует отметить, что избирательную кампанию в Государственную думу первого созыва будущие теоретики партии бойкотировали, считая, что она нужна правительству исключительно для подавления народного движения. После роспуска II Думы 3 июня 1907 г. и введения нового избирательного законодательства провести партийных депутатов в состав думского корпуса третьего и четвертого созывов энесы не смогли.

Не имея доступа к думской трибуне, партийные теоретики Народно-социалистической партии посредством печатного слова пропагандировали идеи демократизации существующей политической системы. Большое значение они придавали развитию местного самоуправления, особенно волостного. В связи с этим энесы уделили пристальное внимание проекту волостного самоуправления, который рассматривался III Государственной думой. Согласно проекту, волостное земство планировалось ввести в большинстве губерний Российской империи. Полагая, что введение мелкой земской всесословной единицы будет способствовать развитию местного самоуправления, энесы выражали надежду на поддержку депутатами данного закона.

Трудовики, в свою очередь, считали, что в обсуждении проекта о введении волостных земств должна принять участие широкая общественность. Ими была разработана и направлена по различным регионам, в том числе в белорусские губернии, анкета. Трудовики пытались выяснить, какой, по мнению населения, должна быть волость – всесословной или исключительно крестьянской. Также ими была поднята проблема формирования состава волостного самоуправления (например, нужен ли имущественный и образовательный ценз, допустимы ли в гласные евреи, женщины и т.д.). Поднята в анкете была и проблема финансирования волостных земств. Населению был поставлен вопрос, какой форме налогообложения оно отдает предпочтение: прогрессивному подоходному налогу либо равному подоходному налогу [38, лл. 113об. – 114]. Однако эффективные меры противодействия со стороны администрации и полиции помешали широкому распространению анкеты. Пресек попытку вовлечения населения в ее обсуждение и витебский губернатор [39, лл. 17–18]. Следует отметить, что рассмотренный депутатами проект о волостном земстве остался лежать в Государственном совете до истечения срока думских полномочий.

На конференции, состоявшейся в 1912 г., трудовики, в числе прочих, обсудили национальный вопрос. Принятая резолюция гласила: «Признавая, что все граждане, без различия их национальности, должны пользоваться равными для всех правами и что трудящиеся классы всех национальностей России имеют одни и те же экономические и политические интересы, Трудовая группа считает необходимым немедленную отмену всех стеснений и ограничений граждан, обусловленных их национальностью и вероисповеданием и будет защищать право каждой народности на свободное потребление своего языка в богослужении, школе, суде и местном самоуправлении, а равно поддерживать их стремление к местному самоуправлению на началах широкой автономии при сохранении единства и целостности государства. В виду доложенного желания некоторых национальных групп, чтобы Трудовая группа высказалась с ясностью об их программных требованиях, конференция постановила занести в протокол заседания, что под словом народность понимаются также украинцы и белорусы» [40, лл. 47–47об.].

В IV Государственной думе трудовики стояли на прежних позициях по важнейшим вопросам, в том числе национальному. В связи с этим необходимо акцентировать внимание на следующем факте. В первые дни работы Думы к трудовикам присоединился и депутат от Гродненской губернии, крестьянин П.Д. Песляк, прошедший в Государственную думу как националист. Он предполагал, что название «трудовики» означает тех, кто трудится. Однако после того, как депутат узнал, что трудовики требуют равноправия евреев с другими национальностями, а также ничего не имеют против их расселения в сельской местности, он перешел к правым [41, с. 208].

В своих выступлениях представители трудовиков продолжали резко критиковать национальную политику правительства. Основой для решения национального вопроса Трудовая группа справедливо считала демократизацию политического строя России.

Изменение политической ситуации в стране после февральских событий 1917 г. заставили трудовиков и народных социалистов пересмотреть свои программные воззрения.

23–25 марта 1917 г. состоялась конференция Народно-социалистической партии. Члены партии подтвердили приверженность прежним принципам в отношении национального вопроса. В резолюции было отмечено, что «интересы отдельных народов... могут быть обеспечены лишь последовательным проведением федеративного принципа в государственном строительстве». Право наций на свободное развитие энесами по-прежнему признавалось исключительно в рамках автономии. Вместе с тем, исключение допускалось в отношении полейков. В резолюции говорилось о признании «правительственного акта о независимости Польши, как отвечающего интересам России» и открывающим «возможность польскому народу свободно и самостоятельно определять свое государственное бытие» [42, с. 14].

На пятом съезде, состоявшемся 7–11 апреля 1917 г., Трудовая группа была объявлена социалистической партией. Данный съезд выявил эволюцию взглядов трудовиков по национальному вопросу. Партийными теоретиками было заявлено о возможности предоставления национальностям права участия в решении их дальнейшей судьбы. Выступающий с докладом П.Б. Шаскольский отметил, что «Россия слишком разнообразна, и ее нельзя построить по одному шаблону, хотя бы по самому демократическому...». В связи с этим докладчик предлагал согласовать решения и желания самих национальностей, выслушать их собственные проекты устройства областей и народов [43, с. 137]. По вопросу о государственном строе России докладчики высказались в пользу создания демократической республики, во главе исполнительной власти которой будет стоять президент, избираемый Учредительным собранием или Государственной думой [43, с. 37].

Отсутствие единства взглядов трудовиков и народных социалистов на решение национального вопроса наиболее ярко проявилось в ходе объединения партий в единую Трудовую народно-социалистическую партию в конце июня 1917 г. Объединенной партии необходима была согласованная программа. Однако именно обсуждение национальной проблемы потребовало большого напряжения обеих сторон. Трудовики признавали право наций на самоопределение, вплоть до отделения. Энесы, в свою очередь, отстаивали идею сохранения государственной целостности в форме федерации, при которой защита прав национальных меньшинств будет обеспечена законом. Они убеждали оппонентов в том, что федерация является наиболее жизнеспособной формой государственного устройства, при которой национальностям гарантируется и децентрализация управления, и национальное самоопределение [31, с. 240]. Народные социалисты доказывали, что разъединение национальностей повлечет за собой серьезные проблемы и снизит темпы развития регионов, входивших в состав единого Российского государства.

Следует отметить мнение представителя Речицкой организации энесов Е.С. Канчера, который заявил, что считает позицию трудовиков по национальному вопросу необдуманной. Он отметил, что предоставление права на самоопределение, вплоть до отделения, для пограничных областей, под которыми он обозначил Кавказ, Украину, Беларусь, Литву, Туркестан, неприемлемо. Такую резолюцию, по его мнению, объединенной партии принимать не следует [31, с. 262]. Впоследствии Е.С. Канчер писал, что общероссийские политические партии, среди которых он называл социал-демократов, социалистов-революционеров, народных социалистов, в своих программах выдвигали требование создания федеративной республики, ожидая принятия решения о новом устройстве России от Учредительного собрания [44, л. 33].

В результате дискуссий трудовики и энесы смогли прийти к компромиссному соглашению по вопросу о государственном устройстве. Участники объединения высказались за установление в России демократической федеративной республики с широкой децентрализацией управления, введением однопалатной системы для областей, общего парламента от всего населения и специального органа для охраны прав и интересов отдельных областей и национальностей. В свою очередь, вопрос о персонально-национальной автономии ввиду отсутствия единства мнений был объявлен дискуссионным до решения дальнейших съездов [19, с. 88].

После объединения представители ТНСП (сокращенно членов объединенной партии называли «энесами» – *А.М.*) на территории Беларуси стремились следовать решениям, принятым партийным съездом, и программным установкам. Они пытались содействовать укреплению авторитета Временного правительства как законной власти до созыва Учредительного собрания. Энесы считали, что утрата доверия к власти со стороны населения в условиях военного времени является угрозой потери государственной целостности. Партийные функционеры выступали против любых призывов к заключению сепаратного мира, считая, что он будет заключен союзниками «за счет России» [45, с. 2].

Региональные представители ТНСП внесли определенный вклад в решение проблемы народного просвещения и образования. Они выступали за бесплатную общедоступную светскую систему образования, введение обязательного начального обучения на родном языке учащихся, развитие профессионального и специального обучения, создание сети внешкольных учебных учреждений. Энесы создавали вечерние классы и курсы, направленные на ликвидацию безграмотности и малограмотности населения [46, с. 2]. Однако главной задачей регионального масштаба они считали открытие высших учебных заведений.

На втором съезде ТНСП, который состоялся в Москве 26–28 сентября 1917 г., выступавшие партийные докладчики отмечали сложную социально-политическую и экономическую ситуацию в стране и призывали участников направить все усилия на сохранение единства России. Соответствующая резолюция была принята по результатам работы съезда [47, с. 2].

Октябрьские события в Петрограде и приход к власти большевиков были встречены представителями ТНСП резко отрицательно. Протестную линию центрального руководства партии поддержали и региональные функционеры на территории белорусских губерний. Однако неопределенность дальнейшей судьбы белорусских земель в политическом отношении обусловила их пристальное внимание к данному вопросу. Представители ТНСП В.Н. Карпов и А.Я. Кюссе-Тюз приняли активное участие в организации Белорусского областного комитета (БОК), созданного в ноябре 1917 г. на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов. Председателем БОК стал Е.С. Канчер, некоторое время входивший в состав партии народных социалистов. Функции секретаря данной организации были возложены на А.Я. Кюссе-Тюзу [48, л. 5]. Приоритетной задачей БОК ставил решение вопроса политического самоопределения Беларуси [29, с. 61].

В декларации БОК от 17 ноября 1917 г. выражалось опасение, что в сложившихся условиях Россия будет не в состоянии «оградить исторические границы Белоруссии и может оказаться вынужденной отдать ее на разтерзание». В этой связи «образовавшийся в Петрограде Белорусский областной комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, учитывая возможность гибели своей родины и завоеваний революции, взял на себя великий, исторически ответственный почин в организации трудового белорусского крестьянства вокруг идеи образования автономно-свободной Белоруссии, как части Российской федеративной республики» [27, с. 30]. Следует отметить, что проект решения судьбы белорусских земель, озвученный в декларации, импонировал центральному руководству ТНСП, так как обращение БОК к населению было опубликовано в центральном партийном органе «Слово в цепях» [49, с. 4].

Во второй декларации БОК, опубликованной в декабре 1917 г. заявлялось о том, что спасение России заключается «в проявлении национального чувства народов, в их территориально-национальном самоопределении». БОК признал Декрет о земле II Всероссийского съезда, власть Советов в центре и на местах, а также провозгласил «нейтралитет» по отношению к большевикам и левым эсерам [20, с. 143].

Белорусский областной комитет сыграл важную роль в созыве I Всебелорусского съезда (Конгресса). А.Я. Кюссе-Тюз осуществлял переговоры с Великой белорусской радой по поводу программы съезда. Именно он настоял на открытии съезда до приезда всех задержавшихся делегатов, так как считал, что промедление в разрешении неотложных вопросов, под которыми он, без сомнения, подразумевал проблему государственного устройства Беларуси, совершенно недопустимо [50, с. 21].

На съезде от имени учителей выступил директор Двинской учительской семинарии, энес А.И. Шестов. В своем докладе делегат заявил о насущной необходимости развития системы образования с предоставлением учащимся права обучения на белорусском языке. Также он подчеркнул, что важной перспективной задачей является создание высших учебных заведений и Академии наук на территории Беларуси [50, с. 24].

Основные заседания I Всебелорусского съезда состоялись 15–18 декабря 1917 г. Это было серьезное представительство от населения Беларуси. На съезде присутствовали делегаты от волостей, земств, городов, представители политических партий, профессиональных союзов, общественных организаций. К сожалению, определить партийный состав съезда с большой долей достоверности невозможно. С 5 по 17 декабря 1917 г. мандатная комиссия успела выдать 1167 мандатов с правом решающего голоса и 705 – с правом совещательного. Современник событий А. Гарун отмечает, что работа анкетной комиссии была прервана в связи с разгоном съезда, поэтому полные статистические сведения о его составе так и не были представлены. Опираясь на данные, приведенные в работе А. Гаруна, в свою очередь заимствованные у Н. Кричевского, мы имеем сведения о партийной принадлежности авторов 357 сохранившихся анкетных листов. Согласно им, четверо участников съезда определяли себя как «трудовики», то есть использовали одно из сокращенных названий ТНСП [23, с. 200–202].

После разгона I Всебелорусского съезда БОК продолжал свое существование до мая 1918 г. Его деятели планировали созвать II Всебелорусский съезд, однако намеченный план осуществить не удалось.

Заключение. Таким образом, народные социалисты отстаивали принцип государственной целостности России. Они выступали за федеративное устройство государства, при котором народы и регионы будут интегрированы в единое политическое, экономическое и социокультурное пространство. По их мнению, федерация – это форма государственного устройства, в рамках которой возможно примирение различных межнациональных противоречий. Требования трудовиков по национальному вопросу до весны 1917 г. отличались умеренностью. Однако в условиях демократизации общественно-политической жизни страны после Февральской революции 1917 г. взгляды трудовиков по национальному вопросу подверглись изменениям. Трудовая группа, объявившая себя в апреле 1917 г. социалистической партией, провозгласила право наций на самоопределение, вплоть до отделения. Такую позицию энесы принять не могли. Тем не менее, обе партии приняли решение о слиянии в единую Трудовую народно-социалистическую партию летом 1917 г. Участники объединения сошлись на компромиссных программных формулировках по национальному вопросу, определив, что партия будет стремиться к установлению в России демократической федеративной республики с широкой децентрализацией управления.

После прихода к власти большевиков представители ТНСП на территории белорусских губерний в соответствии с решением центрального руководства партии отказались признать советскую власть. Вместе с тем, изменение политической ситуации и углубление кризисных явлений в стране, нарастание внешней угрозы потребовали от региональных членов партии самостоятельных действий. Постепенно они начали дистанцироваться от партийной работы, обратив пристальное внимание на решение острых проблем регионального уровня. Первостепенную значимость для них приобрел вопрос будущего политического устройства белорусских территорий. Отдельные представители ТНСП приняли деятельное участие в организации и работе Белорусского областного комитета и I Всебелорусского съезда, выступив с проектом автономии Беларуси в составе Российской федеративной республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерофеев, Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции / Н.Д. Ерофеев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 192 с.
2. Колесниченко, Д.А. Трудовики в период первой российской революции / Д. А. Колесниченко ; отв. ред. С.В. Тютюкин. – М. : Наука, 1985. – 320 с.
3. Бурмистрова, Т.Ю. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России (1905–1917 гг.) / Т.Ю. Бурмистрова, В.С. Гусакова. – М. : Мысль, 1976. – 262 с.
4. Мартюхова, М.А. На переломе революции : общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.) / М.А. Мартюхова ; под ред. Т.Е. Солодкова ; АН БССР ; Ин-т ист. – Минск : Наука и техника, 1986. – 141 с.
5. Аноприева, Г.С. Народные социалисты / Г.С. Аноприева // Кентавр. – 1995. – № 1. – С. 20–34.
6. Протасов, Л. Народные социалисты / Л. Протасов, О. Протасова // Родина. – 1994. – № 10. – С. 76–81.
7. Ерофеев, Н.Д. Народные социалисты / Н.Д. Ерофеев // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В.В. Шелохаев (рук.) [и др.]. – М., 1994. – С. 74–92.
8. Емельянов, Е.В. Социально-политический идеал народных социалистов (1906–1920 гг.) / Е.В. Емельянов. – М. : Изд-во «Социально-политическая мысль», 2004. – 37 с.
9. Модели общественного переустройства России : XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М. : РОССПЭН, 2004. – 608 с.
10. Сыпченко, А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. / А.В. Сыпченко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 247 с.
11. Сыпченко, А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика / А.В. Сыпченко. – Самара : Изд-во СГПУ, 2004. – 516 с.

12. Сыпченко, А.В. Трудовая народно-социалистическая партия в 1917–1922 годах / А.В. Сыпченко // Политические партии в российских революциях в начале XX века / Ин-т рос. истории ; под ред. Г.Н. Севостьянова. – М., 2005. – С. 488–504.
13. Белоглазов, Е.В. Трудовая группа и ее деятельность в условиях Февральской революции в России : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е.В. Белоглазов. – М., 1994. – 207 л.
14. Кияшко, О.Л. Трудовая группа в Государственной думе (1906–1917) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О.Л. Кияшко ; Волгоград. гос. ун-т. – Волгоград, 1999. – 20 с.
15. Кирьянов, И.К. Российский парламентаризм начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве / И.К. Кирьянов. – Пермь : Пермское книж. изд-во, 2006. – 368 с.
16. Козбаненко, В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России, 1906–1907 / В.А. Козбаненко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 238 с.
17. Кошкидько, В.Г. Реформы государственного строя России в условиях политического кризиса начала XX в. / В.Г. Кошкидько. – М. : Макс Пресс, 2003. – 164 с.
18. Циунчук, Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи : этноконфессиональное и региональное измерение / Р.А. Циунчук. – Казань : Фэн, 2004. – 416 с.
19. Козляков, В.Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины) / В.Е. Козляков. – Минск : БГТУ, 2001. – 246 с.
20. Сташкевич, Н.С. Приговор революции : Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925 гг.) / Н.С. Сташкевич. – Минск : Университетское, 1985. – 304 с.
21. Игнатенко, И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко ; АН РБ ; Ин-т ист. – Минск : Наука и техника, 1992. – 254 с.
22. Ладысеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам : Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск : БДУ, 2003. – 307 с.
23. Скалабан, Віталь. «Хай ведаюць патомкі...». Алесь Гарун – дэлегат і гісторык Усебеларускага зезда 1917 г. / Віталь Скалабан // Родн. слова. – 1997. – № 8. – С. 195–207.
24. Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.
25. Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики. (На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 гг.) / В.А. Круталевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 336 с.
26. Гигин, В. Могла ли состояться БССР в 1917 году? / В. Гигин // Бел. думка. – 2009. – № 12. – С. 62–71.
27. Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий / В. К. Коршук [и др.] ; под общ. ред. В.К. Коршука. – Минск : БГУ, 1999. – 188 с.
28. Мельникова, А.С. Идеология и тактика Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси (июль–октябрь 1917 г.) / А.С. Мельникова // Весн. Палес. дзярж. ун-та. Сер. грам. і гум. навук. – 2013. – № 2. – С. 29–34.
29. Мельникова, А.С. Политические воззрения и тактика представителей Трудовой народно-социалистической партии на территории Беларуси (ноябрь 1917 г. – начало 1918 г.) / А.С. Мельникова // Працы гістар. факультэта БДУ. – 2015. – № 10. – С. 56–66.
30. Мельникова, А.С. Народные социалисты и трудовики в поисках путей преобразования России начала XX века: программные основы / А.С. Мельникова // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. Сер. А, Гуманіт. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 2 (48). – С. 12–15.
31. Трудовая народно-социалистическая партия: документы и материалы / сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 624 с.
32. Пешехонов, А. Почему мы тогда ушли / А. Пешехонов // Русское богатство. – 1917. – № 11–12. – С. 327–350.
33. Проект платформы Трудовой группы. – б.м., б.г. – 15 с.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 522. Оп. 1. Д. 17. Л. 10.
35. Государственная Дума (заседание 16 мая) // Северо-Западный голос. – 1906. – 18 мая. – С. 1.
36. Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. – СПб. : Гос. типография, 1907. – 600 с.
37. Отчет Думской Трудовой группы: третья сессия третьей Думы. – СПб. : Тип. Я. Балянского, 1910. – 21 с.
38. ГАРФ. – Ф. 539. Оп. 1. Д. 959.
39. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47705.
40. ГАРФ. – Фонд 522. – Оп. 1. – Д. 4.
41. Забаўскі, М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ, 2008. – 267 с.
42. Программа народно-социалистической (трудовой) партии. – Харьков : Тип. Б.Бенгис, 1917. – 16 с.
43. Труды V Всероссийского съезда Трудовой группы 7–11 апреля 1917 г. – Петроград : Изд-е ЦК Трудовой группы, 1917. – 175 с.
44. НИАБ. – Ф. 311. Оп. 4. Д. 35.
45. Губернский съезд крестьянских, солдатских и рабочих депутатов // Витебский листок. – 1917. – 9 авг. – С. 2.
46. Богданов, М. Предстоящая работа волостного земства / М. Богданов // Известия Витебского губернского Совета крестьянских депутатов. – 1917. – 12 сент. – С. 2.
47. Второй всероссийский съезд Трудовой народно-социалистической партии // Народное слово. – 1917. – 30 сент. – С. 1–2.
48. НИАБ. – Ф. 311. Оп. 4. Д. 27.
49. Воззвание Белорусского областного комитета при Совете крестьянских депутатов // Слово в цепях. – 1917. – 22 ноября. – С. 4.

50. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : у 2 т. / Бел. ін-т навукі і мастацтва, Тав-ва беларус. пісьменства ; уклад. Сяргей Шупа. – Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага, 1998. – Т. 1. Кн. 1. – 1721 с.

Поступила 13.04.2021

**THE NATIONAL QUESTION IN THE IDEOLOGY AND TACTICS OF THE PEOPLE'S SOCIALISTS
AND TRUDOVIKS IN 1906 – 1917 (ON THE EXAMPLE OF BELARUS)**

A. MELNIKOVA

The article considers the participation of all-Russian neo-national organizations of the early twentieth century – the People's Socialist Party and the Labor Group - in solving the national question. The characteristic of the content of the projects of state reconstruction of Russia proposed by them is given. It is emphasized that the People's Socialists and Trudoviks were supporters of the federalization project and had no fundamental differences on the solution of the national question until the spring of 1917. The article shows the evolution of the views of the Trudoviks after the events of February 1917, towards the recognition of the right of nations to self-determination, up to secession, which complicated the process of merging the two parties into the Labor People's Socialist Party (TNSP). The participation of representatives from the Belarusian provinces in the attempt to implement the program guidelines of the People's Socialists and Trudoviks before and after their unification into a single party is highlighted. The role of the regional functionaries of the TNSP in solving the problem of the state structure of Belarus after the Bolsheviks came to power is shown, which was expressed in the active work of individual members of the party on the formation of organizational and program bases for the activities of the Belarusian Regional Committee, the development of a project for the autonomy of Belarus as part of the Russian Federal Republic, the convocation of the First All-Belarusian Congress.

Keywords: national question, trudoviki, people's socialists, Labor People's Socialist Party, state integrity, self-determination, federation, republic, autonomy, Belarusian Regional Committee, I All-Belarusian Congress.

УДК 392.5

СІМВАЛІЧНЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ АБРАДАВАЙ ПРАСТОРЫ ТРАДЫЦЫЙНАГА БЕЛАРУСКАГА ВЯСЕЛЛЯ: ЛОКУС ЖАНІХА

В.І. МІШЫНА

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

На аснове этнаграфічных і фальклорных матэрыялаў XIX – пач. XXI стст. у артыкуле разгледжаны асаблівасці сімвалічных характарыстык абрадавай прасторы традыцыйнага беларускага вяселля, а менавіта, сімволіка элементаў прасторавага коду у абрадах, што адбываюцца ў локусе жаніха. Прааналізаваны спосабы рэалізацыі сімвалічнай апазіцыі “сваё – чужое” ў працэсе ўзаемадзеяння прадстаўнікоў абрадавых груп жаніха і нявесты ў локусе жаніха. Ахарактарызаваны міфалагічныя ўяўленні аб структуры і сімволіцы прасторы ў сувязі з перамяшчэннямі ўдзельнікаў абраду паміж локусамі жаніха і нявесты. Разгледжаны сродкі і спосабы сімвалічнага “асваення” локуса жаніха, якое ажыццяўляецца нявестай у другой частцы вяселля. Паказана роля элементаў прасторавага коду ў працэсе абрадавага пераходу галоўных удзельнікаў вяселля, набываюцца імі новага сацыякультурнага статусу.

Ключавыя словы: беларусы, традыцыйны вясельны абрад, міфалогія прасторы, “сваё”, “чужое”, жаніх, нявеста.

Уводзіны: У прасторавай структуры традыцыйнага вясельнага абраду найбольшую рытуальна-сімвалічную наргузку маюць два супрацьпастаўленыя адзін аднаму локусы – дом жаніха і дом нявесты. Класічная патрылакальная мадэль традыцыйнага шлюбу прадугледжвае пераезд маладой у дом мужа, чым і абумоўлена прастораваая арганізацыя традыцыйнага вяселля: абрады перадвясельнага этапу і першай часткі вяселля ў асноўным лакалізуюцца ў доме нявесты, а з яе ад’ездам адтуль асноўная частка вясельных абрадавых дзеянняў перамяшчаецца ў локус жаніха. Выключэнне ў гэтым плане складаюць толькі тыя абрады, што выконваюцца ў доме жаніха ў першай частцы вяселля і звязаны з яго выпраўленнямі да нявесты.

Асноўная частка: Прасторавая арганізацыя абрадаў выпраўлення жаніха, як правіла, грунтуецца на апазіцыі “сваё”-“чужое”, дзе “сваё”, адпаведна – гэта дом жаніха, а “чужое” – дом нявесты. Асэнсаванне локусу нявесты як чужой, патэнцыйна варожай прасторы, знайшло сваё ўвасабленне ў шматлікіх акцыянальных і вербальных элементах апатрапейнага характару, якія прымяняліся падчас рытуалаў выпраўлення. Агульнараспаўсюджанымі былі такія засцерагальныя дзеянні, як трохразовы абыход вясельнага поезду бацькам ці маці маладога, абсыпанне зернем, абліванне вадой, благаслаўненні абразамі і да т.п. У плане структуравання прасторы ў дадзеным выпадку абыход як рытуальнае дзеянне стварае “сімвалічную абарончую мяжу вакол ахоўнага аб’екта” [1, с. 100]. У асобных лакальных традыцыях дзеянні апатрапейнага характару пры выездзе маладога з дому набывалі выгляд адмысловых рытуалаў: “На святанні ўся бяседа ўстае з-за стала і, памаліўшыся Богу, выходзіць на двор, становіцца ў кола. Старшы дружок, як знахар, бярэ сякеру, абыходзіць усю бяседу, шэпча сабе і цюкае ў зямлю. Тры разы ён такім чынам павінен абысці бяседу, і потым, кінучы сякеру ў бок, абвясціць, што на іх шляху воўк не патрапіць і ў бяседзе маладой ніхто не прыробіць” [2, с. 406–407]. Іншым разам выпраўленне маладога мае надзвычай архаічны выгляд: “... прыносяць патэльнію, і на яе ставяць яго абедзьвума нагамі, а тыя, якім прызначана ехаць разам з ім за нявестаю... становяцца вакол яго на патэльнію толькі правымі нагамі. Пасля гэтага ўсе, хто стаў на патэльні, цалуюць абраз, прычым дружка кажа: “Ну, цалуйце Божыя міласердзіе, шчоб стаяць друг за друга, брат за брата, за едзіную кроў каплю” [3, с. 484].

Апатрапейная скіраванасць абрадаў выпраўлення маладога абумоўліваецца не толькі асэнсаваннем локусу маладой як “чужой” прасторы. Выпраўленне – гэта яшчэ і пачатак дарогі, якая ў міфапаэтычным вымярэнні з’яўляецца адным з “найбольш адметных і парадаксальных элементаў культурнага ландшафту” [4, с. 314]. Сама па сабе дарога – аб’ект статусна няпэўны, патэнцыйна небяспечны, у кантэксце ж вясельнага абраду гэта яшчэ і праекцыя жыццёвага шляху, і таму ўсе дарожныя падзеі, прыкметы, здарэнні набываюць адмысловае сімвалічнае значэнне [5, с. 191]. Адсюль зразумелым становіцца імкненне рэгламентаваць маючыя адбыцца ў дарозе падзеі: “Ой, ворагі, ворагі, // Нэ пэрэходзьце дарогі. // Нехай пэройдзе сам пан Бог, // А родны баченько напэрод” [6, с. 97] ці “З Богом, дзетки, з Богом, / Бог тобе да помочи, / А Пречыстая Маци / Будзе тцебе заступаци / И ворота отчиняци” [2, с. 431]. У гэтым кантэксце абсалютна лагічным выглядае і стварэнне свайго роду “ахоўнага пояса”, зафіксаванае ў шырока распаўсюджаным на тэрыторыі Беларусі песенным/замоўным сюжэце: “Маты сына выражала: // Місяцем опаразала, // Зурькою застыгнула, // Долею обгурнула: // Да с Богом, дитя, з усімі Свэтыми” [7, с. 98]; “Матка сына радзіла, / Месяцам абгарадзіла, / Зоркаю падперазала, / Дарожку ўказала [8, с. 358]. Як адзначае Г.М. Леўкіеўская, у дадзеным матыве “сакральнасць агароджы, што выбудовваецца пры дапамозе слова, вызначаецца тым касмічным матэрыялам, з якога яна будзецца” [9, с. 29].

Як правіла, у традыцыйным вяселлі да абрадавага выпраўлення (як і да абрадавай сустрэчы) непасрэдна прымыкае застолле, што зафіксавана і ў апісаннях выпраўлення жаніха: “Уся дружина садзіцца за стол. У маладога, прыстойна адзетага, на галаве аўчынная шапка з чырвоным бантам, на шыі хустка, таксама перавязаная чырвонай стужкай. Жанчыны за сталом спяваюць...” [10, с. 63]; «Пасля вячэры дружок запальвае свечку,

становицца на лаўцы ззаду жаніха і кажа: «Далі папіць і паесць, і лавачкі сесць, баславіця ў вясёлую дарогу, с красным вясёлым паездом!» [11, с. 490]. Паводле назірання Л.А. Лаўрэнцьевай, “выхад з дому жаніха/нявесты і іх прыход (г.зн. пачатак шляху і яго канец) фіксаваліся расаджаннем гасцей за сталом. Значыць, дарога заўсёды пачыналася ад стала і заканчвалася ім” [12, с. 27]. На суадносіны стала з сімволікай дарогі ўказваў і А. Байбурын: “Стол як сакральны цэнтр жылля з’яўляецца і пачатковай, і канчатковай кропкай любога шляху і сам у згорнутым выглядзе як бы ўтрымлівае яго ідэю” [13, с. 136].

Прысутнічаюць у абрадах выпраўлення і дзеянні ахвяравальнага характару, скіраваныя на забеспячэнне спрыяння і дапамогі хатніх духаў: “У многіх месцах Беларусі сват жаніха перад ад’ездам кідаў на печ хлеб, што, верагодна, з’яўляецца водгаласам старадаўніх ахвяраванняў хатнім духам, якія жылі каля печы і ахоўвалі ўсіх членаў сям’і” [14, с. 282–283]. Падобную семантыку маюць, верагодна і маніпуляцыі з пчынным начыннем: “Гаспадыня звязвае вілкі і качэргі, каб усе задумы здзейсніліся”; “маці бярэ і звязвае ўсё, што ёсць у качарэжніку: памяло, качаргу, вілкі, чапляу і венік” [10, с. 268, 386].

Абрады выпраўлення жаніха да нявесты, такім чынам, папярэднічаюць яго прастораваму перамяшчэнню са “свайго” локусу ў “чужы”, што і абумоўлівае пераважна апатрапейны характар гэтых абрадаў.

Адваротная сітуацыя – вяртанне з “чужога” ў “сваё” – назіраецца пры сустрэчы жаніха, які прывозіць жонку ў свой дом. Разам з тым, з пункту гледжання нявесты і прадстаўнікоў яе абрадавай групы, гэты ж абрадавы сцэнар разгортваецца па іншай схеме, бо на гэты раз менавіта яна ажыццяўляе перамяшчэнне са “свайго” ў “чужое”. Гэтая адваротная сіметрыя абрадавай прасторы сімвалічным чынам абыгрываецца ў вясельным абрадавым фальклоры праз уяўленні аб доме жаніха як прасторава аддаленым локусе, дзе дзейнічае зусім іншая нарматыўная сістэма: “Я й радзілася, там не была, / Куды мяне матулька аддала: / А за цёмныя лясочкі, / А за шчырыя барочкі, / А за сінія азёры” [10, с. 581]; “У чужых людзей не па-нашаму: / Снедаюць каля абедзечка, / Абедаюць каля палудня, / А палудня зусім няма. / А вячэраюць каля поўначы [15, с. 230]. Часам дом жаніха надзяляецца характарыстыкамі “дзівоснага”, “незвычайнага”, што таксама суадносіць яго са сферай чужога: “...мядзведзь на хлеб меле, / А лісіца расчыняе, / Месячык да дзяжу месіць, / Сонейка пірагі пчэз, / З Дунаю да вада цячэ” [16, с. 500].

Аднак, з пазіцыі локусу жаніха, нявеста таксама фігуруе як прадстаўніца сферы “чужога”. Не толькі жаніх для нявесты – “чужы чужанін” [17, с. 311]; але і маладая для жаніха і яго дружыны – “чужаземачка” [16, с. 500]. Падобнае сіметрычнае асэнсаванне процілеглага боку як “чужога” прысутнічае і ў групе вясельных тэкстаў, дзе фігуруюць “жывёльныя” найменні маладых. З аднаго боку: “Маменька родная, / Скоморохи ідуць, / И медзведзя відуць, / А гэты медзведзь / Ён же як глянеч, / Так мое серце ізвянец, / Ён же як роўнец, / Мое серце улекнец” [18, с. 364]. Але і пра маладую, якую чакаюць у хаце маладога, спяваюць: “Одкрывайтэ дзверыну, / Мы прывезлы звэрэну / Ёна в лісі годоваласа, / Нэ мыласа, нэ чэсаласа” [19, с. 309], а часам і яшчэ больш катэгарычна: “Адчыняйце варота, / Вязуць чорта з балота; / Адчыняйце дзвер, / Вязуць маладую як звер; / Рудая як лісіца, / Вялікая як мядзведзіца” [10, с. 217].

Разам з тым, у значнай колькасці вясельных песень, прымеркаваных да моманту прыезду нявесты ў дом жаніха, яна надзяляецца не адмоўнымі, а станоўчымі характарыстыкамі і здольнасцямі, але таксама звязанымі са сферай “чужога” (у дадзеным выпадку, зноў-такі, “дзівоснымі”, “чарадзейнымі”): “Да ступыла невіхна на поруг, / Да махнула ручныком на пэрод, / Да сыпнула золотэм і жытом, / І добрым жытем” [20, с. 17]; “Отчини, мамочка, новы двор, / Вязем нявехну як явор, / Взгляни, мамочка, в оконца, / Вязем нявехну як сонца, / Отчини, мамочка, клеточку, / Вязем нявехну як кветочку” [21, с. 114]; “Выйдзі, паглянь, мая матанька, / Што ў цябе за нявестачка: / І з рукаўца вецер веє, / І з лічанька сонца грэе, / Умна да разумна, / Хорошая ды багатая” [15, с. 152].

Адпаведна прыведзеным вышэй уяўленням разгорваецца і абрадавая камунікацыя прадстаўнікоў дзвюх вясельных груп у локусе жаніха. Рытуальныя дзеянні, што выконваюцца ў доме жаніха пры сустрэчы яго з нявестай, набываюць падвойную сімволіку. З аднаго боку, яны маюць апатрапейны характар, так як закліканы засцерагчы ўдзельнікаў рытуалу ад узаемнага негатыўнага ўздзеяння. Разам з тым, у адрозненне ад жаніха, прысутнасць якога ў доме нявесты носіць часовы характар, нявеста ў доме жаніха пасяляецца стала, а таму прымеркаваныя да гэтага моманту абрадавыя дзеянні скіроўваюцца на “асваенне” ёю новай жыццёвай прасторы (і, адпаведна, на “асваенне” самой нявесты як “чужой” для дадзенага локусу).

Як і пры сустрэчы жаніха ў доме нявесты, перад нявестай у маладога маглі часам запіраць вароты, патрабуючы разнастайных выкупаў: “Прыехаўшы да двара маладога, вясельны поезд спыняецца перад варотамі. Яны, аказваецца, на замку, а перад імі стаіць сноп саломы. Прыданка злазіць з воза і абвязвае сноп поясам з абаранкам, маладая кідае на сноп булачаку хлеба, а хросны бацька частуе хлопцаў, якія стаяць тут жа, і яны пасля такога выкупу расчыняюць вароты насцеж” [10, с. 216]. У некаторых выпадках, як і пры выпраўленнях, маладыя павінны былі праехаць праз раскладзены ў варотах агонь, што мела засцерагальныя і прадудыруючыя мэты: “каб чараўнік не зрабіў ім шкоды і каб маладыя гарача кахалі адзін аднаго” [11, с. 469].

Бацькі маладога сустракалі нявестку і сына ў вывернутых кажухах, тым самым актуалізавалася сімвалічнае супрацьпастаўленне маладой як прадстаўніцы “чужога” локусу. Больш таго, для яе (разам з маладым) адмысловым чынам маркіравалася частка прасторы двара і дома: “Маладыя ідуць у хату па палатне, што разаслана ад воза да стала ў чырвоным кутку” [10, с. 298]. Разам з тым, ужо на гэтым этапе праз выкарыстанне “культурных” атрыбутаў, прыналежных локусу маладога, пачынаецца “асваенне” маладой, далучэнне яе да новага локусу. Напрыклад, маладая павінна была, злазячы з воза, стаць на фартух, які пасяляла свакруха [11, с. 478]. У якасці сімвала далучэння маладой да новага роду магла выступаць таксама дзяжа, на якую яна павінна ступіць з воза, тым самым пацвердзіўшы сваю цнатлівасць [11, с. 492]. У гэтых жа мэтах выкарыстоўваецца века ад дзяжы,

кранаючы якім галаву маладой, свякруха прамаўляе спецыяльную формулу (фактычна – вызначае маральны контур паводзінаў нявесткі): “Свякроў нявехну навучаець да ў лоб векам лучаець: не хадзі, нявехна па сялу, не судзі аб маю сям’ю, ні ранняго абеду, ні позняй вчэры” [10, с. 90]. Праз вербальныя формулы фіксуецца і наданне новага статусу: пры сустрэчы маці маладога кладзе маладым на галовы века ад дзяжы і прамаўляе, “што яна раней маладой знаці не знала, нявесткаю не звала, а цяпер пазнала, нявесткаю назвала” [22, с. 201]. У некаторых мясцовасцях маладая павінна была перайсці праз разасланы ў парозе кажух, што актуалізавала “матыў пераадолення мяжы з мэтай прызнаць новага супольніка ў хаце” [23, с. 138].

Увайшоўшы ў хату жаніха, маладая, па сутнасці, выконвае тая ж дзеянні, што і пры ад’ездзе са сваёй хаты, але ў адваротнай паслядоўнасці. Калі пры развітанні з бацькоўскім домам яна рухаецца ад цэнтра да перыферыі [24, с. 294–295], то зараз яе перамяшэнні, наадварот, скіраваныя ад перыферыі да цэнтра: “Па звычай, нявеста, уваходзячы ў дом жаніха, павінна тройчы прысесці на парозе, тройчы пакланіцца печы, потым абразам і ўсім прысутным” [10, с. 322]. Тым самым падкрэсліваецца зваротная сіметрычнасць двух супрацьпастаўленых локусаў ў абрадавай прасторы вяселля, якую адзначаў А.К. Байбурын: “Свая” прастора валодае такімі ж структурнымі характарыстыкамі, як і “чужая” (а такімі з’яўляюцца, ў першую чаргу, “граніцы”), але паслядоўнасць іх адваротная” [25, с. 70].

Пры гэтым, як адзначае Т.В. Шчапанская, прасторавыя перамяшчэнні нявесты ў новым локусе не толькі адпавядаюць агульнай схеме вяртання з “дарогі”, але і набываюць функцыю сацыялізацыі: “... шлях ... з нежылой прасторы дарогі праз шэраг значных кропак да вітальнага цэнтра жылля (стол/печ) можна разглядаць як прасторавы код яго сацыяльнай інтэграцыі. Рух у прасторы азначаў яе паступовае далучэнне да ліку “сваіх”, пераход у сферу дзеяння хатніх законаў і правіл узаемадзеяння” [26, с. 369].

Калі для прадстаўнікоў локусу маладога прыезд нявесты разгортваецца паводле схемы “чужыя ў сваім”, то для яе самой гэтая схема мае адваротны выгляд: яна знаходзіцца ў “чужой” прасторы. Адпаведна, рытуальныя дзеянні маладой у локусе жаніха накіраваны, у тым ліку, на “асваенне” гэтай прасторы. Адбываецца гэта з дапамогай разнастайных атрыбутаў, што прывезены з бацькоўскага дому і выступаюць у якасці маркераў “свайго” (прадметы побыту, тканяны вырабы, рытуальныя стравы і да т.п.): “Калі маладыя прыедуць да варот жаніховай хаты, нявеста кідае направа ад воза свой пояс, а налева сыпле жменю жыта” [10, с. 258]; “маладая, сідзючы на вазу, ў адзін бок двара кінецць пірог, а ў другі – пояс, альбо грошы, для таго, каб жыццё было багатае” [3, с. 192]; “прыехаўшы ў дом жаніха, яна кідае на двор пяць абаранкаў, звязаных чырвонай стужкай” [10, с. 112].

Такім чынам, “асваенне” пачынаецца ўжо на перыферыі зонах жаніховага локусу, аднак найбольш актыўна “асвойвае” нявеста ўнутраную прастору яго хаты: “накрывае стол белым абрусам, кладзе на ім малы каравайчык, талерку, лыжку, кубак... і на першым-лепшым цвіку вешае кужэльны ручнік [6, с. 81]; “маладая пераломлівае нетрывалы запасны пярсцёнак і кідае яго ў печ, потым абгортвае палатном хлеб і кладзе на стол каля печы, акрамя таго, кідае па кутах хаты зерне жыта і пакрывае абразы рушнікамі” [10, с. 258]. Няцяжка заўважыць, што маладая такім чынам маркіруе (і адначасова ўшаноўвае) важнейшыя сакральныя кропкі жылля маладога: стол, печ, чырвоны кут, парог. На думку Т. Валодзінай, пераломліванне і кіданне ў печ пярсцёнка “метафарычна абзначала ахвярапрыношанне сваёй цнатлівасці падворку мужа” [27, с. 39].

Як дзеянні па “асваенню” нявестай новай жыццёвай прасторы можна разглядаць і шырока распаўсюджаны звычай замены тканых вырабаў, што размяшчаліся ў хаце жаніха, на аналагічныя з пасагу нявесты. Заўважым, што гэты момант вясельнага абраду захоўваўся па меншай меры да сярэдзіны ХХ ст., і інфарманты, апісваючы яго, акцэнтавалі ўвагу на тым, што гэтыя рэчы менавіта “свае”, нявесціны: “І шкаф ейны паставяць, сваёй адзёжай кравець убярэць. Усё сваё, і сталы пакрыць сваім усім, і на ікону палаценцы павесіць”¹; “Назаўтра раніцай маладая снімала ўсе занавескі, фіранкі з вокан... Сабірала ўсе і далжна была павешаць, усе ложка пазасцілаць, усе павешаць цюлі на вокны, ўсё гэта далжна было быць маладой”². Цікава, што звычай завешваць ручнікамі абразы у сярэдзіне ХХ стагоддзя пэўным чынам трансфармаваўся, маркіруючы “новую” семіятычна выдзеленую кропку ўнутранай прасторы хаты: “картачкі ўсе віселі ў рамачках, вот на гэтыя рамачкі палаценцы папавесілі”³.

Акрамя хаты, рытуальныя дзеянні, накіраваныя на “асваенне” прасторы, выконваюцца маладой і ў гаспадарчых памяшканнях (як правіла, гэта адбываецца пазней, на наступны дзень): “маладая ўстае з-за стала, выходзіць на падворак, заглядаючы ў стайні і аборы, сыпле ўсюды хмель і авёс, штоб бог гадаваў худобу” [10, с. 429]; “выправілі яе ў амбар, там за чым-нібудзь – яна далжна туды павешаць палатно, ілі палаценцы гэты тканяны, ілі скацерці... Даўней жа ж гумно, у ток, абізацельна нада туды занясці тожа палатна якога там”⁴. Аналагічныя дзеянні выконваюцца і пры першым наведванні калодзежа: “Маладая на калодзесь вешае ручнік і кладзе на кожны з чатырох слупоў зрубу калодзежа што-небудзь: грошы, хлеб, перапечку ці сыр” [10, с. 444]. Часта ў ролі ахвяравальнага прадмета выступае пояс: “Маладая нада, каб паясоў многа мела. Трэба было ўсіх паясамі абвязаць, трэба было ў хлёў несці пояс, каб вяліся авечкі [28, с. 394]; “заходзяць часамі ў абору, хлявы, куратнік

¹ Запісала студ. ПДУ Лях Ю. у 2007 г. ад Барысенка В.С. 1916 г. нар., у в. Лесава Полацкага р-на Віцебскай вобл.

² Запісана аўтарам у 2007 г. ад Ліпскай М.Э. 1944 г. нар., у в. Волкаўшчына Міёрскага р-на Віцебскай вобл.

³ Запісана Мішынай В.І. і Мішыным П.І. у 2007 г. ад Чэклін А.П. 1930 г. нар., у в. Макараўшчына Лепельскага р-на Віцебскай вобл.

⁴ Запісана Мішынай В.І. і Мішыным П.І. у 2008 г. ад Васілеўскай В.І. 1921 г. нар., у в. Цярэшкі Шаркаўшчынскага р-на Віцебскай вобл.

і ў іншыя падобныя гаспадарчыя будынкi, і ўсюды маладая пакідае чырвоныя паяскі” [10, с. 200]; “прышла маладая – яе назаўтрага адпраўляюць за вадой. Яна далжна павешаць на карамысла два паясы”⁵.

Такім чынам, культурныя сімвалы, якія належаць маладой, размяшчаюцца ў важнейшых локусах яе новага месца жыхарства: на покуці, ля печы, на стале, у гаспадарчых памяшканнях, ля калодзежа, тым самым маркіруючы гэтую прастору як “асвоеную”, а значыць, бяспечную. Акрамя таго, падобныя дзеянні, відавочна, мелі і ахвяравальны характар, маючы на мэце забеспячэнне прыхільнасці да нявесты звышнатуральных сіл, што апекаваліся домам, сям’ёй і гаспадаркай жаніха.

Таксама па прыездзе ў дом маладога, нявеста павінна была адарыць рознымі відамі адзення ці тканымі вырабамі прадстаўнікоў яго сям’і, а бацькоў нават убраць “з ног да галавы” [10, с. 196]; “нявестка вязець намётку, у свекрыві вешаіць, ... павесіць ей ужо там на плацце мацерыі кусок, свекрыві. ... маладзёнаваму там - браты еслі ёсць, там дзядькі, самыі раднейшыі, тожа нада ўсім купляць намётку. І звалася намётка. ... Каму там рубашку, каму – што нібудзь такое ды нада даць”⁶. Гэтыя дзеянні, верагодна, можна разглядаць у кантэксце міфалагічных уяўленняў аб апрананні як “асваенні” [29, с. 18–19], у дадзеным выпадку, як далучэнне прадстаўнікоў роду маладога да роду маладой. Як адзначае Т.Б. Шчапанская, “усе гэтыя рэчы ўпрыгожаны былі ўзорамі, характэрнымі для яе радзімы, так што члены яе новай сям’і аказваліся маркіраванымі знакамі тых мясцін” [26, с. 372].

Абрадавая схема традыцыйнага вясельля ўключае не толькі сімвалічнае проціпастаўленне жаніха і нявесты адно аднаму, што рэалізуецца праз апазіцыю “сваё-чужое”, але і адасабленне іх, як лімінальных персанажаў, ад астатніх удзельнікаў вясельля.

У ходзе вясельля гэтае адасабленне маркіравалася разнастайнымі спосабамі (знешні выгляд, паводзіны і да т.п.), у тым ліку, і з дапамогай прасторавай арганізацыі некаторых момантаў абраду. Так, вядома рэгламентацыя ўжывання маладымі ежы падчас вясельнага застолля (як у доме жаніха, так і ў доме нявесты), што ў народнай традыцыі, як правіла, тлумачыцца засцерагальнымі мэтамі (каб ніхто не сурочыў), а таксама клопатамі аб гаспадацы і будучым патомстве: “Жаніх і нявеста не ядуць нічога: для іх кладзецца адна лыжка” [11, с. 399]; “Усе госці п’юць і ядзяць колькі ўлезе, а маладыя... толькі прыгубваюць чарку ці выліваюць за сябе, і хаць бываюць натшчэ сэрца, а нічога не ядзяць апроч трошкі сыра. Робяць гэта дзеля таго, каб мышы ў іх нічога не грызлі да каб першым радзіўся сын” [30, с. 205]; “Маладыя, як і у нявесты, седзячы за сталом, нічога не ядуць і толькі кланяюцца пры падачы кожнай стравы” [31, с. 184]. Непасрэдна для прыёму ежы маладых выдаляюць на перыферыю жылля ці ўвогуле сядзібы, пры гэтым іх лімінальны статус вымагае актыўнага выкарыстання апатрапейных прыёмаў: “Пасля заканчэння вячэры дружка выводзіць маладых з-за стала..., маладыя ідуць у суправаджэнні дружкі ў ісцёпку, дзе ён саджае іх вячэраць і затым вяртаецца ў хату; калі ж стане вядома, што маладыя павячэралі, дружка ідзе ў ісцёпку, уводзіць іх адтуль у хату і хрысціць пры гэтым дзверы ў ісцёпцы і хаце рукаюцю бізуна” [31, с. 184]; “Пасля вячэры маладых вядуць у клець і там частуюць тымі ж стравамі, што падаваліся на вячэру. З жаніхом у клеці неадлучна бываюць яго дудар і дружка” [11, с. 399].

Такім жа самым перыферычным размяшчэннем ў локусе жаніха характарызуецца і адзін з важнейшых этапаў традыцыйнага вясельля – “пакладзіны” (або “камора”). Як сведчыць пераважная большасць апісанняў, шлюбную пасцель маладым уладкоўвалі ў памяшканні, вынесеным за межы жылля, або адносна ізаляваным ад яго – істопцы, адрыве, клеці, хлеме і да т.п. Пры гэтым, як неаднаразова падкрэслівалася аўтарамі, правіла гэтае дзейнічала нават у зімовы перыяд [3, с. 248, 363; 10, с. 218–219]. А.К. Байбурын звярнуў увагу на статус і лакалізацыю такога роду пабудовы, што, ў сваю чаргу суадносіцца са статусам саміх маладых: “Усе гэтыя памяшканні аб’ядноўвае тое, што яны з’яўляюцца халоднымі (без ачага), не маюць ікон і іншых культурных сімвалаў. І разам з тым яны знаходзяцца ў межах свайі, асвоенай тэрыторыі. Аналагічнае прамежкавае становішча паміж “прыродай” і “культурай” займае іх “напаўненне”: харчовыя запасы, хатняя жывёла. Па сутнасці, тое ж можна сказаць і аб жаніху з нявестай” [32, с. 84]. Такім чынам, лакалізацыя рытуалаў першай шлюбнай ночы фактычна на памежжы паміж “сваім” і “чужым” падкрэслівае аналагічны лімінальны статус саміх маладых, які менавіта на гэтым этапе вясельля дасягае максімуму. Фактычна, менавіта першая шлюбная ноч увасабляе рытуальнае ўміранне маладых у іх ранейшым статусе (дашлюбная моладзь) і нараджэнне ў новым – мужа і жонкі.

Адпаведна, на гэтым этапе ўсе астатнія ўдзельнікі абраду супрацьпастаўляюцца маладым, як жывыя – мёртвым. Пакуль маладыя знаходзяцца ў каморы, вясельле працягваецца: “госці пачынаюць танцаваць, пець непрыстойныя песні, жартаваць” [10, с. 325]. Як адзначае У.А. Лобач, “смех і жарты на міфалагічным узроўні з’яўляюцца выразнымі прыкметамі жыцця (мёртвыя не смяюцца) і прыкметай “свайго” свету” [33, с. 87]. Акрамя таго, рытуальны смех, які адпавядае дадзенаму моманту, можна лічыць “пабочным, але... спрыяльным пладародзю фактарам” [34, с. 126].

Рытуалы першай шлюбнай ночы насычаны найперш сімволікай урадлівасці, якая, так бы мовіць, “узаемаўзмацняецца” за кошт іх лакалізацыі і непасрэдных удзельнікаў: “... “дабро”, што зберагалася ў каморы, павінна было пазітыўна ўздзейнічаць на маладых у прадуктыўным плане, а рэпрадуктыўная патэнцыя маладой шлюбнай пары, у сваю чаргу, садзейнічала росту дабрабыту ўсёй гаспадаркі” [33, с. 86]. Прадукавальная

⁵ Запісана Мішынай В.І. і Мішыным П.І. у 2008 г. ад Васілеўскай В.І. 1921 г. нар. у в. Цярэшкі Шаркаўшчынскага р-на Віцебскай вобл.

⁶ Запісана Мішынай В.І. і Мішыным П.І. у 2007 г. ад Ханяк А.І. 1932 г нар. у в. Макараўшчына Лепельскага р-на Віцебскай вобл, 2007 г.

і эратычная сімволіка пранізвае дзеянні, звязаныя з падрыхтоўкай шлюбнай пасцелі: “пад падушку ... кладзецца круглая палка”, таўкач; на парозе расцілаецца кажух, пасцель уладкоўваецца на жыцце, перад адвядзеннем маладых у клець іх частуюць мёдам [11, с. 499; 10, с. 90, 413; 6, с. 81]. Найбольш рэльефна азначаная сімволіка выступае ў тых варыянтах вясельнага рытуалу, дзе ў той час, калі маладыя знаходзяцца ў каморы, у хаце адбываецца выпечка вясельнага караваю [3, с. 214–216].

Калі абраднасць “пакладзін” прадугледжвала перамяшчэнне маладых на перыферыю “сваёй” (шырэі – “культурнай”) прасторы, то наступныя за імі абрадавыя дзеянні (так званае “падыманне” маладых) фіксуюць зваротны шлях – з перыферыі да цэнтру, які адначасова ёсць спосабам надання маладым новага статусу. Інструментамі гэтага працэсу з’яўляюцца рытуальнае мыццё і апрананне, у чым няцяжка заўважыць паралелі з радзіннай абраднасцю, якая, як вядома, паэтапна фіксуе набыццё нованароджаным статусу чалавека [32, с. 43–44]. Характэрна, што ў некаторых лакальных традыцыях менавіта пасля пакладзін змяняюцца абрадавыя найменні маладых [31, с. 185], а таксама адбываецца змена галаўнога ўбору маладой, што, зноў-такі, з’яўляецца пераканаўчым сведчаннем набыцця ёю новага статусу [35, с. 498].

Акрамя таго, у межах далейшага ходу вясельнага адбываецца сімвалічнае далучэнне нявесты да гаспадарчай дзейнасці. Так, маладая павінна была пячы пірагі або бліны, падмятаць падлогу, насіць дровы і да т.п. [6, с. 83; 36, с. 152; 3, с. 39, 315]; яе абводзілі “па тых мясцінах, у якіх маладая гаспадыня павінна штодзённа бываць, каб упраўляцца са звычайнымі гаспадарчымі работамі, даглядаць жывёлу і г.д. [6, с. 87]. Пры гэтым у шэрагу выпадкаў аўтары апісанняў падкрэсліваюць, што маладую менавіта “навучаюць” розным працам па гаспадарцы, што, зноў-такі, адпавядае логіцы працэсу рытуальнага “далучэння” маладой да новай сям’і, новага статусу і свету “культуры” ў цэлым: “Вечарам бацькі маладога з усімі гасцямі знаёмяць маладую з гаспадаркай, паказваючы ёй, як мясіць хлеб у дзяжы, мыць міскі, даставаць ваду са студні, шуфляваць збожжа, грэбці сена, секчы дровы” [10, с. 219]; “... маладую вучаць прасці: бяруць новую прасніцу, навязваюць на ёй крыху добрага ільну, і на ёй маладая павінна выпрасць некалькі нітак” [3, с. 218]. Досыць часта гэтая частка вясельнага набыцця карнавальнага выгляд, захоўваючы, пры гэтым, элементы абрадавай ініцыяцыі: “Як толькі павязваюць маладую, сваты прымаюцца вучыць яе гаспадарцы: адзін вядзе яе на двор і паказвае, як яна павінна збіраць дровы, але заместа дроў дае ёй у рукі салому, розныя анучы, іншы ўказвае ёй месца, дзе яна нібыта павінна класці дровы, на стол ці пад абразы, трэці дае ёй у рукі шапку і кажа: “вот у нас з етым зы вадой ходзюць, а ў вас як?” [3, с. 9]; “Прымушаюць маладуху бліны пячы: напхаюць у блін аўсу, вуголля; а як гатовы будзе нявесцін блін, кладуць яго на заслонку. ... Свёкар ёсць гэты блін і хваліць...” [36, с. 152].

Сярод абрадавых дзеянняў, звязаных з далучэннем маладой да новага локусу, асабліваю цікавасць выклікаюць тыя, што звязаны з наведваннем калодзежа. Этнаграфічны матэрыял засведчыў істотную варыятыўнасць апісанняў дадзенага этапу, што абумоўлена, у тым ліку і рознай ступенню дэталізацыі апісанняў. Аднак іх агульнай характарыстыкай з’яўляецца прымеркаванасць да заключнай часткі вясельнага (як правіла, ўжо пасля “каморы” і змены галаўнога ўбору маладой), наяўнасць ахвяравання (маладая пакідае ля калодзежа розныя рэчы – пояс, хлеб [6, с. 87; 22, с. 210] і комплекс пэўных рытуальных дзеянняў з вадой. Да ліку апошніх адносіцца абліванне вадой маладых і іншыя удзельнікаў вясельнага, піццё прынесенай маладымі (або толькі нявестай) вады, або ўмыванне гэтай вадою, выкарыстанне вады для гаспадарчых прац [10, с. 109, 261, 342]. На нашу думку, цырыманяльнае наведванне калодзежа і абрадавыя маніпуляцыі з вадой ўключаюць у сябе некалькі семантычных пластоў, зноў-такі, аб’яднаных агульнай ідэяй абрадавага пераходу. Гэта, па-першае, адзін з этапаў далучэння лімінальнага персанажу да новай сацыяльнай групы (новай сям’і), паколькі калодзеж з’яўляецца адным з важнейшых локусаў жыццёвай прасторы, а сумесны характар спажывання прынесенай вады можа разглядацца як варыянт перапамеркавання калектыўнай долі. У асобных лакальных традыцыях госці з боку маладога сплочвалі нявесце за тое, што пілі прынесеную ёй ваду [37, с. 308; 10, с. 261], у чым, на думку М.Г. Матліна “можна бачыць завяршэнне працэсу інкарпаравання яе ў чужую сямейна-родавую супольнасць, бо перад гэтым маладая сама выкупляла права забіраць ваду ў гаспадыні крыніцы ці аднавяскоўцаў мужа ў час наведвання яе, дзякуючы чаму станавілася сваёй у чужой сакральнай прасторы” [38, с. 94]. Па-другое, гэта і замацаванне за лімінальным удзельнікам новага сацыякультурнага статусу: маладыя прыносяць ваду ў хату, “гэта азначае, што яны ўжо самі гаспадары” [10, с. 342]. Па-трэцяе, паход за вадою можа разглядацца і як элемент абрадавай ініцыяцыі, пра што сведчыць, напрыклад, прымеркаваны да гэтага моманту песенны тэкст: “Павядзем молодую на воду / Паглядзім на ходу: / Чи ни кривыя ножки, / Чи ни косые воченькі?” [18, с. 320], або патрабаванне прынесці вядро вады на адным мезенцы [2, с. 470]. Абліванне вадою і ўмыванне ёю (мыццё рук) можна разглядаць як спосаб рытуальнага ачышчэння (у дадзеным выпадку і як канчатковае “змыванне” прыкмет старога статусу); вярта згадаць паказальнае ў гэтым плане выказванне інфарманта, прыведзенае ў працы М.Г. Матліна (дачычна рускай вясельнай традыцыі): “когда молодая первый раз за водой пойдёт к колодцу, её вот тогда обливали водой, то есть все девичье смывает, она женщиной стала” [38, с. 100]. Рэчы, пакінутыя маладой ля калодзежа, з аднаго боку, як адзначалася вышэй, з’яўляюцца інструментамі “асваення” ёю дадзенага локусу, а з другога – выступаюць у якасці ахвярапрыношання духам, што апякуюцца калодзежам, свайго роду выкупам за права маладой браць тут ваду.

На завяршальных этапах вясельнага рытуальнага супрацьстаяння-дыялогу паміж абрадавымі групамі наоў актуалізуецца пасля прыезду прыданак – гасцей ад маладой. Акрамя чыста ўтылітарнай мэты іх прыезду – дастаўкі пасагу, па вызначэнню Л.Г. Неўскай, імі выконваюцца і свайго роду пасрэдніцкія функцыі, паколькі вясельныя госці, як удзельнікі абраду пераходу, ажыццяўляюць сувязь “сваёй і чужой стараны, прасторы жаніха

і прасторы нявесты, “таго” і “гэтага” свету” [39, с. 443]. Уласцівы моманту абрадавы фальклор чарговы раз дэманструе прасторавую аддаленасць локусу жаніха ад локусу нявесты: “Мы борами йшли – гукалі, / Сваю Ганнульку шукалі; / Мы полямі йшли – гукалі / Сваю сяструльку шукалі; / Городамі йшли – пыталі, / Сваю Ганнульку шукалі; / Мы селамі йшли – пыталі, / Сваю сяструньку шукалі. / К гэтому сялу подыйшлі, / Яе слядочки мы знайшлі” [3, с. 176]; “Да вышай да ясен месяц над намі, / Да далэй й воронныя коні под намі, / Яшчэ ж ехаш да чатэры мілі борами, / И а пятую да жалезнымі мостамі, / И а шостую к свекру на двор госьцямі” [3, с. 249]. У некаторых лакальных традыцыях менавіта прыданкі прымалі самы актыўны ўдзел у падыманні маладых і наступных этапах іх рытуальнай сацыялізацыі, а таксама ажыццяўлялі замену тэкстылю ў доме маладога на нявесцін [10, с. 122–123, 579; 2, с. 425–426].

Увогуле паводзіны гасцей ад маладой у доме жаніха найпрост залежаць ад паводзін маладой да шлюбу. Так, у выпадку захавання ёю цнатлівасці, паводзіны прыданак набываюць ярка выражаны дэструктыўны характар. Адзін з карэспандэнтаў П.В. Шэйна адзначаў, што ў такім разе “парушаецца ўсялякі парадак: закоснікі ловаць курэй, рэжучь, гатуюць, словам – гасцям прадастаўляецца поўная свабода, калі маладая таго заслугоўвае” [3, с. 123–124]. Асабліва паказальным у дадзеным выпадку можна лічыць звычай ламання лавак, які меў шырокае распаўсюджанне на завяршальным этапе вяселля: “...госці маладой, развяселіўшыся, на чале з прыданкай ускокваюць на лавы і, тупаючы ды танцюючы па тры разы прабягаюць іх, стараючыся паламаць. Яны імкнуцца таксама разбіць ці папсаваць яшчэ што-небудзь. Гаспадары не перашкаджаюць ім, бо лічыцца, што кожная такая паломка будзе толькі на шчасце. Пазней госці кідаюцца да печы, вырываюць з яе некалькі цаглін і пад смех і вясёлыя воклічы хутка выскокваюць з хаты” [10, с. 221]. Часам гульня прыданак набывае падкрэслена карнавальны выгляд з падвышанай увагай да эратычнага складніка, што выяўляецца ў вырабе фігуры вясельнага дзеда з гіпертрафаванай выявай палавых органаў, спяванні саромных песень і да т.п. [3, с. 271–272]. Верагодна, падобная дэструкцыя ў цэлым адпавядае агульнай ідэі разбурэння “старога” парадку рэчаў, якая можа ўключачь шырокі спектр значэнняў: страта маладой цнатлівасці, змена маладымі сацыякультурнага статусу, знішчэнне ранейшай сістэмы роднасна-сваецкіх сувязей і да т.п.

Заўважым, што неадэкватныя паводзіны маладой, у сваю чаргу, абсалютна выключалі падобныя дзеянні прыданак: “...няма такой свабоды, ўсе смутныя: не толькі не скачуць па лавах, і куры ў бяспецы, але нават часам закосніку надзяваюць хамут на шыю і страляюць у паветра; словам, усе забавы атручаны” [3, с. 123–124]; “Здараецца, што замест поўных бутэлек, упрыгожаных зелянінай, паязжанам маладой даюць пустыя, што заторкнуты саломай. Тады яны ад’язджаюць без гоману, з павіслымі насамі, у суправаджэнні злосных намёкаў і непрыстойных жартачак у адрас маладой і яе бацькоў, што не здолелі зберагчы сваю дачку ў цнатлівасці” [40, с. 130].

Заклучная частка вяселля, што адбывалася ў доме жаніха, як правіла, ўключала ў сябе абрадавае застолле, і – калі гэта прадугледжвалася мясцовай традыцыяй – надзяленне жаніха, а таксама падзел яго караваю. Варта зазначыць, што аўтары апісанняў далёка не заўсёды ў дэталі фіксуюць гэтыя абрадавыя моманты, досыць часта абмяжоўваючыся ўказаннем на тое, што яны адбываюцца гэтак жа, як і ў доме маладой [6, с. 89; 10, с. 218, 378]. З больш падрабязных матэрыялаў відавочна, што і арганізацыя абрадавай прасторы, і сам ход абраду ў цэлым, сапраўды, адпавядалі аналагічным дзеянням у доме нявесты. Так, напрыклад, у апісаннях канца 1880 – 1890-х гг. фіксуюцца запальванне свечак перад абразамі і чытанне малітвы [3, с. 39], урачысты вынас караваю з клеці, спытанне благаславення ў прысутных, уласна падзел караваю і адорванне, якое суправаджаецца адпаведнымі формуламі кшталту “Дарую шчасце і долю, і век доўгі, і розум добры” [10, с. 263; 2, с. 423]. У апісанні з Рэчыцкага і Мазырскага паветаў аўтар адзначае, што перад пачаткам падзелу “усе госці садзіцца: больш важныя – за сталом пад абразамі, астатнія – за іншымі сталамі” [10, с. 276]. У адпаведнасці з логікай разгортвання абраду, у падзеле жаніховага караваю і адорванні ўдзельнічаюць прадстаўнікі яго роду, аднак у тых выпадках, калі адорванне адбываецца на заключных этапах вяселля, у асобных лакальных традыцыях заўважна акцэнтацыя звароту не да аднаго жаніха, а ўжо да маладой пары: “Прашу наш каравай прыняць і нашых маладых падараваць” [10, с. 276].

Заклучэнне. Абрадавыя дзеянні, што адбываюцца ў доме жаніха ў час выпраўлення яго да нявесты,носяць у першую чаргу, засцерагальна-ахвяравальны характар, што звязана з асэнсваннем локусу нявесты як “чужой”, патэнцыйна варажэй прасторы, а таксама абумоўлена статуснай няпэўнасцю і патэнцыйнай небяспечнасцю самой дарогі. Галоўная мэта падобных дзеянняў – стварэнне свайго роду “абарончай мяжы” вакол жаніха і ўдзельнікаў яго дружыны, што адбываецца з дапамогай разнастайных сімвалічных сродкаў (акцыянальных, вербальных, атрыбутыўных).

Сімвалічныя характарыстыкі абрадавай прасторы ў другой частцы вяселля (пасля прыезду нявесты ў дом жаніха) вылучаюцца адваротнай сіметрычнасцю ў адносінах да ўспрыняцця жаніхом локусу нявесты: зараз менавіта апошняя ажыццяўляе перамяшчэнне са “свайго” ў “чужое”, але адносна локуса жаніха яна таксама выступае як “чужая”. Таму абрадавыя дзеянні, прымеркаваныя да гэтага моманту, скіраваны на “асваенне” нявестай новай жыццёвай прасторы, і, адначасова, “асваенне” самой нявесты.

Акрамя таго, з дапамогай элементаў прасторавага коду на дадзеным этапе вяселля ўвасабляецца непасрэдна абрадавы пераход маладых, набыццё імі новага сацыякультурнага статусу.

ЛІТАРАТУРА

1. Толстая, С.М. Акциональный код символического языка культуры: движение в ритуале / С.М. Толстая // Концепт движения в языке и культуре: отв. ред. Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 1996. – 384 с.

2. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. / П.В. Шейн. – СПб., 1887–1902. – Т.3.: Описание жилища, одежды, пищи, занятий, препровождения времени, игр, верований, обычного права наследства и проч. – СПб, 1902. – 519 с.
3. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. / П.В. Шейн. – СПб., 1887–1902. – Т.1, Ч.2.: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – 1890. – 708 с.
4. Лобач, У.А. Міф, прастора, чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У.А. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.
5. Мішына, В.І. Шкоданосная магія ў традыцыйным вясельным абрадзе беларусаў Падзвіння: светапоглядныя асновы і механізм дзеяння (др. пал. XIX – перш. пал. XX стст.) // В.І. Мішына, П.І. Мішын / Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных аследаванняў : зб. нав. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 крас. 2011 г. : у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011 г. – Ч. 2. – С. 189–193.
6. Федароўскі, М. Люд Беларускі. Вяселле / М. Федароўскі ; уклад., прадм. і пер. з польс. м. І.У. Саламевіча. – Мінск : Польша, 1991 – 142 с.
7. Булгаковский, Д.Г. Пинчуки. Этнографический сборник : песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь / Д.Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – Т. XIII. – СПб., 1890. – Вып. 3. – 200 с.
8. Вяселле: Песні. У 6 кн. / Рэд. М.Я. Грынблат, А.С. Фядосік – Мінск : Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 1 / Склад. Л.А. Малаш ; муз. дад. З.Я. Мажэйка. – 1980. – 680 с. (Беларуская народная творчасць).
9. Левкиевская, Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е.Е. Левкиевская. – М. : Индрик, 2002. – 336 с.
10. Вяселле: Абрад / Уклад., уступ. арт. і камент. К.А. Цвіркi ; муз. дадатак З.Я. Мажэйка; Рэд. тома В.К. Бандарчык, А.С. Фядосік. – 2-е выд. – Мінск : Беларускае навука, 2004. – 683 с. (Беларуская народная творчасць).
11. Романов, Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 1–9 / Е.Р. Романов. – 1886–1912. – Вып. 8.: Быт белоруса. – Вильна, 1912. – 600 с.
12. Лаврентьева, Л.С. Хлеб в русском свадебном обряде / Л.С. Лаврентьева // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX вв. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1990 – Вып. 2. – С. 67–135.
13. Байбурун, А.К. У истоков этикета / А.К. Байбурун, А.Л. Топорков. – Л. : Наука, 1990 – 166 с.
14. Кухаронак, Т.І. Сямейны абрады / Т.І. Кухаронак // Беларусы. – Т. 5: Сям'я / В.К. Бандарчык [і інш.] ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск : Беларускае навука, 2001. – С. 219–369.
15. Вяселле: Песні. У 6 кн. / Рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980–1988. – Кн. 6 / Склад. Л.А. Малаш ; муз. дад. З.Я. Мажэйка. – 1988. – 664 с. (Беларуская народная творчасць).
16. Лірыка беларускага вяселля / Уклад. і рэд. Н.С. Гілевіча. – Мінск : Выш. шк., 1979 – 655 с.
17. Традыцыйная мастацкая культура Беларусаў. У 6 т. – Т. 2.: Віцебскае Падзвінне / Т.Б. Варфаламеева [і інш.] ; склад. Т.Б. Варфаламеева. – Мінск : Беларускае навука, 2004 – 910 с.
18. Шейн, П.В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П.В. Шейн. – СПб, 1874 – 566 с.
19. Раговіч, У.І. Песенны фальклор Палесся. У 2 т. / У.І. Раговіч. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2002. – Т. 2: Вяселле. – 2002. – 592 с.
20. Kolberg, O. Zwychaje i obrzędy weselne z Polesia / O. Kolberg. – Kraków : Druk. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1889. – 38 s.
21. Аникиевич, К.Т. Сенненский уезд Могилевской губернии. Опыт описания в географическом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картою уезда, схемою двух озер и рисунками в тексте / К.Т. Аникиевич. – Могилев : Губ. тип., 1907 – 148 с.
22. Романов, Е.Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. 1–2 / Е.Р. Романов. – 1911–1912. – Вильна, 1911. – Вып. 1. – 238 с.
23. Валодзіна, Т.В. Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў / Т.В. Валодзіна. – Мінск : Тэхналогія, 1999. – 167 с.
24. Мішына, В.І. Прасторавая арганізацыя абрадаў развітання маладой з домам (у кантэксте традыцыйнага вяселля беларусаў) / В.І. Мішына // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 20–21 ліст. 2014 г. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; уклад. Ю.В. Пацюпа ; гал. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2014. – С. 294–295.
25. Байбурун, А.К. Несколько замечаний к проблеме «Пространство в ритуале» (на материале русского свадебного обряда) / А.К. Байбурун // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5) / Отв. ред. Ю. Лотман. – Тарту, 1974. – С. 69–71.
26. Щепанская, Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции / Т.Б. Щепанская. – М. : Индрик, 2003. – 528 с.
27. Володина, Т.В. Телесный низ в традиционных представлениях белоруссов / Т.В. Володина // Белорусский эротический фольклор / авт.-сост. Т.В. Володина, А.С. Федосик. – М. : Ладомир, 2006. – С. 8–52.
28. Традыцыйная мастацкая культура Беларусаў. У 6 т. – Т. 3 : Гродзенскае Панямонне : у 2 кн. / В.І. Басько [і інш.] ; аўт. ідэі Т.Б. Фарфаламеева ; агул. рэд. Т.Б. Варфаламеева. – Кн. 1. – Мінск : Выш. шк., 2006. – 608 с.
29. Валодзіна, Т. Адзенне / Т. Валодзіна // Міфалогія беларусаў : энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка ; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 18–19.
30. Сержпутоўскі, А.К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў / А.К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.
31. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. – СПб, 1854. – Вып. 2. – С. 111–268.
32. Байбурун, А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурун. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
33. Лобач, В.А. Эрос в белорусской традиционной культуре / В.А. Лобач // Белорусский эротический фольклор / авт.-сост. Т.В. Володина, А. С. Федосик. – М. : Ладомир, 2006. – С. 53–109.
34. Ерёміна, В.І. Ритуал і фольклор / В.І. Ерёміна. – Л. : Наука, 1991. – 207 с.

35. Мішына, В.І. Змена галаўнога ўбору нявесты ў кантэксце традыцыйнага вясельнага абраду беларусаў: сімволіка і рытуальныя функцыі / В.І. Мішына // Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў : зб. навук. арт. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; гал. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2020. – Вып. 1. – С. 497–500.
36. Добровольский, В.Н. Смоленский этнографический сборник : в 4 ч. / В.Н. Добровольский. – 1891–1903. – Ч. 2. – СПб., 1893. – 443 с.
37. Нравы и обычаи, народные праздники, местные поверья и предрассудки // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Смоленская губ. / Сост. генерал штаба штабс-капитан М. Цебриков. – СПб., 1862. – С. 258–316.
38. Матлин, М.Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой/молодыми водного источника / М.Г. Матлин // Научный диалог. – 2013. – № 6(18). – С. 88–110.
39. Невская, Л.Г. Концепт “Гость” в контексте переходных обрядов / Л.Г. Невская // Из работ московского семиотического круга. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 442–452.
40. Михайлов, В.С. Свадьба у белорусов Видзской волости / В.С. Михайлов // Видзы и Видзовщина. Очерки и документы. – Вильнюс : Древлеправославие. Слово и книга, 2000. – С. 113–131.

Паступіў 28.04.2021

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРЯДОВОГО ПРОСТРАНСТВА ТРАДИЦИОННОЙ БЕЛОРУССКОЙ СВАДЬБЫ: ЛОКУС ЖЕНИХА

В.И. МИШИНА

На основе этнографических и фольклорных материалов XIX – нач. XXI вв. в статье рассмотрены особенности символических характеристик обрядового пространства традиционной белорусской свадьбы, а именно символика элементов пространственного кода в обрядах, происходящих в локусе жениха. Проанализированы способы реализации символической оппозиции “своё – чужое” в процессе взаимодействия представителей обрядовых групп жениха и невесты в локусе жениха. Охарактеризованы мифологические представления о структуре и символике пространства в связи с перемещениями участников свадьбы между локусами жениха и невесты. Рассмотрены средства и способы символического “освоения” локуса жениха, которое осуществляется невестой во второй половине свадьбы. Показана роль элементов пространственного кода в процессе обрядового перехода главных участников свадьбы, приобретения ими нового социокультурного статуса.

Ключевые слова: белорусы, традиционный свадебный обряд, мифология пространства, «своё», «чужое», жених, невеста.

SYMBOLIC CHARACTERISTICS OF THE RITUAL SPACE OF THE TRADITIONAL BELARUSIAN WEDDING: LOCUS OF THE GROOM

V. MISHYNA

Based on the ethnographic and folk materials of XIX - beginning XXI centuries in the article discusses the features of the symbolic characteristics of the ritual space of the traditional Belarusian wedding, namely the symbolism of the elements of the spatial code in the rites taking place in the locus of groom. The methods of implementing the symbolic opposition "another's versus own" in the process of interaction between representatives of ritual groups of the bride and groom in the bride's locus are analyzed. The mythological ideas about the structure and symbolism of space in connection with the relocation of the wedding participants between the locus of the bride and the locus of the groom are characterized. The means and methods of symbolic "mastering" locus of the groom, which is carried out by the bride in the second half of the wedding. The role of the elements of the spatial code is shown in the process of the ritual transition of the main participants in the wedding, the acquisition of them of a new sociocultural status.

Keywords: Belarusians, traditional marriage ritual, mythology of space, "own", "another's", bride, groom.

УДК 616-054.65(091)(093.2)(476.1)+343.819-054.65(476.1)(091)(093. 2)

ЕДИНЫЙ КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ПО МЕДИЦИНЕ ШТАЛАГА № 352, МАСЮКОВЩИНА

канд. ист. наук Е.Н. МОХ
 (НМУ «Национальный институт образования», Минск)
А.А. ШВЕД
 (Браславская Центральная районная больница)

В статье впервые представлен комплексный анализ архивных документов по медицине лагеря, охарактеризована источниковая база исследования, рассмотрены основные центры хранения документов по теме исследования. Проведен критический анализ архивных материалов, электронных образов документов из ОБД «Мемориал».

Ключевые слова: советские военнопленные, шталаг № 352, ОБД «Мемориал», ЧГК, медицинская документация.

Вступление. Исследование архивных источников, с целью выяснения судеб погибших дает возможность предоставить родственникам и близким информацию об их гибели и месте захоронения. Историкам, архивистам приходится восстанавливать по крупицам картину отдельной человеческой жизни. В первую очередь это относится к судьбам советских военнопленных.

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных теме лагерей советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.), истории функционирования шталага № 352, Масюковщина, вопросы медицинской документации, архивные источники (акт о смерти, истории болезни и др.) связанные с деятельностью лазаретов в шталаге № 352, до сих пор остаются практически не изученными, как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

На взгляд авторов, данное исследование восполняет имеющиеся пробелы. В статье впервые представлен комплексный анализ источников по медицинской документации двух лазаретов, который позволяет охарактеризовать их структуру и функционирование, изучить штаты медперсонала, сведения о движении больных военнопленных, проанализировать истории болезней, по диагнозам в документах уточнить самые распространенные заболевания и их лечение, с учетом возрастных групп больных и раненых создать аналитическую записку по основным причинам смерти, а также по регистрационным журналам сформировать списки умерших военнопленных, которые не учтены в паспорте воинского захоронения № 1154 с последующим их увековечиванием. Все вышеуказанные аспекты и предопределяют актуальность данной темы.

Основная часть. В шталаге № 352 в годы Великой Отечественной Войны действовало два лазарета: лазарет Городского лагеря (Пушкинские казармы) (рисунок 1, а) функционировал с августа 1941 г. по октябрь 1942 г. – это 2 казармы по Логойскому тракту, 1-е – 8-е отделение, а также лазарет Лесного лагеря (Масюковщина) (рисунок 1, б) – с августа 1941 г. по 3 июля 1944 г., бараки № 11–18. Более детальная информация о лазаретах (их месторасположение, структура, лечебные отделения, списки медицинского персонала и др. в Пушкинских казармах и в Масюковщине) рассматривается в других статьях авторов [1; 2]. Документы данного лагеря в настоящее время хранятся в архивах Республики Беларусь, Российской Федерации, Германии и других центрах хранения документов.

а) – фотоснимок казармы (Пушкинские казармы);
б) – отделения лазарета в 3-х этажной казарме на конец 1942 г. Лесной лагерь, Масюковщина.
Рисунок 1. – Шталаг № 352. Фото Шведа А.А., 2019 г.

В статье детально рассмотрен комплекс документов по медицинскому обеспечению советских военнопленных шталага № 352, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО). Данные документы могут быть использованы для поисковой деятельности и выполнения запросов социально-правового характера.

Авторами при проведении научно-исследовательской работы с целью изучения медицинской документации лазаретов шталага были поставлены две основные задачи:

1. Выявление и идентификация всех имеющихся в Объединенной базе данных (ОБД) «Мемориал» медицинских документов лазаретов шталага № 352, где представлены в электронной форме образцы архивных документов о рядовых и офицерах, оказавшихся в плену.

2. Определение принадлежности каждого документа к конкретному лазарету шталага № 352 (В рамках данной статьи нет возможности дать информацию по идентификации каждого лазаретного документа и подробный анализ каждого из них, но авторами такая работа была проведена по многочисленным источникам).

Огромный массив медицинской документации двух лазаретов шталага № 352 в сентябре 1942 г. был сведен воедино, а впоследствии, по разным причинам, разделен на части и позже обнаружен минимум в 4-х разных местах, что привело к многочисленным ошибкам при идентификации документов из сводного архива лазаретов.

Значительное количество документов, закопанных в ящиках, было найдено в Лесном лагере. Так, 2 октября 1944 г. на имя Народного комиссара внутренних дел БССР С. Бельченко поступил рапорт от оперативного дежурного, в котором сообщалось о том, что на территории бывшего лагеря советских военнопленных в Масюковщине, а ныне лагеря немецких военнопленных, откопаны два ящика размером 0,7 × 0,7 × 0,9 м с документами, в общей сложности 150–200 единиц. В приложенной справке давалась опись документов. Это были книги-журналы регистрации военнопленных с установочными данными, акты на умерших и описи их личных документов: воинских книжек, паспортов, удостоверений личности, а также истории болезни, сводки о количестве умерших, списки инвалидов, материалы врачебного осмотра, переписка обслуживающего персонала и многое другое [3].

На основании медицинской документации лазарета шталага № 352 Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР («ЧГК») составила и напечатала «Список советских военнопленных, умерщвленных немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере шталага № 352» на 9425 человек. Список ЧГК был составлен на основании 24 книг лазарета, которые на момент их обнаружения не были подписаны. Сотрудниками ЧГК эти книги были пронумерованы в хронологическом порядке по периодам их составления, но при этом нумерация была произведена с ошибками, в результате чего период 16.02.1942 – 27.02.1942 11 тома оказался впереди периода 02.02.1942 – 10.02.1942 12 тома и 11.02.1942 – 15.02.1942 13 тома, а период 05.01.1942 – 10.01.1942 23 тома впереди периода 12.01.1942 – 24.01.1942 9 тома. Период 01.09.1941 – 01.10.1941 вначале был пропущен и поэтому впоследствии получил название «Том 1а». Но в целом 23 книги из 24-х составляют единый комплекс документов одного лазарета, которые последовательно охватывают временной промежуток с 01.08.1941 г. по 31.08.1942 г. И только единственный 16 том, охватывающий период 12.02.1942 – 02.04.1942 выбивается из общего порядка, так как он велся параллельно с 12-м – 15-м томами (02.02.1942 – 31.03.1942), что указывает на параллельное существование двух лазаретов (том 16) и (тома 11–15) и одновременное оформление ими своей документации.

Основной источник данных материалов – это акт о смерти (акт), документ, удостоверяющий факт смерти одного или нескольких военнопленных. В качестве свидетельства о смерти оформлялись также рапорты, донесения, докладные записки. В акте чаще всего речь шла об одном умершем, а в рапорте (донесении, докладной записке) – о нескольких, но встречались и исключения. Акт включал в себя минимальные сведения об умершем: ФИО, год рождения, адрес места жительства, его лагерный номер (номер марки); дату смерти и место, где она случилась, клинический диагноз, осложнения, причины смерти. Акт заверялся на конкретную дату дежурным врачом и начальником отделения лазарета. Зафиксировать факт смерти военнопленного мог как дежурный врач, начальник отделения лазарета, так и, в некоторых случаях, дежурный фельдшер отделения, регистратор распределительного отделения (фельдшер по образованию). На территории самого лагеря смерть регистрировал старший врач санитарной группы, которая занималась сбором трупов за пределами лазарета. Оформленные врачами лазарета акты подшивались в тома в хронологическом порядке. Заполнение актов (рапортов и др.) в лазарете Городского лагеря в Минске началось с 01.08.1941 г. Так, из донесения дежурного врача за август месяц 1941 г. становится известно, что 29.07.1941 г. от резкого истощения умер военнопленный Дорошенко В.С., 1921 г. р. [4].

Начальный том, составленный в лазарете Городского лагеря, состоял из 143 страниц, охватывал период с 01.08.1941 г. по 31.08.1941 г. Последний том (159 с.) был составлен в период с 31.07.1942 по 31.08.1942 гг. Страницей каждого тома являлись акт, рапорт, донесение, докладная записка, а при наличии личных документов военнопленного: паспорт, военный билет, справки различных учреждений, личные медальоны, либо выписки из них. Подшивание томов производилось не ежедневно, а по мере накопления определенного количества актов, в результате чего акты за этот период иногда перемешивались, сшивались не по порядку, и, как следствие, хронологический порядок внутри тома нарушался, поэтому номера страниц могли не соответствовать датам смерти пленных. В некоторых томах акты были подшиты в обратной хронологической последовательности, и первый лист тома оказывался последним актом своего периода. Но в целом хронология по периодам соблюдалась, каждый акт находился в своем периоде.

В лазарете Лесного лагеря в Масюковщине акты о смерти также оформлялись, но в наличии для изучения они имеются только за период январь – март 1942 г. По многочисленным данным из медицинской документации шталага № 352 авторы установили, что только **том 16 (XVI) был сформирован на основании актов, оформленных на военнопленных, умерших в лазарете Лесного лагеря, Масюковщина. Все остальные 23 тома (I, Ia, II ... XXIII) принадлежали лазарету Городского лагеря (Пушкинские казармы) шталага № 352.**

Например, в списке военнопленных, умерших в Пушкинских казармах, но ЧГК ошибочно внесенных в Список 9425 воинов, как умерших в Лесном лагере и захороненных в Масюковщине, оказался рядовой Бондаренко Илья Васильевич 1913 г. р., украинец, уроженец Воронежской области Вейделевского р-на с. Ярополье, лаг. номер 6669, который находился на лечении в Лагерь-лазарет шталага № 352, Масюковщина с диагнозом «Общая слабость» с 18.02.1942 г. до перевода его 02.04.1942 г. в Минский лазарет [5]. Позднее, в Минском лагерьном лазарете дежурным врачом составлен акт о смерти, в котором указано, что Бондаренко Илья Васильевич 1913 г. р., уроженец Воронежской области Вейделевского р-на с. Ярополье, прибывший из распределительного отделения данного лазарета 08.04.1942 г., с рег. номером 6639, скончался 01.05.1942 г. Причина его смерти – «нарастающая сердечная слабость». Акт заверил начальник 4-го отделения Минского лазарета, врач Гришин [6]. В 1944 г. данный акт обнаружили в Лесном лагере Шталага № 352 в Масюковщине среди других документов данного лазарета и на основании его и аналогичных актов был составлен «Список ЧГК 9425», где и были зафиксированы его данные в томе XVIII, стр. 34 [7]. В «Книге умерших на каждый день» лазарета Пушкинских казарм Бондаренко Илья Васильевич, лаг. номер 6639 отмечен умершим на 2 мая 1942 г. Буква «W» – первая буква слова Waldlager, – обозначает, что военнопленный прибыл в лазарет Пушкинские казармы из Лесного лагеря-лазарета Шталага № 352 Масюковщина. Соответственно запись без индекса означает, что умерший военнопленный поступил в лазарет из Городского отделения Шталага № 352 Минска [8].

На основании Актов, а также других документов, находящихся в 24 томах, ЧГК при подготовке к Нюрнбергскому Трибуналу напечатала «Список советских военнопленных, умерших немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере шталага № 352» – список ЧГК на 9425 человек в 2-х экземплярах (рисунок 2). Рабочий вариант списка с исправлениями и дополнениями в 6-ти томах был направлен 29.12.1944 г. в Управление по учету погибшего и пропавшего без вести сержантского и рядового состава Красной Армии МВС СССР. На данный момент этот рабочий вариант Списка хранится в ЦАМО [9].

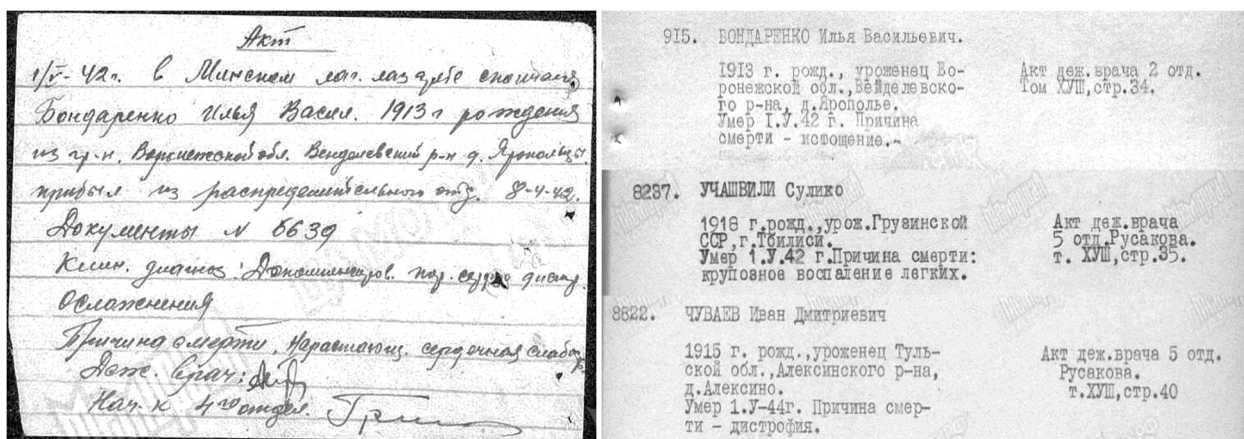

Рисунок 2. – Фрагменты из «Списка ЧГК 9425 человек». Приведены 3 записи об умерших в отделениях Пушкинских казарм за 01.05.1942 г., вошедших в XVIII том (С. 34–40)

Чистовой окончательный вариант Списка ЧГК на 9425 человек в 6 томах был направлен в ГАРФ и впоследствии включен в Фонд ЧГК Р-7021, Оп. 87, Д. 159 («А» – «В»), Д. 160 («Г» – «И»), Д. 161 («К»), Д. 162 («Л» – «О»), Д. 163 («П» – «С»), Д. 164 («Т» – «Я»). Сами 24 тома с оригиналами актов и других документов были также направлены в фонд ЧГК и составили 24 дела [10]. При изучении электронной описи фондов ГАРФ видно, что количество листов в каждом деле соответствует количеству страниц в первичных 24 томах (таблица 1).

Таблица 1. – «Список советских военнопленных, умерших немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере* шталага № 352»**

№ тома	Период составления актов на умерших	ГАРФ Ф. Р-7021. Оп. 87	Кол-во листов в деле	Номер тома, последняя стр. тома, ФИО, дата смерти военнопленного из Списка ЧГК 9425
1	2	3	4	5
1 том	02.10.1941 – 29.10.1941	Д. 138	355 л.	
1а том	01.09.1941 – 1.10.1941	Д. 139	89 л.	
2 том	13.11.1941 – 21.11.1941	Д. 140	316 л.	т. II, стр.316, Александров В.А. умер 21.11.1941
3 том	14.11.1941 – 22.11.1941	Д. 141	158 л.	
4 том	27.11.1941 – 30.11.1941	Д. 142	250 л.	
5 том	01.12.1941 – 10.12.1941	Д. 143	203 л.	т. V, стр. 203, Белянков Дан. Ст. умер 10.12.1941
6 том	10.12.1941 – 19.12.1941	Д. 144	151 л.	
7 том	20.12.1941 – 01.01.1942	Д. 173	162 л.	
8 том	01.01.1942 – 03.01.1942	Д. 145	27 л.	

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
9 том	12.01.1942 – 24.01.1942	Д. 146	151 л.	
10 том	16.01.1942 – 02.02.1942	Д. 147	184 л.	т. X, стр. 184, Беляков Данил Степанович умер 01.02.1942
11 том	16.02.1942 – 27.02.1942	Д. 148	337 л.	т. XI, стр. 337, Енгошин Федор Алексеевич умер 27.02.1942
12 том	02.02.1942 – 10.02.1942	Д. 149	530 л.	
13 том	11.02.1942 – 15.02.1942	Д. 150	280 л.	
14 том	28.02.1942 – 10.03.1942	Д. 151	290 л.	
15 том	10.03.1942 – 31.03.1942	Д. 152	285 л.	
16 том	12.02.1942 – 02.04.1942	Д. 153	167 л.	т. 16, стр. 166, Абрамов Константин Николаевич умер 02.04.1942
17 том	01.04.1942 – 30.04.1942	Д. 174	387 л.	
18 том	01.05.1942 – 31.05.1942	Д. 154	430 л.	
19 том	01.06.1942 – 29.06.1942	Д. 155	241 л.	т. XIX, стр. 241, Елаев Александр Миронович, акт за июнь 1942
20 том	30.06.1942 – 30.07.1942	Д. 156	118 л.	
21 том	31.07.1942 – 31.08.1942	Д. 180	42 л.	
22 том	01.08.1941 – 31.08.1941	Д. 157	143 л.	
23 том	05.01.1942 – 10.01.1942	Д. 158	56 л.	

Примечание. * – В Лесном лагере по версии ЧГК. ** – По версии авторов 16 том (XVI) – Масюковщина, остальные 23 тома – Пушкинские казармы.

Так, 27 апреля 1951 г. в Отдел по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Советской Армии МВС СССР был передан комплекс документов Шталага № 352 Масюковщина «35 папок с больничными листами, историями болезни, **24 дела с рапортами дежурных врачей о смерти советских военнопленных в лазарете и списки погибших военнопленных на 9425 человек, составленные аппаратом ЧГК на основании обработки дел с рапортами дежурных врачей**» [11]. В ГАРФ на данный момент имеются только описи этих дел. В 2006 г. корпорацией «Элар» была создана ОБД «Мемориал», в которой оцифрованы Списки ЧГК 9425 фамилий из ЦАМО и ГАРФ, а также отсканированы некоторые акты умерших военнопленных из данного «Списка ЧГК» [12]. На данный момент в ОБД «Мемориал» удалось обнаружить около 40 актов в разных делах и 1 рапорт на группу военнопленных (**Ф. 58 Оп. 977529 Д. 49, Д. 55, Д. 70**) по которым можно сделать однозначный вывод, что после 1951 г. 24 тома были разделены на отдельные документы и рассортированы по фондам ЦАМО.

На сегодняшний день физически 24-х томов, обнаруженных в 1944 г. в Лесном лагере шталага № 352 не существует, но авторами создан электронный вид этих томов с четким указанием, какой документ в каком томе, на какой странице находился.

На основании «Списка советских военнопленных, умерщвленных немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере (Шталаг №352)», сформированного ЧГК на основании 24 томов документов совместного архива 2-х лазаретов (Городского и Лесного) Шталага № 352 в 1964 г. была написана «Книга Памяти Мемориала в Масюковщине» и составлен список паспорта воинского захоронения № 1154, в котором были учтены известными 9425 фамилий советских военнопленных [13]. На взгляд авторов, по актам 23-х томов 9 тыс. были захоронены на территории Пушкинских казарм, и только около 400 человек из 16 тома реально захоронены в Масюковщине.

Вместе с 24 томами в ящиках были обнаружены несколько тысяч (около 4500) историй болезней, которые велись в Лесном лагере с 01.09.1942 г. по 26.06.1944 г. Так, истории болезни оформлялись в лазарете Лесного лагеря с сентября 1942 г. по дату эвакуации лагеря вместе с лазаретом в Польшу через Алитус, т.е. по 27.06.1944 г. Одним из последних пациентов лазарета был Бондаренко Сергей, 1910 г. р., уроженец Ростовской обл., рег. номер. 4988, который **поступил** в него 22.06.1944 г. из барака № 7 с диагнозом «Грипп». Лечился 6 дней. Лечащий врач – Мощанский Дмитрий Дмитриевич. Выписан в лагерь 27.06.1944 г. [14] (таблица 2).

Таблица 2. – Полный список архивных документов Фонда 58 ЦАМО, где находятся истории болезней лазарета шталага № 352, Масюковщина

Опись	Номера дел
Оп. 977528	Д. 69, Д. 109, Д. 114, Д. 115, Д. 118.
Оп. 977529	Д. 5, Д. 7, Д. 10, Д. 11, Д. 17, Д. 18, Д. 19, Д. 22, Д. 23, Д. 25, Д. 26, Д. 32, Д. 33, Д. 36, Д. 43, Д. 44, Д. 49, Д. 55.
Оп. 977532	Д. 13, Д. 14, Д. 15, Д. 16, Д. 19, Д. 20, Д. 25, Д. 43, Д. 45, Д. 46, Д. 47, Д. 48, Д. 49, Д. 50, Д. 64, Д. 77, Д. 102.
Оп. 18002	Д. 1465, Д. 1466.

Также велись и регистрационные журналы лазарета Лесного лагеря. Они начали вестись медицинским персоналом с 01.01.1942 г. и заполнялись, примерно, до конца 1942 г., когда началось ведение истории болезней.

В период сентябрь – ноябрь 1942 г. регистрационные журналы отделений лазарета и истории болезней велись одновременно. Полный список архивных реквизитов всех дел, в которых находятся регистрационные журналы лазарета шталага № 352 Масюковщина: ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977531, ДД. 72, 73, 77; Оп. 977532, ДД. 10, 93, 110.

Отдельные документы были обнаружены в здании лазарета Лесного лагеря (таблица 3). Так, в Управление по персональному учету потерь младшего начальствующего и рядового состава Действующей Армии поступило донесение Главного Управления «Смерш» НКО вх. № 78973 от 22.09.1944 г., в котором отмечалось что «В бюро потерь НКО СССР направляем для использования документы, обнаруженные в здании бывшего немецкого лагеря № 352 для советских военнопленных, в местечке Масюковщина, в 8 км. северо-западнее г. Минска... 4. Книга регистрации умерших советских военнопленных, находившихся на излечении в том же лазарете с 24/V-1942 по 16/VII-1944 года на 2370 человек» [15].

Таблица 3. – Списки военнопленных, составленные ЧГК в 1944 г., на основании документов, найденных в Лесном лагере в Масюковщине.

Наименование списка	Место хранения
«Список военнопленных, погибших в лагере-лазарете 352, составленный на основе надписей, сохранившихся на могильных крестах лагерного кладбища»	ГАРФ – Ф. р-7021. Оп. 87. Д. 137; URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78800938
«Список советских военнопленных, умерщвленных немецкими палачами в лесном лагере (Шталаг № 352) близ г. Минска у д. Масюковщина»	ГАРФ – Ф. р-7021. Оп. 87. ДД. 159, 164; URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78801537
«Список советских военнопленных, умерщвленных немецко-фашистскими палачами в лесном лагере (Шталаг № 352) близ г. Минск у д. Масюковщина в 1943 – 44 г.»	ГАРФ. – Ф. р-7021. Оп. 87. Д. 175; URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78772646
«Список замученных военнопленных в Минском лагере-лазарете, проживающих до мобилизации в Красную Армию в городе Москва»	ГАРФ. – Ф. р-7021. Оп. 87. Д. 176; URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78773196

По «Книге регистрации умерших...» видно, что с 24.05.1942 г. по 31.08.1942 г. около 600 военнопленных умерли в 8-ми отделениях лазарета Пушкинских казарм и, следовательно, были захоронены на территории Городской части шталага № 352 в Минске. ФИО всех 600 умерших находятся в Списке ЧГК 9425. Все акты на них составляли 18-й – 20-й тома. С 01.09.1942 г. «Книга регистрации умерших...» перемещается в Лесной лагерь. Нумерация начинается с №1 и продолжается до момента освобождения лагеря 03.07.1944 г. Несмотря на то, что номера отделений (барак) с 01.09.1942 г. в самой Книге не указываются, но по историям болезней и регистрационным журналам лазарета все умершие в этом лазарете лечились и умерли исключительно в бараках № 11 – 18 Лесного лагеря. Последние записи сделаны уже после освобождения лагеря Красной Армией с 01.07 по 17.07.1944 г. По данным Книги все умершие после 01.09.1942 г. реально захоронены возле д. Масюковщина.

При освобождении Белостока 27 июля 1944 г. в лагере военнопленных Шталаг № 316 был обнаружен комплекс лагерных документов, среди которых находились и различные лазаретные документы. 19 августа 1944 г. в Управление по персональному учету потерь Действующей армии из Управления тыла 3-й Танковой Армии поступило Донесение № 75103, к которому прилагались персональные карты, списки, анкеты военнопленных, истории болезней и др. документы, найденные в лагере военнопленных в Белостоке [16]. Среди документов оказалась и Книга, подписанная следующим образом: «**Данная книжка найдена в лагере русских военнопленных в г. Белостоке**». В этой Книге были зафиксированы социально-демографические данные советских военнопленных, умерших в июле – декабре 1941 г. в неизвестном лагере. Про места их захоронений в документе также не было никаких сведений.

Авторы, сравнивая два документа: «Список военнопленных, погибших в лагере-лазарете 352, составленный на основе надписей, сохранившихся на могильных крестах лагерного кладбища» (ГАРФ, Ф. р-7021, Оп. 87, Д. 137) и «Данная книжка найдена в лагере русских военнопленных в г. Белостоке» (ЦАМО, Ф. 58, Оп. 18002, Д. 1473) отметили, что по военнопленному Мельникову Павлу Кирилловичу 1919 г. р., умершему 20.08.1941 г., имеется совпадение по 7 признакам (фамилия, имя, отчество, год рождения, год смерти, месяц, дата) (рисунок 3).

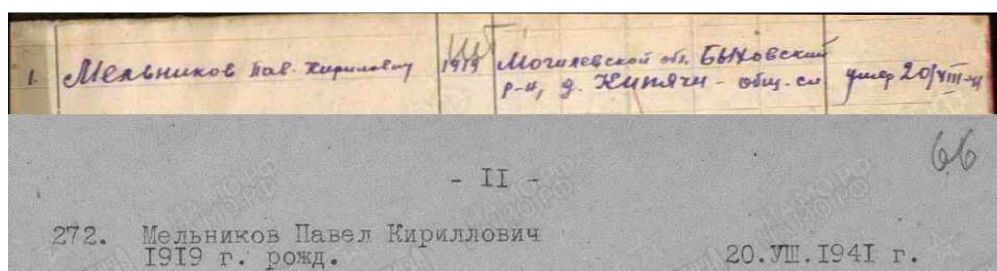

Рисунок 3. – Сведения о военнопленном Мельникове П.К., совпадающие в документах шталага № 352 и лагеря русских военнопленных в Белостоке

По этим двум документам наблюдается совпадение более чем у 400 военнопленных. Авторы установили, что данный список военнопленных, зафиксированный в документе «Данная книжка найдена в лагере русских военнопленных в г. Белостоке» относится к шталагу № 352, а, следовательно, Книга, найденная в Белостоке является журналом регистрации умерших в лазарете шталага № 352 в Масюковщине за август – ноябрь 1941 г.

На основании донесения № 75103 от 19.08.1944 г. УТ 3 ТА авторами составлена таблица 4, в которой приводятся архивные реквизиты и ссылки не только на документы лазаретов шталага № 352, но и шталага № 316, т.к. в этом лагере они были обнаружены, а также шталага № 342, т.к. вероятно его документы эвакуировались одновременно с документами шталага № 352.

Таблица 4. – Перечень документов ЦАМО Ф. 58, Оп. 18002, содержащих информацию по истории шталага № 352

№ п/п	Название документа*	Лазарет	Дата или год написания	№ дела	Ссылка в ОБД Мемориал
1.	Истории болезней Шталага 352	ЛЛ	1942 -1943	Д. 1465	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66625629 С. 116–492
2.	Журнал рабочих команд Шталага 352	ЛЛ	01.-09. 1943	Д. 1466	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10695242 С. 1–86
	Истории болезней Шталага 352	ЛЛ		Д. 1466	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10696864 С. 87–456
3.	Карточки Шталага 316	–	–	Д. 1467	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=290014451
4.	Карточки Шталага 316	–	–	Д. 1468	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=290014746
5.	Карточки Шталага 316	–	–	Д. 1469	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77944886
6.	Карточки Шталага 316	–	–	Д. 1470	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=290015069
7.	Анкеты и журналы Шталаг 316	–	–	Д. 1471	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77945228 С. 1–120
	Списки врачей Шталага 352	ПК	01.01.1942	Д. 1471	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77945226&p=121 С. 121–122
	Арматурные карты медперсонала Шталага 352	ЛЛ ЛЛ	01.01.1942 01.01.1942	Д. 1471	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77945226&p=123 С. 123–186
8.	Лабораторная книга Шталага 352	ПК ЛЛ	До 9.1942 1942-1944	Д. 1472	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10697380&p=1 С. 1–285
9.	Карточки Шталага 316	–	–	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=72
	Книга умерших в Лесном лагере Шталага 352	ЛЛ	1941	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=73 С. 73–149
	Журнал перемещений пациентов лазарета Шталага 352	ЛЛ		Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=150 С. 150–167
	Персональные карты Шталага 316	–	–	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=168 С. 168–170
	Список медперсонала Шталага 342	–	–	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=171 С. 171–215
	Список медперсонала Шталага 352	ЛЛ	01.07.1943	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=216 С. 216–224
	Журнал перемещений пациентов лазарета Шталага 352	ЛЛ	03.-12.1943	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=225 С. 225–244
	Документ Шталага 342	–	–	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=245 С. 245–249
	Журнал перемещений пациентов лазарета Шталага 352	ЛЛ	1943	Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=250 С. 250–281
	Документ Шталага 342			Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=282 С. 282–284
	Анкеты Шталага 316			Д. 1473	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=285 С. 285–342
10.	Арматурные карты медперсонала лазарета Шталага 352	ПК	1942	Д. 1474	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=10410929&p=2

Примечание. * – т.к. многие документы не подписаны или подписаны, по мнению авторов ошибочно, и на них не указана принадлежность к конкретному лагерю, то после их идентификации названия им в таблице даны авторами.

Также велась **лабораторная книга лазарета**. Она начала заполняться с 16 мая 1942 г. еще в лазарете Пушкинских казарм, а после переезда лаборатории в состав лазарета Лесного лагеря 19 сентября 1942 г. медперсонал продолжил ее заполнять с 05.10.1942 г. по 31.01.1944 г. По записям лабораторного журнала, во время нахождения лаборатории в Пушкинских казармах до сентября 1942 г. пробы на анализы поступали из восьми отделений, с октября 1942 г., т.е. после перевода лаборатории в Лесной лагерь, они стали братья с больных военнопленных из бараков № 11–18. Барак (корпус) № 18 был представлен многочисленными буквенными и цифровыми индексами, что указывает на наличие 3-х этажей и 6 отделений в здании.

В «Списке ЧГК 9425 человек» все умершие военнопленные, зафиксированные в 23 томах, за исключением т. 16 (т. XVI) умерли в отделениях № 1–8, что отмечено в их актах о смерти, там, где такая запись имеется. И только 16-й том отличается от всех остальных, тем, что лечебные отделения располагались в бараках № 11–18, а барак (корпус) № 18 был к тому же трехэтажным. В качестве примера: т. XVI, с.12 (Масюковщина), «Акт 1942 года 15 февраля составлен настоящий акт о том, что сего числа в палате № 7 **II этаж 18 корпус** умер Максенко Даниил Сергеевич, № 18665, поступивший из барака № 48 – 28.12.41 г. с диагнозом колит, умер от истощения на почве энтероколита. Вр. *подпись Петров*» [17] (рисунки 4).

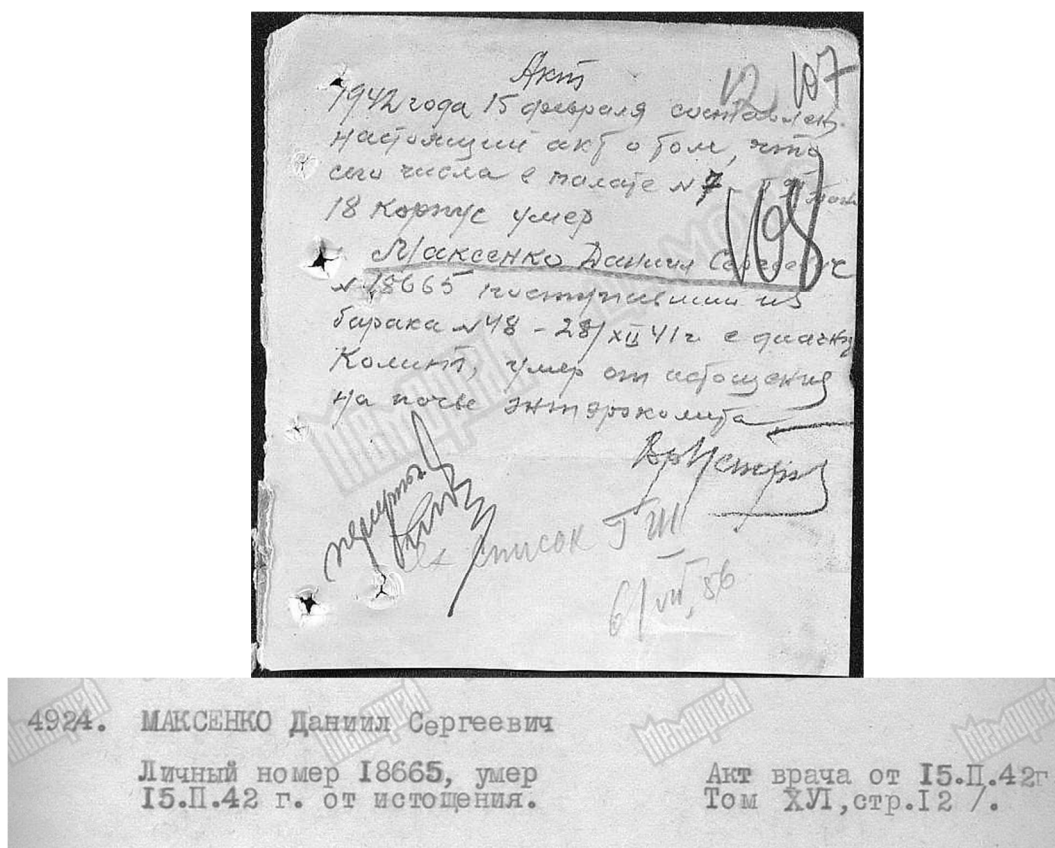

Рисунок 4. – Акт о смерти Максенко Д.С., умершего в 18-м корпусе лазарета Лесного лагеря, Масюковщина и соответствующий фрагмент из «Списка ЧГК 9425 человек»

В ходе изучения комплекса документов концлагеря Майданек внимание архивистов ГАРФ привлек один источник, значащийся в описи как «Книга регистрации больных г. Люблин 1943 – 1944 гг.», (ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 107. Д. 6). «Документ представляет собой типографский экземпляр книги учета лазарета с формуляром на немецком языке. Однако заполнена она на русском языке, характерным почерком и содержит записи о 2886 рядовых и офицерах Красной Армии, поступивших в лазарет в период с 1 июля 1943 по 29 февраля 1944 г. Именно: фамилию, имя, лагерный номер, воинское звание, дату рождения, место жительства (рождения), диагноз на латинском языке, даты поступления и выписки». Как отмечает в своей статье Е. Киселева «Сотрудники ГАРФ устанавливают судьбы советских военнопленных» документально подтвердилось, что эта Книга является фрагментом некогда единого комплекса документов шталага № 352 [18]. В связи с тем, что данный документ с момента его поступления в послевоенное время в фонд ЧГК ГАРФ и по настоящее время не попал в органы учета личного состава Вооруженных Сил СССР, и в следствии этого не был оцифрован при создании ОБД «Мемориал», то о его наличии в ГАРФ авторы узнали лишь из статьи Киселевой Е.Л. Но даже по представленным в статье фотографиям из «Книги...» авторы уточнили для себя, что они действительно сделаны со страниц «Главной книги лазарета Лесного лагеря Шталага № 352 Масюковщина, а точнее ее фрагмента за период с 1 июля 1943 по

29 февраля 1944 года. «Главная книга лазарета...» – это регистрационный журнал, в котором отмечались все необходимые учетные данные больных и раненых военнопленных, поступающих в лазарет Лесного лагеря. Во время их приема в лечебном отделении, врачами на каждого из них оформлялась история болезни, в которой, кроме персональных данных, фиксировалась и вся необходимая медицинская информация (диагнозы, дневники врачебных осмотров, назначенное лечение, проведенные операции и пр.) (таблица 5).

Таблица 5. – «Главная книга лазарета...» за период 04.11.1942 г. – 27.06.1944 г.*

Период	Кол-во чел.	Личные данные в/п из «Главной книги лазарета ...»	Архивные реквизиты
04.11.1942 – 23.12.1942	1850	1. Уханов Иван, 1916 г.р., лагерный № 35003 поступил 04.11.1942 г.	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70807858 ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977532, Д. 93
xx.xx.xx – 31.03.1943	3215	3215. Хащина Савелий, 1895 г. р., лагерный № 33609, поступил 31.03.1943 г.	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70808253 ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977532, Д. 93
01.04.1943 – 14.05.1943	718	1. Акмалов Фаткулла, 1923 г. р., лагерный № 34306 поступил 01.04.1943 г.	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70807485 ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977532, Д. 93
01.07.1943 – 29.02.1944	2886	308. Лобецкий Борис, 1915 г.р., лагерный № 5163, поступил 10.08.1943 г.	Не оцифрована (на 01.03.2021г.) ГАРФ, Ф. Р-7021, Оп.107, Д.6.
01.03.1944 – 27.06.1944	1630	1. Собачкин Николай, 1906 г.р., лагерный № 30116 поступил 01.03.1944 1630. Грищенко Павел, 1898 г.р., лагерный № 17619, поступил 27.06.1944 г.	https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=301172948 ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977532, Д. 16 https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=301174508 ЦАМО, Ф. 58, Оп. 977532, Д. 19

Примечание. – *За период до 04.11.1942 г. «Главная книга лазарета» в ОБД «Мемориал» отсутствует, что, по мнению авторов, указывает на то, что она вообще не велась, так как ее функцию выполняли регистрационные журналы каждого из лечебных отделений. И только с введением в документооборот историй болезней стандартного образца в конце 1942 года, необходимость в регистрационных журналах отделений отпала. Но вместо них появилась единая «Главная книга лазарета», каждая запись в которой продублирована историей болезни военнопленного. За период с 04.11.1942 г. по 01.07.1943 г. сохранилось большинство фрагментов «Главной книги лазарета». Отсутствующие фрагменты авторами в основном восстановлены по историям болезни. За период с 01.07.1943 г. по 29.02.1944 г. «Главная книга лазарета» не оцифрована, но по историям болезней ее удалось воссоздать. За период с 01.03.1944 г. по 27.06.1944 г. «Главная книга лазарета» отсутствует, но по историям болезней ее также удалось восстановить.

Так, по фотографии документа, приведенной в статье Киселевой Е.Л., видно, что под номером 308 в Главной книге лазарета Лесного лагеря в Масюковщине был записан Лобецкий Борис 1915 г. р., рег. номер 5163, поступивший в лазарет 10.08.1943 г. с диагнозом «Пулевое ранение в грудь» из 69 барака в корпус 18 П N (*корпус лазарета с хирургией*), где он в этот же день и умер. В дальнейшем шеф-хирургом лазарета Лесного лагеря Шталага № 352 С. Здрылюком была написана история болезни Лобецкого Бориса [19].

Таким образом, «Главная книга лазарета ...» за период 01.07.1943 г. – 29.02.1944 г., хранящаяся в ГАРФ, устранила недостающее звено в хронологической последовательности регистрационного журнала лазарета Лесного лагеря и позволила получить много ценной информации о 2886 военнопленных, лечившихся в нем.

Заключение. Рассекречивание и открытие неизвестных ранее архивных источников, их доступность для исследователей и общественности дает возможность для всестороннего изучения проблемы функционирования лагерей советских военнопленных, выяснения их судеб, вопросы учета и содержания, вопросы медицинской документации, использования труда военнопленных, сопротивления и др. Представленные документы чрезвычайно важны для потомков, не теряющих надежды на получение новой информации о близких, не вернувшихся с войны. Будущие исследования авторов статьи будут направлены на поиск и интерпретацию источников по истории судеб советских военнопленных в годы Великой Отечественной Войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мох, Е.Н. Лазарет «Городского лагеря» шталага № 352 / Е.Н. Мох, А.А. Швед // Беларуская думка : штомесячны грамадска-палітычны і навукова-папулярны часопіс / Адміністрацыя Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. – 2020. – № 6. – С. 88–95.
2. Мох, Е.Н. Жить и помнить. Лагерь для советских военнопленных шталаг № 352 («Лесной лагерь», Масюковщина) / Е.Н. Мох, А.А. Швед // Ученые записки : сб. науч. тр. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2021. – Т. 32. – С. 39–45.
3. Яцкевіч, Н.А. Масюкоўшчына. Трагедыя савецкіх ваеннапалонных / Н.А. Яцкевіч, М.Г. Нікіцін. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2019. – 123 с.
4. Донесение врача – акты за август 1941 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Росс. Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 87. Д. 160. – Режим доступа : <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78789976>. – Дата доступа: 02.03.2021.
5. Акты о смерти [Электронный ресурс] // Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 58. Оп. 977531. Д. 73. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67588758>. – Дата доступа: 02.03.2020.
6. Акт. Донесения о безвозвратных потерях [Электронный ресурс] // ЦАМО – Ф. 58. Оп. 977529. Д. 49. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=79288771&page=214>. – Дата доступа : 02.03.2021.

7. Акт дежурного врача [Электронный ресурс] // ЦАМО – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1454. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78560563>. – Дата доступа: 02.03.2020.
8. Книга умерших [Электронный ресурс] // РГВА. – Ф. 1367. Оп. 1. Д. 236а. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84315982>. – Дата доступа: 02.03.2021.
9. Донесение ЧГК № 116501 от 29.12.1944 г. // ЦАМО – Ф. 58. Оп. 18002. Д. 1454, Д. 1455.
10. Список советских военнопленных, умерших немецко-фашистскими захватчиками в Лесном лагере шталага № 352 – список ЧГК на 9425 фамилий в 6 томах // ГАРФ. – Ф. Р-7021. Оп. 87. ДД. 138 – 158, 173, 174, 180.
11. Киселева, Е.Л. Судьбы военнопленных Второй мировой войны: круг источников расширен Е.Л. Киселева // Отечественные архивы. – 2012. – № 1. – С. 29–34.
12. Назарова, М.В. Представители ЭЛАРа награждены за создание ОБД «Мемориал» / М.В. Назарова // Отечественные архивы. – 2008. – № 6. – С. 126–127.
13. Война и плен. Мартиролог : сб. / авт.-сост. Ю. Попов. – Минск, 2005.
14. История болезни [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 977532. Д. 25. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=301176873>. – Дата доступа: 02.03.2021.
15. Донесения о безвозвратных потерях 22.09.1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78565220>. – Дата доступа: 02.03.2021.
16. Донесения о безвозвратных потерях 19.08.1944 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77990790&p=1>. – Дата доступа: 02.03.2021.
17. Акт о смерти Максенко Д. С. [Электронный ресурс] // ЦАМО – Ф. 58. Оп. 977529. Д. 70. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=81797860>. – Дата доступа: 02.03.2021.
18. Киселева, Е. Сотрудники ГА РФ устанавливают судьбы советских военнопленных в немецких концлагерях (документы о гибели советских военнопленных в фонде «чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...» [Электронный ресурс] / Е. Киселева // ГАРФ. – Режим доступа: <http://statearchive.ru/1240>. – Дата доступа: 21.01.2021.
19. История болезни Лобецкого Бориса [Электронный ресурс] // ЦАМО. – Ф. 58. Оп. 977532. Д. 14. – Режим доступа: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=301170186>. – Дата доступа: 02.03.2021.

Поступила 04.05.2021

UNIFIED COMPLEX OF DOCUMENTS ON MEDICINE SHTALAGA No. 352, MASYUKOVSCHINA

Н МОКН, А ШВЕД

For the first time, the article presents a comprehensive analysis of archival documents on medicine, characterizes the source base of the study, considers the main centers for storing documents on the topic of research. A critical analysis of archival materials and data from the Memorial HBS was carried out

Keywords: *Soviet prisoners of war, stalag No. 352, Memorial OBD, ChGK, medical documentation*

УДК 903.5(476-15)''00/01''

АРХЕАЛОГИЯ ПАХАВАЛЬНЫХ ПОМНИКАЎ ПАЎНОЧНАЙ БЕЛАРУСІ КАНЦА I – ПЧАТКУ II ТЫС. Н. Э.: СТАН І ПЕРСПЕКТИВЫ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**М.А. ПЛАВІНСКІ***(Міжнародны дзяржаўны экалагічны інстытут імя А.Д. Сахарова
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск)*

У артыкуле аналізуецца сучасны стан вывучэння пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э. і вызначаюцца найбольш важныя задачы далейшых даследаванняў, вырашэнне якіх дазволіць у бліжэйшым будучым атрымаць прыняцова новыя даныя аб жыццядзейнасці, матэрыяльнай і духоўнай культуры насельніцтва рэгіёна.

Ключавыя словы: археалогія, пахавальныя помнікі, курганны могільнік, некропаль, крэмацыя, інгумацыя, Паўночная Беларусь.

Уводзіны. Пачатак мэтанакіраваных раскопак пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э. прыпадае на сярэдзіну XIX ст. Фактычна археалагічнае вывучэнне старажытнасцей Беларускага Падзвіння і Верхняга Панямоння пачынаецца менавіта з раскопак курганных могільнікаў, якія праводзіліся Я. і К. Тышкевічамі, А. Кіркорам, М.Ф. Кусцінскім, А.М. Семянтоўскім і інш. [1, с. 57–71, 95–117; 5, с. 47–77]. Прычым курганы заставаліся асноўнымі аб'ектамі, якія прыцягвалі ўвагу археолагаў дастаткова працяглы перыяд, прынамсі да канца XIX – пачатку XX ст., у той час, як вывучэнне пасяленчых помнікаў доўгі час лічылася не надта перспектыўным. На працягу гэтага перыяду паступова фарміруецца і ўдасканалваецца методыка раскопак, развіццё якой было шчыльна звязана з эвалюцыяй даследчыцкіх задач. Калі піянеры вывучэння курганоў, у першую чаргу, цікавіліся знаходкамі пахавальнага інвентару, які можна выявіць у насыпах, дык у далейшым падыход паступова змяняўся. З цягам часу для даследчыкаў курганных старажытнасцей стала паразумелай неабходнасць апісання і графічнай фіксацыі саміх пахаванняў і будовы насыпаў, каштоўнасць знойдзеных падчас раскопак антрапалагічных матэрыялаў.

У выніку, ужо ў 1920-я гг. і ў савецкай (А.М. Ляўданскі, С.А. Дубінскі), і ў Заходняй Беларусі (А. Цэгак-Галубовіч і У. Галубовіч) фарміруюцца навуковыя цэнтры, даследчыкі з якіх ажыццяўлялі вывучэнне пахавальных помнікаў канца I – пачатку II тыс. н.э. на высокім метадычным узроўні з падрабязнай фіксацыяй працэсу раскопак і дэтальным аналізам усіх катэгорый выяўленых матэрыялаў [3, с. 64–71; 13]. На жаль, сталінскія рэпрэсіі і пачатак Другой сусветнай вайны перарвалі іх плённую дзейнасць і паваявая айчынная школа вывучэння курганных старажытнасцей фарміравалася фактычна «з нуля».

У кожным разе, у выніку дзейнасці шэрагу пакаленняў даследчыкаў пахавальных старажытнасцей Паўночнай Беларусі да сённяшняга часу назапашаны велізарны аб'ём інфармацыі аб пахавальным абрадзе і інвентары насельніцтва Беларускага Падзвіння, Верхняга Панямоння і Верхняга Падняпроўя. Даследчыкі неаднаразова звярталіся да абагульнення наяўных даных, як з усёй тэрыторыі Полацкай зямлі, так і з асобных яе рэгіёнаў. Класічнай працай, прысвечанай вывучэнню пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі, з'яўляецца манаграфія Г.В. Штыхава «Крывічы» [15]. Зусім нядаўна новае абагульненне матэрыялаў раскопак курганных могільнікаў насельніцтва Полацкай зямлі было ажыццёўлена А.В. Вайцяховічам [2]. У якасці прыкладу даследавання пахавальных традыцый асобнага рэгіёна можна прывесці працы Л.У. Дучыц і З.М. Сяргевай, прысвечаныя вывучэнню пахавальных помнікаў паўночна-заходніх рэгіёнаў Беларускага Падзвіння [4, с. 10–24; 14].

Асноўная частка. Не станем спыняцца на дэтальным аналізе гістарыяграфіі даследаванняў курганных могільнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э. і падрабязным пераліку існуючых публікацый на гэтую тэму. Істотным з'яўляецца тое, што ў выніку шматгадовых даследаванняў некалькіх пакаленняў археолагаў былі выяўлены асноўныя накірункі развіцця пахавальных традыцый насельніцтва рэгіёна і працэс змены абраду крэмацыі цел нябожчыкаў абрадам інгумацыі; акрэслены тыпы пахавальнага інвентару, яго рэгіянальныя і храналагічныя асаблівасці; вызначаны антрапалагічныя характарыстыкі жыхароў Паўночнай Беларусі першых стагоддзяў II тыс. н.э.

Разам з тым, у вывучэнні пахавальных помнікаў Полацкай зямлі застаецца шмат актуальных задач, без вырашэння якіх немагчыма ахарактарызаваць не толькі эвалюцыю пахавальнай абраднасці мясцовага насельніцтва, але і рэканструяваць гістарычныя працэсы, што праходзілі ў рэгіёне ў канцы I – пачатку II тыс. н.э. Фармулюючы гэтыя задачы, неабходна мець на ўвазе, што на сучасным этапе існуе шэраг істотных фактараў, якія ўплываюць на фарміраванне даследчыцкіх стратэгіяў вывучэння розных катэгорый археалагічных помнікаў Беларусі, у тым ліку і пахавальных старажытнасцей канца I – пачатку II тыс. н.э.

Першым з такіх фактараў з'яўляецца скарачэнне маштабаў палявых археалагічных даследаванняў, якое прадвызначаецца як абмежаваным аб'ёмам фінансавання, так і зменай методыкі раскопак, якая бесперапынна ўдасканалваецца, што, у тым ліку, вядзе да запавольвання тэмпаў правядзення палявых прац.

Другі фактар – імклівае пашырэнне ў практыцы палявых і камеральных археалагічных прац разнастайных прыродазнаўчых і недэструктыўных метадаў даследаванняў, што надзвычай моцна, а ў некаторых выпадках – радыкальна пашыраюць магчымасці вывучэння самага шырокага кола пытанняў, звязаных з аналізам пахавальнага абраду і інвентару насельніцтва таго ці іншага рэгіёна, а таксама яго антрапалагічнай характарыстыкай.

Скарачэнне маштабаў раскопак курганных могільнікаў і, адпаведна, адносна абмежаваны аб'ём новых матэрыялаў даследаванняў актуалізуе неабходнасць актывізацыі вывучэння калекцый, назапашаных у ранейшыя часы. Адною з галоўных мэт такой працы з'яўляецца дэтальвая публікацыя матэрыялаў раскопак асобных могільнікаў і асобных пахавальных комплексаў, што ў перспектыве павінна стаць асновай крыніцзнаўчай базы вывучэння пахавальнага абраду і інвентару як усёй Полацкай зямлі, так і асобных яе рэгіёнаў.

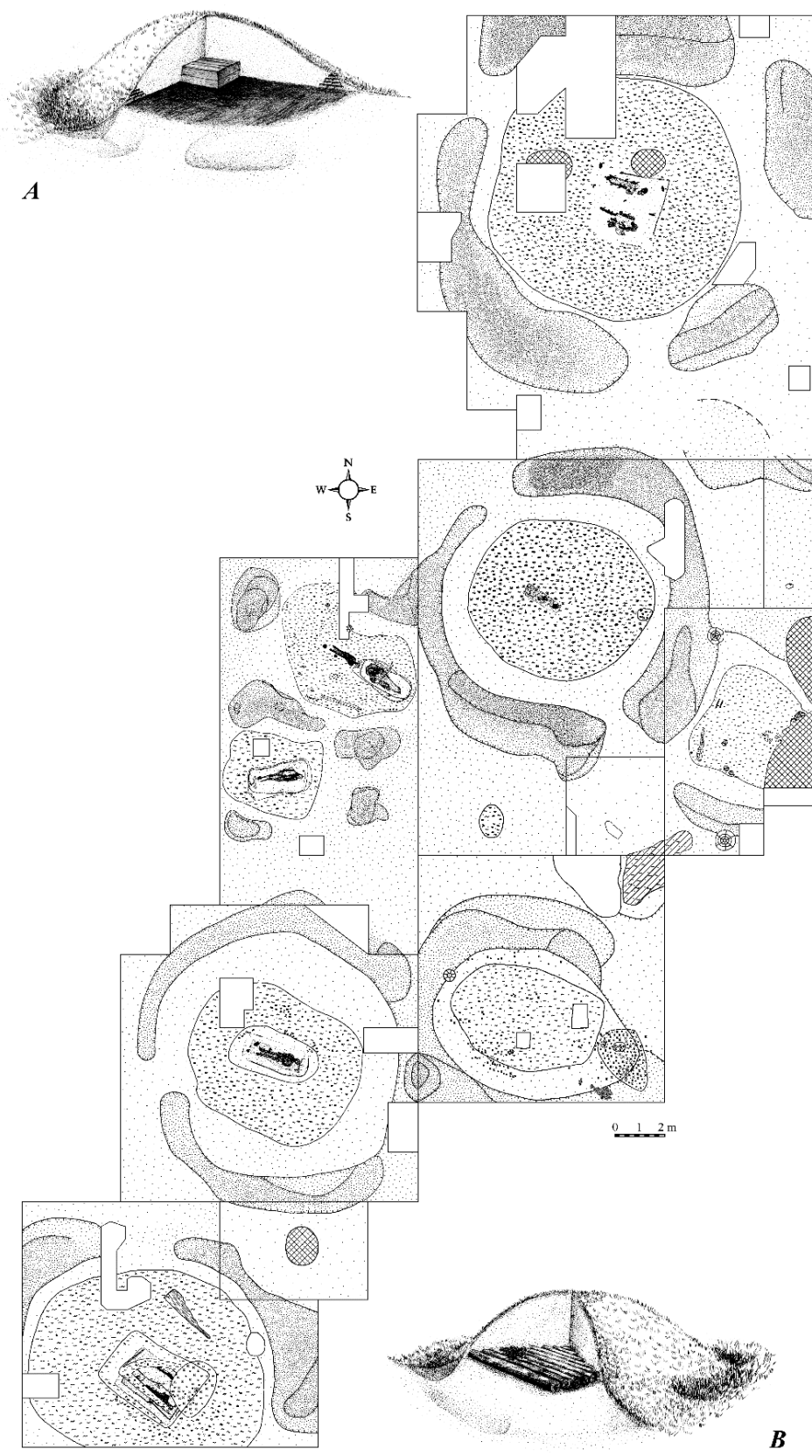
Справа ў тым, што матэрыялы раскопак міжваеннага часу засталіся апублікаванымі толькі часткова альбо ўвогуле не ўведзенымі ў навуковы зварот. У савецкай Беларусі прычынай гэтага сталі сталінскія рэпрэсіі, у выніку якіх загінулі практычна ўсе прадстаўнікі маладой беларускай археалагічнай школы [3, с. 92] і падзеі Другой сусветнай вайны, падчас якой шмат якія археалагічныя калекцыі зніклі альбо былі дэпашпартызаваныя, а палявая дакументацыя аб раскопках цалкам страчана. У Заходняй Беларусі, дзе цэнтрам вывучэння помнікаў Беларускага Падзвінны і Панямоння ў 1930-я гг. стаў Археалагічны музей Універсітэта імя Стэфана Баторыя ў Вільні [13], пачатак Другой сусветнай вайны таксама стаў пераломным момантам у лёсе віленскіх археолагаў А. Цэгак-Галубовіч і У. Галубовіча. Яны ацалелі падчас ваеннага ліхалецця, але вымушаны былі пакінуць Вільню і пасля ўжо практычна не звярталіся да публікацыі матэрыялаў маштабных раскопак пахавальных помнікаў Паўночна-Заходняй Беларусі, якія праводзіліся А. Цэгак-Галубовіч на працягу 1933–1939 гг. Прычынай гэтага, верагодна, стала, у тым ліку і тое, што ўся палявая дакументацыя была страчана падчас вайны. Аднак калекцыі з гэтых раскопак і захоўваюцца зараз у Нацыянальным музеі Літвы, дзе і чакаюць сваёй будучай публікацыі.

Акрамя таго, у айчынай археалогіі дагэтуль захоўваецца градыцыя, што склалася яшчэ ў 1960–1970-я гг., сутнасць якой палягае ў выбарчай публікацыі матэрыялаў палявых даследаванняў. Пры такім падыходзе звычайна ў навуковы ўжытак уведзяцца толькі самыя яркія артэфакты і асноўныя высновы, зробленыя на падставе атрыманых матэрыялаў, у той час як масавыя знаходкі, графічная і фотадакументацыя застаюцца неапублікаванымі. Калі ў савецкі час такі падыход да ўвядзення вынікаў палявых археалагічных даследаванняў у навуковы зварот звычайна тлумачыўся абмежаваным аб'ёмам артыкулаў і манаграфій, дык сёння яго нельга прызнаць прымальным. У кожным разе матэрыялы раскопак шмат якіх курганных могільнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э. застаюцца не апублікаванымі альбо апублікаванымі толькі фрагментарна, і, адпаведна, іх дэтальны аналіз і ўвядзенне ў навуковы зварот з'яўляюцца адной з першачарговых задач. Без яе вырашэння немагчымае далейшае вывучэнне рэгіянальных і храналагічных асаблівасцей пахавальнага абраду Полацкай зямлі. Таму надзвычай перспектыўным накірункам працы павінна стаць падрабязная публікацыя і дэтальны крыніцзнаўчы аналіз матэрыялаў раскопак кожнага асобнага раскапанага ў ранейшы час могільніка (у якасці прыкладаў такіх даследаванняў можна прывесці шэраг публікацый аўтара [11; 12]).

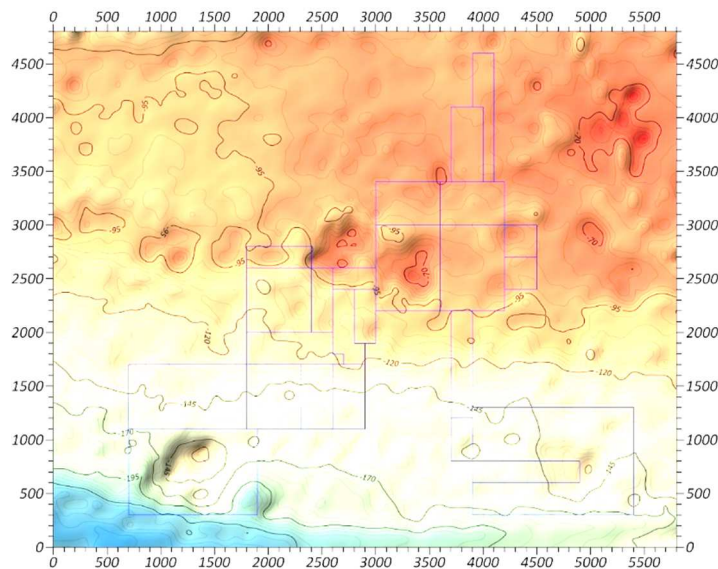
На працягу некалькіх апошніх дзесяцігоддзяў у практыцы вывучэння пахавальных помнікаў адбыліся значныя змены, якія заключаюцца як у метадыцы правядзення археалагічных раскопак, так і ў пашырэнні новых тэхналогій фіксацыі працэсу правядзення даследаванняў і атрыманых вынікаў. Аднак галоўная змена палягае ўсё ж не ў выкарыстанні новых тэхналогій, якія непазбежна будуць і надалей імкліва ўдасканальвацца і развівацца, а ў падыходзе да разумення кожнага пахавальнага помніка як археалагічнага аб'екта. Сутнасць трансфармацыі падыходу палягае ў тым, што даследчыкі ўсходнеўрапейскіх пахавальных помнікаў пачалі разглядаць тэрыторыю некропаля як цэласную прастору, дзе ў час яе функцыянавання пэўным калектывам на працягу пэўнага часу ажыццяўляліся пахавальныя і памінальныя дзеянні. У канкрэтнай даследчыцкай практыцы змена стратэгіі прывяла да пачатку вывучэння некропаляў суцэльнымі плошчамі. Пры такім падыходзе ажыццяўляюцца раскопкі не толькі асобных пахавальных насыпаў ці грунтовых магіл, але і ўсёй тэрыторыі паміж імі. Гэта дазваляе не толькі вывучаць абрад саміх пахаванняў, але дае надзвычай каштоўную інфармацыю аб прасторавым узаемаразмяшчэнні асобных пахаванняў і асаблівасцях іх здзяйснення, наяўнасці ці адсутнасці пэўных канструкцый і памінальных комплексаў паміж пахаваннямі, дазваляе прасачыць развіццё некропаля ў прасторы і часе і г.д. У сваю чаргу, пашырэнне новых тэхналогій прадстаўляе шырокае магчымасці для павышэння эфектыўнасці фіксацыі, аналізу і прэзентацыі матэрыялаў раскопак.

На вялікі жаль, у айчынай археалогіі практыка вывучэння курганных могільнікаў суцэльнай плошчай пакуль не з'яўляецца агульнапрынятай. Фактычна, на дадзены момант, такі падыход быў выкарыстаны толькі двойчы – падчас даследаванняў курганнага могільніка Пагошча Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці (малюнак 1) [11] і комплексу археалагічных помнікаў Наўры Мядзельскага раёна Мінскай вобласці (малюнак 2–3). Пры гэтым, у працэсе раскопак некропаля Наўры II быў выяўлены новы тып пахавальнай абраднасці – бескурганныя крэмацыі канца I – пачатку II тыс. н.э. [9].

Акрамя публікацыі і крыніцзнаўчага аналізу матэрыялаў папярэдніх раскопак і змены стратэгіі правядзення палявых даследаванняў, актуальнымі задачамі далейшага археалагічных вывучэння пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі з'яўляецца распрацоўка падрабязнай храналогіі развіцця пахавальнага абраду і эвалюцыі інвентару. Такая праца павінна праводзіцца па двух асноўных накірунках. Першы з іх – распрацоўка радыёвугляроднай храналогіі, таму што на дадзены момант рэгіён Паўночнай Беларусі з'яўляецца адным з нешматлікіх на тэрыторыі Усходняй Еўропы, дзе дагэтуль у працэсе раскопак пахаванняў не адбіраліся ўзоры для радыёвугляроднага аналізу (адзінае выключэнне – згаданы некропаль Наўры II [9]). Асабліва востра гэтая праблема адчуваецца ў працэсе вывучэння пахаванняў па абрадзе крэмацыі, якія часцяком з'яўляюцца малаінвентарнымі (прычым і гэты нешматлікі інвентар бывае моцна пашкоджаным агнём) альбо ўвогуле безынвентарнымі. Разам з тым, неабходна разумець, што новыя матэрыялы, прыдатныя для ажыццяўлення радыёвугляродных аналізаў і распрацоўкі на іх аснове храналогіі пахавальных помнікаў рэгіёна, могуць быць атрыманыя толькі ў працэсе правядзення новых палявых археалагічных даследаванняў.

Малюнак 1. – Курганы могільнік Пагошча Браслаўскага раёна Віцебскай вобласці. План мацёркавай паверхні цэнтральнай групы раскопаў (раскопкі М.А. Плавінскага, 2005–2009 гг.) і рэканструкцыі будовы кургана 5 (А) і кургана 12 (В (рэканструкцыя М.А. Плавінскага, малюнак М.І. Латышвай))

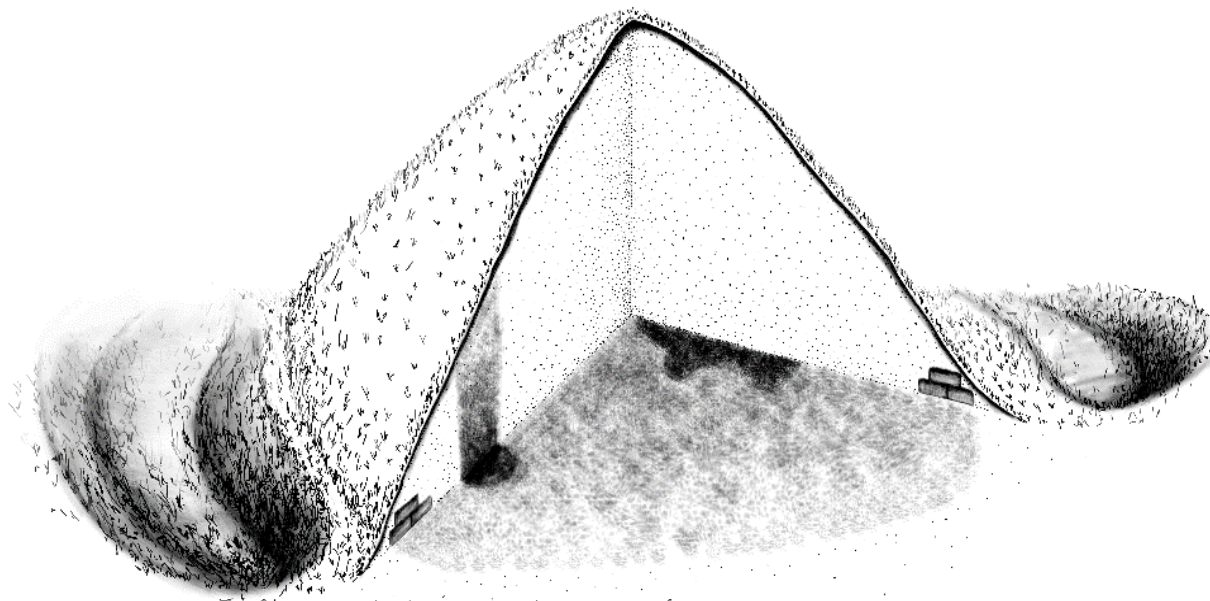
Малюнак 2. – Некропаль Наўры II Мядзельскага раёна Мінскай вобласці. Мадэль дзённай паверхні тэрыторыі некропаля з пазначэннем раскопаў і шурфоў 2017–2020 гг. (раскопкі А.М. Плавінскага, М.А. Плавінскага, В.М. Тарасевіч, малюнак В.А. Макоўскай)

Малюнак 3. – Некропаль Наўры II. Курган 13 (трэцяя чвэрць I тыс. н.э.) у працэсе раскопак (1) і па завяршэнні даследаванняў (2). Від з паўночнага захаду (раскопкі В.М. Тарасевіч, 2020 г.)

Другім накірункам працы над храналогіяй пахавальных помнікаў рэгіёна з'яўляецца распрацоўка і ўдасканаленне датавання асобных катэгорый пахавальнага інвентару. У ажыццяўленні такой працы таксама маюцца пэўныя складанасці. На сённяшні дзень ва Усходняй Еўропе найбольш надзейныя храналагічныя шкалы бытавання пэўных тыпаў сярэднявечных прадметаў, распрацаваныя для гарадоў з так званым «мокрым» культурным слоём, у якім добра захоўваецца арганіка, у тым ліку, рэшткі драўлянай забудовы. Сінхронныя драўляныя будынкі і вулічныя маставыя прынята аб'ядноўваць у будаўнічыя ярусы, якія могуць быць датаваныя на падставе вынікаў дэндрахраналагічнага аналізу. Размеркаванне пэўных катэгорый артэфектаў па ярусах дазваляе дастаткова надзейна акрэсліць перыяд іх бытавання. Шляхам сінхранізацыі знаходак з асобнымі пахавальнымі комплексаў з атрыманымі на падставе аналізу ярусалогіі датамі можа быць распрацаваная рэгіянальная храналогія розных катэгорый артэфектаў [6–8]. Ва ўмовах Паўночнай Беларусі рэалізацыя такога даследчыцкага сцэнара на дадзены момант застаецца праблематычнай з некалькіх прычын. Першай з іх з'яўляецца адсутнасць у асноўных гарадскіх цэнтрах рэгіёна (Полацк, Віцебск, Лукомль) «мокрага» культурнага слоя з добра захаванымі драўлянымі канструкцыямі канца I тыс. н.э. [10]. Другая – адсутнасць у пералічаных гарадах распрацаваных дэндрашкал для культурных напластаванняў XI–XIV стст., у якіх добра захоўваюцца драўляныя канструкцыі і ёсць перспектывы стварэння дробнай храналогіі розных катэгорый прадметаў матэрыяльнай культуры. Аднак, даследаванні па ўдасканаленні храналогіі пахавальнага інвентару павінны праводзіцца паралельна з распрацоўкай дэндрахраналагічных шкал і вылучэннем ярусаў драўлянай забудовы гарадоў Беларускага Падзвіння з «мокрым» культурным слоём.

У якасці яшчэ аднаго перспектыўнага накірунку працы па вывучэнні пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э. можна вызначыць рэканструкцыю на падставе вынікаў археалагічных раскопак асобных элементаў абраду, інвентару і знешняга выгляду пахавальных помнікаў. Прычым, у дадзеным выпадку гаворка вядзецца не толькі і не столькі пра мысленны эксперымент (які з'яўляецца неад'емнай часткай кожнага этапу археалагічнага даследавання), колькі пра візуалізацыю атрыманых у выніку яго правядзення высноў (малюнкі 4–8). Каштоўнасць і перспектыўнасць візуалізацыі рэканструкцый пэўных прадметаў ці аб'ектаў (пахавальнага строю і яго асобных элементаў, знешняга выгляду пахавальных помнікаў і рытуалаў, якія здзяйсняліся падчас іх узвядзення, і г.д.) выяўляецца ў двух асноўных вымярэннях. Першае з іх ляжыць на паверхні – візуалізаваныя рэканструкцыі пахавальных строяў і рытуалаў, асобных пахавальных комплексаў і некропаляў маюць відавочную каштоўнасць для папулярызацыі вынікаў археалагічных даследаванняў пахавальных помнікаў канца I – пачатку II тыс. н.э. Другое вымярэнне, на першы погляд, падаецца не такім відавочным, хаця на самой справе, з'яўляецца не менш важным, бо ёсць часткай даследчыцкай працэдуры, сутнасць якой палягае ў ажыццяўленні мысленнага эксперыменту і яго праверкі. Маецца на ўвазе тое, што ў працэсе візуалізацыі рэканструкцыі, якая з'яўляецца фінальным этапам такога эксперыменту, адбываецца праверка, а, часціком, і карэкціроўка яго вынікаў, пастаноўка новых навуковых пытанняў.

Малюнак 4. – Некропаль Наўры II. Курган 12 (VII ст.). Графічная рэканструкцыя будовы кургана. Від з паўночнага ўсходу (раскопкі А.М. Плавінскага, рэканструкцыя М.А. Плавінскага і В.М. Тарасевіч, малюнак В.М. Тарасевіч)

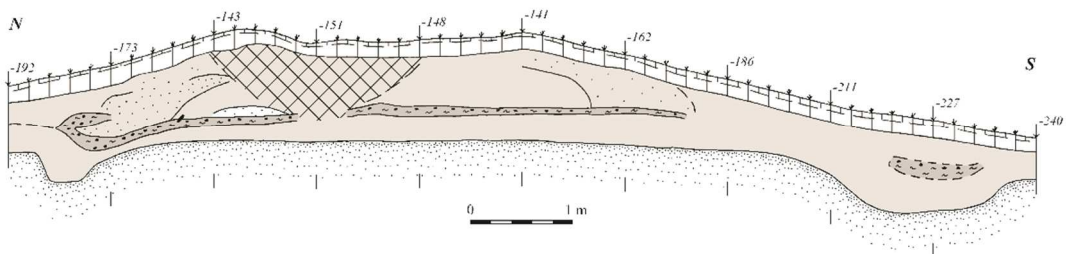
Малюнак 5. – Некропаль Наўры II. Курган 12 (VII ст.). Варыянт рэканструкцыі жаночага строю з пахавання 1 (раскопкі А.М. Плавінскага, малюнак В.М. Тарасевіч)

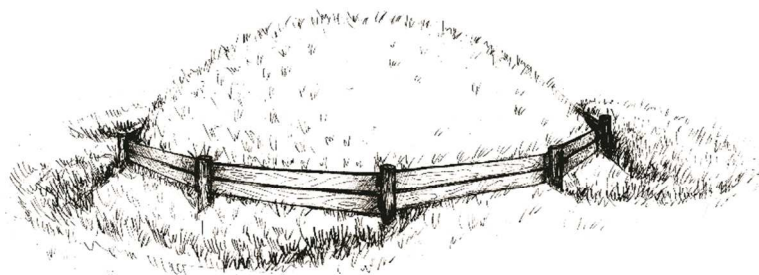
Малюнак 6. – Курганны могільнік Мілты I Мядзельскага раёна Мінскай вобласці. Курган 4 (канец X – пачатак XI ст.). Рэканструкцыя пахавальнага строю (раскопкі В.Н. Рабцэвіча і А.М. Плавінскага, малюнак В.М. Тарасевіч)

1

2

3

4

1 – профіль кургана па лініі поўнач – падзень, від з захаду (фота М.А. Плавінскага); 2 – профіль кургана па лініі поўнач – падзень (малюнак М.А. Плавінскага); 3 – рэканструкцыя першапачатковага знешняга выгляду кургана (рэканструкцыя М.А. Плавінскага, малюнак М.І. Латышавай); 4 – рэканструкцыя выгляду кургана сродкамі камп’ютарнай графікі (малюнак Р. Плавінскага)

Малюнак 7. – Курганны могільнік Кастыкі. Курган 4 (сярэдня XI – пачатак XII ст.) на розных этапах фіксацыі яго будовы падчас раскопак і ў працэсе рэканструкцыі (раскопкі М.А. Плавінскага, 2016 г.)

1 – 3D-мадэль у выглядзе паліганальнай сеткі, мадэлі без тэкстуры і з тэкстурай; 2 – 3D-мадэль; 3 – адзін з этапаў стварэння 3D-мадэлі; 4 – спасылка 3D-мадэлі гаршкоў з курганнага некропаля Наўры I на сайце sketchfab.com

Малюнак 8. – 3D-мадэль кругавога гаршка з кургана 26 курганнага некропаля Наўры I (раскопкі В.Н. Рабцэвіча і А.М. Плавінскага, 1987 г., аўтар мадэлі – В.А. Макоўская)

Заклучэнне. У прадстаўленым артыкуле адзначаны толькі некаторыя ключавыя пытанні вывучэння пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э. Відавочна, колькасць існуючых пытанняў значна большая. Аднак, хочацца спадзявацца, што пазначаныя задачы даследаванняў пахавальнай абраднасці раннесярэднявечнага насельніцтва паўночных рэгіёнаў Беларусі і акрэсленыя перспектывы іх вырашэння дазволюць у бліжэйшым будучым здабыць прынцыпова новыя даныя аб жыццядзейнасці, матэрыяльнай і духоўнай культуры жыхароў Беларускага Падзвіння канца I – пачатку II тыс. н.э.

ЛІТАРАТУРА

1. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Белоруссии XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев. – Минск : Беларуская навука, 1996. – 206 с.
2. Войтехович, А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли X–XII вв. / А.В. Войтехович. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 269 с.
3. Вяргей, В.С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919–1941 гг. / В.С. Вяргей. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
4. Дучыц, Л.У. Браслаўскае Паазер’е ў IX–XIV стст.: гісторыка-археалагічны нарыс / Л.У. Дучыц. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 120 с.
5. Каханюўскі, Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г.А. Каханюўскі. – Минск : Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.

6. Лесман, Ю.М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) / Ю.М. Лесман // Археологическое исследование Новгородской земли. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – С. 118–153.
7. Лесман, Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) / Ю.М. Лесман // Материалы по археологии Новгорода 1988. – Москва, 1990. – С. 29–98.
8. Лесман, Ю.М. Этюд об украшениях / Ю.М. Лесман // Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л. : ЛФ ЦЭНДИСИ, 1991. – С. 305–314.
9. Плавінскі, А.М. Раскопки некрополя Наўры II у 2017 годзе / А.М. Плавінскі, М.А. Плавінскі, В.М. Тарасевіч // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зб. нав. арт. памяці Аляксандра Плавінскага. – Мінск : Колорград, 2021. – С. 115–161.
10. Плавінскі, М.А. Праблемы храналогіі помнікаў Беларускага Падзвіння канца I – пачатку II тыс. н.э. / М.А. Плавінскі // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. нав. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г.: у 2 ч. – Полацк : НППКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 281–288.
11. Плавінскі, М.А. Курганны могільнік Пагошча ў кантэксце сінхронных старажытнасцяў Браслаўскага Паазер'я / М.А. Плавінскі. – Мінск : А.М. Янушкевіч, 2017. – 242 с.
12. Плавінскі, М.А. Комплекс археалагічных помнікаў Кастыкі ў вярхоўях Віліі / М.А. Плавінскі, М.І. Сцяпанав. – Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2019. – 116 с.
13. Плавинский, Н.А. Роль сотрудников археологического музея Вильнюсского университета имени Стефана Батория межвоенного периода в изучении погребальных памятников Белорусского Подвинья и Понеманья конца I – начала II тыс. н.э. / Н.А. Плавинский // Университетская археология: прошлое и настоящее : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию первой в России кафедры археологии, Санкт-Петербург, 19–21 окт. 2016 г. / Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2017. – С. 136–139.
14. Сергеева, З.М. Курганы северо-запада Полоцкой земли / З.М. Сергеева. – М. : Академия, 1996. – 96 с.
15. Штыхаў, Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак кургану ў Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.

Пастуніў 13.04.2021

АРХЕОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ БЕЛАРУСИ КОНЦА I – НАЧАЛА II ТЫС. Н.Э.: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н.А. ПЛАВИНСКИЙ

В статье анализируется современное состояние изучения погребальных памятников Северной Беларуси конца I – начала II тыс. н.э. и определяются наиболее важные задачи дальнейших исследований, решение которых позволит в ближайшем будущем получить принципиально новые данные о жизнедеятельности, материальной и духовной культуре населения региона.

Ключевые слова: археология, погребальные памятники, курганный могильник, некрополь, кремация, ингумация, Северная Беларусь.

ARCHAEOLOGY OF BURIAL MONUMENTS OF NORTHERN BELARUS OF THE LATE 1st – EARLY 2nd MILLENIUM AD: STATE AND PROSPECTS OF RESEARCH

M. PLAVINSKI

The article analyzes the current state of the study of burial sites in Northern Belarus of the late 1st – early 2nd millennium AD and the most important tasks of further research are determined, the solution of which will allow in the near future to obtain fundamentally new data on the vital activity, material and spiritual culture of the region's population.

Keywords: archaeology, burial monuments, barrow cemetery, necropolis, cremation, inhumation, Northern Belarus.

УДК 338.23:334.72.012.32 (476) (091) «1921/1929»

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БССР
В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг. (НА ПРИМЕРЕ КУСТАРНО-РЕМЕСЛЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)***д-р ист. наук, доц. Н.И. ПОЛЕТАЕВА**(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

На основе материалов Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. рассматривается состав собственников кустарно-ремесленных предприятий в городских поселениях Белорусской ССР с акцентом на структуре их специализации в связи с основными отраслями кустарно-ремесленной промышленности, принадлежность к группам по отношению к использованию наемного труда и национальной принадлежности.

Ключевые слова: Белорусская ССР, частные предприниматели, города, кустарно-ремесленная промышленность, национальный состав.

Введение. Актуальность вопроса о национальном составе частных предпринимателей обусловлена тем, что позволяет анализировать степень вовлеченности представителей различных наций в предпринимательскую деятельность, в частности, в годы новой экономической политики, когда была легализована и в достаточно жестких рамках допускалась частнопредпринимательская инициатива. В белорусской историографии исследование национального состава собственников кустарно-ремесленной промышленности с учетом критерия применения наемного труда и вида занятий в 1920-е гг. ранее не проводилось. Для характеристики численности и состава предпринимателей были использованы возможности Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г., которая содержит подробные сведения о самостоятельных производителях – «хозяевах» (классы Г, Д, Е с делением по отраслям народного хозяйства). В данной статье анализируется национальный состав предпринимателей-горожан, во всех расчетах в численность включалось только самодеятельное население по основному занятию. Также был использован современный аналог применявшегося в переписи 1926 г. термина «хозяин» – термин «предприниматель».

Основная часть. Всего по данным переписи 1926 г. в городских поселениях БССР в классах Г, Д, Е насчитывалось 71 758 человек, из них белорусов – 24 192, евреев – 40 378, русских – 5305, поляков – 993, представителей прочих национальностей – 890. Очевидно, что евреи составляли более половины предпринимателей-горожан (56,3%), белорусы – третью часть (33,7%), русские – 7,4%, поляки – 1,4%, прочие этносы – 1,2%. Среди этой массы «деловых людей» кустарей и ремесленников насчитывалось 28 887 человек (40,2%), в том числе евреев – 21 811, белорусов – 4637, русских – 1651, поляков – 370, прочих – 418 человек [Подсчет наш. – Н.П. 1, с. 123-134].

В целом среди предпринимателей-горожан БССР, занятых в кустарно-ремесленной промышленности, белорусы составляли 16,1%, евреи – 75,5%, русские – 5,7%, поляки – 1,3%, прочие этносы – 1,4% (таблица 1).

Таблица 1. – Структура специализации (главное занятие) предпринимателей городских поселений БССР, занятых в основных отраслях кустарно-ремесленной промышленности, в связи с группами и национальной принадлежностью, декабрь 1926 г., (%)

Специализация собственников предприятий (главное занятие)	Национальность					Всего
	Белорусы	Евреи	Русские	Поляки	Прочие	
1	2	3	4	5	6	7
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕ НАЕМНЫЙ ТРУД						
Обработка металла	12,5	80,4	5,6	0,2	1,3	100,0
Обработка дерева	6,8	89,0	3,1	1,0	-	100,0
Бумажное и полиграфическое	-	100,0	-	-	-	100,0
Текстильное	1,5	97,0	1,5	-	-	100,0
Швейное	4,3	92,6	1,9	0,6	0,6	100,0
Кожевенное	10,7	85,4	2,6	0,7	0,6	100,0
Пищевое	4,6	92,1	1,5	0,8	1,0	100,0
Обработка минералов	17,9	79,5	-	-	2,6	100,0
Парикмахерские	2,6	94,9	1,3	1,3	-	100,0
Прочие	-	96,4	3,6	-	-	100,0
Всего	8,1	87,9	2,7	0,7	0,6	100,0
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РАБОТАВШИЕ ТОЛЬКО С ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ, ИЛИ ЧЛЕНЫ АРТЕЛИ						
Обработка металла	7,8	84,9	3,9	1,3	2,0	100,0
Обработка дерева	11,9	71,0	16,0	1,0	-	100,0
Бумажное и полиграфическое	2,3	91,9	4,7	-	1,2	100,0
Текстильное	5,8	84,8	8,6	-	0,8	100,0
Швейное	4,9	93,6	1,2	-	0,2	100,0
Кожевенное	14,2	77,2	4,9	0,7	3,0	100,0
Пищевое	7,6	85,4	4,2	0,8	2,0	100,0

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
Обработка минералов	49,2	39,0	11,9	-	-	100,0
Парикмахерские	3,7	94,4	1,2	0,6	-	100,0
Прачечные	46,9	6,3	34,4	6,3	6,3	100,0
Прочие	3,8	84,6	10,6	-	1,0	100,0
Всего	9,9	82,4	5,4	0,7	1,7	100,0
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ						
Металлисты	12,7	79,8	4,9	1,0	1,6	100,0
Деревообделочники	30,2	57,4	8,9	2,0	1,5	100,0
Бумажники и полиграфисты	4,4	93,0	1,7	-	0,9	100,0
Текстильщики	10,8	83,7	4,1	0,3	1,1	100,0
Швейники	11,3	81,7	4,4	1,3	1,3	100,0
Кожевники	24,4	65,0	7,3	1,6	1,7	100,0
Пищевики	6,6	89,5	2,8	0,4	0,7	100,0
Минеральщики	56,8	32,1	9,9	0,6	0,6	100,0
Парикмахеры	4,3	93,0	1,4	0,8	0,4	100,0
Прачки	62,9	6,4	21,8	5,6	3,3	100,0
Прочие	7,1	82,7	5,1	1,3	3,8	100,0
Всего	19,1	71,6	6,3	1,5	1,5	100,0
ИТОГО в кустарно-ремесленной промышленности	16,1	75,5	5,7	1,3	1,4	100,0

Источник: [1, с.123-134].

Анализ представительства выделенных национальностей в специализации предприятий подтвердил общую закономерность доминирования евреев-предпринимателей в целом по трем группам нэпманов – тех, кто работал с применением наемного труда, с помощью членов семьи или индивидуально: соответственно 87,9; 82,4 и 71,6%. Была даже одна сфера деятельности среди предпринимателей, нанимавших работников, – полиграфическое и бумажное производство, где евреи составляли 100% (сюда относились переплетные, фотографические и художественные ателье).

Но при более детальном изучении национального состава собственников предприятий в связи с их специализацией были выявлены группы предприятий, где такая закономерность или была менее ярко выражена, или вовсе отсутствовала. Так, среди индивидуальных предпринимателей, бывших собственниками прачечных заведений, евреи составляли лишь 6,4%, в то время как белорусы – 62,9%, русские – 21,8%. Среди предпринимателей, работавших с членами семьи или артелями, белорусы в сегменте прачечных также преобладали (46,9%), русские здесь составляли 34,4%. Кстат, именно в этом виде деятельности у поляков и прочих этносов было отмечено максимальное представительство – по 6,3%.

Белорусы-индивидуальные предприниматели являлись собственниками большинства предприятий по обработке минерального сырья (56,8%), среди которых преобладали гончары и горшечники. В этом виде деятельности белорусы были значимо представлены и среди тех, кто работал с помощью членов семьи (49,2%), и среди хозяев, использовавших наемный труд (17,9%). Отметим также другие направления деятельности, где предприниматели-белорусы были достаточно заметны: обработка дерева (30,2% среди индивидуальных хозяев, 11,9% среди работавших с членами семей; главным занятием названы бондари и бочари); кожевенное дело (24,4% среди индивидуальных, 14,2% у работавших с членами семей, 10,7% у нанимавших рабочую силу; главным образом, это были сапожники и башмачники).

Самое значимое представительство предпринимателей-русских оказалось среди владельцев прачечных (34,4% тех, кто опирался на помощь членов семей, и 21,8% – индивидуальных), мастеров по обработке дерева (16%), где главным занятием стало изготовление экипажей и колес, и обработке минералов (11,9%), в двух последних случаях – в группе работавших с членами семей.

Анализ состава выделенных национальностей среди предпринимателей по специализации и группам представлен в таблице 2.

Среди белорусов 82,3% владельцев работали индивидуально, чуть более 12% – с членами семей и лишь 5,59% применяли наемный труд. В основном похожим, с небольшими отличиями в удельном весе, было распределение по группам у предпринимателей русских и поляков. У евреев, по сравнению с другими этносами, отмечено самое заметное наличие предприятий с использованием наемного труда – 12,88%, а также наименьшее число предпринимателей, работавших индивидуально – 65,65%.

Анализ показал, что у предпринимателей-белорусов – собственников кустарно-ремесленных предприятий в городах БССР самой численно большой группой (34,61%) были кожевники – индивидуальные предприниматели. Выделялись также швейники (13,59%), среди которых преобладали портные, также работавшие самостоятельно. Среди таких хозяев-одиночек более 11% составляли те, кто занимался обработкой дерева, преобладали столяры.

Таблица 2. – Структура специализации (главное занятие) и состав по группам предпринимателей выделенных национальностей, занятых в основных отраслях кустарно-ремесленной промышленности городских поселений БССР, декабрь 1926 г., (%)

Специализация собственников предприятий (главное занятие)	Национальность					
	Белорусы	Евреи	Русские	Поляки	Прочие	Всего
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕ НАЕМНЫЙ ТРУД						
Обработка металла	1,21	1,66	1,51	0,81	1,44	1,55
Обработка дерева	0,28	0,78	0,36	0,54	-	0,66
Бумажное и полиграфическое	-	0,15	-	-	-	0,11
Текстильное	0,02	0,29	0,06	-	-	0,23
Швейное	0,63	2,86	0,79	1,08	0,96	2,33
Кожевенное	2,87	4,88	2,00	2,43	1,67	4,32
Пищевое	0,39	1,66	0,36	0,81	0,96	1,36
Обработка минералов	0,15	0,14	-	-	0,24	0,14
Парикмахерские	0,04	0,34	0,06	0,27	-	0,27
Прочие	-	0,12	0,06	-	-	0,10
Всего	5,59	12,88	5,21	10,27	4,78	11,06
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РАБОТАВШИЕ ТОЛЬКО С ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ, ИЛИ ЧЛЕНЫ АРТЕЛИ						
Обработка металла	1,08	2,48	1,51	2,16	3,11	2,21
Обработка дерева	1,25	1,58	4,72	1,35	-	1,68
Бумажное и полиграфическое	0,04	0,36	0,24	-	0,24	0,30
Текстильное	0,32	1,00	1,33	-	0,48	0,89
Швейное	1,06	4,26	0,73	-	0,48	3,43
Кожевенное	5,28	6,08	5,15	3,24	12,20	5,95
Пищевое	1,88	4,49	2,91	2,43	5,50	3,97
Обработка минералов	0,63	0,11	0,42	-	-	0,20
Парикмахерские	0,13	0,70	0,12	0,27	-	0,56
Прачечные	0,32	0,01	0,67	0,54	0,48	0,11
Прочие	0,09	0,40	0,67	-	0,24	0,36
Всего	12,08	21,47	18,47	10,00	22,73	19,66
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ						
Металлисты	5,37	7,20	5,88	5,41	7,42	6,81
Деревообделочники	11,26	4,55	9,33	9,19	6,22	5,99
Бумажники и полиграфисты	0,22	0,98	0,24	-	0,48	0,79
Текстильщики	1,64	2,70	1,76	0,54	1,91	2,44
Швейники	13,59	20,86	14,84	20,00	17,46	19,29
Кожевники	34,61	19,56	29,07	28,65	26,56	22,74
Пищевики	2,09	6,07	2,48	1,62	2,63	5,12
Минеральщики	1,98	0,24	0,97	0,27	0,24	0,56
Парикмахеры	0,45	2,07	0,42	1,08	0,48	1,68
Прачки	10,65	0,23	10,36	11,89	6,22	2,72
Прочие	0,47	1,18	0,97	1,08	2,87	1,08
Всего	82,34	65,65	76,32	79,73	72,49	69,22
ИТОГО в кустарно-ремесленной промышленности	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Источник: [1, с.123-134].

Среди кустарей и ремесленников-евреев, проживавших в городах Беларуси, выделялись, прежде всего, швейники (20,86%) с явным лидерством специалистов-портных. Второй по частоте встречаемости профессией были кожевники (19,56%), среди которых большинство составляли сапожники и башмачники. Эти виды деятельности привлекали главным образом индивидуальных предпринимателей. Среди предпринимателей-евреев, нанимавших рабочую силу, выделялась группа собственников кожевенных предприятий (4,88%), как и среди тех, кто работал только с членами семьи или членами артелей (6,08%). Достаточно большие группы кустарей были задействованы в пищевой промышленности (4,49% у тех, кто работал с членами семей, 6,07% – у индивидуальных предпринимателей), главным образом это были собственники хлебопекарных и кондитерских заведений, пекари и булочники.

Основными занятиями кустарей и ремесленников – русских, как и белорусов, были кожевенное (29,07%) и швейное (14,84%) дело в группе индивидуальных предпринимателей. В группе лиц, работавших с членами семей или артелями, выделялись специалисты по деревообработке, главным образом, мастера экипажных и колесных дел. Среди индивидуальных предпринимателей отметим также тех, кто занимался обработкой дерева (9,33%), здесь доминировали столяры и пильщики.

Предприниматели-поляки чаще всего выступали в качестве индивидуальных собственников, занятых обработкой кожевенного сырья (28,65%), прежде всего пошивом обуви, а также швейным делом (20%), чаще всего портные.

Среди представителей прочих этносов численно значимой группой были предприниматели, занятые в кожевенном производстве, которые как опирались на труд членов семей (12,2%), так и работали индивидуально (26,56%). Выделим также швейников-индивидуальных предпринимателей (17,46%). Достаточно большие группы лиц были заняты в качестве прачек: у белорусов – 10,65%, русских – 10,36%, поляков – 11,89%, прочих – 6,22%, тогда как в этом виде деятельности доля евреев составляла всего 0,23%.

В целом вне зависимости от того, к какой национальности и группе принадлежали предприниматели, основные их усилия прилагались в одинаковых направлениях деятельности. Рынок в этом плане уравнивал всех.

Данные о распределении предпринимателей городов БССР по специализации, группам и национальностям (таблица 3) фактически представляют собой своеобразную карту деловых предпочтений собственников кустарно-ремесленных предприятий.

Таблица 3. – Распределение предпринимателей городских поселений, занятых в основных отраслях кустарно-ремесленной промышленности БССР, по специализации (главное занятие) собственников, группам и национальностям, декабрь 1926 г., (%)

Специализация (гл. занятие) собственников предприятий	Национальность					Всего
	Белорусы	Евреи	Русские	Поляки	Прочие	
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕ НАЕМНЫЙ ТРУД						
По обработке металла	0,194	1,250	0,087	0,010	0,014	1,554
По обработке дерева	0,045	0,589	0,021	0,007	-	0,661
Бумажных и полиграфических	-	0,111	-	-	-	0,111
Текстильных	0,003	0,222	0,003	-	-	0,228
Швейных	0,100	2,157	0,045	0,014	0,014	2,330
Кожевенных	0,460	3,687	0,114	0,031	0,024	4,317
Пищевых	0,062	1,253	0,021	0,010	0,014	1,360
По обработке минералов	0,024	0,107	-	-	0,003	0,135
Парикмахерских	0,007	0,256	0,003	0,003	-	0,270
Прочих	-	0,093	0,003	-	-	0,097
Всего	0,897	9,724	0,298	0,132	0,069	11,064
ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РАБОТАВШИЕ ТОЛЬКО С ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ, ИЛИ ЧЛЕНЫ АРТЕЛИ						
Обработке металла	0,173	1,873	0,087	0,028	0,045	2,205
Обработке дерева	0,201	1,194	0,270	0,017	-	1,682
Бумажных и полиграфических	0,007	0,273	0,014	-	0,003	0,298
Текстильных	0,052	0,755	0,076	-	0,007	0,890
Швейных	0,170	3,216	0,042	-	0,007	3,434
Кожевенных	0,848	4,594	0,294	0,042	0,177	5,954
Пищевых	0,301	3,389	0,166	0,031	0,080	3,967
По обработке минералов	0,100	0,080	0,024	-	-	0,204
Парикмахерских	0,021	0,526	0,007	0,003	-	0,557
Прачечных	0,052	0,007	0,038	0,007	0,007	0,111
Прочих	0,014	0,305	0,038	-	0,003	0,360
Всего	1,939	16,211	1,056	0,128	0,329	19,663
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ						
Металлисты	0,862	5,438	0,336	0,069	0,107	6,813
Деревообделочники	1,807	3,438	0,533	0,118	0,090	5,985
Бумажники и полиграфисты	0,035	0,737	0,014	-	0,007	0,793
Текстильщики	0,263	2,039	0,100	0,007	0,028	2,437
Швейники	2,181	15,751	0,848	0,256	0,253	19,289
Кожевники	5,556	14,771	1,662	0,367	0,384	22,740
Пищевики	0,336	4,587	0,142	0,021	0,038	5,123
Минеральщики	0,318	0,180	0,055	0,003	0,003	0,561
Парикмахеры	0,073	1,561	0,024	0,014	0,007	1,679
Прачки	1,710	0,173	0,592	0,152	0,090	2,717
Прочие	0,076	0,893	0,055	0,014	0,042	1,080
Всего	13,217	49,569	4,362	1,021	1,049	69,218
ИТОГО в кустарно-ремесленной промышленности	16,052	75,505	5,715	1,281	1,447	100,000

Источник: [1, с.123-134].

Более всего предпринимателей, по национальной принадлежности – евреев, в связи с группой индивидуальных хозяев, были сосредоточены в швейной и кожевенной отрасли (15,7 и 14,7%, соответственно). В целом среди предпринимателей городов БССР на эти сферы деятельности приходилось свыше 40% занятых. Ряд занятий собственников кустарно-ремесленных предприятий на общем фоне был также достаточно заметным (находился в пределах от 1 до 6%): 5,5% индивидуальных предпринимателей-белорусов – кожевников; по 4,5% – индивидуальных предпринимателей-евреев – пищевиков и работавших с членами семей собственников кожевен-

ных заведений. Свыше 3% (на каждую группу) приходилось на предпринимателей-евреев, нанимавших работников, и работавших с членами семей, в швейной отрасли. Примерно по 2% предпринимателей-евреев с наемными рабочими и индивидуальных предпринимателей-белорусов прилагали свои усилия в швейной отрасли. На каждое из остальных занятий приходилось менее 1% занятых среди исследуемой социальной категории.

Заключение. Таким образом, состав предпринимателей по национальной принадлежности в кустарно-ремесленной промышленности городов Белорусской ССР в годы новой экономической политики отличался существенным многообразием представленных занятий. Модель выбора занятий у белорусов, русских и поляков была достаточно похожей. Но более всего, независимо от национальной принадлежности, оказалось индивидуальных предпринимателей, занятых кожевенным производством, швейным делом и обработкой металлов. Такую специализацию можно объяснить тем, что результаты труда именно этих предпринимателей были самыми востребованными на внутреннем рынке, откликались на потребность горожан в одежде и обуви, а также вполне соответствовали их невысокой покупательной способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. – Т. XXVII. Белорусская Советская Социалистическая Республика: Отдел 2. Занятия. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 155 с.

Поступила 21.06.2021

NATIONAL COMPOSITION OF PRIVATE ENTREPRENEURS OF URBAN SETTLEMENTS OF THE BSSR IN THE MIDDLE OF THE 1920S (ON THE EXAMPLE OF HANDICRAFT INDUSTRY)

N. POLETAEVA

Based on the materials of the All-Union Population Census on December 17, 1926, the composition of the owners of handicraft enterprises in urban settlements of the Byelorussian SSR is considered with an emphasis on the structure of their specialization in connection with the main branches of the handicraft industry, with belonging to groups in relation to the use of wage labor and nationality.

Keywords: *Byelorussian SSR, private entrepreneurs, cities, handicraft industry, ethnic composition.*

УДК 2-75:27(476)

**К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ
В БЕЛАРУСИ В 1941–1947 гг.**

*канд. ист. наук, доц. С.В. СИЛОВА
(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

В статье раскрывается процесс подготовки священнослужителей в Беларуси в 1944 – 1947 гг. Утверждается, что нехватка кадров священнослужителей была одной из главных проблем деятельности Православной церкви на белорусских землях в 1941 – 1944 гг. Подробно характеризуется деятельность богословско-пастырских курсов в г. Минске, Гродно, Новогрудке, Жировицком монастыре. Исследование основано на неопубликованных документах из Национального архива Республики Беларусь (фонд 951), архива Комитета Государственной безопасности РБ и архива Управление Комитета Государственной безопасности по Гродненской области, Государственного архива Гродненской области (фонд 478). Сделан вывод о том, что богословско-пастырские курсы не смогли решить кадровую проблему и для подготовки священнослужителей необходимо было открывать духовную семинарию с полным курсом обучения.

Ключевые слова: *Православная церковь в Беларуси, богословско-пастырские курсы, православное духовенство, богословские дисциплины, православные консистории, епископат.*

Введение. Новый этап в изучении истории Православной Церкви в Беларуси начался в конце XX – начале XXI вв. Исследователи особое внимание обращали на советский период в истории Церкви, характеризовали правовое положение Церкви в Советском государстве, анализировали репрессии по отношению к православному духовенству и верующим, составляли Синодики новомучеников. Подготовка священнослужителей в 1941 – 1947 гг. не была предметом отдельного исторического исследования. Нехватка кадров приводила к невозможности функционирования церковных институтов и нормализации приходской жизни. В годы Великой Отечественной Войны произошли изменения в политике советского государства по отношению к Православной Церкви. На белорусских землях реализация нового курса начала осуществляться летом 1944 г. В этот период проходило определение места Церкви и ее структур в советской общественно-политической системе. Церковь должна была подчиняться советской идеологии и использовалась как средство влияния на общество. Особая роль в этом отводилась подготовке кадров священнослужителей.

Основная часть. Практически уничтоженная к июню 1941 г. религиозная жизнь в восточных областях Беларуси переживает возрождение в период нацистской оккупации. Но при открытии храмов церковные власти столкнулись с нехваткой кадров. Для решения этой проблемы были открыты краткосрочные курсы для подготовки священнослужителей. Курсы открылись в Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске, Смоленске и Жировицком монастыре. Как правило, курсы возглавлялись и курировались правящими архиереями. Особенностью деятельности курсов было отсутствие единой программы обучения, каждый архиерей сам определял, какие именно предметы будут преподаваться и кто будет преподавать.

На курсах в г. Новогрудке преподавали церковную историю, церковный устав, церковно-славянский язык, церковное пение. Курсами руководил архиепископ Афанасий (Мартос), преподавали священники Тимофей Юрков, Николай Горбачевич, Павел Кирик, Игорь Базылевич [1, лл. 19–20]. В ноябре 1942 г. слушателем курсов при Новогрудском епархиальном управлении стал житель д. Няньково Любчанского района, Александр Каратай. Для легального нахождения в г. Новогрудке он написал прошение в районную управу г. Новогрудка и приложил Свидетельство, выписанное секретарем Новогрудско-Барановичской епархии о. Павлом Кириком о том, что Александр Каратай действительно является слушателем курсов по подготовке кандидатов на церковно-служительские должности [2, лл. 101–102].

Первые краткосрочные курсы в Минске начали работу в октябре 1941 г. и действовали по апрель 1942 г., на них обучалось 20 человек [3, л. 16]. Среди курсантов были как мотивированные люди, так и те, кто оказался там достаточно случайно. Так, Михаил Кузьмич Гагаренко отбывал наказание в г. Лида. В июне 1941 г. немцы стали бомбить город, заключенных погрузили в вагоны для эвакуации, но выехать из города не смогли, заключенные разбежались. М.К. Гагаренко пешком отправился в м. Свислочь, где попал в плен к немцам. После нескольких лагерей в августе 1941 г. Михаил Гагаренко оказался в г. Минске и устроился через настоятеля женского монастыря Антония свечным мастером при Екатерининской церкви, затем работал в Мужском монастыре г. Минска. На курсы был зачислен по протекции священника Иосифа Балая и по согласованию с архиепископом Филофеем (Нарко). Экзаменовали и выпускали курсантов архиепископ Филофей, священники Иосиф Балая и Иоанн Кушнер. Кроме них на выпуске присутствовали два представителя СД, которые часто беседовали с курсантами. После выпуска Михаил Гагаренко не был рукоположен, поскольку у него не было документов, подтверждающих, что он был женат один раз. Архиепископ Филофей направил его на восстановление мужского монастыря в г. Минске (был открыт 15 мая 1942 г.) [4, лл. 13–22].

15 апреля 1943 г. открылись вторые богословско-пастырские и псаломщицко-певческие курсы в Минске, которые работали полгода. На эти курсы принимались лица с законченным средним образованием. Обучение начали 12 человек. Здесь была самая обширная программа обучения. Архиепископ Филофей (Нарко) преподавал пастырское богословие, протоиерей Иосиф Балай – догматику, моральное богословие, литургику, методику Закона Божия, церковно-славянский язык, протоиерей Иоанн Кушнер – апологетику, гомилетику, церковную историю, Краснопевцев – церковное пение, Константин Балай – белорусский и немецкий языки, священник Николай Лапицкий – церковную историю, профессор М.И. Волосевич – священное Писание Нового Завета, отец Виталий Боровой – церковную историю [5, лл. 18–19].

Была возможность сдать экзамен на звание священника при духовных консисториях. Так, Анатолий Мисеюк в июле-сентябре 1942 г. сдал экзамен на звание священника при Белостокско-Гродненской консистории. Перечень дисциплин для сдачи был довольно обширен: Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, Библейская история Ветхого и Нового Заветов, Катехизис, Церковная история, Сектановедение, Пастырское Богословие, церковно-славянский язык, церковное пение, Церковный устав, гомилетика (с написанием проповеди). После успешной сдачи экзамена Анатолий Мисеюк 21 сентября 1942 г. был рукоположен архиепископом Венедиктом (Бобковским) и в январе 1943 г. был назначен настоятелем церкви в д. Массоляны [6, л. 35].

На апрель 1944 г. пастырские курсы окончили 22 кандидата в священники, четверо из которых были посвящены в сан [7]. Согласно статистике, с 1941 по 1945 гг. в Беларуси в сан священника было посвящено 213 человек. По социальному составу среди них было больше всего крестьян-единоличников – 27 человек, учителей – 17, рабочих – 16. Но кроме того, были и «самосвяты» – люди, не имеющие духовного образования. Их, как правило, выбирали общины при отсутствии перспективы получить в ближайшее время священника на приход [8, лл. 51, 52]. В 1944 г. по согласованию с Белорусской Центральной Радой планировалось открыть духовные семинарии с шестилетним курсом обучения. В первую очередь было решено открыть полуторные и шестые классы, но это не было реализовано.

К июню 1944 г. в Беларуси действовало 1044 зарегистрированных храма, распределявшиеся по территории республики неравномерно. Больше всего церквей было в западных и центральных областях: в Брестской области – 148, в Барановичской – 98, Пинской – 81. При этом в Полесской области насчитывалось всего 23 храма, Минской – 42, Молодечненской – 44 [9, лл. 51, 52].

Нехватка кадров православных священнослужителей была одной из главных проблем и в освобожденной Беларуси. К июню 1945 г. по всей республике был один архиепископ Василий, 556 священников, 97 дьяконов, 378 псаломщиков (таблица).

Таблица. – Сведения о количестве церквей и духовенстве по областям БССР на июнь 1945 г.

Наименование областей	Количество зарегистрированных церквей	Служители культа, зарегистрировавшиеся при действующих церквях			
		епископы	священники	дьяконы	псаломщики
Барановичская	98	-	102	9	73
Бобруйская	36	-	18	-	3
Брестская	148	-	121	19	99
Гомельская	51		21	5	3
Гродненская	71		70	5	65
Молодечненская	44		41	29	40
Минская	42	1	36	3	14
Полесская	23	-	14	7	21
Полоцкая	50		51	2	
Пинская	81		71	17	58
Витебская	28		11	1	2
Всего	672	1	556	97	378

Источник: Национального архива Республики Беларусь. – Ф. 951. Оп. 2. ДД. 2, 3.

Самыми благополучными в этом отношении были Барановичская и Брестская области. В каждой из них было более 100 священников, зато в Витебской области – 11, Полесской – 7, Бобруйской – 18, Минской – 36, Гомельской – 21 [10, лл. 5, 9, 72, 76, 95, 110, 136, 154, 160, 180]. Вакансии были неравномерно представлены по территории республики. В Барановичской области на 98 зарегистрированных церквей было зарегистрировано 102 священнослужителя, а в Витебской на 28 церквей – 11. Более 480 мест священнослужителей, включая низшее и среднее духовенство, в Беларуси оставались вновь вакантными. Часть представителей православного клира либо покинули свои приходы, боясь репрессий, либо вовсе прекратили свою деятельность.

Постановлением СНК СССР от 23.03.1945 г. за № 511-147/с Московской Патриархии было разрешено организовать на территории БССР богословско-пастырские курсы с двухгодичным сроком обучения на 25–40 человек. Организацию курсов курировали советские власти, в частности, заместитель председателя СНК БССР П. Левицкий. Кандидатуры преподавателей также утверждались советскими властями. По благословению архиепископа Василия (Ратмирова) организацией курсов (набором курсантов, формированием преподавательского

состава) занимался священник Виталий Боровой. Для этого Уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по БССР предоставлялся для утверждения список кандидатов.

Было принято решение, что местом, где будут размещаться курсы станет Жировицкий монастырь. Открытие курсов было намечено на 1 октября 1945 г. В короткие сроки необходимо было создать материальную базу для работы. Для аудиторий и общежития курсов был выделен один из корпусов монастыря. Для размещения преподавательского состава освободили помещения монастырской колокольни, где разместили две квартиры. Для отопления аудиторий власти выделили 100 кубометров дров из лесных делянок возле монастыря, пять кубометров теса для производства школьного инвентаря (парты, скамейки). Комнаты, в которых проходили курсы, включили в Жировицкую электросеть из расчета 8–10 лампочек [11, лл. 61–62].

22 сентября 1945 г. уполномоченный А. Лобанов пишет несколько докладных записок в различные ведомства: Народного комиссара просвещения БССР Е.И. Уралову, просит для обеспечения учащихся курсов учебные пособия, дать распоряжение отпустить на 1945–1946 учебный год 400 ученических тетрадей для записи основных лекций по восьми дисциплинам, 120 простых карандашей и 10 дюжин перьев; Наркомат торговли – дать необходимые указания о своевременном обеспечении учащихся продуктами питания и отпуске 600 кг соли для засолки овощей. 26 сентября 1946 г. А. Лобанов дал распоряжение Барановичскому облторготделу обеспечить, начиная с 1 октября, слушателей богословско-пастырских курсов в количестве 30-ти человек продуктами питания по нормам рабочих промышленности транспорта и связи. 8 октября 1945 г. он пишет наркому торговли Белорусской ССР, тов. В.И. Выходцеву, и просит выделить посуду и кухонную утварь.

Может сложиться впечатление, что курсы и слушатели были обеспечены всем необходимым. Однако, помещения не были приспособлены для учебы и проживания, лес слушатели заготавливали сами, иногда в ущерб занятиям. Курсанты работали в светлое время суток, занятия переносились на вечернее время с 16.00 до 20.00. Слушатели пилили, кололи и носили дрова на кухню и общежитие, носили поочередно воду на кухню и др. Каждую субботу сами курсанты производили уборку в своих помещениях: мыли полы в классах и спальнях.

Преподавательская корпорация была представлена ректором курсов, архимандритом Митрофаном (Гутовским) (с 1946 г. игумен Леонтий (Бондарь), непосредственно руководством курсами, преподавателем пения Петром Алексеевичем Неньчуком. 19 февраля 1946 г. прибыл священник Виталий Боровой, ставший преподавателем и инспектором курсов. Намеченный архиепископом Василием четвертый преподаватель, Михаил Яковлевич Цебриков, учитель Жировицкой школы, к занятиям на курсах не приступил, поскольку Слонимское Районо не дало разрешение на преподавание в двух школах.

Курсы работали по строгому распорядку. Курсанты просыпались в 7 утра. В 7.30 начиналась утренняя молитва и богослужение церкви, учебные занятия продолжались с 9.00 до 12.40. После обеда с 13.30 до 15.00 курсанты готовились к занятиям на следующий день. С 16.00 до 18.00 предусматривалась физическая работа. С 18.00 до 20.00 шло вечернее богослужение. Свободное от занятий время, после ужина, курсанты посвящали самообразованию и «культурному развитию»: читали газеты, книги, занимались музыкой на пианино. Курсы выписывали газеты «Правда», «Известия», «Советская Белоруссия», «Чырвоная звязда» (поступала из г. Барановичи), «Вольная праца» (поступала из г. Слоним). Было дано распоряжение районному отделению Союзпечати г. Слонима о выделении ежемесячно двух комплектов газет «Правда», «Известия» и «Советская Белоруссия» для слушателей курсов. В 22.00 проходила молитва на сон грядущий. Отбой был предусмотрен в 23.00.

До 20 февраля 1946 г. курсанты питались из монастырской кухни вместе с монашествующими. Из-за малого помещения монастырской трапезной курсанты обедали раньше монастырской братии, а ужинали после братии между 20.00 и 21.00.

Первоначально на курсы было зачислено восемь человек. К февралю 1946 г. количество курсантов увеличилось до 12 человек. Анализ отчетов о деятельности курсов показал, что самым возрастным курсантом был Леонид Андрианович Пучковский (1880 г. р.), самым молодым – Василий Викентьевич Байчик (1922 г. р.). Курсанты прибыли из Барановичской (2 человека), Молодечненской (2 человека), Брестской (2 человека), по одному человеку из Бобруйской, Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской областей. Все они имели разный уровень образования: четыре человека окончили 7 классов народной школы, один – среднюю техническую школу в г. Вильно (Иван Николаевич Ивановский), один – экстерном 6 классов учительской школы (Григорий Семенович Клыга), один – среднюю земледельческую школу (Иван Петрович Хорунжик), двое – городское училище (Илья Григорьевич Корелый, Леонид Андреевич Пучковский). До поступления на курсы они работали в разных сферах: Иван Николаевич Ивановский был дорожным техником, учительствовали Василий Викентьевич Бойчук и Григорий Семенович Клыга. Леонид Андрианович Пучковский и Михаил Матвеевич Рогачевский до поступления на курсы были пенсионерами. Только Николай Стефанович Чернухин, Илья Григорьевич Корелый до поступления были псаломщиками и имели представление о программе обучения. Все курсанты по национальности были белорусами.

Программа курсов предполагала изучение Священной Истории Ветхого и Нового Заветов (4 часа в неделю), Катехизис (3 часа в неделю), Чтение из священных Книг Ветхого и Нового Заветов (4 часа в неделю). Преподавали также Литургику (4 часа в неделю), общую церковную историю (3 часа в неделю), Сектоведение (2 часа в неделю), Церковно-славянский язык (3 часа в неделю), Церковное пение (2 часа в неделю).

Отдельно читалась дисциплина «Конституция СССР» (1 час в неделю). По договоренности с РККП(б)Б ее вел директор Жировицкой школы тов. Кожарский. Он приступил к занятиям 21 марта 1946 г. Все слушатели были снабжены для этого всеми необходимыми учебными пособиями (каждый имел текст Конституции СССР, Положение о выборах, Доклад тов. И. Сталина о Великой Отечественной Войне, сборник «Ленин–Сталин о социалистическом государстве и советской демократии»). Необходимо отметить, что курс «Конституция СССР» был самым обеспеченным литературой курсом. По остальным дисциплинам учебной литературы не хватало катастрофически. Отец Василий Боровой пытался решить эту проблему. 14 декабря 1945 г. А. Лобанов выдал доверенность о. Виталию на заключение договора с Республиканским Библиотечным коллектором по комплектованию книгами библиотеки курсов по отделу социально-экономической, научной, сельскохозяйственной и художественной литературы на сумму 2 тысячи рублей. 21 февраля 1946 г. прибыли первые поступления книг на сумму свыше 600 рублей из Бибколлектора [12, лл. 97, 99, 101, 104, 106, 113, 115–117]. Однако богословской литературы не хватало. Курсанты вели конспекты лекций по каждому курсу, и это было основными учебными пособиями по основным дисциплинам.

В 1946 году в г. Гродно состоялись месячные курсы духовенства, программа которых была одобрена учебным советом при Священном Синоде. Эти курсы были призваны повысить квалификацию священников, которые уже имели духовное образование. Большое внимание уделили практическим занятиям по Литургике, богословию и гомилетике. Преподавали дисциплины священники, имевшие высшее образование. Руководил курсами магистр богословия Варшавского университета протоиерей Сергей Вольтинцевич (благочинный Щучинско-Василивского округа). Курировал работу курсов Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Гродненской области И.Т. Макаренко.

Курсы 1946 г. не дали существенных результатов. Предполагалось собрать не менее 40 человек, но получилось, что после вторичного вызова явилось только 28 человек, из них несколько псаломщиков. Духовенство, вызванное на курсы, находилось в ужасных условиях. В бывшей квартире епископа были устроены нары, на которых отбывали «наказание» те священники, у которых не было в городе родственников или знакомых. На курсы были собраны люди с разной подготовкой, кроме того, большая половина курсантов были старики. Было очевидно, что для них курсы были неактуальны [13, л. 4].

С 9 июня по 9 июля 1947 г. в г. Гродно прошли вторые курсы для священнослужителей. Курсанты были размещены в архиерейском доме, где были более комфортные бытовые условия по сравнению с прошлым годом. Как указывал в отчете о. Сергей Вольтинцевич, «особые условия жизни западного духовенства выработали в некоторых местах своеобразную церковно-богослужбную практику, что вносило некоторый диссонанс в общую систему православных богослужений». Курсы были призваны привести все богослужения в епархии в соответствие со строгим православным уставом. Для этого ежедневно в присутствии Владыки Варсонофия совершались различные службы в домовый архиерейской церкви. Кроме того, курсанты ежедневно готовили и зачитывали проповеди, каждую из которых подробно разбирали. При проведении курсов выяснилось, что духовенство епархии, в большинстве своем, получило образование на польском языке и плохо владеет русским. Владыка Варсонофий обязал духовенство в шестимесячный срок изучить грамматику русского языка, чтобы грамотно говорить и писать по-русски.

Особое внимание на гродненских курсах 1947 г. уделили циклу по государственному праву СССР. Этот курс, прочитанный юристом Николаем Петровичем Стасевичем, вызвал большой интерес у духовенства.

После окончания курсов за повышением квалификации священников были ответственные благочинные округов. Курсы 1947 г. были более эффективны, протоиерей Сергей Вольтинцевич указывал в отчете, что «общее мнение всех отцов, преподавателей и курсантов, что подобные курсы необходимо устраивать в нашей епархии каждый год, ибо несомненно, что двухгодичный опыт не останется безрезультатным, а устройство курсов в дальнейшем, да еще с программой повышенного типа, будет, несомненно, содействовать неуклонному и систематическому повышению богословской квалификации нашего духовенства, что так необходимо в нашем западном крае» [14, л. 91].

Заключение. Таким образом, подготовка православных священнослужителей была одной из главных задач деятельности Православной Церкви на белорусских землях в 1941 – 1947 гг. Открытые богословско-пастырские курсы в г. Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске, Смоленске и Жировицком монастыре не смогли полностью решить кадровую проблему. К 1947 г. стало очевидно, что необходимо открывать духовную семинарию с полным курсом обучения, которое проходило бы по единой программе и преподавалось специалистами, имеющими соответствующую квалификацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Следственное дело А.В. Боярчука // Архив Управления Комитета Государственной Безопасности по Гродненской области.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 610. Оп. 1. Д. 23.
3. Следственное дело И.В. Шишло // Архив Комитета Государственной Безопасности РБ.
4. Следственное дело М.К. Гагаренко // Архив Комитета Государственной Безопасности РБ.
5. Следственное дело И.В. Шишло // Архив Комитета Государственной Безопасности РБ.
6. Следственное дело А.И. Мисеюка // Архив Управления Комитета Государственной безопасности по Гродненской области.

7. Беларуская газета – 1944. – № 23. – 22 сакавіка.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4. Оп. 29. Д. 539.
9. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 29. Д. 539.
10. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 2. Д. 3.
11. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 14.
12. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАГр. – Ф. 478. Оп. 2. Д. 20.
14. НАРБ. – Ф. 951. Оп. 1. Д. 10.

Поступила 13.05.2021

TO THE QUESTION OF TRAINING ORTHODOX CLERGYMEN IN BELARUS IN 1941 – 1947

S. SILOVA

The article describes the process of training clergy in Belarus in 1944-1947. It is argued that the lack of clerical personnel was one of the main problems of the Orthodox Church's activities in the Belarusian lands in 1941-1944. The activity of theological and pastoral courses in Minsk, Grodno, Novogrudok, and the Zhirovitsky monastery is characterized in detail. The research is based on unpublished documents from the National Archives of the Republic of Belarus (fund 951), the archive of the State Security Committee of the Republic of Belarus and the archive of the Department of the State Security Committee for the Grodno Region, the State Archives of the Grodno Region (fund 478). It was concluded that the theological-pastoral courses could not solve the personnel problem and for the preparation of clergy it was necessary to open a theological seminary with a full course of study.

Keywords: *Orthodox Church in Belarus, theological and pastoral courses, Orthodox clergy, theological disciplines, Orthodox consistories, episcopate.*

УДК 94(476)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОМЕЩЕНИЯ ПЕКАРНИ-КВАСОВАРНИ ПОЛОЦКОГО ИЕЗУИТСКОГО КОЛЛЕГИУМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

А.А. СОЛОВЬЁВ

(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)

На основе натурных исследований здания, выявленных археологических материалов, письменных источников предлагается реконструкция интерьера и оборудования помещения пекарни-квасоварни в Полоцком иезуитском коллегиуме. Раскрываются особенности её конструкции и пространственной организации, связанные со спецификой функционального назначения помещения. На основе предложенного описания была создана авторская реконструкция интерьера пекарни-квасоварни Полоцкого иезуитского коллегиума.

Ключевые слова: реконструкция интерьера, Полоцкий иезуитский коллегиум, натурные исследования, история повседневности.

Введение. С повседневной жизнью Полоцкого иезуитского коллегиума было связано устройство пекарни-квасоварни, которая должна была обеспечить иезуитов и их воспитанников свежими качественными хлебными изделиями и квасом. Данное служебное помещение располагалось в «старом коллегиуме» – корпусе, соединявшем крылья главного трёхэтажного здания. В ходе перестроек коллегиума под кадетский корпус первоначальный интерьер данного помещения сегодня полностью утрачен. На основе имеющихся материалов нами сделана попытка реконструкции его интерьера и оборудования.

Основная часть. Наиболее раннее упоминание иезуитской пекарни в Полоцком иезуитском коллегиуме относится к Инвентарю Полоцкого иезуитского коллегиума 1807 г.: «в 4-й (комнате) пекут хлеб, имеется два окна, дверь с замком, печь с двумя котельниками на воду вмурованными» [2, с. 78–79]. Из данного отрывка остаётся неясным, где именно располагалось это помещение в нынешнем корпусе «В». Учитывая, что хлеб и квас можно было делать на месте, используя для напитка неудавшуюся выпечку, оба эти производства находились в одном помещении [1, с. 38].

Согласно плану первого этажа коллегиума 1828 г. пекарня-квасная располагалась в юго-западном углу центральной части корпуса (сейчас там находятся гардероб и вахта). Это было обширное сводчатое помещение с квадратным столбом в центре, на котором держался крестовый свод. Два окна были сосредоточены в юго-западном углу помещения, два дальних проёма были заложены: они показаны в виде заложённых ниш. Из коридора и соседнего помещения вели двери. Пекарская печь занимала четверть помещения и была спрятана за столбом, к которому примыкала небольшая Г-образная печка. Ближе к печи располагалась небольшая ниша, в которой мог храниться печной инвентарь [3, с. 13, прил. 5].

В бытность кадетского корпуса (до модернизации ансамбля в 1910 – 1914 гг.) на месте пекарской печи было устроено две небольшие печи, одна – с вмурованным котлом. В помещении было три окна (третье было расчищено в южной стене), оба входа сохранялись. Ниша для печного инвентаря была замурована [13, с. 18–19, прил. 7] (рисунки 1–3).

Архитектурно-археологические исследования помещения дали ряд уникальных материалов по его оборудованию, конструктивным особенностям и интерьеру. На основе выявленных в помещении пекарни элементов конструкций и интерьеров, собранных в зданиях коллегиума образцов посуды и бытовых предметов нами предложена реконструкция интерьера и оборудования пекарни (рисунок 3, 4).

Первоначально помещение не имело выхода в главный коридор. Он был прорублен при пиарах в северной стене помещения. В данной стене изначально имелось две глубокие ниши. Там, где ныне один из входов в гардероб, у самой пекарской печи располагалась высокая арочная ниша 5, чертания которой были полностью утрачены при пробивке в советское время проёма и дальнейших его неоднократных растёсках (см. рисунок 3). В этой нише хранился печной инвентарь: лопаты, кочерги, крючья для выгаскивания поддонов, специальные метлы и совки для выгребания жара и расчистки места под выкладку хлебобулочных изделий. Вторая ниша 4 (см. рисунок 3), более широкая, располагалась на месте нынешней вахты в гардеробе. Там хранилась посуда: в нижней части – кадушки для теста и муки, вёдра для воды, на полах, в верхней части стояли горшки с сухими ингредиентами и стеклянные сосуды (бутылки, штофы, стеклянные корчаги(?)) и оплетённые лозой кувшины с маслами, настойками и прочими жидкими ингредиентами.

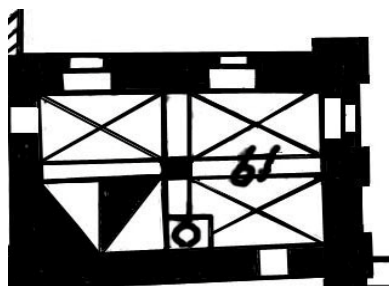
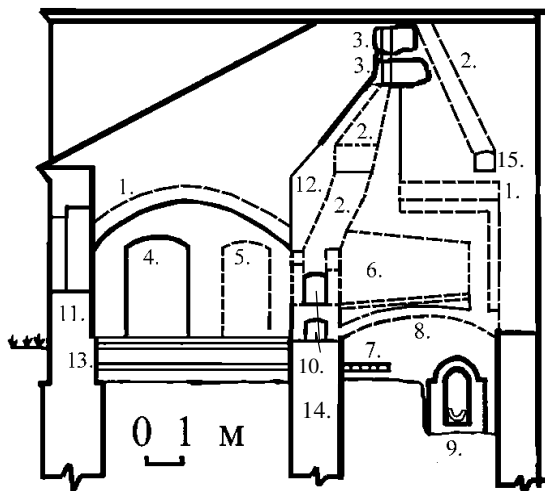

Рисунок 1. – План иезуитской пекарни-квасоварни до модернизации 1910 – 1914 гг.

Рисунок 2. – Большая ниша для посуды, замурованная пиарами

Далее размещалась огромная пекарская печь, передняя часть которой возводилась одновременно со строительством здания. Она занимала четверть помещения (см. рисунок 3) [2, с. 78–79].

- 1. – своды; 2. – дымоход; 3. – кладки для основания пекарской трубы; 4. – ниша с полками для посуды и кухонной утвари; 5. – ниша для печного инвентаря; 6. – топка пекарской печи; 7. – кирпичное мощение подполья; 8. – свод, на котором выкладывался наклонный под печи; 9. – дренажно-канализационный тоннель для вывода стоков из пекарни; 10. – остатки ниш на уровне подпечья и предпечья; 11. – западная стена пекарни с окном; 12. – кирпичный шатёр – место выхода дымохода из предтопочной камеры в стену; 13. – первоначальный уровень пола и кирпичная отмостка под ним; 14. – фундамент печи; 15. – окошко для прочистки основного дымохода

Рисунок 3. – Реконструкция северной стены пекарни-квасоварни и пекарской печи

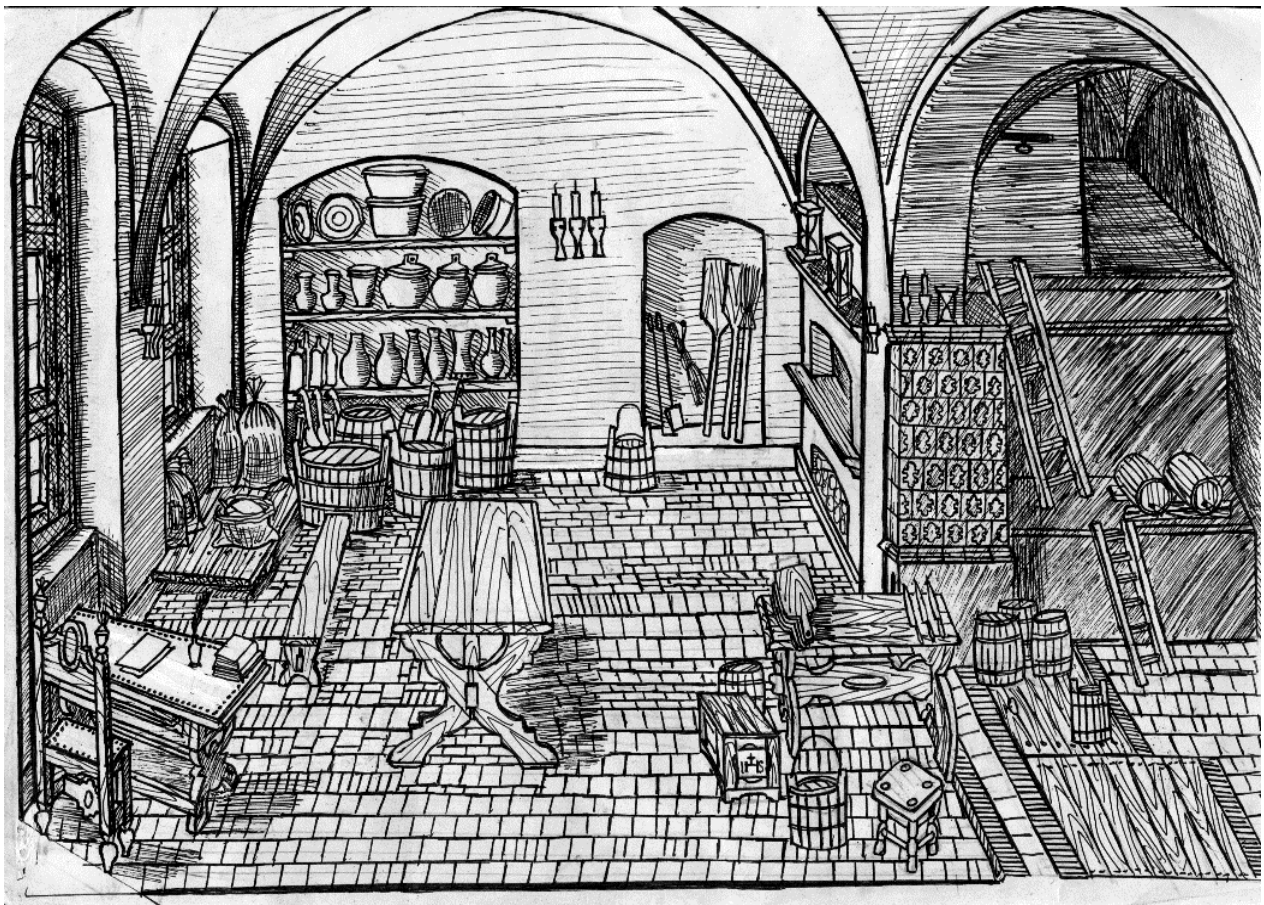

Рисунок 4. – Реконструкция интерьера северной части помещения пекарни-квасоварни (рисунок автора)

В помещение вела дверь только из соседней кельи, в восточной стене.

Шурфы в западной части помещения пекарни-квасоварни показали, что пол 13, устроенный на песчаной подушке, был частично плиточным и кирпичным (см. рисунки 3, 4). Со временем он сильно просел, маркером его первоначального уровня, возможно, являются выступы кирпичной кладки на стенах. Пол располагался на глубине около 0,2 м от выступа. Поверхность пола имела следы сильного нагара и копоти – признака большого пожара, уничтожившего пекарню, которую потом восстановили. Именно с этим может быть связано то, что в последней четверти XVIII в. поверх предыдущего был наслан ещё один пол(?), плитки и кирпичи которого не имели борозд [1, с. 38].

Первоначально в наружных стенах помещения были устроены 4 окна, по два в южной и западной стенах. Вполне возможно, что на месте окна в южной стене, расположенного напротив печи, находилась дверь во внутренний двор. Это позволяло бы ещё тёплый хлеб и только что приготовленный квас поставлять на кухню и в трапезную. В самом углу, между окнами смежных стен, мог располагаться уголок писаря, а в небольшом резном столике в виде пюпитра хранились необходимые книги (сборники рецептов, травники, учётные бумаги). Окна пекарни, как и в остальных помещениях коллегіума, имели деревянные створчатые рамы, заполнение которых представляло собой квадратные пластины зеленоватого прозрачного стекла, скреплённые свинцовыми переплётками. Двери помещения были «футраваными», т.е. плотницкой работы, когда на сплочённую гвоздями или шпонами основу по лицевой стороне набивались декоративные доски с профилированными углами и кромками. Возможно, они имели и деревянные косяки, где крепились крюки кованых завес. Данные завесы представляли собой полосы металла с кольцом для насадки на крюки и декоративно обработанным противоположным концом (см. рисунок 4) [4, с. 87–89].

Посреди пекарни перед устьем печи стоял большой широкий стол, где велась формовка хлебобулочных изделий. Судя по всему, он представлял собой конструкцию из широких или Х-образных боковых ножек, собранных на продольных связях, зажатых клиньями. Подобные столы часто назывались «монастырскими». Они пользовались широкой популярностью у горожан различных сословий благодаря своей простой и надёжной конструкции. Среди мебели для сидения здесь использовали табуреты или небольшие лавы, по конструкции аналогичные столам (см. рисунок 4) [5, с. 118–119].

Пол в восточной части помещения размещался на разных уровнях, о чем свидетельствует приямок, ведущий под арочный фундамент южной стены печи. Также это подтверждает выкладка из поставленного на кромку кирпича $7,0 \times 15,0 \times 30,0$ см, характерная для конструкции лестничных ступенек, порогов и подоконников. Данная кладка расположена на расстоянии $\approx 1,2$ м от пекарской печи, на глубине $0,5$ м от уровня современного пола. Этого было достаточно, чтобы устроить 2–4 ступеньки, ведущие вниз. Длина их ($\approx 1,2 - 1,3$ м) ограничивалась с западной стороны разгрузочной аркой, а с восточной – стенкой канализационного тоннеля, пересекавшего здание. Перед данной выкладкой до самой наружной стены здания имелось мощение половинками кирпича, над которым она выступала. С восточной стороны в приямок, вероятно, вела лестница, для выкладки которой в качестве основы использовали свод и стенки тоннеля. Отсутствие остатков лестницы в западной части приямка позволяет полагать, что там спуска не было и для прохода в пекарню обычно приямок перекрывали деревянной крышкой [1, с. 38]. Вполне возможно, что в верхней части тоннеля, над сливной трубой, из главного колодца была проложена и линия водопровода для бесперебойной подачи большого количества воды в пекарню-квасную (см. рисунок 4) [6, с. 27].

Как показали раскопки на месте печи, под ней был устроен небольшой склеп с кирпичным полом, лаз в который размещался под данной аркой. Шурф, врезанный на месте расположения пекарской печи, выявил сплошные забутовки разновременным кирпичом, которые пришлось разбирать послойно. На глубине $0,9$ м начинался суглинок, заполнявший котлован здания и покрытый сверху просевшей кирпичной вымосткой, прослеженной на глубине от $1,1$ до $1,35$ м. Восточная часть забутовки, где был тоннель, не разбиралась. Наши наблюдения показали, что под печью находился упомянутый склеп, мощёный кирпичом, через него проходил канализационный тоннель, куда из квасной выводились стоки. Высота тоннеля под аркой составляла $\approx 0,3$ м. Таким образом, пролезая под аркой, человек попадал в подпечье, которое представляло собой сводчатую камеру с кирпичным полом. Данный тоннель проходил поперёк всего здания, по нему можно было свободно пролезть во внутренний двор коллегіума, минуя все ворота и запоры. Свод частично сохранился и поныне, под коридором корпуса «В» [1, с. 36].

Сохранилась повреждённая ниша предпечья (рисунок 5), что позволяет полагать, что сама печь, частично или полностью, могла быть сооружена на известковом растворе. Данные архитектурные фрагменты относятся к предпечью пекарской печи, которое было возведено вместе со стенами пекарни. Близкое расположение опорного столба помещения позволяло перекрывать проёмы устья и топки перемычками либо в виде лучковой арки, либо прямыми клинчатыми. Столб и стена помещения принимали на себя их горизонтальный распор (см. рисунок 4). Это было крайне важно при устройстве перемычек обоих проёмов, поскольку позволяло производить одноразовую загрузку большого количества хлебобулочных изделий [2, с. 78–79].

Склеп под печью представлял собой камеру, свод которой был основой для наклонного пода. Его северная сторона была опорой для северной стены и свода топочной камеры. Топочная камера печи могла иметь площадь до $4-5$ м² и небольшое оконце над топочным проёмом для выхода дыма при растопке [2, с. 78–79].

Исследования чердака пекарни показали, что дымоход печи выходил в северную стену помещения. Над местом располагавшегося ранее предпечья были прослежены остатки дымохода в форме конического шатра, представляющие собой наклонные частично срубленные кладки из закопченного кирпича. Пекарская печь могла иметь и металлическую заслонку в трубе. Там же обнаружены остатки оконца $0,5 \times 0,6$ м для прочистки основного дымового канала 15 [2, с. 78–79] (см. рисунок 3).

Рисунок 5. – Фрагмент замурованной ниши предпечья пекарской печи

На плане 1828 г. у опорного столба была зафиксирована дополнительная небольшая Г-образная печь, примыкавшая к нему с южной и восточной сторон и соединявшаяся с пекарской печью возле предпечья. Опорой для неё частично служила разгрузочная арка между южной стеной пекарни и столбом. Южная часть печи в качестве опоры могла иметь деревянную или кирпичную конструкцию, в которой могла располагаться и топка с обращённым на запад небольшим устьем. Возможно также, что топочный проём данной печи, как и отверстие для выхода дыма, располагались в структуре кирпичного предпечья пекарской печи, у самого столба помещения (см. рисунок 4).

Само же сооружение, с учётом своих небольших размеров, было полностью сложено из изразцов, разновременные мелкие обломки которых обнаружены нами при раскопках в пекарне. Самые ранние из них были безрамочными, медальонными с многочисленными слоями побелок. Они относятся ко второй половине XVIII в., в комплекте с ними обычно применяли небольшие профильные карнизы. Более поздние образцы представлены обломками крупноформатных профилированных карнизов с зелёной эмалью, они относились уже к концу XVIII в., стеновые изделия того времени были уже гладкими. Переделка печи могла быть связана с пожаром в пекарне. Следы его прослежены в виде копоти на просевшем плиточном полу. Относительно внутренней конструкции печи можно полагать, что, кроме изразцов, применяли расколотые и целые пластины волнистой черепицы, кирпичом могли выложить только стену, соприкасающуюся со столбом помещения. Это было важно при устройстве перегородки, позволявшей более равномерно распределить жар по сооружению Г-образной формы [2, с. 78–79; 3, с. 13, прил. 5].

Более полное представление об устройстве иезуитской пекарской печи даёт проектный рисунок XVII в., сделанный Богуславом Радзивиллом. На нём представлен практически полный аналог, с той разницей, что изображённая печь предназначалась, по всей видимости, для деревянного здания и не встраивалась в его интерьер с учётом кирпичных столбов и стен, державших своды [7, с. 64].

Относительно квасоварни известно, что она располагалась ближе к столбу помещения и приямку для слива отходов. Там размещался небольшой стол, при нём – доски и ножи для нарезки отбракованного после выпечки хлеба, который готовили к квашению. Рядом, возле приямка, стояли бочки, вёдра, ушаты, кадушки. Не исключено, что сам приямок имел съёмное перекрытие в виде щитов. Южная его сторона могла использоваться в качестве небольшого sklepa, о чём говорит мощение из кусков кирпича, на котором ставились кадки с приготовленным тестом и бочки с заготовленным квасом для ускорения его брожения под воздействием жара от печей. Ближе к окнам южной стороны осуществлялся разлив напитков и раскладка хлебов, для чего были приготовлены большие корзины, чистое полотно, запас бутылок и кувшинов (см. рисунок 4).

Основными источниками света в помещении могли служить как пекарская печь во время протопки, так и поставленные на её карнизах свечи в глиняных высоких подсвечниках в виде бокалов, а также лампадки из зелёного стекла [8, с. 98]. Их могли ставить на карнизах печей и подоконниках пекарни. Разрозненные фрагменты подобных изделий найдены в различных корпусах и на территории коллегиума, они, как и обломки разнообразной деревянной и керамической посуды, стали основой для реконструкции интерьера помещения. Осветительные приборы могли крепить с помощью небольших металлических ухватов, забитых в стену, побеленная поверхность которой «работала» в качестве светоотражателя (см. рисунок 4).

Относительно подвесных застеклённых фонарей и настенных металлических светильников на несколько свечей ничего определенного сказать невозможно: деталей подобных изделий в коллегиуме найти не удалось. Наблюдения за сводами различных помещений здания не позволили выявить крючьев (или их следов) для подвесных фонарей или люстр на несколько свечей [5, с. 116–118]. Есть основание полагать, что применение подобных приборов было крайне редким и вряд ли имело место в пекарне. Там же, на печи, могли ставить и разнообразные песочные часы различных размеров, необходимые для контроля времени в процессе выпечки.

Ныне большинство первоначальных конструкций и элементов интерьера иезуитской пекарни уничтожены во время позднейших перестроек начала XX в.

Заключение. На основе архитектурных и археологических материалов, собранных в ходе изучения ансамбля коллегиума и помещения пекарни, нами были сделаны описание и графическая реконструкция его оборудования и интерьеров. Они сохраняли ещё ряд архаических черт, основанных на средневековых традициях. В частности, это проявлялось в конструкциях мебели (столов), использовании песочных часов (механические часы в то время были предметом роскоши). Вместе с тем, учитывая необходимость создания хорошо оборудованного помещения пекарни-квасоварни, уже на стадии проектирования и строительства корпуса «Старого» коллегиума была предусмотрена система дымоходов и отводящий стоки тоннель. Судя по выявленным нами перестройкам и артефактам, пекарня-квасоварня функционировала вплоть до закрытия Полоцкого иезуитского коллегиума в 1820 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёв, А.А., Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581 – 1914 гг.): Архитектурно-археологический очерк. / А.А. Соловьёв. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. – 97 с.
2. Соловьёв, А.А. Изразцы и печи полоцкого коллегиума (конец XVI – первая треть XIX в.): архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьёв. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2013. – 95 с.
3. Кукуня, О.Г. Объект: историко-культурная ценность иезуитский коллегиум в г. Полоцке. (Корп. «Б» и «В»). Историко-архивные и библиографические исследования / О.Г. Кукуня, В.Е. Соболев. – Минск., 2001. (Архив УП «Белинформреставрация»).
4. Сахута, Я.М. Беларускае народнае кавальства / Я.М. Сахута. – Мінск : Беларусь, 2015. – 174 с.

5. Бохан, Ю.М., Побит феадалаў Вялікага Княства Літоўскага XIV – XVIII стагодзя / Ю.М. Бохан, А.А. Скеп'ян. – Мінск : Беларусь, 2011. – 271 с.
6. Соловьёв, А.А., Подземные сооружения и благоустройство территории Иезуитского коллегіума в Полоцке XVIII – начале XIX вв. / А.А. Соловьёв // Актуальные проблемы архитектуры Белорусского Подвинья и сопредельных регионов : сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф. К 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 18–19 окт. 2018 г. / Полоц. гос. ун-т ; под общ. ред. В.Е. Овсейчика (отв. ред.), Г.И. Захаркиной, Р.М. Платоновой. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2018. – С. 22–32.
7. Габрусь, Т.В. Пазэзія архітэктурны / Т.В. Габрусь. – Мінск : Беларуская навука, 2012. – 279 с.
8. Соловьёв, А.А. Стекло и гута Полоцкого иезуитского коллегіума конца XVI – начала XIX вв. / А.А. Соловьёв // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. II Міжнар. навук. канф., Полацк, 17–18 красав. 2014 г. : у 2-х ч. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, С.А. Шыдлоўскага. – Наваполацк : ПДУ, 2014. – Ч. 1. – С. 89 – 102.

Поступила 13.05.2021

**RECONSTRUCTION OF THE ROOMS OF THE BAKERY AND KVASS BREWERY
OF THE JESUIT COLLEGE IN POLACK OF THE SECOND HALF
OF THE 18TH AND EARLY 19TH CENTURIES**

A. SALAUYOU

On the basis of field studies of the building, identified archaeological materials, written sources, it is proposed to reconstruct the interior and equipment of the premises of the kvass bakery in the Polotsk Jesuit Collegium. The features of its structures and spatial organization related to the specifics of the functional purpose of the room are revealed. Based on the proposed description, an author's reconstruction of the interior of the bakery-kvass factory of the Polotsk Jesuit Collegium was created.

Keywords: *interior reconstruction, Polotsk Jesuit Collegium, field studies, the history of everyday life.*

УДК 39 (476-22) (091)

ДЗЕЦІ І ПАДЛЕТКІ Ў ПРАЦОЎНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ ПАВАЕННАЙ ВЁСКІ¹

канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Аналізуецца роля і месца дзяцей і падлеткаў у працоўнай дзейнасці беларускай вёскі ў пасляваенны перыяд. У якасці крыніц выступілі архіўныя дакументы і матэрыялы вуснай гісторыі. У навуковы зварот упершыню ўведзены этнаграфічныя крыніцы, зафіксаваныя падчас палявых даследаванняў 2000-х гг. на тэрыторыі Беларускага Падзвіння.

Ключавыя словы: дзеці, пасляваеннае аднаўленне, сістэма жыццезабеспячэння, вёска, Беларускае Падзвінне.

Уводзіны. Перыяд пасляваеннага аднаўлення быў вельмі складаным часам для беларускай вёскі, калі сельскае насельніцтва імкнулася рэалізаваць увесь свой патэнцыял дзеля стварэння прымальных жыццёвых умоў для ўласнай сям’і. У паваяенны гады адбывалася інтэнсіўнае ўключэнне дзяцей і падлеткаў у гаспадарчую вытворчасць вёскі, што было абумоўлена неспрыяльным эканамічным становішчам і спецыфічнай дэмаграфічнай сітуацыяй, бо наступствы Вялікай Айчыннай Вайны (ВАВ) былі катастрафічнымі для Беларусі. Чалавечыя і матэрыяльныя страты, знішчэнне тысячы паселішчаў, скарачэнне пасяўных плошчаў, ураджайнасці адмоўна адбіліся на стане пасляваеннай вёскі. У вельмі складаных умовах апынуліся жыхары раёнаў, тэрыторыя якіх стала эпіцэнтрам карных экспедыцый акупантаў. Дзеці і падлеткі на роўні з дарослымі ва ўмовах разрухі і голада ўключаліся ў пасляваенныя вытворчыя працэсы. Успаміны вяскоўцаў фіксуюць, што роля дзяцей у будзённым жыцці вёскі была значнай: «Женщины восстанавливали и дети! Очень работали дети»². Паводле статыстычных даных у Віцебскай вобласці летам 1944 года каля 42% сельскага насельніцтва вобласці былі дзеці да 14 гадоў [1, с. 301].

Праблема вывучэння ролі і месца дзяцей у вытворчай дзейнасці паваяеннай вёскі разглядалася пераважна ў кантэксце асвятлення традыцый сямейнага выхавання [2; 3], дзе працоўнае выхаванне было базавым прынцыпам беларускай народнай педагогікі. Аднак прадметна дадзеная тэма не разглядалася.

У якасці крыніц выступілі архіўныя дакументы і матэрыялы вуснай гісторыі, зафіксаваныя падчас палявых экспедыцый Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта на тэрыторыі Беларускага Падзвіння.

Асноўная частка. Працоўнае выхаванне было базавым элементам народнай педагогікі. З ранніх гадоў дзеці рабіліся памочнікамі па гаспадарцы. Хлопчыкі былі арыентаваны на ўключэнне ў мужчынскі блок сельска-гаспадарчай працы (даглядалі коней, вучыліся кіраваць быкамі ў выпражы, вырабляць нескладаныя прылады працы), а дзяўчынкі – жаночай (дагляд за агародам і домам, кулінарныя навыкі, жаночыя рамёствы). М.В. Доўнар-Запольскі пісаў: “Дзеці з малых гадоў выконваюць тыя ці іншыя гаспадарчыя абавязкі, і чым сям’я меншая, тым раней падлетак з сялянскае сям’і знаёміцца з нялёгкай працай. З пяці гадоў дзіця даглядае сваіх маленькіх братоў і сясцёр, з 7-8 – ён ужо пастух, ідзе за возам, з 12 гадоў для хлопчыка пачынаюцца першыя практыкаванні ў земляробстве, ён зграбае сена, барануе, з пятнаццаці гадоў бярэцца за цэп, касу, а яшчэ гады праз два і за саху, так што к 20 гадам ён ужо хлебароб, які прайшоў усе акадэмічныя курсы сялянскай гаспадаркі. Дзяўчына да 16–17 гадоў ведае жаночыя работы” [4, с. 17]. Матэрыялы, якія назапашаны супрацоўнікамі Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта, утрымліваюць успаміны пра традыцыйны прывучэння да працы сялянскіх дзяцей як міжваеннага, так і пасляваеннага перыядаў, якія шмат у чым пераклікаюцца з рэчаіснасцю XIX – пач. XX ст. “Раньшэ з малых лет робіць застаўлялі: і палочь, і капачь, і на пасту ганяць. Усё-усё робілі. Чуць падрос, 15 – 16 гадоў, ужо за плугом ідзець. Старэйшыя глядзелі малых... Толькі так, толькі так. У нас было 10 гектараў, нада ж было сярпом зжаць і лён выдраць. Я сама да вайны паднімала, тады ж не было камбайнаў, а касілка такая косіць авёс, а мы, рабяты дашкольнага возраста, ходзім, падымаем гэты авёс, звязваем ў кулі, у снапкі такія, і ставім. Раньшэ робілі, ой робілі... Малацілі, і жалі, і касілі. І не хочыцца, і плачыш, падымуць цябе, і пойдзеш робіць” (Верхнядзвінскі р-н) [5, с. 255–256].

Даследчыкі, якія займаліся праблематыкай працоўнага выхавання, адзначалі, што інтэнсіўнасць працы падлеткаў цалкам залежала ад складу і эканамічнага дабрабыту сям’і. У крызісны час дзеці і падлеткі больш актыўна ўключаліся ў працоўную дзейнасць. Наратывы пра жыццё пасля вызвалення ад нацыстаў і перыяд аднаўлення сведчаць пра тое, што складаная пасляваенная рэчаіснасць характарызавалася інтэнсіфікацыяй удзелу дзяцей у гаспадарчай вытворчасці, а ўзроставыя і гендэрныя абмежаванні для выканання пэўных сельскагаспадарчых работ здымаліся. Ва ўмовах, калі значная доля мужчын загінула на вайне, падлеткі вымушаны былі выконваць работы, якія былі пад сілу толькі сталым мужчынам. “(Так, а вот тыя сем’і без бацькі астаўшыся, як спраўляліся з хазяйствам?) – Так і спраўляліся. Брату было дванаццаць гадоў, мне восем. Мы і сеялі самі, і пахалі самі (Міёрскі р-н) ³; “Калхоз стаў. Былі пасеяўшы на зіму азімыя, жыта ўсё ўбралі, азімыя гэтыя, змалацілі,

¹Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД-РФФД “Субкультура дзетства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века”, дамова № Г20Р-095.

² Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ) : Зап. у 2021 г. ад Немянёнак Ванды Міхайлаўны, 1936 г.н. (нар.в. Поташня Міёрскага р-на), в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на.

³ ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Шчарбіцкай Вольгі Паўлаўны, 1934 г.н., в. Парадні Міёрскага р-на.

а малацілі пранікам уручную, гэта ўсё змалацілі, сарціравалі, рукамі кідалі. Рукамі сеялі, зярно ляціць далейше, з рук цягалі на цапу тады. (– Пług тады на сабе цягалі?) – Да, на сабе пług цягалі (Расонскі р-н)⁴.

Падзеі Вав спрычыніліся да таго, што сярод сельскага насельніцтва Віцебскай вобласці на 1 жніўня 1944 г. жанчыны складалі 68% усіх жыхароў, пры гэтым перавага належала ўзроставай групе ад 16 да 55 гадоў (найбольш дзяездольная частка насельніцтва) [1, с. 301]. Жанчыны з дапамогай дзяцей вырашалі жыллёвую праблему, выкарыстоўваючы ўсе наяўныя рэсурсы, у тым ліку нарыхтоўвалі ў лесе бяргвенні і звозілі іх на каровах [2, с. 146]. Неабходна адзначыць, што згодна з архіўнымі звесткамі, напрыклад, у Полацкай вобласці без прытулку засталіся 34% сельскага насельніцтва, Віцебскай – 37,3% [6, л. 35]. Сітуацыю сучаснага спусташэння ўзгадае значная колькасць рэспандэнтаў у сваіх успамінах пра першыя пасляваенныя гады: “Прышлі з адступлення на сваю ўсадзьбу – усё згарэла было, толькі трубы гэты коменныя. З яловых лапак мамка будку здзелала нам, пасадзіла як сабачанят, шэсць дзяцей” (Бешанковіцкі р-н) [7, с. 220]. Іншы раз, дзеці, застаўшыся без бацькоў, самі майстравалі часовае жыллё: “А ў нас засталася баня, яна далейше была ад хаты. Баня была без крышы, травы нажалі, тады нямецкая землянка была і доскі. Мы нашлі цележку нямецкую з-пад арудый, разбітую, на той цележке прывалаклі тых дасочак. Ой, як цяжка было валачы па пяску” (Расонскі р-н)⁵.

У паваенныя гады дзяўчаты былі вымушаны выконваць, акрамя класічных жаночых абавязкаў па гаспадарцы, і мужчынскі блок сельскагаспадарчай працы. “(Ну вот па хазяйству памагалі вы радзіцелям?) – Ну, а як жа ж. (– Ну, а што вот дзеці робілі?) – І сена касілі, і бульбу садзілі, гэта ж цяпер прыехала сажалка, бульбу пасадзіла, а патом выкапала, а тады ж нада было пług, ну і сабіралі. А малацілі, калхоз патом ўжо нейкі камбайн быў, а первае врэмя ж жалі жыта, а снапы гэтыя білі, а то слаі на які ток, ці доскі нейкія і цапамі білі (Глубоцкі р-н)⁶; “Мы садзілі бульбу, я была ў плугу за каня... утрайх цягнулі пług. ...а вечар, сонца зайшло і бягом бяжам, каждая пасадзіць агарод сабе і бабам старым” (Верхнядзвінскі р-н)⁷.

Палявыя даследаванні фіксуюць успаміны пра тое, як дзяўчынкі ўключаліся ў працоўную дзейнасць. Звычайна сюжэты звязаны з традыцыйнай дапамогай па хатняй гаспадарцы: (– Ну, а вот калі Вы малая яшчэ былі, як вот маме памагалі па хазяйству?) – Ну, што магла, у гародзе палала, курэй пасвіла, курэй жа ўжо сваіх садзілі ўжо после, як з вайны сталі зажывацца, і да вайны, пакуль вайна была і карова, і куры былі і ахрап нада было збіраць ўсё. (Ну, а ў колькі гадоў ужо даць навучыліся карову?) – Аа, ну, малая была, навучылася карову даць, цяжка... (–Ну, прымерна, гадоў сем-дзесяць, колькі?) – Гадоў восем было, я ўжо даіла. (Гадоў восем? Вы ўжо ўмелі даць?) – Да. (Ушацкі р-н)⁸; (– А ў колькі гадоў Вы карову навучыліся даць?) – Ай, мы ячміз з мамай жылі. Мама ж удавай была. А усюды нада было. На мельніцу паездзіць, ці воўну часаць куды-небудзь паедзе, прасі саседку. Я заранне даіла кароў. Я гарытная. Я малая і каня вадзіла, я і бульбу ганяла. Дзе ты напросііся? Я з малку памагала. Усё памагала. (– Што робілі па хазяйству?) – І па хазяйству, і кароў даіла, ахрап’е сабірала, траву (Міёрскі р-н)⁹.

Неабходна адзначыць, што нягледзячы на тое, што полаўзроставаыя абмежаванні для выканання пэўных сельскагаспадарчых работ у пасляваенны час размываліся, кожная ўзроставаыя група выконвала пэўныя абавязкі ў іх класічнай варыяцыі. Рэспандэнты, якія нарадзіліся перад самай вайной ці ў яе пачатку, чыё дзяцінства прыпадае на першыя паваенныя гады, звычайна ўзгадвалі, што малымі яны пасвілі хатнюю жывёлу і птушак. Гэта была адказная праца, бо насенне, каб пасеяць прысядзібны ўчастак, даставалася вельмі цяжка, асабліва ў першыя гады пасля вызвалення. Распаўсюджанымі з’яўляюцца сюжэты пра вартаванне цыплят, якія не павінны былі пашкодзіць усходы: “– Усё, прынеслі два цыплятка, а тут пасеялі. А гэта ж цэннасць, есць нада! А цыплят трэба пасіць, каб ні сюды не лезлі і каб нідзе ні дзеліся. З тый стараны дзеці былі малыя і з гэтай. Вот нам прыказвала пасіць, каб нідзе не дзеліся. ...Там жэнішчана адна, муж пагіб на вайне, трое дзяцей. Тая палку ў рукі і палкай. І ніхто не разбіраўся. Слухай, што табе кажуць.” (Ушацкі р-н)¹⁰. Звычайна пасвіць птушак ці дробную хатнюю жывёлу прыходзілася малым дзеткам. Больш старэйшыя пасвілі кароў. Калі атрымоўвалася, то яны сумішчалі навучанне ў школе з працоўнай дзейнасцю, калі не, то перавага аддавалася выкананню абавязкаў па гаспадарцы. “(А вось як канікулы, што вы на канікулах рабілі?) – Ой, канікулы, у школу ходзіш, тады нада пасіць кароў, не нада ў школу, нада на пасту кароў пасіць, карміць няма чым, вон, кароў пасеш. (– А кароў сваіх пасцілі ці можа ўсіх дзевянаціх?) – Сваіх, вон, дзярэўна зганяла, у гэту самую, у адно месца звадзілі і пасцілі, гэта ўжо ўсе пака вывадуць, а вот як з самай вясны, бывала, пагонім кароў, можа две-тры, штось нам было, пагонем, пасём, яны ядуць сухую траву летаінею (Глубоцкі р-н)¹¹. Дзеці і падлеткі прымалі ўдзел у талоках, якія збіраліся для вывазу гною на палі пад азімае жыта.

Вяскоўцы, узгадваючы пасляваенныя гады, адзначалі, што асабістая гаспадарка дазваляла дасягнуць пэўнай ступені гаспадарчай аўтаномнасці. Яна забяспечвала прадуктамі харчавання, сыравінай, адзеннем. Распаўсюджанымі сюжэтамі ва ўспамінах пра пасляваенную рэчаіснасць з’яўляюцца тэмы, звязаныя з хатнім ткацтвам і падрыхтоўчымі да яго работамі, напрыклад, з апрацоўкай сыравіны. Выкарыстанне даматканай вопраткі прадвызначала ўдзел дзяўчынак у працэсе яе стварэння. Улічваючы той факт, што пераважная большасць рэспандэнтаў –

⁴ФА ПДУ : Зап. у 2018 г. ад Кандацьева Франца Францавіча, 1928 г.н, в. Янкавічы Расонскага р-на.

⁵ФА ПДУ : Зап. у 2019 г. ад Анцын Ефрасінні Антонаўны, 1927 г.н., в. Горспля Расонскага р-на.

⁶ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Тумчонак Монікі Антонаўны, 1939 г.н., в. Празарокі Глубоцкага р-на.

⁷ФА ПДУ : Зап. у 2018 г. ад Снежын Станіслава Грыгор’еўны, 1923 г.н., в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на.

⁸ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Жаваранак Клаўдзіі Сцяпанаўны, 1931 г.н., в. Лажані Ушацкага р-на.

⁹ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Жахоўскай Ніны Іванаўны, 1941 г.н., в. Парадні Міёрскага р-на.

¹⁰ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Брэль Валянціны Іосіфаўны, 1940 г.н., в. Двор Зерчаніцы Ушацкага р-на.

¹¹ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Шаўко Вікторыі Адольфаўна, 1935 г.н., в. Празарокі Глубоцкага р-на.

жанчыны, то вельмі часта ўзгадваліся гісторыі, як яны, будучы падлеткамі, ткалі па вечарах на кроснах: “– А на кросны ткаць, гэта ўжо пасля вайны. Да, да вайны прасці я прала. (– Да вайны ўжо пралі?) – Прала. (– А колькі Вам гадкоў было?) – Восем гадоў было. На калаўроты, на верацяно прала. Верацяно нада ж было рукой круціць яго і тут цягнуць гэту кудзельню... (– Ужо пасля вайны кросны навучыліся?) – Да, пасле вайны ўжо на кроснах. (– А ці многа за восень трэба было напасці, ці многа лёну было?) – Многа лёну, многа, многа напрандалі, бальшыя палотны, трубка ткалі. Кружывы вязала, вышывала. (Ушацкі р-н)¹². Некаторыя рэспандэнты ўзгадвалі, што ткалі з дванаццаці гадоў: “Ткалі. Усё саматканнае насілі. (– А хто? Мама ткала?) – Мама ткала. І я, ўжо можа год дванаццаці, і я ткала. Але мала я ткала, я зямлю абрабатвала” (Мёрскі р-н)¹³.

Калі казаць пра размеркаванне абавязкаў, то ў пасляваенны перыяд істотнай крыніцай жыццезабеспячэння было збіральніцтва і рыбалоўства. Зборам займаліся пераважна дзеці рознага ўзросту, дарослыя займаліся гэтым у меншай ступені, бо былі занятыя ці ў калгасе, ці ў сваёй гаспадарцы. Прадукты збіральніцтва ўключаліся ў паўсядзённы рацыён, а таксама былі крыніцай заробку. Ягады і грыбы падлеткі нярэдка прадавалі на базарах ці здавалі ў краму (ці нарыхтоўчы пункт), каб набыць неабходныя рэчы. Іншы раз, дзеці прыбегалі да махінацый, каб атрымаць большы прыбытак. “Здавалі лазу, гэтаму Пілімону здавалі. Лазу ён прымаў. Крушыну гэту. (– А крушыну што? Кару?) – Кару крушыны. А крушына даражэй была як лаза. Ну здавалі, нешта робілі з яе. Мусіць краску нейкую выраблялі. (– А колькі стоіла, не помніце?) – Не помню. Мусіць кілаграм – рубль. А гэта, дзешавей, лаза. (– А хто здаваў гэту крушыну і лазу? Можа дзеці ці ...?) – Дзеці, дзеці здавалі. Некаторыя дажэ камяні ці кірпічы ўвязвалі, каб цежалей было. Каб болей грошай. Мой Талік казаў – і я, кажыць, два разы ўвязваў. Да ўсе былі кусты падраныя (Ушацкі р-н)¹⁴.

Спецыфіка дадзенага перыяду заключалася ў тым, што ва ўмовах моцнай паваяеннай дыспрапорцыі полаўзроставай структуры, на плечы жанчын лягло аднаўленне і калгаснай гаспадаркі, дзе зніжэнне механізацыі працы прывяло да павелічэння агульнай працоўнай нагрукі на кожнага працаздольнага. Напрыклад, у 1946 г. ў параўнанні з перадваенным перыядам нагрукка ўзрасла ў 1,7 раза [8, с. 23]. Вельмі складаным перыядам быў першы год пасля вызвалення, калі працоўны дзень для калгаснікаў вызначаўся наступным чынам: “Устанавіць рабочы дзень в колхозах с восходом солнца и окончание с заходом солнца” [9, л. 13]. Таму нагрукка на дзяцей па хатняй гаспадарцы была значна большай у параўнанні з даваенным перыядам. Матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць, што звычайнай практыкай стала дапамога маці падчас яе працы ў калгасе, дзе амаль усе работы прыходзілася выконваць сваімі рукамі ў надзвычай складаных умовах. “Мама работала – кароў даіла (15 у калхозе), а нада было ўбраць з-пад кароў, падаіць уручную, а еслі цялёнак ацяліўшыся – нада напайць, з’ездзіць кіламетраў за 15 за кормам. Вот мяне малой была ўзяўшы вясной, мы едзе. Нагрузілі. Я таптала, а яна грузіла корм гнілы: на вуліцы ж быў усю зіму. ..Тады кароў падоіць, прыбегайць нас будзіць: два браты ў мяне было – іх – цялят пасціць, бяжыць тады карміць калхозных курэй, гусей, свінней. На каромысле нясець два вядры, карміць. Тады прыбегайць, будзіць нас, дзяўчат. А свінней як інцярэсна пасціць было! Іх нельзя было ні біць, нічога. А яны не панімали, што нада слухацца” (Верхнядзвінскага р-на)¹⁵.

Палявыя матэрыялы сведчаць пра тое, што ў даваенны і пасляваенны перыяд падлеткі іншы раз падмянялі маці на калгаснай працы: “А я ў школу хадзіў, са школы прыйдзе буханак у рукі і ў поле к матке, а матка ідзе дамоў дзелае” (Расонскі р-н)¹⁶. Пасляваенныя падлеткі былі ўключаны і ў калгасную вытворчасць. У першы год пасля вызвалення ў некаторых калгасах рашэннем выканкама вучні, пачынаючы з шостага класа, разам з настаўнікамі, былі мабілізаваны на ўборку ўраджаю [10, л. 2]. У асобных калгасах кожнаму вучню трэба было апрацаваць у калгасе не менш 50 працадзён, а потым па выніках працы, у канцы года, яны маглі трымаць пуд зерня і 2 – 3 вазы саломы [2, с. 44]. Аднак, з большага, у першыя паваяенныя гады, калгасы, асабліва ў найбольш разбураных раёнах, не маглі забяспечыць працадні хлебам. Напрыклад, кіраўніцтва Асвейскага раёна ў пачатку 1946 г. паведамляла, што насельніцтва знаходзіцца ў вельмі складаным становішчы, бо пасля таго, як калгас разлічыўся з дзяржпастаўкамі, толькі ў 5 калгасах былі выдадзены на працадзень ад 200 да 500 г зерня [11, л. 1]. Успаміны рэспандэнтаў і з іншых раёнаў падцвярджаюць цяжкасці з забеспячэннем працадзён. “Вот у школу ходзім, а як школу кончым, ідзём у калхоз памагаць. І сена гэна грабім, як скосюць, і сена варочаем, маладзья гэтыя, шпількі гэтыя, а ўсё роўна ідзём робіць. Нада ж дзе заробіць, а давалі што нам – гірсы дадуць, яны ж гэта пасеюць уражай, а тамачка нічога добрага ня вырасцець. Дома ж ані хіміі, нічога не было, каб атравіць там ці што, каб добрае вырасла. Вот дадуць на трудадні, трудадні тады былі, і нічога” (Лепельскі р-н) [5, с. 259].

Неабходна адзначыць, што неспрыяльныя ўмовы і цяжкае становішча сям’і прыводзілі да таго, што падлеткі вымушаны былі прыпыніць навучанне і ісці працаваць. “(– А колькі Вы классов закончылі?) – Чатыры. (– Четыре? А потым, сразу в колхоз работать пошли?) – Да. Зразу ў калхоз пайшла работаць. Закончыла чатыры класы і пайшла. (– А какую Вы работу выполняли?) – Обичую. У брыгадзе былі. І касіць хадзіла, навучылася, і грабіць і грузіць сена. Гэта самае, лен ірвалі, аббівалі...” (Ушацкі р-н)¹⁷; “– Ну, тады ж цяжолыя пасляваенныя гады былі, бацька мой ... яго ўбілі і засталіся мы ў траіх. Гэта цяпер дзеці ў школу ходзюць, а мы ўжо кароў пасцілі, гадоў у трынаццаць я ўжо ў калхоз пайшла, пяць класаў толькі кончыла, хадзілі і мальчыкі, і дэвачкі ў калхоз лен рвалі, тады ж усё ўручную было,

¹²ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Жаваранак Клаўдзіі Сцяпанаўны, 1931 г.н., в. Лажані Ушацкага р-на.

¹³ФА ПДУ : Зап. у 2019 г. ад Шук Зоі Мікалаеўна, 1930 г. н. (нар. у в. Чурылава), в. Пуцінава Міёрскага р-на.

¹⁴ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Жаваранак Клаўдзіі Сцяпанаўны, 1931 г.н. в. Лажані Ушацкага р-на.

¹⁵ФА ПДУ : Зап. ад Мядзель Марыі Васілеўны, 1927 г. н., (нар. у в. Аляксееўцы), в. Дзёрнавічы Верхнядзвінскага р-на.

¹⁶ФА ПДУ : Зап. у 2018 г. ад Кандрацьева Франца Францавіча, 1928 г.н, в. Янкавічы Расонскага р-на.

¹⁷ФА ПДУ : Зап. у 2020 г. ад Жаваранак Клаўдзіі Сцяпанаўны, 1931 г.н., в. Лажані Ушацкага р-на.

цяжка было, дужа цяжка” (Міёрскі р-н)¹⁸. Асабліва гэта закранула старэйшых дзяцей у сям’і. Напрыклад, Станіслава Грыгор’еўна (в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на), ўзгадвала, што яна вымушана была пайсці працаваць у калгас і не працягваць навучанне, бо трэба было дапамагачь, у той жа час яе малодшая сястра атрымала магчымасць атрымаць спецыяльна-прафесійную адукацыю і па-іншаму пабудаваць сваё жыццё.

Як адзначала Л.В. Ракава, выхаванне адносін да жыцця, навакольнага асяроддзя ішло праз працу і ў працы [2, с. 38]. З маленства ў вёсцы засвойваліся класічныя прынцыпы працоўнага выхавання і выходзілася разуменне, што не трэба цурацца ніякай працы: “Цяжолая жыццё, дзеткі, ого якая. Ну, але, Слава Богу, мы ўсі былі рабацяшчыя, очень рабацяшчыя. І дзеці нашы. Мама нас ўчыла ў дзетстве: не будзем работаць – есці ж нечага будзе. Мы маленькія – ўжо ўсё, капашыліся ў агародах і везде. Так што, такая жыццё” (Міёрскі р-н)¹⁹. Традыцыйны працоўнага выхавання сялянскіх дзяцей перадаваліся з пакалення ў пакаленне. “А дзеткі надрасталі. А яны ўсяго слухаліся. У школу хадзілі. Прыйдучь са школы, яны памагаюць. Усягда што-та дзелаюць, гэта ўжо субота. Старшыя ўбіраюць ўжо дзяўчаты. (– А ці памагалі старшыя младшым?) А тады ўжо сталі надрастаць, сталі канчаць 8 класаў. Іх застаўлялі работаць ў калхозе, месяц хадзіць, гэта як закон быў. Ну, вот яны ў калхозе, хто дома, хто на касцец. Хто што. Адною жа ніяк не можна. Хто за канём пойдзець, хто карову выганіць; хто прыгоніць, хто на пасце авец пасціць. Усім была работа” (Полацкі р-н.)²⁰.

Заклучэнне. Наратывы пра жыццё вясцоўцаў пасля вызвалення ад нацыстаў і перыяд пасляваеннага аднаўлення сведчаць пра тое, што складаная пасляваенная рэчаіснасць характаравалася інтэнсіфікацый удзелу дзяцей і падлеткаў у гаспадарчай вытворчасці, а паляўзроставыя абмежаванні для выканання пэўных сельскагаспадарчых работ пэўным чынам невеліраваліся. Улічваючы дэмаграфічны дысбаланс, у паваненныя гады дзяўчаты выконвалі, акрамя класічных жаночых абавязкаў па гаспадарцы, і мужчынскі блок сельскагаспадарчай працы.

Матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць, што звычайнай практыкай стала дапамога маці падчас яе працы ў калгасе, а таксама падмена маці на калгаснай працы, каб даць ёй магчымасць выканаць нейкія работы на ўласнай сядзібе. Нагрузка на дзецей у паваненныя гады па хатняй гаспадарцы была значна большай у параўнанні з даваенным перыядам. Акрамя гэтага, пасляваенныя падлеткі былі ўключаны і ў калгасную вытворчасць.

ЛІТАРАТУРА

1. Николаева, И.В. Социально-демографические процессы на территории Витебщины после освобождения от нацистской оккупации (1944-1945 гг.) / И.В. Николаева // Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXI(68) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11-12 февр. 2016 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – Т. 1. – С. 301–302.
2. Ракава, Л.В. Традыцыйны сямейнага выхавання ў беларускай вёсцы / Л.В. Ракава. – Мінск : Ураджай, 2000. – 111 с.
3. Арлова, Г.П. Беларуская народная педагогіка / Г.П. Арлова. – Мінск : Народная асвета, 1993. – 120 с.
4. Довнар-Запольскі, М.В. Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии / Д.В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. – Т. 1. – Киев : А.П. Сапунов, 1909. – С. 5 – 60.
5. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – 368 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4-п. Воп. 29. Спр. 267.
7. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора : Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н.В. Большаковой. – Псков : ЛОГОС, 2016. – 332 с.
8. Вербицкая, О.М. Российское крестьянство : от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х начало 60-х годов / О.М. Вербицкая. – М. : Наука, 1992. – 224 с.
9. Занальны дзяржаўны архіў горада Полацка (далее – ЗДА г. Полоцка). – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 2.
10. ЗДА г. Полоцка. – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 4.
11. ЗДА г. Полоцка. – Ф. 143. Воп. 2. Спр. 25.

Паступіў 09.07.2021

THE CHILDREN AND ADOLESCENTS IN THE LABOR ACTIVITY OF THE BELARUSIAN POST-WAR VILLAGE

A. SUMKO

The article analyzes the role and place of children and adolescents in the labor activity of the Belarusian village in the post-war period. The sources were archival documents and oral history materials. For the first time, the ethnographic sources recorded during field research in the 2000s on the territory of the Belarusian Podvinye were introduced into scientific use.

Keywords: children, post-war reconstruction, life support system, village, Belarusian Podvinye.

¹⁸ФА ПДУ : Зап. у 2019 г. ад Гваздоўскай Лідзіі Фёдараўны, 1940 г.н., в. Цвечіна, Міёрскі р-н.

¹⁹ФА ПДУ : Зап. у 2019 г. ад Мыслівец Тамары Пятроўны, 1934 г.н. (нар.в. Кадушкіна), г. Дзісна.

²⁰ФА ПДУ : Зап. у 2002 г. ад Мачульскай Галіны Міхайлаўны, 1932 г.н., в. Фёдарава Полацкага р-на.

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«14/18»

**ВЫВУЧЭННЕ ПОЗНЕСЯРЭДНЕВЯКОВЫХ ПАХАВАЛЬНЫХ ПОМНІКАЎ
БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ Ё СЯРЭДЗІНЕ 40-х – СЯРЭДЗІНЕ 60-х гг. XIX ст.¹**

*канд. гіст. навук В.У. ЧАРАЎКО
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

У канцы XVIII – сярэдзіне 60-х гг. XIX стагоддзя на Беларусі былі зроблены першыя крокі ў вывучэнні археалагічных помнікаў. Яны ўвасобіліся ў зборы інфармацыі аб помніках, іх апісанні, невялікіх раскопках, публікацыі матэрыялаў даследаванняў і іх інтэрпрэтацыі. Збор інфармацыі не насіў сістэмнага і масавага характару і ажыццяўляўся сіламі даследчыкаў-аматараў: Канстанціна і Яўстафія Тышкевічаў, Ксенафонта Гаворскага і іншых. Вывучэнне старажытнасцей можа разглядацца як уласцівая інтэлектуалам XIX ст. форма баўлення часу. У ліку выяўленых, апісаных і раскапаных у гэты час аб'ектаў былі асобныя познесярэдневяковыя пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння.

Ключавыя словы: Беларускае Падзвінне, археалагічныя даследаванні, познесярэдневяковыя пахавальныя помнікі.

Уводзіны. Вывучэнне пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. трэба разглядаць у кантэксце агульнага развіцця археалагічных ведаў на Беларусі. Задоўга да пачатку навуковых даследаванняў асобныя катэгорыі помнікаў археалогіі былі вядомы мясцоваму насельніцтву як элементы ландшафту. Найбольш прыкметныя з іх маглі выкарыстоўвацца ў якасці арыенціраў на мясцовасці. Пануючы ў дапісьмовым грамадстве фальклорны механізм захавання і перадачы інфармацыі дазваляў мемарыялізаваць экстраардынарныя і крытычныя для вясковай грамады падзеі пры дапамозе прыродных і антрапагенных элементаў ландшафту, якім надаваўся дадатковы сімвалічны статус. У якасці такіх элементаў ландшафту прысутнічалі і познесярэдневяковыя пахавальныя помнікі. «Народная археалогія» – спецыфічная інтэрпрэтацыя археалагічных помнікаў мясцовым насельніцтвам – стала першым этапам асэнсавання познесярэдневяковых пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння [1, с. 91, 94].

У канцы XVIII – сярэдзіне 60-х гг. XIX стагоддзя на Беларусі былі зроблены першыя крокі ў напрамку ўласна вывучэння помнікаў археалогіі. Яны ўвасобіліся ў зборы інфармацыі аб помніках, іх апісанні, невялікіх раскопках, публікацыі матэрыялаў даследаванняў і іх інтэрпрэтацыі. Збор інфармацыі не насіў сістэмнага і масавага характару і ажыццяўляўся сіламі даследчыкаў-аматараў: З. Даленга-Хадакоўскага, Я.Ф. Канкрына, П.І. Кёпена і іншых энтузіястаў. Камунікацыя паміж даследчыкамі адбывалася шляхам асабістага ліставання і не была абавязковай. Вывучэнне старажытнасцей можа разглядацца як уласцівая інтэлектуалам пачатку XIX ст. форма баўлення часу. У ліку выяўленых, апісаных і раскапаных у гэты час аб'ектаў былі асобныя познесярэдневяковыя пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння [2, с. 144; 3, с. 550–551]. Далейшае развіццё археалагічных ведаў патрабавала больш дасканалых форм камунікацыі даследчыкаў.

Асноўная частка. У 1846 г. у неафіцыйнай частцы «Віленскіх губернскіх ведамасцей» было надрукавана «Кіраўніцтва да пошуку старажытнасцей у Заходняй Русі» [4, с. 150; 5; 6; 7]. Чытачам тлумачылася, што некаторыя расійскія і замежныя таварыствы аматараў старажытнасцей (у прыватнасці, у Адэсе і Капенгагене) распрацавалі адмысловыя правілы і настаўленні. Пры дапамозе іх прыватныя асобы маглі садзейнічаць пошуку, даследаванню і захаванню старажытнасцей. Прымаючы пад увагу малую вядомасць тых настаўленняў, увазе чытачоў быў прапанаваны іх варыянт, адаптаваны да мясцовых умоў. Першымі ў пераліку катэгорый помнікаў ішлі «валы або земляныя насыпы, магілы і курганы» [5, с. 133]. На другім месцы згадваўся рэшткі будынкаў, пабудов, мастоў, грабніц, манументаў, сярод якіх асобна вылучаліся надмагільныя камяні [5, с. 133; 6, с. 141]. Пры гэтым тэрмін «магілы» выкарыстоўваўся ў «Кіраўніцтве...» ў значэнні «курганы», а тэрмін «могілкі» ўжываўся і ў дачыненні да курганных груп. Паведамлялася, што «магілы» мясцовыя жыхары могуць называць шведскімі, татарскімі і г.д. [5, с. 134; 6, с. 140–141].

У «Кіраўніцтве...» сустракаюцца звесткі, якія мелі або маглі мець дачыненне да познесярэдневяковых пахаванняў. Напрыклад, паведамляецца, што на гарадзішчах у больш познія часы ўзніклі цэрквы і могілкі, што на найбольш позніх «магілах» (у значэнні «курганах») знаходзяцца крыжы і што ў найбольш позніх «магілах» з каменнымі крыжамі «менш ужо адкрыццяў чакаць трэба» [5, с. 133]. Трэба меркаваць, што размова ідзе аб познесярэдневяковых пахаваннях, упушчаных у курганныя насыпы больш ранняга перыяду. «Кіраўніцтва...» прадпісвала акуратна разбіраць каменныя канструкцыі, уважліва фіксаваць палажэнне касцяка і знаходак, асцярожна вымаць артэфакты, а надпісы і малюнкi на каменных надмагіллях перапісваць і замалёўваць, нічога не скажаючы і не прыбаўляючы [6, с. 140; 7, с. 150].

¹ Арткул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства»).

«Віленскія губернскае ведамасці» не падаюць звестак аб складальніку «Кіраўніцтва...». Цесныя сувязі з даследчыцай суполкай у Капенгагене меў Яўстафій Тышкевіч [8, с. 52; 9, с. 14–15]. Рэкамендуемая метадыка даследавання курганных насыпаў блізка да ранняй метадыкі Канстанціна Тышкевіча, апісанай ім у кнізе «Аб курганах у Літве і Заходняй Русі» (1865, 2-е выданне — 1868) [8, с. 53; 6, с. 140; 10, с. 15; 11, с. 28]. Складальнік «Кіраўніцтва...» ў асобную групу вылучыў «магілы»-насыпы, на якіх нібыта калісьці знаходзіліся стражнікі-вайскоўцы [6, с. 141]. Аб асаблівых вартавых курганах у згаданай кнізе пісаў і К. Тышкевіч [11, с. 14–15]. Прымаючы пад увагу невялікую на момант публікацыі колькасць кваліфікаваных даследчыкаў на беларускіх землях, трэба меркаваць, што складальнікам «Кіраўніцтва да пошуку старажытнасцей у Заходняй Русі» быў адзін з братоў Тышкевічаў.

Канстанцін і Яўстафій Тышкевічы ў 1830-х – 1840-х гг. заклалі на беларускіх землях асновы навуковай археалогіі. Канстанцін Тышкевіч (1806–1868) праводзіў раскопкі курганоў і гарадзішчаў, Яўстафій Тышкевіч (1814–1873) сканцэнтраваным сваю ўвагу на курганах [12, с. 57–59]. Я. Тышкевіч прывёў звесткі аб могільніку з каменнымі надмагіллямі і каменным крыжам, які размяшчаўся каля в. Вітунічы Докшыцкага раёна [13, с. 38]. У «Апісанні Барысаўскага павету» (1847) ён адзначаў, што недалёка ад радавога маёнтка графоў Тышкевічаў у поле на схіле горкі стаяў каменны крыж, які называлі Каралеўскім каменем і звязвалі з імем Стэфана Баторыя. Яго вышыня складала 2 локці 18 цаляў, або дзюймаў (каля 1,5 м), даўжыня перакладзіны — 1 локаць 16 цаляў (каля 1 м) [14, с. 52]. Па абодва бакі перакладзіны выбіты 2 крыжыкі, а ў цэнтры крыжа змешчана выява вершніка з мячом у правай і шчытом – у левай руцэ. Над вершнікам змешчана выява кароны, пад ім – літары R(ex) S(terphanus) B(atogeus), а яшчэ ніжэй – выявы двух акружнасцей, меншая ўнутры большай. Крыж знаходзіўся «ў далінцы, выкладзенай камянямі» [14, с. 52].

К. Тышкевіч у згаданай працы «Аб курганах» асобны пункт прысвяціў жальнікам. Ён высока ацаніў унёсак З. Даленга-Хадакоўскага ў справу вывучэння старажытнасцей, але не пагадзіўся з нястрогім выкарыстаннем гэтага тэрміну З. Даленга-Хадакоўскім, які непаслядоўна называў жальнікамі то старыя пахаванні ўвогуле, то выяўленыя ў іх урны з рэшткамі трупаспаўненняў. Жальнікам, паводле К. Тышкевіча, трэба лічыць пахаванне ў магільнай яме, над якой маецца валунная абкладка ў выглядзе падоўжанага кола, а ў галавах пастаўлены вялікі камень. Пры гэтым цела памерлага не суправаджаюць упрыгажэнні і асабістыя рэчы [10, с. 137–138; 11, с. 273]. Жальнікі даследчык залічыў да асобнага тыпу дахрысціянскіх пахавальных помнікаў. На яго думку, яны з’явіліся пазней за курганы ў выніку развіцця грамадства [11, с. 274–275]. К. Тышкевіч адзначаў, што існуюць могільнікі, дзе частка пахаванняў прадстаўлена курганамі, а другая – жальнікамі, што ўказвае на развіццё грамадства і пахавальных традыцый [11, с. 274–275].

Браты Тышкевічы падтрымлівалі сувязі з многімі навуковымі аб’яднаннямі і друкавалі артыкулы аб сваіх даследаваннях. Так, Я. Тышкевіч з’яўляўся членам Каралеўскага Капенгагенскага таварыства паўночных антыкварыяў, Рыжскага таварыства даследчыкаў гісторыі і старажытнасцей, Таварыства аматараў прыродазнаўства пры Маскоўскім універсітэце, ганаровым членам Пецябургскай акадэміі навук, Стакгольмскай Каралеўскай акадэміі свабодных навук, гісторыі і старажытнасцей, Лонданскага археалагічнага інстытута, членам-карэспандэнтам Пецябургскага археалагічна-нумізматычнага таварыства [8, с. 52, 56; 15, с. 13; 16, с. 3]. Падобныя навуковыя таварыствы і іх выданні станавіліся цэнтрамі кансалідацыі вучоных [17, с. 191–192]. Такія кантакты спрыялі плённаму абмену вопытам.

Першыя палявыя даследаванні познесярэдневяковых пахаванняў на Беларускім Падзвінні правёў выкладчык Полацкай духоўнай семінарыі Ксенафонт Антонавіч Гаворскі (1811–1871), які супрацоўнічаў з Рускім археалагічным таварыствам у Пецябургу. У 1852 г. ён ажыццявіў 3 археалагічныя паездкі ў ваколіцы Полацка [18, с. 126]. Спачатку (7 чэрвеня) ён наведаў старыя грунтовыя могілкі каля маёнтка Стары Двор, што належаў памешчыку Феліксу Абрампальскаму і знаходзіўся на адлегласці 19 вёрст ад Полацка. На могілках было шмат камянёў; на некаторых захаваліся кірылічныя надпісы [18, с. 116–118]. К.А. Гаворскі аглядзеў стары могілнік пад назвай “Бабіна гара”, які размяшчаўся на пясчанай горцы недалёка ад ракі Вушачы каля маёнтка Рудня. Даследчык заўважыў на паверхні зямлі шматлікія чалавечыя косці і запланаваным больш дэтальнае абследаванне аб’екта [18, с. 116; 19, с. 99]. Тады ж К.А. Гаворскі атрымаў звесткі аб старых могілках каля маёнтка Банонія, якія размяшчаліся на пясчанай горцы каля рэчкі Вушачы, каля прыходскай царквы і дарогі на Полацк. Па інфармацыі памешчыка Аўгуста Чаховіча, на гэтых могілках пасля дажджоў сяляне знаходзілі сярэбраныя манеты [18, с. 119].

У ходзе другой паездкі (7–8 верасня 1852 г.) К.А. Гаворскі правёў археалагічныя разведкі і нават невялікія раскопкі познесярэдневяковых пахаванняў на трох могілках. Матэрыялы даследаванняў былі выданы ім у артыкуле «Археалагічныя пошукі ў ваколіцах г. Полацка» [19]. К.А. Гаворскі паведамляў, што каля в. Экімань знаходзіцца каменны крыж [19, с. 98]. Яшчэ адзін каменны крыж на момант агляду знаходзіўся ў маёнтку Бяздзедавічы, у агародзе, куды быў перанесены са «старажытных могілак» па распараджэнні памешчыка Ф. Абрампальскага. Гэты крыж ужо неаднаразова аглядалі сябры гуртка П.М. Румянцава і яго карэспандэнты, але матэрыялы іх пошукаў не былі апублікаваны. На згаданых старажытных могілках заставаліся некранутымі толькі «некалькі квадратных сажняў», астатняя частка была распаханая. Абодва крыжы мелі кірылічныя надпісы, часткова прачытаныя К.А. Гаворскім. Навакольнае насельніцтва паведамляла аб наяўнасці падобных крыжоў на некалькіх навакольных могілках [19, с. 98]. Каменныя крыжы, пліты і неапрацаваныя камяні даследчык зафіксаваў і на могілках каля Ветрына. Крыжы, па яго словах, былі аналагічныя вышэйапісаным: масіўныя, груба зробленыя, яны пераважна мелі вышыню ў 1,5–2 аршыны (каля 1–1,4 м) і шырыню перакладзіны — у 1–1,5 аршыны (каля 0,7–1 м) [19, с. 99–100].

На амаль разараным могільніку каля маёнтка Бяздзедавічы К.А. Гаворскі даследаваў пахаванне, раней пазначанае згаданым каменным крыжам, што можа расцэньвацца як першыя выратавальныя раскопкі. На могільках Бабіна гара каля суседняга маёнтка Рудня даследчыкам было ўскрыта некалькі магіл. Яны не мелі знешніх прыкмет і на падставе знаходак манет датуюцца XV–XVI стст. [19, с. 98–99]. На могільніку Ветрына К.А. Гаворскі даследаваў маркіраванае каменным крыжам пахаванне, датуемае першай паловай XVII ст. на падставе знаходкі манеты [19, с. 99–100].

Вынікі трэцяй паездкі даследчыка прадстаўлены ім у артыкуле «Паездка (14 верасня 1852 г.) з г. Полацка па напрамку так званай Альгердавай дарогі» [20]. К.А. Гаворскі зрабіў назіранне, што старажытныя могількі часта знаходзяцца на гарадзішчах [20, с. 93]. Таксама ён адзначыў наяўнасць «у многіх месцах» каля дарог і на старых могільках вялікіх каменных крыжоў, у тым ліку з кірылічнымі надпісамі [20, с. 96].

Артыкулы К.А. Гаворскага ўтрымліваюць карысную інфармацыю. Даследчык указваў прыкладную плошчу могілак, адзначаў іх узаемнае размяшчэнне і асаблівасці рэльефу, фіксаваў вышыню курганоў і апісваў іх стратыграфію, адзначаў наяўнасць надмагільных камянёў, пліт і каменных крыжоў, капіраваў надпісы на іх, пазначаў арыенціроўку касцякоў, глыбіню пахаванняў, наяўнасць труны. Таксама ён занатоўваў народныя назвы помнікаў, імкнуўся прасачыць іх этымалогію, суаднесці археалагічны матэрыял з інфармацыяй, атрыманай з пісьмовых крыніц. Такія падрабязныя апісанні ў той час практыкаваліся рэдка [12, с. 92]. Унёсак К.А. Гаворскага ў справу вывучэння познесярэднявечных пахавальных помнікаў тым больш цікавы, што вывучэннем менавіта познесярэднявечных пахаванняў ён спецыяльна не займаўся. Больш таго, археалогія, і ўвогуле навука, не была галоўным аспектам яго дзейнасці [8, с. 45; 12, с. 92–93; 18, с. 127]. Даследаванні К.А. Гаворскага адрознівае скрупулёзнае фіксацыя археалагічнага матэрыялу і імкненне да комплекснага выкарыстання інфармацыі, атрыманай з розных відаў крыніц, што адлюстроўвае развіццё археалагічных ведаў.

Дзейнасць К.А. Гаворскага была станоўча ацэнена Рускім археалагічным таварыствам, членам-карэспандэнтам якога ён стаў [18, с. 126]. К. Тышкевіч, наадварот, адгукнуўся аб ёй крытычна. У першым (рускомоўным) выданні кнігі «Аб курганах у Літве і Заходняй Русі» (1865) К. Тышкевіч, не называючы К.А. Гаворскага па імені, падрабязна спыніўся на публікацыях «аднаго вучонага» і выказаў сумненне ў рэпрэзентатыўнасці атрыманых тым вынікаў [10, с. 11]. У другім (польскамоўным) выданні (1868) К. Тышкевіч паўтарыў сваю думку, пазначыўшы прозвішча К.А. Гаворскага [11, с. 19–21]. На яго думку, К.А. Гаворскі мусіў ускрыць і вывучыць як мінімум некалькі соцень курганоў, а не спяшацца публікаваць матэрыялы раскопак некалькіх пахаванняў, будуючы высновы на нетрывалай глебе [10, с. 11; 11, с. 19–21]. Крытыка з боку К. Тышкевіча не датычылася вывучэння познесярэднявечных пахаванняў, а далейшыя даследаванні пацвердзілі, што высновы К.А. Гаворскага не былі паспешлівымі [21, с. 296]. Л.В. Аляксеў меркаваў, што рэзкі водгук К. Тышкевіча мог тлумачыцца не столькі розніцай у метадалагічных падыходах, колькі адрознай грамадска-палітычнай пазіцыяй даследчыкаў [4, с. 158].

Крытычны водгук К. Тышкевіча на артыкулы К.А. Гаворскага адлюстроўваў развіццё археалагічнай навукі. Яшчэ ў пачатку XIX ст. асноўным прадуктам вучонай дзейнасці была кніга, матэрыялы да якой збіралі і апрацоўвалі гадамі, а то і дзесяцігоддзямі (ад пачатку К. Тышкевічам раскопак да выхаду ў свет працы «Аб курганах» прайшло каля 30 гадоў). У сярэдзіне – другой палове XIX ст. побач з кнігай важным прадуктам вучонай дзейнасці становіцца артыкул, які даваў магчымасць аператыўнай публікацыі матэрыялаў і вынікаў даследавання. Адначасова артыкул становіцца і формай камунікацыі даследчыкаў, хаця ў другой палове XIX ст. яшчэ адыгрывае вялікае значэнне і асабістае ліставанне паміж імі. Артыкулы ў часопісах або перыядычных зборніках былі даступныя шырокаму колу чытачоў [17, с. 190–192].

Кансалідацыі намаганняў даследчыкаў-аматараў павінен быў спрыяць створаны Я. Тышкевічам у 1855 г. Віленскі музей старажытнасцей і Віленская археалагічная камісія пры ім. Іх узнікненне адлюстроўвала пачатак пераходу да навуковага вывучэння помнікаў на беларускіх землях [21, с. 62, 200]. Музей арганізуюўся з улікам перадавога вопыту, для вывучэння якога Я. Тышкевіч наведваў Данію і Швецыю, а К. Тышкевіч – Кракаў, Прагу і Вену [9, с. 14–15]. Віленская археалагічная камісія займалася таксама археаграфічнай дзейнасцю, пытаннямі гісторыі і прыродазнаўства [12, с. 62–63; 22, с. 16]. Яе членамі сталі больш 250 чалавек, але ўласна археалагічнымі даследаваннямі займаліся менш дзясятка [22, с. 16–17]. Пахавальныя помнікі Падзвіння, як і раней, вывучалі толькі адзінкі даследчыкаў [23, с. 272–273]. Планавалася, што камісія складзе спісы помнікаў, падрыхтуе каталогі археалагічных знаходак, распрацуе метадычныя рэкамендацыі па правядзенню раскопак. Нешматлікасць даследчыкаў-археолагаў не дазволіла рэалізаваць гэтыя планы. У час падаўлення паўстання 1863–1864 гг. работа вучонага таварыства была парушана. Дзейнасць Віленскага музея старажытнасцей мясцовага ўлады прызналі не адпавядаючай інтарэсам дзяржавы, а яго стваральніка, Я. Тышкевіча, абвінавацілі ў неразуменні ўрадавай палітыкі. У 1865 г. музей быў рэарганізаваны і фактычна разгромлены, а Віленская археалагічная камісія – ліквідавана. Гэта на некалькі дзесяцігоддзяў замарудзіла развіццё археалагічных даследаванняў на Беларусі [9, с. 17; 12, с. 63, 81–83; 22, с. 18].

Заклучэнне. Такім чынам, агульнае развіццё археалагічных ведаў на беларускіх землях патрабавала пераходу ад нескаардынаванай дзейнасці асобных археолагаў-аматараў да каардынацыі высілкаў у навуковай сферы. У 1830 – 1840-х гг. братамі К. і Я. Тышкевічамі былі закладзены асновы навуковай археалогіі на беларускіх землях. Публікацыі аб археалагічных даследаваннях сталі часцей з'яўляцца ў перыядычным друку. Братамі Тышкевічамі былі наладжаны навуковыя сувязі з буйнейшымі расійскімі і заходнееўрапейскімі навуковымі

таварыствамі. У 1846 г. убачыла свет «Кіраўніцтва да пошуку старажытнасцей у Заходняй Русі» з практычнымі рэкамендацыямі па правядзенню раскопак. Я. Тышкевіч змясціў падрабязныя звесткі аб каменным крыжы каля в. Вітунічы ў працы «Апісанне Барысаўскага павету» (1847), а К. Тышкевіч падрабязна апісаў знешні выгляд і канструкцыйныя асаблівасці жальнікаў у кнізе «Аб курганах у Літве і Заходняй Русі» (1865, 1868).

У 1852 г. першыя археалагічныя раскопкі познесярэднявечных пахаванняў на тэрыторыі Беларускага Падзвіння правёў К.А. Гаворскі, прычым артыкулы аб яго даследаваннях былі надрукаваны ўжо ў 1853 г. Аператыўнасць выдання публікацый і наступны крытычны водгук на іх К. Тышкевіча адлюстроўвалі развіццё археалагічнай навукі. Далейшаму развіццю археалагічных ведаў на беларускіх землях спрыяла стварэнне Я. Тышкевічам Віленскага музея старажытнасцей і Віленскай археалагічнай камісіі. Прэзентацыя археалагічных даследаванняў праз музейную экспазіцыю і публічная дзейнасць мясцовага таварыства даследчыкаў старажытнасцей (рэгіянальнага, паводле вивучаемай тэрыторыі, але зусім не правінцыйнага, паводле методыкі даследаванняў і навуковых падыходаў), садзейнічала абуджэнню цікавасці да помнікаў даўніны. Закрыццё гэтых навуковых інстытуцый не перапыніла археалагічныя даследаванні на беларускіх землях, але замарудзіла іх тэмпы.

ЛІТАРАТУРА

1. Чараўко, В.У. «Народная археалогія» і данавуковыя ўяўленні аб пахавальных помніках Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стагоддзяў / В.У. Чараўко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2020. – Вып. 31.: Даследаванне беларускіх старажытнасцей (да 80-годдзя з дня нараджэння Алены Генадзьеўны Калечыц). – С. 91–97.
2. Чараўко, В.У. Пачатак вивучэння познесярэднявечных пахавальных помнікаў Падзвіння ў кантэксце агульнага развіцця археалагічных ведаў на Беларусі / В.У. Чараўко // Віцебскі край : матэрыялы IV Міжнар. нав.-практ. канф., прысв. 80-годдзю ўтварэння Віцебскай вобласці, Віцебск, 22 ліст. 2018 г. / рэдкал. : Т. М. Адамян (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2019. – Т. 4. – С. 141–145.
3. Чараўко, В.У. Навуковая камунікацыя археолагаў – даследчыкаў Беларусі ў XIX ст.: спецыфіка, формы, развіццё (на прыкладзе вивучэння познесярэднявечных пахавальных помнікаў Падзвіння) / В.У. Чараўко // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты [Электронный ресурс] : электрон. сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. online-конф., Новополоцк, 26 ноября 2020 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк : ПГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 550–557.
4. Алексеев, Л. В. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XX в. / Л.В. Алексеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 146–163.
5. Руководство к изысканию древностей в Западной Руси [Электронный ресурс] // Виленские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1846. – № 17. – С. 132–135. – Режим доступа: https://нэб.рф/catalog/000200_000018_RU_NLR_DRGNLR_483/. – Дата доступа: 25.12.2017.
6. Руководство к изысканию древностей в Западной Руси (продолжение) [Электронный ресурс] // Виленские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1846. – № 18. – С. 139–142. – Режим доступа: https://нэб.рф/catalog/000200_000018_RU_NLR_DRGNLR_483/. – Дата доступа: 25.12.2017.
7. Руководство к изысканию древностей в Западной Руси (окончание) [Электронный ресурс] // Виленские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1846. – № 19. – С. 149–152.. – Режим доступа: https://нэб.рф/catalog/000200_000018_RU_NLR_DRGNLR_483/. – Дата доступа: 25.12.2017.
8. Каханоўскі, Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI – XIX стст. / Г.А. Каханоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 120 с. ; іл.
9. Blomberg, M.M. Badania archeologiczne Polaków na terenach Wielkiego Księstwa Litewskiego (XIX — początek XX wieku) / M.M. Blomberg // Archaeologia Historica Polona. – 2012. – Т. 20.: Regiony, rzemiosła, kategorie — archeologia różnego średniowiecza i czasów nowożytnych w uwarunkowaniach nowego ustroju. – S. 7–41.
10. Тышкевич, К. О курганах в Литве и Западной Руси. Археологические исследования / К. Тышкевич. — Вильна : В тип. А.И. Киркора, 1865. – IV с. + 142 с. + II с.
11. Tyszkiewicz, K. O kurhanach na Litwie i Rusi Zachodniej. Studium archeologiczne / K. Tyszkiewicz. – Berlin : W księgarni W. Behra, 1868. — VI s. + 287 s.
12. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев ; под ред. Б.А. Рыбакова. – Мінск : Бел. навука, 1996. – 206 с.
13. Дучыц, Л. Каменныя крыжы / Л. Дучыц // 3 глыбі вякоў. Наш край : гіст.-культурал. зб. / уклад. В. У. Шаблюк ; навук. рэд. А.К. Краўцэвіч. – 2-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2002. – Вып. 2. – С. 31–47.
14. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym, lekarskim / E. Tyszkiewicz. — Wilno : Drukarnia Ant. Marciniowskiego, 1847. — III s. + 446 s. + 43 s. + IV s.
15. Карпечанка, Г.А. Навуковыя сувязі Канстанціна і Яўстафія Тышкевічаў з Таварыствам аматараў прыродазнаўства, антрапалогіі і этнаграфіі / Г.А. Карпечанка // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2014. – № 3. – С. 12–15.
16. Tyszkiewicz, E. Badania archeologiczne nad zabytkami przedmiotów sztuk i rzemiosł i t.d. w dawnej Litwie i Rusi Litewskiej / E. Tyszkiewicz. — Wilno : Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1850. — 96 s.
17. Стёпин, В.С. История и философия науки : учеб. для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук / В.С. Стёпин. – М. : Академический проект, Трикта, 2011. – 423 с.
18. Щеглов, Г.Э. Археологические разыскания Ксенофонта Говорского близ Полоцка в 1852 г. / Г.Э. Щеглов // Беларуская даўніна. – Мінск, 2016. – Вып. 3. – С. 114–128.
19. Говорский, К. Археологические розыскания в окрестностях г. Полоцка / К. Говорский // Записки императорского археологического общества. – Т. V. – СПб., 1853. – С. 98–103.

20. Говорский, К. Поездка (14 сентября 1852 г.) из г. Полоцка по направлению так называемой Ольгердовой дороги / К. Говорский // Записки императорского археологического общества. – Т. V. – СПб., 1853. – С. 88–97.
21. Алексеев, Л.В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины (Материалы к археологической карте Витебской области БССР) / Л.В. Алексеев // Труды Прибалтийской объединённой комплексной экспедиции. – Т. 1.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии / под ред. С.А. Таракановой, Л.Н. Терентьевой. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. – С. 273–315.
22. Добрян, А. Деятельность Виленского музея древностей и временной Археологической комиссии по изучению археологических памятников / А. Добрян // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 2006. – Вып. 22. – С. 14–19.
23. Чараўко, В.У. Вывучэнне пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV–XVIII стст. у дарэвалюцыйны перыяд / В.У. Чараўко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2010. – Вып. 25. – С. 271–275.

Пасмуніў 29.06.2021

STUDY OF LATE MEDIEVAL FUNERAL MONUMENTS OF THE BELARUSIAN DVINA REGION IN THE MIDDLE 40^s – MIDDLE 60^s OF THE 19th CENTURY

V. CHARAUKO

In the late 18th–mid 60^s of the 19th century, the first steps were taken in Belarus to study archaeological sites. They expressed themselves in the collection of information about the monuments, their description, small excavations, publication of research materials and their interpretation. The collection of information was not systematic and massive. It was conducted by amateur researchers: K. and E. Tyshkevich, K.A. Govorsky and others. The study of antiquities can be viewed as a form of pastime inherent in the intellectuals of the early 19th century. Among the monuments discovered, described and excavated at that time there were also some late medieval burial monuments of the Belarusian Dvina region.

Keywords: Belarusian Dvina region, archaeological research, late medieval funerary monuments.

УДК 94(476):327.37

АРМИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СВЕТЕ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ 1764 – 1766 гг.

С.А. ЧЕРЕПКО

(Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины)

czaropka@gmail.com

Рассматриваются вопросы организации военного дела в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) в середине XVIII в. Проведено исследование основных предпосылок и направлений реализации военной реформы в 1764 – 1766 г. Автор приходит к выводу, что в результате осторожных действий Военной комиссии ВКЛ начались позитивные изменения в военном деле, в частности в вопросах финансирования армии, были предприняты попытки выравнивания дисбаланса офицерского и рядового состава в подразделениях, наметились положительные сдвиги в вопросах дисциплины и субординации в армии. Однако несмотря на указанные позитивные моменты наиболее важные вопросы, связанные с количественным составом армии, решены не были.

Ключевые слова: военное дело, военная реформа, армия Великого Княжества Литовского, пехота, кавалерия.

Введение. Вне всякого сомнения, армия является одним из важнейших институтов, обеспечивающих существование любого государства. За свою многовековую историю белорусский народ пережил не одну разрушительную войну, мужественно преодолев страшнейшие испытания, связанные с внешней агрессией. В белорусской историографии стараниями как отечественных, так и иностранных историков создан солидный нарратив, касающийся военной истории XX в., чего, однако, нельзя сказать о военной истории Беларуси предыдущих периодов, в том числе и XVIII в., где ещё остаётся много «белых пятен». Ряд аспектов истории военного дела этого периода, в том числе вопросы структуры и организации, вооружения и тактики армии ВКЛ, ещё предстоит исследовать. Это важно с научной и общественной точек зрения, так как армия ВКЛ – это не только армия государства, включавшего в свой состав современную территорию Беларуси, она ещё и по своему этническому составу являлась преимущественно белорусской: 63% мушкетёров, 39% унтер-офицеров, 50% обер-офицеров, 30% штаб-офицеров были уроженцами белорусских поветов ВКЛ [1, с. 341]. Получившее распространение мнение, что в армии ВКЛ служили преимущественно немецкие и польские наёмники является мифологемой, которая, к сожалению, укрепилась в сознании части представителей современного белорусского общества [2, с. 109]. Несмотря на определённый задел, история военного дела ВКЛ обозначенного периода до сих слабо освещена и не вышла на уровень теоретического обобщения в отечественной научной литературе [3–5]. Значительный вклад в развитие научного нарратива по истории военного дела ВКЛ в исследуемый период внесли польские историки, которые, исследуя прошлое коронной армии, так или иначе затронули отдельные вопросы существования армии ВКЛ [6–10].

Целью данного исследования является выявление основных направлений и результатов военной реформы 1764 – 1766 гг. в ВКЛ. Исходя из научной значимости темы и фактического отсутствия целостных специальных исследований по истории военного дела в ВКЛ в середине XVIII в., изучение данной темы представляется весьма актуальным.

Основная часть. Первые попытки создания регулярной армии в ВКЛ начались ещё в XVI в., когда было организовано квартирное войско, однако эта попытка, в целом, оказалась неудачной. В 1652 г. в ВКЛ появилась регулярная армия, вошедшая в историческую литературу под названием «компутового войска». Важным этапом в истории формирования регулярной армии ВКЛ стала военная реформа 1717 г., в результате которой был определён постоянный состав армии, её бюджет и источники финансирования [2, с. 338; 11, с. 137]. Сейм не утвердил конкретных цифр личного состава армии ВКЛ, однако определил количество «порций» для пехоты и «лошадей» для кавалерии, что зачастую ведёт к неверным подсчётам количественного состава армии. Дело в том, что количество порций либо коней не идентично количеству военнослужащих. Это несоответствие связано с тем, что 1 порция соответствовала довольствию 1 рядового, но при этом унтер-офицерам, а уж тем более обер- и штаб-офицерам, причиталось несколько порций. Следует согласиться с мнением польского военного историка М. Кукеля о том, что фактическая численность солдат в пехотных частях составляла около 2/3 от состава утверждённого бюджета [10, с. 141]. В кавалерии такая разница в численности была меньше, что объясняется меньшей по сравнению с пехотой численностью командного состава. Таким образом, общая численность литовских войск должна была составлять около 4 – 4,5 тыс. солдат, на содержание которых выделялось 6 тыс. порций. Такая численность войск была просто мизерной, учитывая значительно более высокий уровень милитаризации соседних государств. Например, регулярные армии России и Австрии, в мирное время насчитывали более 100 тыс. человек, армия соседней Пруссии – около 40 тыс. солдат [10, с. 141]. Даже союзная саксонская армия насчитывала 30 тыс. солдат [12, с. 8, 10]. Тем не менее, послы на сейме считали, что для мирного времени 4,5 тыс. солдат достаточно, а в военное время основное бремя войны должно быть возложено на традиционный элемент вооружённых сил – посполитое рушение [11, с. 137].

В период правления в Речи Посполитой саксонской династии Веттинов (1697–1763) армия, как и все государство, пришла в упадок и требовала срочного реформирования. Это стало возможно после избрания королем Польши и великим князем литовским Станислава Понятовского, который начал проведение серии реформ,

направленных на выход Речи Посполитой из затяжного политического и экономического кризиса. 7 мая 1764 г. на конвокационном сейме было принято решение о создании Военной комиссии (*Consilium bellicum*), на которую возлагались функции катализатора реформ в армии. В отличие от Польши, где Военная комиссия сразу же приступила к активной деятельности, в ВКЛ создание такой же комиссии тормозилось противниками реформы. Великий и польный гетманы, осуществлявшие на протяжении столетий руководство армией, остались со всеми своими правами и прерогативами, данными им сеймом 1717 г. [13, с. 39, 83]. Тем не менее, несмотря на сопротивление консерваторов, через полгода на коронационном сейме 3 декабря 1764 г. было объявлено о создании Военной комиссии ВКЛ. Эта комиссия была окончательно сформирована в 1765 г., её целью стало всестороннее изучение положения армии Речи Посполитой и затем искоренение основных проблем в военной системе страны [14, с. 20]. В состав комиссии вошли виленский воевода М. Огинский, брестский каштелян Я. Горайн, польный писарь литовский Ю. Сосновский, ловчий литовский А. Забелло, С. Одаховский, поручик пятигорцев Т. Нарбут, генерал-майор М. Пац, подполковник Ф. Битовт, подполковник М. Горайн [15, с. 170]. Была урегулирована финансовая составляющая работы комиссии – её члены за свою деятельность получали вознаграждение на тех же условиях, что и депутаты Скарбового трибунала ВКЛ [16, с. 234]. Постоянным местонахождением комиссии был определен Гродно, начало первой каденции было назначено на 25 февраля 1765 г., а последующие каденции должны были совпадать со стоками работы Скарбового трибунала ВКЛ [15, с. 170].

Создание Военной комиссии стало действительно прогрессивным явлением, по словам Б. Твардовского, ей удалось многое сделать для достижения своей цели, она «навела порядок в организации, повысила ослабленную субординацию и дисциплину, повысила уровень образования в высших военных кругах и в конечном итоге создала армию, которая не уступала ни одной современной ей европейской...» [14, с. 20]. Комиссии удалось значительно сократить количество офицеров, которых в армии ВКЛ было уже почти столько же, сколько и рядовых, а также повысить жалованье военнослужащих.

Однако деятельность комиссии при сохранении института гетманства породила своеобразное двоевластие в армии, поскольку конкретного разделения полномочий между двумя руководящими центрами в армии еще не было точно определено. Гетманы были недовольны практическим сужением своих полномочий и дабы избежать взаимной конфронтации или хотя бы снизить градус её напряжённости 6 октября 1766 г. на сейме было принято специальное постановление «Разрешение прерогатив современным гетманам обоих народов». Это решение разъясняло постановления конвокационного и коронационного сеймов 1764 г. и, в частности, обязывало комиссию отдавать приказы от имени гетмана, а сам гетман должен был председательствовать на заседаниях комиссии [15, с. 234; 17, с. 205]. Командиры полков, за исключением лейб-гвардии, должны были отправлять рапорты по двум адресам – в комиссию и гетману. Распоряжения Военной комиссии могли считаться действительными, если их поддерживали не менее 5 из 9 её членов [16, с. 234]. Полновластие гетманов сохранилось лишь в их собственных полках, где они сохранили право присвоения воинских званий [17, с. 205]. Фактически неподконтрольными Военной комиссии были гвардейские полки, дислоцировавшиеся в Варшаве.

Решениями сейма 1766 г. были приняты меры по увеличению материального обеспечения армии ВКЛ. В частности, дополнительно к норме, принятой на «немом» сейме 1717 г., ежегодно на нужды армии должно было выделяться дополнительно 749 250 злотых [15, с. 234–235]. Кавалерия, которая состояла из частей гусар, пятигорцев и передней стражи (легкой кавалерии), получила на довольствие 2300 порций. В частности, 400 порций получили гусары, 1200 – пятигорцы, ещё 700 казаки и татары. Тактической единицей кавалерийских частей оставалась хоругвь, которая должна была состоять из полусотни кавалеристов. Однако осуществить это было крайне непросто, так как в предыдущий период хоругви едва насчитывали 30 сабель, таким образом требовалось больше чем на 50% увеличить личный состав подразделений [18, s. 5; 19, s. 20; 20, s. 2]. Хоругви были объединены в полки, наиболее боеспособным из которых был полк гвардии конной ВКЛ.

Укомплектование кавалерийских подразделений, как и раньше осуществлялось за счет набора товарищей с их отрядами – почетами (эквивалент более древнего копыя), которые состояли из 1-2 рядовых (почтовых). Еще в 1717 г. распространилась практика формального участия товарища на военной службе и замены себя двумя почтовыми. Таким образом, сам командир почета – товарищ – мог быть где угодно и являться на место службы по мере необходимости, зачастую только для получения жалования. Реальную службу осуществляли его слуги – почтовые. Таких товарищей-неведимок называли товарищами «щедрыми», а товарищей, которые действительно выполняли служебные обязанности, – товарищами «сознательными» [8, с. 130]. Подобного рода практика приводила к постоянным изменениям в личном составе хоругви и значительному ослаблению боевых качеств кавалерии ВКЛ. В повседневной жизни большая часть личного состава кавалерийских хоругвей часто находилась в личных командировках, поэтому, по сути, в локациях части находились только хорунжий и некоторое количество унтер-офицеров и рядовых. Несмотря на то, что роль конницы в европейском военном деле неуклонно снижалась, в армии ВКЛ она продолжала оставаться самой значимой частью войска. При этом кавалерия ВКЛ, как и Польши, оставалась наиболее архаично организованным элементом армии. Служба в кавалерии по-прежнему оставалась прерогативой знати, и в этом вопросе Военная комиссия ничего не смогла изменить.

Ситуация в пехотных подразделениях серьезно не изменилась. Драгунские подразделения армии ВКЛ (мобильная пехота) были представлены полками Булавы великой, Булавы польной и воеводы виленского, для которых было выделено 300 порций. Собственно, пехота армии ВКЛ состояла из полка гвардии пеших, полков пехоты

Булавы великой и Булавы польной, янычарских хоругвей обоих гетманов, на которые было выделено соответственно 140 и 100 порций, и хоругвей венгерской пехоты Главного трибунала ВКЛ, на которую выделялось 100 порций [15, с. 234]. Это подразделение должно было всегда находиться «в городе Вильно» и в компут армии ВКЛ не включалось [11, с. 151]. Хоругвь находилась в распоряжении маршалка Трибунала, непосредственное командование осуществлял ротмистр.

Среди пехотных частей наиболее престижным был Полк пеших гвардии ВКЛ, который практически не менял своей структуры и названия до конца существования Речи Посполитой. Гвардейскому полку было выделено 1005 порций, что позволило увеличить его личный состав до 840 солдат. Гвардейский полк состоял из двух батальонов и штаба полка. Каждый батальон был разделен на 12 рот [7, с.70]. Полевые полки, в отличие от гвардейских, были более чем в два раза меньше, на их обеспечение выделялось по 427 порций. Полевой полк состоял из штаба и одного батальона, который состоял всего из 8 рот.

Сейм 1766 г. определил дислокацию некоторых подразделений. В частности, пехотный полк Булавы великой должен был размещаться «для поддержания спокойствия в столице нашей Вильно» [16, с. 235]. Гвардейские пеший и кавалерийский полки находились под командованием короля в Варшаве. Было также признано, что система размещения армии ВКЛ, определенная «немым» сеймом 1717 г., была крайне неудобной, и Военной комиссией было поручено разработать другой, более подходящий вариант дислокации армии.

Еще в 1764 г. было отмечено печальное состояние артиллерии ВКЛ, которая не насчитывала даже определённого сеймом количества солдат. Из 150 человек, в наличии было только 118, а если из этого количества исключить отдельную гренадёрскую роту, то количество собственно артиллеристов можно оценить в 28 человек [21, с. 34]. Были приняты решения о необходимости регулярного финансирования её развития [13, с. 83]. На сейме 1766 г. было принято решение о повышении жалования солдатам артиллерийской отдельной роты, на что было выделено 150 порций. К сожалению, на этом меры по развитию артиллерии фактически остановились.

Сейм 1766 г. принял важные меры по обеспечению социальной защиты военнослужащих «годами или ранами обременённых, которые больше не могли повинности свои выполнять». На их содержание планировалось ежегодно выделять 50 000 злотых [16, с. 236]. Благодаря усилиям Военной комиссии в 1767 г. был издан новый, в некотором смысле, революционный военный статут. Необычность его была в том, что издан он был не на немецком, как раньше, а на польском языке [12, с. 20]. Как результат, – с 1768 г. команды в пехотных подразделениях стали отдавать на фактически государственном на то время языке Речи Посполитой.

Постепенно военная реформа была остановлена политическим кризисом, охватившим страну в 1768 г. Отказ короля от реформ, Барская война и вмешательство России, первый раздел Речи Посполитой, нанесли серьёзный удар по всей государственной системе, что не могло не отразиться на ситуации в армии. Слабовольная политика Станислава Понятовского фактически свела на нет деятельность Военной комиссии. Чрезвычайный сейм 1768 г. принял постановление, согласно которому власть гетманов над армией вновь возрождалась в полном объёме. В частности, великим гетманом автоматически становился председателем комиссии, а в его отсутствие эту роль играл польный гетман. Подчёркивалась необходимость подчинения гетману офицеров и солдат как «иностранным аутораментам», т.е. пехоты, так и «национальной армии», т.е. кавалерии [22, с. 316]. Финансирование армии резко ухудшилось, солдатам не платили по несколько лет, командирам подразделений приходилось прилагать значительные усилия, занимать деньги в долг, чтобы личный состав их подразделений попросту не разошёлся.

Заключение. Таким образом, реформа армии 1764–1766 гг. стала важным шагом в вопросе развития военного дела в ВКЛ. В результате осторожных действий Военной комиссии начались позитивные изменения в вопросах финансирования армии, были рассмотрены вопросы выравнивания дисбаланса офицерского и рядового состава подразделений, субординации и соблюдения воинской дисциплины. Были ослаблены полномочия гетманов, занимавших свои должности пожизненно. Однако наиболее важные вопросы, связанные с количественным составом и структурой армии, решены всё же не были. Глубокий внутривнутриполитический кризис, который охватил Речь Посполитую в 1767 – 1772 гг. фактически поставил крест на дальнейшем ходе военной реформы. С уменьшением территории Речи Посполитой возможность финансирования армии серьёзно ухудшилась, согласно решениям сейма 1717 г. выплата жалования определенным подразделениям была закреплена за тем или иным поветом. Тем не менее, те шаги, которые были сделаны в ходе военной реформы 1764 – 1766 гг. стали фундаментом для дальнейшего реформирования армии ВКЛ, которое продолжилось в середине 70-х гг. XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чаропка, С.А. Сацыяльна-канфесійны склад пяхоты ВКЛ у 30 – 50-я гг. XVIII ст. / С.А. Чаропка // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2014. – Вып. 14, ч. 1. – С. 336–342.
2. Чаропка, С.А. Этнаканфесійны склад пяхоты рэгулярнай арміі ВКЛ у першай палове XVIII ст. / С.А. Чаропка // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2014. – № 4. – С. 105–110.
3. Грыгор'еў, М. Войска ВКЛ ад Сасаў да Касьцюшкі (1765–1794) / М. Грыгор'еў. – Мінск, 1994. – 168с.
4. Чаропка, С.А. Войска ВКЛ у святле ваеннай рэформы 1717 г. / С. А. Чаропка // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2012. – Вып. 12, ч. 1. – С. 336–342.
5. Черепко, С.А. Эволюция системы воинских знаков отличия в армии Великого княжества Литовского в XVIII – начале XIX вв. / С.А. Черепко // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 4(115). – С. 50–54.

6. Gembarzewski, B. Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r.1717 do r. 1831 / B. Gembarzewski. – Warszawa : nakładem tow.wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.
7. Górski, K. Historia piechoty polskiej / K.Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wzdawnicyej, 1893. – 274 s.
8. Górski, K. Historia jazdy polskiej / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wzdawnicyej, 1894. – 366 s.
9. Górski, K. Historia artylerii polskiej / K. Górski. – Warszawa : w księgarnie E. Wende, 1902. – 325 s.
10. Kukiel, M. Zarys historii wojskowości w Polsce / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wzdawnicyej, 1929. – 356 s.
11. Konstytucje Seymu pacificationis Warszawskiego 1717 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VI. – S. 122–202.
12. Müller, R. Die Armee Augusts des Starcken. Das sächsische Heer von1730 bis 1733 / R. Müller. – Berlin : Militärverlag der DDR, 1984. – 116 s.
13. Konfederacya Generalna omnium Ordinum Regni et Magni Ducatum Luthuaniae na konwokacyi Główney Warszawskiej uchwalona // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 7–55.
14. Twardowski, B. Wojsko polskie Kościuszki w roku 1794 / B. Twardowski. – Poznań : Nakł. Księgarni katolickiej, 1894. – 90 s.
15. Konstytucje Seymu walnego koronacyi krola IMCI 1764 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 138–169.
16. Konstytucje Wielkiego Księstwa Litowskiego 1766 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 222–244.
17. Konstytucje Seymu walnego Warszawskiego1766 r. // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 192–222.
18. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Warszawskie Radziwillów. – D. VII. Sygn. 214. Rejestry chorągwi przedniej straży Józefa Wilczewskiego, pułku buławy wielkiej W.X.L. rotmistrza Antoniego Mokrzeckiego 1754–1759. – 21 s.
19. AGAD. – Archiwum Warszawskie Radziwillów. – D. VII. Sygn. 216. Rejestry chorągwi przedniej straży pułku buławy wielkiej W.X.L. pułkownictwa Aleksandra Romanowskiego, 1740–1757. – 21 s.
20. AGAD. – Archiwum Warszawskie Radziwillów. – D. VII. Sygn. 220. Rejestry chorągwi kozackiej Józefa Wilczewskiego, pułkownika pułku buławy polnej W.X.L. 1744–1759. – 21 s.
21. AGAD. – Archiwum Warszawskie Radziwillów. – D. VII. Sygn. 89. Tabella od Korpusu Artylerii i freikompanii grenadierskiej. – 40 s.
22. Konstytucje Seymu extraordinarynego Warszawskiego 1766 r. 1768 // Volumina Legum. – Petersburg : nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – T. VII. – S. 244–382.

Поступила 13.04.2021

ARMY OF THE GRAND PRINCIPALITY OF LITHUANIA DURING THE MILITARY REFORM 1764 – 1766

S. CZAROPKA

The article examines the organization of military affairs in the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the 18th century. A study of the main prerequisites and directions for the implementation of the military reform in 1764–1766 was carried out. The author comes to the conclusion that as a result of the cautious actions of the Military Commission of the Grand Duchy of Lithuania, positive changes began in the financing of the army, attempts were made to equalize the imbalance of the officer and rank-and-file personnel in subdivisions, subordination and discipline in the army. However, despite the indicated positive shifts, the most important issues related to the quantitative composition of the army were not resolved.

Keywords: *military affairs, military reform, army of the Grand Duchy of Lithuania, infantry, cavalry*

УДК 94(476+430)“1992/2000”

**БЕЛОРУССКО-ГЕРМАНСКИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ:
МЕЖВУЗОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1992 – 2000-х гг.****В.Н. ШИШКЕВИЧ***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*

В статье отражены некоторые аспекты межвузовского научно-технического сотрудничества Беларуси и Германии в 1992–2000-х годах. Показана договорно-правовая база реализации научных и технических связей, положительная динамика в развитии двустороннего сотрудничества: рост университетов-партнеров и количество заключенных договоров, что способствовало увеличению научно-технических проектов между высшими учебными заведениями двух стран, увеличению обмена научными и преподавательскими кадрами, проведению совместных научных стажировок, конференций, семинаров, обмену технической информацией между вузами-партнерами. Отражены формы научно-технического сотрудничества, одной из которых являются командировки научных сотрудников с целью проведения совместных исследований; представлена информация о некоторых проводимых проектах и исследованиях, показаны их результаты, а также, определена степень эффективности межвузовского сотрудничества Беларуси и Германии для белорусской стороны.

Ключевые слова: белорусско-германское межвузовское сотрудничество, научно-технические связи, совместные научные проекты.

Введение. С момента обретения независимости развитие всестороннего сотрудничества с Федеративной Республикой Германией является одним из приоритетных направлений внешней политики Беларуси. Установление в 1992 г. дипломатических отношений между двумя странами дало толчок активизации сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, образовательной, культурной и иных сферах. Реализация конкретных совместных программ и проектов по названным направлениям стала возможна благодаря формированию договорно-правовой базы между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германия.

Важным направлением двустороннего сотрудничества между Беларусью и ФРГ являются научно-технические связи. Со стороны Республики Беларусь они осуществляются на нескольких уровнях. К ним относятся: а) органы государственного управления, б) Национальная Академия Наук Беларуси и ее институты, в) высшие учебные заведения г) отраслевые научно-исследовательские организации д) промышленные предприятия. В данной статье будут рассмотрены научно-технические связи Беларуси и Германии на уровне высших учебных заведений и их подразделений.

Основная часть. Реализация научно-технического межвузовского сотрудничества между странами осуществляется в форме обмена научными и преподавательскими кадрами, аспирантами, магистрантами и студентами, организации совместных научных мероприятий, стажировок, конкурсов, выделения с германской стороны грантов и стипендий, выполнения совместных научных проектов, осуществления информационного обмена по различным разработкам, оказания технической и финансовой помощи. При этом следует учитывать, что научно-технические контакты между высшими учебными заведениями БССР с одной стороны и ФРГ и ГДР – с другой поддерживались и до обретения Беларусью независимости. Например, с 1984 г. осуществляется сотрудничество БГУ с Рурским университетом [19].

Отчет Министерства образования Республики Беларусь о сотрудничестве между высшими учебными заведениями за 1992 г. свидетельствует о наличии к этому времени между вузами Республики Беларусь и Федеративной Республикой Германией довольно тесных научно-технических контактов [6, с. 9], которые не только продолжились, но и стали укрепляться. Так, в 1992 г. было продолжено научно-техническое сотрудничество БГУ с Рурским университетом в рамках проекта «Исследование и разработка методов и средств анализа быстропротекающих процессов». Рурский университет взял на себя обязательство обеспечить поставку комплектующих изделий, необходимых для осуществления проекта МИКС-РЕГАТА по созданию бортового космического времяпролетного масс-спектрометра заряженных ионов солнечного ветра [6, с. 9]. Были установлены контакты между Минским радиотехническим институтом (БГУИР) и Высшей инженерной школой Миттвайде, Университетом г. Вупперталь, между Белорусской государственной политехнической академией (БГПА (БНТУ)) и Техническим университетом г. Ильменау, Университетом г. Эссена, Университетом Эрланген Нюрнберг, между Белорусским технологическим институтом и Институтом ядерной химии и технологии, были налажены контакты Брестского политехнического института с Высшей профессиональной школой г. Равенсбург-Вайнгартен. С Высшей педагогической школой г. Равенсбург-Вайнгартен к этому времени наладил сотрудничество Брестский педагогический институт [6, с. 3–7].

К 1992 г. Отдел народного образования г. Минска и Минское областное управление народного образования установили контакты с Потсдамским округом, Витебское областное управление народного образования – с Округом Франкфурта-на-Одере, Высшим профессиональным училищем №1 г. Минска были установлены связи со Шверинским центром профессионального обучения [6, с. 3–7].

Можно отметить плодотворное сотрудничество с Германией Полоцкого государственного университета (ПГУ). В апреле 1993 г. на базе ПГУ был проведен республиканский семинар для вузов Беларуси с участием делегатов высших технических школ ФРГ на тему «Высшее техническое и экономическое образование в Германии: пути

сотрудничества между вузами Беларуси и ФРГ» [8, с. 4]. Представитель Технической высшей школы Мангейма (ТВШ) во время визита в ПГУ сообщил о выделении университету 20 000 дм (немецких марок) для заказа научно-технической литературы издательств ФРГ для библиотеки ПГУ [8, с. 4]. В этом же году был подписан договор о сотрудничестве между ПГУ и ТВШ Мангейма [8, с. 4]. На основе заключенных в 1993 г. договоров о сотрудничестве с Высшими Техническими школами Мангейма и Мюнхена осуществлялся обмен профессорами для чтения лекций и проведения научных работ, обмен студентами. Имелся опыт совместного научного руководства работой аспиранта профессором из ПГУ и профессором из ТВШ Мангейма. В рамках договоров о сотрудничестве студенты ПГУ проходили производственную практику в Мюнхене, а сотрудники из Мангейма изучали русский язык в ПГУ [4, с. 11].

В рамках договора с Крестьянским союзом студенты Белорусского государственного аграрного технического университета (БАТУ) в 1993 г. стажировались на фермах Германии, изучали организацию сельского хозяйства, используемое оборудование и работу с ним [8, с. 59].

На уровне государственных органов был подписан Протокол между Правительством Республики Беларусь и Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве по подготовке и повышению квалификации специалистов и руководящих кадров в области экономики и государственных органов управления экономикой. В результате сотрудничества только за 1994 г. для 140 руководителей предприятий и преподавателей вузов был проведен ряд семинаров, Германская служба академических обменов (ДААД) выделила 77 стипендий для стажировок, повышения квалификации и обучения в ФРГ научно-педагогических сотрудников и аспирантов [5, с. 2]. В этом же году на базе Высшей школы управления и бизнеса БГЭУ был создан Центр учебы консалтинга, который занимался подготовкой и повышением квалификации специалистов и предпринимателей Республики Беларусь. Для чтения лекций и проведения практических занятий в 1994 г. были приглашены 16 профессоров из ФРГ [5, с. 3].

В рамках реализации научного сотрудничества БГУИР и ФРГ по линии ДААД участвовал в научной работе в Техническом ун-те г. Ахена профессор Петровский А.А. В результате проведенных исследований были разработаны математические модели процесса теплопередачи в системе покрытие-основа и формирование остаточных напряжений в плазменных покрытиях, напыляемых в атмосферных условиях [5, с. 15]. БГУИР совместно с Немецким обществом научных исследований «DFD» выполняли проект «Моделирование напряжений в плазменных покрытиях» [9, с. 93]. Результатом сотрудничества БГУИР с университетом г. Вупперталь стала передача БГУР на безвозмездной основе электронного микроскопа; для чтения лекций были приглашены сотрудники университета; отмечено сотрудничество экономических факультетов университетов [9, с. 96].

В 1996 г. в рамках программы «TRANSFORM» на базе автотранспортного техникума г. Бобруйска был открыт белорусско-немецкий Модельный центр по подготовке специалистов для частного автосервиса [3, с. 135]. Данный проект был подготовлен Федеральным институтом профессионального образования ФРГ, Институтом образования фирмы «Фольксваген» и Республиканским институтом профессионального образования с целью подготовки специалистов в данной области, переподготовки и повышения квалификации руководителей и преподавателей, для разработки средств, материалов и методов обучения автоделу и др. Обучение было построено на основе учебного плана, в котором были отражены опыт профессионального образования в области автомеханики в Германии и требования автосервиса в Республике Беларусь. В соответствии с проектом фирмой «Фольксваген» осуществлялась поставка самой современной диагностической техники. На 1996 г. белорусской стороне было передано оборудование на сумму 133.750 дм. [3, с. 137].

В отчете Министерства образования за 1997 г. отмечено, что Германия для Беларуси является традиционным партнером, а число соглашений с вузами и количество научных партнеров на тот момент были лидирующими по сравнению с остальными странами Европы, Азии и Америки. По линии ДААД в ФРГ было направлено 87 сотрудников и студентов учебных заведений Беларуси на научную работу, стажировку и языковые курсы [4, с. 3].

Следует отметить активное сотрудничество в научно-технической сфере с высшими учебными заведениями Германии Брестского государственного технического университета (БрГТУ) в 1990-е годы. Так, между университетом и высшими учебными заведениями ФРГ были заключены следующие договоры: Договор о совместном сотрудничестве между Брестским государственным техническим университетом и Высшей профессиональной школой г. Биберах (бессрочно); Договор о сотрудничестве между Брестским государственным техническим университетом и Высшим специальным учебным заведением г. Вайнгартен-Равенсбург (27.09.2000, 2001–2005); Договор о сотрудничестве между Институтом коммунального хозяйства и инновативной утилизации отходов и Брестским государственным техническим университетом; Договор о сотрудничестве в области повышения квалификации и переподготовки кадров между Брестским государственным техническим университетом и институтом переподготовки и повышения квалификации кадров доктора Нимайера в г. Фурстенвальде (2002–2005). Реализация участия в переподготовке и повышении квалификации преподавателей, аспирантов и руководящих работников строительной отрасли, участие в научно-технических семинарах по переподготовке инженеров-строителей при проектировании по новым нормам Республики Беларусь, гармонизированных с Еврокодами была основана на следующих договорах о сотрудничестве: Договор о сотрудничестве в области повышения квалификации и переподготовки кадров БрГТУ и Европейским центром развития научного, технического и культурного сотрудничества г. Вольндах (2002–2005), Договор о сотрудничестве в области повышения квалификации и переподготовки кадров между БрГТУ и фирмой DELTA-BAU GmbH Internationale B.G. Witkorsweg Gishovni [7, с. 17]; сотрудничество по проекту INTAS-BELARUS с Германией и Испанией осуществлялось по теме «Интеллектуальная нейронная система для автономного управления мобильным роботом» [10, с. 1]. Важной составляющей научно-технического сотрудничества являются научные обмены. В соответствии с названными договорами в 2000 г. работники и студенты БрГТУ принимали участие в научных стажировках в Штайнбайс университете,

в магистратуре Фаххохшуле, в научных стажировках по темам «Особенности мировоззрения, менталитета молодежи Беларуси (в сравнении с молодежью других стран)», «Исследование физических систем с помощью компьютерной алгебры Mathematica», «Интеллектуальная нейронная система для автономного управления мобильным роботом» в г. Равенсбург-Вайнгартен, в Высшей политехнической школе г. Вайнгартена, в Дрездене по тематике диссертационного исследования с использованием зарубежного передового опыта; прохождение учебно-ознакомительной практики в типографии «PARZELLER» [10, с. 10–14]. Сотрудничество института с техническими школами г. Биберах и г. Равенсбург-Вайнгартен позволило совершенствовать подготовку научных и инженерных кадров в области строительства, машиностроения и электроники путем научно-педагогического обмена [10, с. 10–14].

В результате командировок в ФРГ руководящих работников Министерства образования Республики Беларусь в 2000 г. можно отметить следующие результаты научно-технического сотрудничества: по проекту TEMPUS TACIS CP 20093-98 разработан учебный план, создана лингвистическая лаборатория, на конкурсной основе отобрана группа студентов для занятий по новой специализации «Экономика и управление внешнеэкономической деятельностью», состоялась продление Договора о сотрудничестве БГПА и Высшей специальной школы (ВСШ) Оснабрюк (1997 г.) [11, с. 14]. В соответствии с данным договором в феврале-марте 1998 г. на кафедре БГПА «Экономика и организация машиностроительного производства» был разработан проект организации подготовки экономистов по новой специальности MIB (Management and International Business), максимально ориентированной на использование опыта и технологии подготовки специалистов в Европейских странах. Третьим партнером по проекту стала Высшая школа г. Эншеде (Голландия). Проект был одобрен Европейской комиссией и получил название «Компактпроект CP – 20093-98» [11, с. 17]. Руководителями проекта стали профессора трех названных высших учебных заведений. В 1999 г. в БГПА прибыла немецкая делегация, по итогам встречи с которой в академии для реализации проекта были выделены помещения в учебных корпусах для размещения контактного бюро; разработан учебный план по специальности «Экономика и управление внешнеэкономической деятельностью». За счет средств проекта было приобретено оборудование для оснащения лингвистической лаборатории, контактного бюро и лекционного класса [11, с. 17]. Во время конференции, посвященной 75-летию Немецкой службы академических обменов, состоялся ряд переговоров по развитию белорусско-германского научно-технического сотрудничества [11, с. 55–56]. К положительным результатам сотрудничества БГПА с Германией следует отнести передачу в 1993 г. национальным библиотекам Германии через посольство ФРГ в РБ научно-технических книг и изданий (количеством 225), хранившихся после войны в фондах библиотеки БГПА. Взамен библиотека академии пополнилась изданиями ФРГ по технике, архитектуре, искусству, философии, учебниками немецкого языка на сумму 3 млн. 390 тыс. руб. [8, с. 117]. К 2002 г. БНТУ (бывш. БГПА) сотрудничал уже с Техническим университетом г. Ильменау (с 1994 г.), Университетом г. Бремена (с 1993), Университетом г. Эссена (с 2000), Высшей школой г. Мюнхена (с 1998 г.), Высшей специальной школой г. Оснабрюк (с 1997 г.), Техническим Университетом г. Дрездена (с 1998 г.), Германским кардиологическим центром г. Берлина (с 1996 г.), Высшей специальной школой г. Деггендорфа (с 1998 г.) [12, с. 18–19]. По линии Фонда фундаментальных исследований в 2002 г. приборостроительный факультет БНТУ совместно с Техническим университетом г. Ильменау работали над проектом «Разработка и исследование инспекционных микророботов» [12, с. 12].

В 2001 г. Белорусским государственным медицинским университетом (БГМУ) развивалось сотрудничество с университетом г. Вюрцбурга, университетом Виттэн/Хэрдека, Медицинским университетом г. Любека и университетом г. Майнца [9, с. 3]. Выполнялся совместный научный проект «Изучение трансмиссивной пластичности нейронов периферической нервной системы» БГМУ и Медицинского университета г. Любека [9, с. 3]. В 2001–2003 гг. БГМУ с Клиникой ядерной медицины Университета г. Вюрцбурга продолжали сотрудничество по лечению рака щитовидной железы у детей и подростков. В рамках данных исследований проводился тщательный и систематический анализ результатов лечения; совместное изучение заболеваемости раком щитовидной железы в Беларуси и сопоставление полученных показателей с немецкими данными; создание спутниковой телекоммуникационной связи между городами Минск и Вюрцбург для повышения качества научной и лечебной работы; обучение, специализация и повышение квалификации белорусских студентов, врачей и специалистов [12, с. 84].

В рамках имеющейся договоренности с администрацией клиники «Франкенвальд» о сотрудничестве кафедра иностранных языков Гродненского государственного медицинского университета осуществляла подготовку студентов старших курсов университета для прохождения врачебной практики в названной клинике, которая уже принимала студентов на протяжении восьми лет [9, с. 8].

В 2001 г. был заключен Договор о сотрудничестве Мозырского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской с Институтом прикладной оптики Йенского университета. Службой академических обменов был выделен грант сотруднику института им. Крупской для прохождения стажировки в Институте оптики в г. Йена [9].

Сотрудничество Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ) с учебными заведениями ФРГ осуществлялось на основе ряда договоров о научно-техническом сотрудничестве: с Центром иностранных языков им. Гумбольдта, Высшей школой г. Эмден, Институтом иностранных языков г. Брауншвейг, Европейским университетом Виадрины, с ДААД, Рурским университетом г. Бохума, Городской муниципальной гимназией г. Бергкамена [9, с. 77–78]. Научно-технические контакты МГЛУ с вузами Германии осуществлялись по средствам обмена делегациями с целью изучения учебных планов, организации учебного процесса, преподавания отдельных дисциплин и др. Так появились совместные научные проекты «Языковые контакты европейского ареала», «Политика Германии в отношении Беларуси (1939–1945 гг.)» [9, с. 72]. Результатом сотрудничества стал систематический обмен преподавателями МГЛУ и университетом им. Гумбольдта, Высшей школой г. Эмден, Институтом иностранных языков г. Брауншвейг, Рурским университетом г. Бохума [9, с. 72].

В рамках договора о сотрудничестве преподаватель Могилевского государственного технологического института с 1999 г. обучался в аспирантуре Мюнхенского технического университета [9, с. 88].

Благодаря сотрудничеству кафедры немецкого языка Витебского государственного университета им. П.М. Мащера с немецко-белорусским обществом «Вилькомен-Кал I Ласка» в г. Ветцларе и высшей народной школой им. Мараренса в г. Локкуме фонд кафедры был пополнен новой немецкой художественной и учебной литературой, аудио- и видеоматериалами [9, с. 213]. В университете на кафедре всеобщей истории и мировой культуры состоялась международная конференция «Германский и славянский мир: взаимопонимание, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность)»; профессор Космач В.А. принял участие в разработке международного научного проекта ученых Германии, Франции, Италии, Беларуси и России «Правовое обеспечение хозяйственной деятельности в условиях тоталитарных диктатур» и входил в состав группы белорусских ученых. Центром проекта стал институт права во Франкфурте-на-Майне [9, с. 216].

Следует отметить активное научно-техническое сотрудничество с вузами Германии Белорусского государственного университета (БГУ). Так, университет принимал участие в проекте с Франко-Германской инициативой «Радиоэкология»: «Перенос в водных системах», «Перенос радионуклидов в системе почва – растение», «Радиоэкология»; с Институтом аэрокосмических исследований Германии выполнялся совместный проект «Влияние материала электродов на параметры плоских волноводных резонаторов». В 2001 г. представители БГУ приняли участие в конференциях в Германии «К-теория и линейные алгебраические группы» [9, с. 226].

Сотрудничество в научно-технической сфере с учебными заведениями Германии БГУ наладил еще в 1990-е гг. Продолжались контакты с Рурским университетом (от 12.07.1984, продление каждые 3 года). В рамках договора о сотрудничестве между БГУ и Рурским университетом осуществлялся проект «Градационная фразеология и паремология в славянских языках», также сотрудники БГУ направлялись в г. Бохум и г. Рур для чтения лекций, для написания разделов коллективной монографии, проводился взаимообмен специалистами факультета радиофизики и электроники [12, с. 67–68]. По Договору о сотрудничестве со Свободным Университетом Берлина (1998–2004) и БГУ (исторический ф-т и ФМО) осуществлялись поездки студентов БГУ в Германию для участия в молодежных лагерях и семинарах. В рамках Договора о сотрудничестве между университетом им. Ф. Шиллера в Йене и БГУ в Минске (02.12.1992, с продлением каждые 5 лет) [1] в 2003 г. была начата работа над проектом «Поэзия Г. Гейне, Ф. Гельдермина: перевод на белорусский язык и исследование». В рамках изучения данной темы в БГУ были приняты на обучение студенты Йенского университета [12, с. 68–69].

Следует отметить плодотворное научно-техническое сотрудничество факультетов БГУ и их кафедр с иными высшими учебными заведениями Германии. Так, в 1992–2010 гг. были налажены контакты с университетом Грейфсвальд, с Высшей школой Заксенхальт, Специальной высшей школой г. Бохума, Институтом ионно-лучевой физики г. Дрездена, Институтом ионно-лучевой физики и материаловедения г. Розендорф, с университетами г. Карлсруэ и г. Вюрцбурга, с Магдебургским, Хагенским, Мюнхенским, Тюбингенским, Брауншвейгским, Дортмундским, Гамбургским, Анхальтским, Ольденбургским, Марбургским университетами, Академией экспорта при Институте техники и экономики г. Ройтлингена, с Институтом Макса Планка, Регенбургским Институтом восточных церквей, Философско-политической академией, университетами им. Карла фон Оссетцки и Гумбольта. Таким образом, в указанный период БГУ наладил сотрудничество с более чем 25 вузами Германии.

В 1998–2000 гг. развивалось научное сотрудничество кафедры биофизики БГУ с Детской онкогематологической клиникой г. Гумерсбах в области онкогематологии [18, с. 94].

В 2002 г. на базе БГУ прошел Белорусско-Германский семинар «Актуальные вопросы совместной научно-инновационной деятельности» [12, с. 2]. Важным направлением международной деятельности БГУ стало установление связей с международными общественными и неправительственными организациями и фондами. Гуманитарная помощь со стороны немецкой общественной организации «Помощь больницам Центральной и Восточной Европы» положила начало материально-техническому оснащению факультета фундаментальной и альтернативной медицины. В рамках взаимодействия с немецкой благотворительной организацией Институтом Радиологии им. Отто Хуга был реализован договор на передачу Белгосуниверситету оборудования и технологий медицинского назначения [12, с. 3].

Факультет радиофизики и электроники вел сотрудничество в рамках кооперационных связей с университетом Германии в г. Магдебург [15, с. 17]. Совместно с учеными Люблинского технического и Йенского университетов факультет радиофизики и электроники проводил совместные работы по созданию новых уникальных технологий нанесения покрытий различного назначения методом ионно-ассистированного осаждения, создания фотодетекторов ИК-диапазона на квантовых точках и квантовых ямах [15, с. 17]. Факультетом радиофизики и компьютерных технологий совместно с Рурским университетом был выполнен научный проект BLR 08/002 «Разработка оптических микрорезонансных методов для обнаружения и идентификации микрочастиц и биологических объектов in situ» [13, с. 27]. Начало 2000-х гг. отмечено тесным сотрудничеством Института ядерных проблем с немецким Институтом ядерной физики (г. Юлих) с целью подготовки подготовки экспериментов на ускорителе COSY [14, с. 17]. Также с Германией выполнялся проект PANDA [15, с. 23]. С последующей публикацией выполнялись совместные исследования биологического факультета БГУ и Кельнского университета [15, с. 52]. Экономическим факультетом БГУ были установлены тесные связи в области науки и образования с вузами Германии в городах Анхальт, Магдебург, Франкфурт [15, с. 60]. Тесные контакты в научной и учебной деятельности с Дортмундским центром переобучения инвалидов, Дортмундским университетом имел Государственный институт управления и социальных технологий БГУ [14, с. 55]. Сотрудниками Республиканского института высшей школы получено 7 научных грантов правительств США и ФРГ [14, с. 56].

Центр проблем развития образования наладил взаимодействие с рядом научных подразделений Германии и других государств [14, с. 59]. В рамках Договора о партнерстве кафедра филологического факультета теоретического и славянского языкознания наладила результативное сотрудничество с Семинаром славистики Рурского университета. Ученые подготовили и издали в Германии три тома функциональной грамматики: *Modalität und Modus* (1994), *Personality und Person* (1999), *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien* (2001). В 2002 г. в журнале «*Zeitschrift für Slawistik*» была опубликована первая часть совместной работы Яхнова Х. и Мечковской Н.Б. «*Das Thema. Sprache und Kultur*» in der postsowjetischen russischen Sprachwissenschaft ein analytischer Überblick I. Feil» [13, с. 78]. Также соавторами была выпущена монография «*Kognition, Sprache und phraseologische/parämiologische Graduierung*» [13, с. 78]. Достижением Национального научно-учебного центра физики частиц и высоких энергий является создание ряда компьютерных программ на основе ковариантного метода учета эффектов в реакциях с участием поляризованных частиц для прецизионного вычисления наблюдаемых величин в процессах взаимодействия элементарных частиц. Созданные программы используются для анализа данных в экспериментах ведущих лабораторий мира, также в крупнейшем исследовательском центре по физике частиц, который расположен в Гамбурге и Цойтене – DESY [15, с. 24]. В рамках сотрудничества с DESY по проекту ILC (Международный Линейный Коллайдер) проводились работы по созданию сверхрадиационностойких детекторов нового типа на основе синтетических алмазов [15, с. 25]. На кафедре теории функций механико-математического факультета был заключен Договор о научном сотрудничестве с Йенским университетом [15, с. 41], в рамках которого проводились исследования в области дробного исчисления, интегральных преобразований и приложений к задачам математической физики [17, с. 105]. Кафедрой математических методов теории управления было налажено сотрудничество в рамках договора БГУ с Вюрцбургским, Римским и университетом Козенцы, в соответствии с которым выполнялись совместные исследования в области нелинейного анализа [15, с. 41].

Контакты в сфере науки и образования с немецкими учреждениями отмечены у Полесского государственного университета (ПолесГУ). В 2007 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве между Университетом прикладных наук Анхальт (г. Кёттен) и УО «ПолесГУ» (05.11.2007–2010 с автоматическим продлением), Меморандум о взаимопонимании между УО «ПолесГУ» с Университетом прикладных наук Немецкого федерального банка, касающийся сотрудничества в образовательной и научной сферах [2, с. 419]. Результатом сотрудничества ПолесГУ и Немецкого федерального банка является ежегодное участие белорусских студентов данного университета в учебных семинарах по специальности «Банковское дело» в Германии. ПолесГУ сотрудничает с Германской службой академических обменов DAAD. Налажены контакты с Университетом прикладных наук Немецкого федерального банка г. Хахенбург, Немецким институтом им. Гёте, Институтом немецких исследований при Центре международных исследований в г. Минске. В ПолесГУ регулярно на немецком языке читают лекции профессора из Германии [16].

Заключение. Научно-техническое сотрудничество Беларуси и Германии является неотъемлемой частью развития белорусско-немецких контактов. Следует отметить важность развития научных и технических связей между двумя странами на уровне высших учебных заведений. Именно от университетов зависит качество подготовки квалифицированных специалистов, научных кадров. Межвузовское научно-техническое сотрудничество осуществляется в различных формах, таких как проведение научных семинаров и конференций, регулярные стажировки научных сотрудников, выделение стипендий и грантов, командировки, взаимообмен научными и преподавательскими кадрами для чтения лекций, прохождения учебной практики, взаимообмен опытом в разработке технологий.

Важное место в реализации межвузовского сотрудничества занимает сотрудничество по подготовке и повышению квалификации специалистов и руководящих кадров в соответствии с европейскими стандартами, с этой целью разрабатываются совместные программы. Научно-техническое сотрудничество Беларуси и Германии позволяет совершенствовать подготовку научных и инженерных кадров в области строительства, машиностроения и электроники путем научно-педагогического обмена, максимально ориентированную на использование опыта и технологий подготовки специалистов в Европейских странах. А установление университетами Беларуси связей с международными общественными и неправительственными организациями и фондами открывают возможности получения с немецкой стороны материально-технического оснащения для университетов и их подразделений. В рамках договоров по научно-техническому сотрудничеству в белорусские вузы, чаще всего на безвозмездной основе или за частичную стоимость, поступает немецкое оборудование, специальная техника для реализации совместных научных проектов и исследований, технологий различного назначения, пополняются фонды библиотек научно-технической литературой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о сотрудничестве между университетами имени Фридриха Шиллера в Йене и Белорусским государственным университетом в Минске [Электронный ресурс] : [подписан в г.г. Йена, Минск 02.12.1992 г.] // Управление международных связей БГУ. – Режим доступа: https://ums.bsu.by/images/Agreements/Germany/Jena_University.pdf. – Дата доступа: 15.03.2020.
2. Метеж О.А. Международное сотрудничество вузов Республики Беларусь и Федеративной Республики Германия в области науки, культуры и образования на современном этапе / О.А. Метеж // Универсальное и национальное в культуре : сб. науч. ст. / Белор. гос. ун-т. – Минск, 2012. – С. 413 – 421.
3. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 204.
4. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 267.
5. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 96.
6. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 17.
7. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 774.

8. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 53.
9. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 580.
10. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 495.
11. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 494.
12. НАРБ. – Ф. 498. Оп. 5. Д. 662.
13. Наука и инновации в БГУ / Под ред. О.А. Ивашкевича. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2011. – 131 с.
14. Наука и инновации в БГУ / Под ред. С.К. Рахманова. – Минск : БГУ, 2003. – 78 с.
15. Наука и инновации в БГУ / Под ред. С.К. Рахманова. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : БГУ, 2006. – 90 с.
16. Партнёры Полесского государственного университета [Электронный ресурс] // Полесский государственный университет. – Режим доступа: <https://www.polesu.by/>. – Дата доступа: 30.05.2020.
17. Перечень договоров о научно-техническом сотрудничестве с зарубежными организациями // Отчет о научной и инновационной деятельности за 2000 г. / Текущий архив БГУ, 2021.
18. Перечень договоров о научно-техническом сотрудничестве с зарубежными организациями // Отчет о научной и инновационной деятельности за 1998 г. / Текущий архив БГУ, 2021.
19. Соглашение об учебном, научном и культурном сотрудничестве между Белорусским государственным университетом имени В.И. Ленина и Рурским университетом города Бохума (ФРГ) [Электронный ресурс] : [заключено 12.07.1984 г.] // Управление международных связей БГУ. – Режим доступа: https://ums.bs.u.by/images/Agreements/Germany/Ruhr_Univ.pdf. – Дата доступа: 13.03.2021.

Поступила 18.04.2021

**BELARUSIAN-GERMAN SCIENTIFIC AND TECHNICAL RELATIONS:
INTER-UNIVERSITY COOPERATION IN THE 1992 –2000's.**

V. SHISHKEVICH

The article reflects some aspects of interuniversity scientific and technical cooperation between Belarus and Germany in the 1992-2000-ies. The article shows the legal framework for the implementation of scientific and technical relations, the positive dynamics in the development of bilateral cooperation: the growth of partner universities and the number of contracts concluded, which contributed to an increase in scientific and technical projects between higher education institutions of the two countries, an increase in the exchange of scientific and teaching staff, joint scientific internships, conferences, seminars, and the exchange of technical information between partner universities. The forms of scientific and technical cooperation are reflected, one of which is the business trips of researchers for the purpose of conducting joint research; information is provided on some ongoing projects and research, their results are shown, and the degree of effectiveness of inter-university cooperation between Belarus and Germany for the Belarusian side is determined.

Keywords: *Belarusian-German interuniversity cooperation, scientific and technical relations, joint scientific projects.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галубовіч В.У. Вышэйшыя дзяржаўныя ўраднікі Вялікага Княства Літоўскага ў час праўлення Уладзіслава Вазы (1633 – 1648 гг.)	2
Гецевіч А.К. Основные направления деятельности государственных, коммунальных и кооперативных кредитно-банковских учреждений Западной Беларуси в 1920-е – 1930-е гг.	10
Грибова С.В. Участие белорусских татар в антифашистском движении в составе иностранных военных формирований на фронтах Второй мировой войны	15
Грицкевич Д.С. Факты насилия среди населения Полоцка середины XVII века (согласно актам книги полоцкого магистрата 1656 – 1657 гг.)	19
Елизаров С.А. Организационная структура номенклатурной работы в Белорусской ССР в 1920 – 1930-е гг.	24
Ермаченко К.А. Формирование, снабжение и личный состав истребительных батальонов на территории Беларуси в июне – августе 1941 г.	31
Жук С.А. Падрыхтоўка навукоўцаў у галіне мовазнаўства, літаратуразнаўства і мастацтвазнаўства ў АН БССР (сярэдзіна 1940-х – сярэдзіна 1950-х гг.)	36
Кейко Ю.В. Роль местных государственных и церковных организаций в области православного храмового строительства (1864 – 1890 гг.)	45
Киенко Д.Г. Витебская область как объект исследования мест падений самолетов 1941 – 1944 гг. Статистический обзор	50
Корсак А.И. Документы Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров БССР как источник сохранения памяти о Великой Отечественной Войне	53
Крыварот А.А. Сумесныя баявыя дзеянні партызан Беларусі, Расіі і Украіны супраць германскіх акупантаў (1941 – пачатак 1942 г.)	58
Кузнецова-Тимонова А.В. Выпускники и преподаватели Минского государственного лингвистического университета в войнах и военных конфликтах 1960 – 1980-х гг. (по материалам Национального архива Республики Беларусь)	64
Магалинский И.В., Войтехович А.В. Элементный состав цветного металла X – XIII вв. с территории Центральной Беларуси (по материалам исследований археологических комплексов Менка, Василевщина, Фрунзе, Дружба)	69
Мельникова А.С. Национальный вопрос в идеологии и тактике народных социалистов и трудовиков в 1906–1917 гг. (на примере Беларуси)	72
Мішына В.І. Сімвалічныя характарыстыкі абрадавай прасторы традыцыйнага беларускага вясялля: локус жаніха	80
Мох Е.Н., Швед А.А. Единый комплекс документов по медицине шталага № 352, Масюковщина	88
Плавінскі М.А. Археалогія пахавальных помнікаў Паўночнай Беларусі канца I – пачатку II тыс. н.э.: стан і перспектывы даследаванняў	97
Полетаева Н.И. Национальный состав частных предпринимателей городских поселений БССР в середине 1920-х гг. (на примере кустарно-ремесленной промышленности)	106
Силова С.В. К вопросу о подготовке православных священнослужителей в Беларуси в 1941–1947 гг.	111
Соловьёв А.А. Реконструкция помещения пекарни и квасоварни Полоцкого иезуитского коллегіума второй половины XVIII – начала XIX вв.	116
Сумко А.В. Дзеці і падлеткі ў працоўнай дзейнасці беларускай паваяеннай вёскі	121
Чараўко В.У. Вывучэнне познесярэднявковых пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння ў сярэдзіне 40-х – сярэдзіне 60-х гг. XIX ст.	125
Черепко С.А. Армия Великого Княжества Литовского в свете военной реформы 1764 – 1766 гг.	130
Шишкевич В.Н. Белорусско-германские научно-технические связи: межвузовское сотрудничество в 1992–2000-х гг.	134